Дуглас Норт, Джон Уоллис, Барри Вайнгаст

Насилие и социальные порядки

Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА

Douglass C. North, John Joseph Wallis,
Barry R. Weingast

Violence and Social Orders

A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History

Дуглас Норт, Джон Уоллис, Барри Вайнгаст

Насилие и социальные порядки

Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества

Перевод с английского
Дмитрия Узланера, Максима Маркова,
Данилы Раскова и Алины Расковой

Издательство
Института Гайдара
Москва / 2011

УДК 330.341.2
ББК 65.01
Н82

Перевод с английского Дмитрия Узланера (гл. 3, 6–7), Максима Маркова (Предисловие, гл. 1, 4–5), Данилы Раскова и Алины Расковой (гл. 1–2)

Норт, Д.; Уоллис, Д.; Вайнгаст, Б.

Н82 Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества [Текст] / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. — 480 с. — ISBN 978-5-93255-303-9.

В этой книге предлагается новый подход к проблеме насилия и показывается тесная взаимосвязь экономического и политического поведения. Большинство обществ, относящихся к «естественным государствам», ограничивают насилие при помощи политического манипулирования экономикой для создания привилегированных групп интересов. Это позволяет ограничить применение насилия влиятельными индивидами, но одновременно создает препятствия для экономического и политического развития. С другой стороны, современные общества создают открытый доступ к экономическим и политическим организациям, стимулируя политическую и экономическую конкуренцию. Эта книга помогает понять, почему в политическом и в экономическом отношении общества открытого доступа более развиты, чем «естественные государства», и каким образом примерно двадцати пяти странам удалось совершить переход от одного типа общества к другому.

ISBN 978-5-93255-303-9

© Издательство Института Гайдара, 2011
© The Syndicate of the Press of the Cambridge University 2009
© Douglass C. North, John Joseph Wallis, and Barry R. Weingast 2009

Содержание

Данила Расков. Институциональные исследования как будущее социальных наук 9
Предисловие 32
Благодарности 35

Глава 1. Концептуальные рамки исследования 39

1.1. Введение 39
1.2. Концепция социальных порядков: насилие, институты и организации 56
1.3. Логика естественного государства 63
1.4. Логика порядка открытого доступа 69
1.5. Логика перехода от естественного государства к порядку открытого доступа 74
1.6. Замечание относительно убеждений 78
1.7. План 81

Глава 2. Естественное государство 82

2.1. Введение 82
2.2. Общие характеристики порядка ограниченного доступа 85
2.3. Различия: типология естественных государств 99
2.4. Привилегии, права и динамика элит 110
2.5. Истоки: проблема масштаба и насилие 114
2.6. Динамика естественного государства: от хрупкого естественного государства к базисному 119

2.7. Движение к зрелому естественному государству: беспорядки, организация и средневековая церковь 130
2.8. Зрелые естественные государства: Франция и Англия в XVI, XVII и XVIII столетиях 140
2.9. Естественные государства 144
Приложение: останки скелетов и эмпирические результаты 149

Глава 3. Естественное государство в действии: английское земельное право 151

3.1. Введение 151
3.2. Хронология 154
3.3. Суды, правовые понятия и право собственности 167
3.4. Ублюдочный феодализм 174
3.5. Ублюдочный феодализм и постепенное обезличивание прав собственности 184
3.6. Типология естественных государств 194
Приложение 197

Глава 4. Порядки открытого доступа 203

4.1. Введение 203
4.2. Общие черты: характеристики порядка открытого доступа 206
4.3. Поддерживающие открытый доступ институты, убеждения и стимулы 213
4.4. Инкорпорация: расширение гражданства 215
4.5. Контроль над насилием в порядках открытого доступа 220
4.6. Рост государства 222
4.7. Укрепление краткосрочной стабильности 226
4.8. Силы долгосрочной стабильности: адаптивная эффективность 239
4.9. Почему при открытом и ограниченном доступе институты работают по-разному 245

4.10. Новая «логика коллективных действий» и теория поиска ренты 250
4.11. Демократия и перераспределение 253
4.12. Адаптивная эффективность и кажущаяся независимость экономики и политики в порядках открытого доступа 257

Глава 5. Переход от порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа: пороговые условия 262

5.1. Введение 262
5.2. Личность и безличность: пороговые условия 265
5.3. Пороговое условие № 1: верховенство права для элит 271
5.4. Пороговое условие № 2: бессрочно существующие организации в общественной и частной сферах 277
5.5. Порговое условие № 3: консолидированный контроль над вооруженными силами 292
5.6. Британский военно-морской флот и британское государство 311
5.7. Время, порядок и институциональные формы 320

Глава 6. Действительный переход 323

6.1. Институционализация открытого доступа 323
6.2. Боязнь фракций 329
6.3. События 343
6.4 Партии и корпорации 354
6.5. Переход к открытому доступу в Великобритании 359
6.6. Переход к открытому доступу во Франции 369
6.7. Переход к открытому доступу в США 382
6.8. Институционализация открытого доступа: почему Запад? 401

Глава 7. Новая исследовательская повестка для общественных наук 416

7.1. Структурирующие проблемы 416
7.2 Концептуальные рамки 420
7.3. Новый подход к общественным наукам: насилие, институты, организации и убеждения 426
7.4. Новый подход к общественным наукам: развитие и демократия 435
7.5. На пути к теории государства 443
7.6. Насилие и социальные порядки: взгляд в грядущее 448

Библиография 451

Институциональные исследования как будущее социальных наук

В качестве анекдота Дуглас Норт любит рассказывать историю о конференции 1990-х гг. по проблемам реформирования российской экономики. В ней участвовало много именитых американских профессоров, предлагалось много практических рецептов. Один выступающий полагал, что главное – осуществить приватизацию, тогда ценовой механизм и «невидимая рука рынка» подтолкнут развитие в правильном направлении. Другой экономист подчеркивал важность либерализации внешней торговли. Третий – ключевую роль отводил компьютеризации и техническому перевооружению, которые проведут всю нужную работу за человека. После выступал Норт и выразил скепсис: «*Главное – не слушайте американских экономистов, поскольку они совершенно не знают тех конкретных институтов, которые сложились в российской экономике...*»

Правда этой истории в том, что подход и работы Норта сильно отличаются от произведений других экономистов. Его работы последних лет стоят особняком и, по всей видимости, открывают новый этап в развитии социальных наук. Желание постичь причины социально-экономических и политических изменений заставили обратиться к политологии, антропологии, истории, социологии, когнитивным наукам. Расширение предмета исследования до институционального устройства экономики, политики и социума в динамике давно уже поставило вопрос о создании новой теории, нового знания в социальных науках. Идейный вклад Норта легко выразить кратко: «*Институты имеют значение*». В этой связи большой интерес представляет последняя совместная книга

Д. Норта и более молодых, но не менее уважаемых соавторов – политолога Барри Вайнгаста и историка Джона Уоллиса. Книга посвящена концептуальной интерпретации всей истории человечества через призму решения проблемы насилия в различных социальных порядках, отличающихся системами убеждений, типом организаций, политическими и экономическими институтами.

Коротко о книге

В центр общественного устройства авторы ставят проблему насилия. Фактически речь идет о выборе – «забрать или создать», «принудить или произвести». Две революции в истории имели решающее значение для появления принципиально отличных типов социального порядка. Неолитическая революция около десяти тысяч лет назад позволила создать сельское хозяйство и сформировать первые государства, которые обеспечили порядок. Естественное государство, или порядок ограниченного доступа, – самый распространенный в истории тип общественного устройства – строится на ограничении доступа к экономическим и политическим ресурсам. Благодаря привилегиям и особым правам отдельные организации и группы элит извлекают ренту. Превалируют личные отношения, порядок в целом не отличается стабильностью и постоянством, в долгосрочном плане не способствует экономическому росту. Внутри естественного государства выделяется типология хрупкого, базисного и зрелого.

Индустриальная и социальная революция, которая впервые проявила себя в Англии XVII–XVIII вв., позволяет появиться социальному порядку открытого доступа, когда все больше действуют анонимные силы рынка. В этом порядке доступ к основным политическим и экономическим ресурсам является равным и открытым. Атрибутами такого порядка становятся акционерные общества, множество независимых от государства организаций, верховенство закона, надежная система правовых гарантий и свобод. Более 20 развитых стран смогли

поддержать развитие такого порядка. Авторы выделяют три предварительных условия, необходимых для перехода к порядку открытого доступа, который в разной степени совершили развитые страны: подчинение элиты верховенству закона, или равенство всех перед законом, существование бессрочных (постоянных) организаций, которые не зависят ни от государства, ни от конкретных личностей, и, наконец, консолидированный контроль над вооруженными силами и технологиями разрушения и насилия, что предотвращает саморазрушение и деградацию такого порядка.

Структурно книга состоит из семи глав. В первой главе описываются общая логика книги, основные концепции и в тезисном виде разворачивается основная аргументация. Вторая и третья главы посвящены основным характеристикам и типологии общественного устройства, которое условно определяется в книге как естественное государство, или порядок ограниченного доступа. Теоретическое описание порядка открытого доступа разворачивается в четвертой главе. Пятая и шестая главы посвящены концептуальному и историческому выяснению условий и возможностей перехода от одной системы общественного устройства к другой. Наконец, седьмая глава призвана наметить новую повестку дня в социальных науках. Так вкратце выглядит основной каркас книги и те наиболее важные вопросы, которые в ней затрагиваются. Для лучшего понимания идей и их места в современном экономическом знании остановимся подробнее на интеллектуальном портрете авторов, наиболее важных вопросах книги, возможной значимости концепции для анализа институциональных изменений в России и, наконец, обсуждении будущего социальных наук.

Интеллектуальный портрет Норта

В ноябре 2010 г. Дугласу Норту исполнилось 90 лет. Долголетие у экономистов, занимающихся институциональными исследованиями, – не редкость. Рональду Коузу уже 100. За последние пять лет это вторая книга Д. Нор-

та. Предыдущая книга, 2005 г., «Понимание процесса экономических изменений» уже вышла в русском переводе. Интеллектуальная биография Д. Норта важна, поскольку позволяет увидеть постепенное развитие его идей. В реконструкции этого пути нам помогут трактаты и автобиография*. Норт никогда не находился на одном месте. С детства он часто менял места проживания вслед за назначениями его отца – служащего страховой компании. Согласно представлениям матери, в 1929–1930 гг. для расширения культурного кругозора семья проживала в швейцарской Лозанне. В юношеские годы у Норта два увлечения: фотография и марксизм. В какой-то момент выбор встал именно между фотографией и экономикой. Увлечение марксизмом не прошло даром. Норт признавался, что всю жизнь отвечал на вопросы Маркса о причине социальных изменений. Более широкий политэкономический взгляд на многие вопросы – тоже в известной степени наследие Маркса. Война прервала учебу, в этот период Норт пошел служить в морской торговый флот, по стечению обстоятельств его путь лежал не в Мурманск, а в Австралию, что спасло ему жизнь. Так случилось, что преподаватели Норта в Беркли увлекались больше историей экономической мысли и экономической историей, чем инструментами неоклассической теории, поэтому эти инструменты он освоил за три года игры в шахматы с Доном Гордоном. Важный период для Норта – это изучение экономического роста в США 1790–1860 гг. Первый этап деятельности Норта как ученого – это работа в Национальном бюро экономических исследований, участие в движении клиометристов. По существу, речь шла о новой экономической истории, когда прошлое реинтерпретировалось на основании методов экономической теории и эконометрики. Музу истории

---

* *North D. C.* Autobiography (http://nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/1993/north.html). Как признавался в автобиографии Норт, в жизни его занимают далеко не только исследования. К вопросам, достойным внимания, Норт относит охоту и рыбалку, жизнь на ранчо, вкусную еду, хорошее вино и концерты симфонической музыки.

Клио предполагалось подвергнуть научному измерению. Норт активно включился в эту работу, его труды стали известны. Следующим поворотным пунктом стала стажировка в Европе в 1966–1967 гг. В Европе приходит четкое понимание того, что исследования экономики как рыночного феномена явно недостаточно, оно ничего не дает для понимания отношений вассала и сеньора, цеховой жизни и всего экономического строя жизни более ранних периодов истории: Средневековья, Античности. В следующих работах предпринимаются попытки вписать институты в общие рамки экономической теории*.

С 1980-х гг. можно проследить постепенное расширение предмета изучения и методологических рамок исследования. Основной вопрос остается: как объяснить, что постоянный долговременный экономический рост так редко встречается в экономической истории? Акцент теперь смещается в сторону объяснения неэффективности институтов. В своих основных работах – «Структура и изменения в экономической истории», «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» – Норт показал значение для экономического развития таких институтов, как конституция, право, экономическая организация, идеология**. Основные причины социальных изменений Норт усматривает в изменении относительных цен, в новых знаниях и технологиях и, наконец, в меняющейся идеологии, или «картине мира». Относительная редкость рабочей силы в моменты демографического спада ослабляет власть тех, кто использует труд. Роль научно-технологического прогресса также всегда изучалась в теориях экономического роста. Последний же пункт, касающийся ментальных изменений, в наибольшей степени противоречил стандартному

---

* *North D. C.* Sources of Productivity Change in Ocean Shipping // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. № 5. P. 953–970.; *North D. C., Thomas R.* The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge University Press. 1973.

** *North D. C.* Structure and Change in Economic History. N. Y.; London: W. W. Norton & Co., 1991; *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики, 1997.

допущению экономической теории о стабильности предпочтений. Именно над этой темой и продолжил работать Норт в своей следующей крупной работе — «Понимание процесса экономических изменений»*. Норт стремился объяснить, каким образом формируются различные типы институциональной инфраструктуры, которые задают траекторию экономического развития. Институты не существуют сами по себе, но сами являются во многом следствием мышления человека, особых ментальных моделей. Норта вдохновили последние достижения в когнитивной науке, в социологии знания, которые он попытался включить в поле зрения экономической теории. Норт уже почти не использовал термин «идеология», он говорил об убеждениях (beliefs), культуре, интенциональности. Получила дальнейшее развитие концепция «адаптивной эффективности» общества как способности реагировать на изменения внешней среды и зависимости от предшествующего развития (path dependence). Как было отмечено критиками, книга интересна постановкой вопроса, но не проработанностью выводов или серьезным продвижением в направлении междисциплинарного сотрудничества**.

Сотрудничество Норта с Б. Вайнгастом и Дж. Уоллисом началось достаточно давно. В соавторстве с ними были опубликованы две важные статьи. В 1986 г. вышла совместная статья с Уоллисом, посвященная измерению трансакционного сектора экономики США в период с 1870 по 1970 г.*** Подсчеты, произведенные на примере США, так и остались одним из немногих примеров количественного учета трансакционных издержек в экономи-

---

* *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2009.

** *Field A.* Understanding the Process of Economic Change: Book Review (http://eh.net/bookreviews/library/0899).

*** *North D. C. and Wallis J.* Measuring the Transaction Sector in the American Economy // Long-term factors in American Economic Growth / Ed. by S. Engerman and R. Gallman. Chicago: Chicago University Press, 1986. P. 95–148.

ческой истории, вошли во многие компендиумы и учебники по институциональной экономике.

В 1989 г. в соавторстве с Вайнгастом была написана не менее известная статья, посвященная эволюции институтов общественного выбора в Англии XVII в. В определенном смысле основные идеи авторов, выраженные в книге, созрели уже в этот период. Статья, затрагивающая предмет на стыке экономики и политики, прежде всего описывала обязательства государства или суверена в отношении защиты прав собственности и неизменности правил игры. Авторы показали, что для долгосрочного экономического роста имели значение достоверные обязательства. Задача состояла в том, чтобы показать, что ограничение власти имело важное значение для частной собственности и развития рынков. Наглядной историей послужила Славная революция 1688 года, когда в результате преобразований суд стал независимым, а парламент стал принимать решения по финансовым вопросам, контролировать расходы, получил право учреждать новые налоги.

В контексте содержания и логики последнего совместного проекта трех авторов надо оговориться, что в отношении деталей и возможностей интерпретации фактов с исторической точки зрения сразу возникли дискуссии. К примеру, Б. Каррусер показал, что имело место большое преувеличение в интерпретации реальных исторических событий, в которых гораздо более важным движущим началом была религия и борьба католичества и протестантизма, нежели просто борьба короля с парламентом. Кроме того, сам факт отделения парламента от короля не говорит о демократичности в принятии решений. Напротив, лишь внутренняя структура парламента, а именно наличие двух противоборствующих партий — тори и виги, обеспечила соблюдение прав собственности*.

Остается еще кратко формально представить авторов. Дуглас Норт является профессором Вашингтонского уни-

---

* *Carruthers B.* Politics, Popery, and Property: A Comment on North and Weingast // Journal of Economic History. Vol. L. № 3. (Sept. 1990). P. 693–698.

верситета в г. Сент-Луис, почетным сотрудником Института Гувера при Стэнфордском университете, консультантом по вопросам экономического роста.

Джон Уоллис — экономист-историк, специализирующийся на общественных финансах США и в более общем плане — на взаимосвязи политического и экономического институционального развития. Уоллис — профессор экономики Университета Мэриленда и исследователь Национального бюро экономических исследований.

Барри Вайнгаст известен как политолог, он специализируется на исследованиях политических основ рыночной экономики, экономических реформах и регулировании, включая проблемы политической экономии развития, федерализма и децентрализации и развития правовых институтов. Вайнгаст — профессор политологии Стэнфордского университета.

Естественное государство как основная модель

Описание принципов построения и динамики развития естественного государства ясно и не вызывает сомнений. Достаточно оглянуться вокруг, достаточно подумать. Отправная точка — необходимость обуздать насилие. Новое слово по отношению к предыдущим описаниям общества этими авторами состоит в артикулированном включении насилия. Авторы подробно не раскрывают это понятие, скорее берут как некую данность. Такие тонкие вопросы, как насилие, которое присутствует в языке, различение объективного и субъективного насилия, выявление стратегий принуждения через установление правил, согласно которым каждый становился виновным и управляемым, — не были рассмотрены*. Скорее тут можно проследить веберовскую традицию в выделении монополии на легитимное насилие как основной черты государства.

---

* См. философское обсуждение проблемы насилия в современном обществе: *Жижек С.* О насилии. М.: Европа, 2010.

С помощью контроля над насилием и благодаря возникшему перераспределению удается создать порядок. В этом порядке меньшинство (элиты) управляет большинством и взамен дает сравнительное постоянство и защиту. Экономика не отделена, а слита с политикой. Партии объединены экономическими интересами, что дает стабильность и поддерживает баланс. Организации существуют в тесной связи с государством, их независимость может носить лишь временный и кажущийся характер. Независимость может сохраняться, пока организации не претендуют на раздел ренты и на политическое влияние. Люди и организации не равны перед законом. Общество представляет собой сложную структуру взаимопереплетенных рангов, привилегий, регулирований доступа. В конечном итоге место в иерархии определяет положение по отношению к закону и характеру его применения. Эта система обладает определенной мощью и живучестью. Центральная характеристика всех институтов естественного государства — это личные отношения. Экономические и политические решения принимаются «взирая на лица». Слабое место этой системы в том, что она быстро твердеет и ориентируется на выполнение задач прошлого, не в силах быстро приспособиться к новым задачам. Это окостенение, риск отката, вспышки насилия и разрушения не дают возможности создавать предпосылки для долгосрочного экономического роста. На краткосрочном этапе быстрый рост возможен, мобилизационная, плановая экономика — тому подтверждение.

Догосударственные образования — охотники-собиратели — знали больше проявлений насилия. После неолитической революции появляются первые государства и их объединения — это уже период естественных государств, *хрупких, базисных, зрелых*. Интересны примеры, которые используют авторы. К хрупким естественным государствам относятся Гаити, Ирак, Афганистан, Сомали и несколько других областей в Африке к югу от Сахары. Организации слиты с государственной властью, институты и функции управления персонифицируются, организационные структуры нестабильны. В качестве примеров базисных естественных государств разби-

раются Мезоамериканская империя ацтеков (1428–1519) и европейская империя Каролингов (751–840), в которых произошло структурирование долгосрочных соглашений и организаций, но в отличие от зрелых естественных государств организации сохраняют прямую связь с государством, нет организаций гражданского общества, конкурирующих с государством.

Описание такого типа политико-экономического устройства, как естественное государство, не вызывает вопросов, универсальные черты схвачены удивительно четко. Иллюстративный материал не оставляет сомнений в том, что такое междисциплинарное объяснение работает. Комплексное институциональное исследование, включающее изучение природы разрешения насилия, мотивов поведения человека, систем убеждений, характера устройства организаций, элит и в конечном итоге государства, соотношения политики, экономики и права,—более чем убедительно. Теория потеряла в точности, возможности использования эмпирических данных и проверяемых гипотез, но продвинулась в создании общего каркаса новой институциональной теории, объединяющей все социальные науки. Такое обобщение не могло пройти без определенных потерь, связанных со степенью постижения конкретных исторических деталей. Настоящему историку такие обобщения покажутся излишними и затемняющими весь ход истории человечества. Экономисту эти соображения покажутся слишком общими, лишенными аналитической мощи инструментов экономической теории.

В конце периода зрелости при выполнении пороговых условий происходит постепенный переход к порядку открытого доступа, когда механизмы конкуренции на всех уровнях экономики и политики сменяют механизмы привилегий и ренты, устанавливается верховенство закона, появляются организации, не связанные с личностями, живущие бессрочно, консолидированный контроль устанавливается над вооруженными силами.

Понимание условий перехода к порядку открытого доступа, описание принципов работы самого этого порядка гораздо более сложно дается читателю. Описание «неправильного» порядка является более убедительным,

внутренние механизмы устройства вызывают мало сомнений. Логика естественного государства удалась. Контуры действительности начинают ускользать, усиливается ощущение тайной завесы, когда речь идет о порядке открытого доступа. Процесс этот не завершен, поэтому авторам неизбежно приходится переходить в жанр утопии, то есть описывать правильное устройство, которое в чистом виде еще нигде себя не проявило до конца, чертить то место на политико-экономической карте, которое скорее указывает в будущее, нежели лежит в прошлом. В этом смысле один из неявных результатов книги — создание нового, привлекательного образа рыночной, капиталистической утопии, гораздо более тонкое и умное продолжение работ австрийских экономистов (к примеру, Фридриха фон Хайека).

Открытый доступ как утопия

Насколько удачным является обобщение механизмов естественного государства, настолько более трудной для восприятия и расплывчатой является апология порядка открытого доступа. Возможно, проблема кроется в самом жанре — критическое и историческое описание дается легче, чем описание положительного опыта или светлого будущего. Негативное осмысление понятнее. Определенную аналогию можно провести с подходами в литературе. С литературной точки зрения утопии обречены на провал. Идейное содержание ставит крест на форме выражения, результатом чего является плохая литература. В этом смысле хорошей литературой становятся антиутопии. Достаточно сравнить «Красную звезду» А. А. Богданова и роман «Мы» Е. Замятина. В «Божественной комедии» «Ад» лучше удается Данте, чем «Чистилище» и «Рай». Возможно, по этим же причинам Н. В. Гоголь не нашел в себе сил для положительного продолжения «Мертвых душ». Программно показать «добро» оказывается задачей на порядок более сложной и рискованной, чем описать человеческое «зло», которое понятнее. Из более близкой истории развития экономических идей в России, из рассказа

старшего поколения можно предположить, что и в советской политической экономии более понятной и логичной оказывалась политическая экономия капитализма. Напротив, политическая экономия социализма представала туманной и неинтересной. Авторы находят достаточно простое решение этой сложнейшей проблемы — они ставят в центр чистую экономику и показывают свою версию реализации утопического капитализма.

Первый вопрос, который возникает у читателя: что значит иметь свободный, *открытый доступ* к политическим и экономическим ресурсам? Он разрешен, но ограничен тем, что далеко не бесплатен. Корректировка состоит в том, что он потенциально открыт, по аналогии с потенциальным улучшением по Парето, когда выигравшая сторона выигрывает больше, чем теряет проигравшая, которая потенциально может компенсировать убыток. Открытый доступ лишь потенциально открыт. Его открытость обеспечивается конкурентной системой, а значит, развитой рыночной экономикой, то есть только с развитием конкуренции на политическом и экономическом рынке может поддерживаться условно открытый доступ.

Что значит конкуренция? Из учебников по экономической теории известно, что совершенная конкуренция — абстрактная модель, которая может быть проинтерпретирована как «система невидимок, ведомая невидимой рукой». В ней действуют обезличенные, анонимные невидимки поскольку потребители «не взирают на лица», а продавцы продают однородную продукцию. Более мягкий вариант конкурентной системы будет означать то, что никто из агентов рынка не может обладать достаточной властью назначать цену, определять направление развития. Благодаря «невидимой руке» это делает сам рынок. Не случайно в тексте книги часто делаются отсылки к Фридриху фон Хайеку и Йозефу Шумпетеру. За пониманием конкуренции стоят метафоры «созидательного разрушения» и «расширенного порядка». Одной лишь экономической конкуренции оказывается недостаточно, она может выживать только благодаря конкуренции в политике.

Чем же обеспечивается взаимный баланс ситуации открытого доступа, когда одновременно конкуренция преобладает и в экономике, и в политике? Конкуренция в политике поддерживается демократическими институтами, гражданским обществом и конкурентной партийной системой. Все граждане и партийные силы равны перед законом. Залогом конкуренции в политике является достаточно сильная оппозиция, которая вместе с разделением властей обеспечивает контроль, сдерживает амбиции элит и получение ренты.

Что является главным в балансе экономики и политики? Скорее в ответе на этот вопрос трудно выделить отдельную наиболее важную составляющую системы открытого доступа. Если выделять одно свойство всех элементов системы, то этим свойством окажется *безличность*. Этим свойством в рамках этого социального порядка должны обладать элиты, частые и общественные организации, коалиции, государственная власть. В конечном итоге и сами люди, поскольку от воли отдельных людей не должны зависеть никакие решения. Эта воля воплощается только как общественная. Государство в благополучных обществах растет, но растет за счет предоставления более дорогих и качественных общественных благ (образование, инфраструктура, социальное страхование) и поддержания достаточно дорогих демократических институтов власти. Все услуги государства предоставляются на беспристрастной основе. Бюрократия в такой системе подконтрольна закону, действует профессионально и не срастается с бизнесом. Именно в такой системе возникают достоверные обязательства и доверие между властью и обществом.

Что является показателем того, что экономико-политическая система приобрела черты открытого доступа? Как и в предпоследней книге Норта, таким критерием является способность реагировать на внешние изменения и новые угрозы, или «адаптивная эффективность». Она позволяет создавать продуктивные, честные и стабильные институты, а если нужно, и заменять их новыми. Способность приспосабливаться зависит от уровня творческой энергии, от возможности действовать в ситуации

неопределенности. Чем больше попыток разными способами приспособиться к меняющимся условиями, чем больше конкурирующих способов принятия решений, чем ниже степень централизации, тем выше адаптивная эффективность. Адаптивная эффективность присуща людям, фирмам, организациям. Иными словами, эффективность системы доказывается ее постоянством, устойчивостью во времени. Считается, что порядок открытого доступа более гибок и лучше реагирует на всевозможные изменения. Важным формальным критерием, с которого начинается изложение в книге, является положительный показатель темпов долговременного экономического роста. Таковы черты системы открытого доступа. Немаловажный вопрос: как осуществляется этот *переход*?

«Переходная экономика и политика» нового типа

Первый шаг этого перехода – это изменения внутри элиты и господствующей коалиции. Установление безличных отношений внутри элит, которые потом распространяются на все общество. В этом смысле демократия создается элитами. В отличие от Асемоглу и Робинсона*, подход Норта и соавторов более реалистичный, поскольку исходит не из того, что элита предпочитает уступки революции, но из того, что происходит борьба между различными группами внутри элиты и эта борьба вынуждает идти на уступки по расширению прав большей части населения. Основное внимание переносится на внутреннюю эволюцию самих элит. Безличность – не спасение от краха и революции, но результат борьбы различных группировок, в ходе которой происходит децентрализация и желание застраховать свое положение. Для того чтобы это произошло, требуется наличие трех предварительных,

---

* *Acemoglu D., Robinson J. A.* Economic origins of dictatorship and democracy. N.Y.: Cambridge University Press. 2006; *Асемоглу Д., Робинсон Дж.* Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2011.

или пороговых, условий: *верховенства закона для элит, распространения организаций, которые не зависят от конкретных людей и существуют на постоянной основе, и, наконец, контроля над вооруженными силами и применением насилия.*

В Европе конкуренция между светской и религиозной властью создавала новые институты, которые усиливали роль права. Уже с XVI в. в Англии появились компании, организованные не по принципу товариществ, а на корпоративной основе. К началу XIX в. по разным причинам в Англии, Голландии и США установился консолидированный контроль над вооруженными силами. Тем не менее в реальности этих трех условий оказывается недостаточно. В Британии, Франции и США «переходный период» к порядку открытого доступа сформировался раньше. Этот процесс шел по-разному, но главное, что сформировались институты и более обезличенные элиты. Для формирования вышеперечисленных условий потребовались столетия, сам переход совершился за десятилетия в XIX в.

Интересно, что в более ранней книге Норт следующим образом описывает причины преуспевания Европы. Для возвышения Запада по сравнению с Китаем или исламским миром должны были сложиться особые обстоятельства. Сыграли свою роль географические, военные, демографические и чисто экономические факторы конца эпохи Средневековья. Западу были одновременно присущи единство и разнообразие. Единство связано с греко-римской цивилизацией (мифология, философия, римское право) и, самое главное, с христианством как религией, которая формировала единые убеждения, единые координаты мышления. Политическое разнообразие создавало конкурентную среду, в рамках которой происходили поиск и отбор более успешных моделей. Норт также показал, что развитие банковских инструментов (переводной вексель, дисконт) и морского страхования, способствующих торговле, происходит в городах Италии и Бенилюкса. Затем рост производительности наблюдается в Нидерландах и Англии по сравнению с Францией и тем более с Испанией. Создаются стимулы для деятельности, повышающей производительность. Принципиальное значение имело распростране-

ние институтов права и механизмов по сдерживанию одностороннего принятия решений. Разделение властей усиливает стабильность; для власти становится выгодным обменивать права собственности на доход.

Внешние угрозы от викингов, венгров и мусульман также повлияли на уникальность Запада. В результате этой угрозы усилились города, дополнительный импульс получила военная технология. Усиление городов сопровождалось ростом торговли. Прогресс в военной технологии способствовал укрупнению политических единиц. Демографический спад способствовал распространению рыночных принципов в сельском хозяйстве. Кроме всех перечисленных факторов особое внимание Д. Норт уделяет формированию поведенческих установок, способствующих безличному обмену. Подход Макса Вебера Норт считает несовершенным, поскольку такие ценностные установки, как дисциплина и индивидуализм, по мнению Норта, формировались и в рамках римского католицизма. Структура убеждений христианства при определенных условиях благоприятствовала экономическому росту. Норт полагает, что более важно проследить связь между поведенческими установками и специфическими институтами экономики. Тем самым «особый географический, экономический и институциональный контекст западного Средневековья давал уникальный опыт для подобных адаптаций»*.

Если предварительные условия созрели, что способствует переходу? Ведь на пороге этого перехода стояли античная Греция, республиканский Рим и города-государства Северной Италии в период Ренессанса. Этому вопросу посвящена шестая глава настоящей книги, которая призвана объяснить, почему и как именно на Западе не только сформировались пороговые условия, но и совершился сам переход. Четкость и логичность, которая присуща теоретическому описанию, теряется при объяснении того, как же так получилось, что именно на Западе такой переход окончательно осуществился. Как смог

---

* См.: *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. С. 182–208.

осуществиться этот сложный, многоступенчатый системный процесс? Что является причиной, а что следствием? Остается неясно, хорошие ли институты являются следствием богатства и устойчивости или, напротив, богатство и устойчивость, неважно как приобретенные, приводят к хорошим институтам, которые комплексно характеризуются как порядок открытого доступа.

В целом авторам удается убедить читателя в преимуществах порядка открытого доступа. Конкуренция, безличные институты, беспристрастное государство, регулируемое насилие, обратная связь и, как следствие, постоянство и высокие показатели экономического роста. Кто будет спорить с тем, что это наилучшее устройство государства? Единственно, что в данном случае жанр книги переходит в разряд утопий для тех государств, которые еще не перешли к этому общественному устройству.

По-прежнему ли пессимистичен Норт?

В экономической науке сталкиваются различные представления о возможности изменений самых глубоких мотивационных, ментальных матриц, лежащих в основе институционального устройства. Оптимисты считают, что социальная инженерия и трансплантация возможны, а не поддающиеся изменениям общественные и экономические институты должны отсекаться и умирать.

К пессимистам можно причислить Д. Норта. Как в том анекдоте, который приведен в начале, развитие рассматривается исторично. Институциональные ловушки, «эффект колеи» не позволяют быстро менять сложившуюся институциональную структуру. Развитие рассматривается в комплексе как сложное и взаимосвязанное явление. По мнению Норта, институциональная инфраструктура на долгие годы предопределяет траекторию экономического развития, которое зависит от предшествующего пути (path dependence), от сложившихся убеждений и представлений. Экономическое реформирование может опираться исключительно на «адаптивную эффективность», то есть способность институтов реагировать

на внешние политические и технологические изменения. Производительные, стабильные, широко распространенные, приспосабливающиеся к внешним шокам институты способствуют стабильному экономическому росту.

Пессимизм Норта основывается на изучении как примеров экономического реформирования, так и главным образом на экономической истории. Успешное экономическое развитие на протяжении длительного периода времени встречается редко. Сознательное изменение институтов часто невозможно и сопряжено с огромными потерями и рисками. Тем самым если институты зависят от траектории своего развития, меняются медленно и болезненно, то отсюда очевидно пессимистическое представление об их реформировании, об их изменении.

Пессимизм в данном случае никак не связан с эмоциональной оценкой. Напротив, это здравое и осторожное понимание институциональных изменений как комплексной проблемы. Административные рычаги и рыночные методы распространения новых институтов ограничены. Постоянно происходит эволюционное изменение институтов, но меры по их направленной трансформации часто наталкиваются на сложность и целостность институциональной структуры общества, на противодействие со стороны традиции либо тех субъектов, которые больше теряют, чем выигрывают от предполагаемых перемен.

Когда Б. Вайнгаст специально задается вопросом: «Почему правила и институты западного мира не могут быть перенесены в развивающиеся?» — то очевидно, что сама постановка уже содержит глубокий пессимизм*. Для такого переноса развивающимся странам не хватает постоянства и достаточного контроля над насилием. В этом смысле концепция хорошо объясняет историческое возвышение западного мира в долгосрочной перспективе, но не может объяснить феномен небывалого роста в Китае или ранее в других странах Азии. Скорее она предсказывает, что в отсутствие верховенства закона и широкого

---

* *Уэйнгаст Б.* Почему развивающиеся страны так сопротивляются верховенству закона? // Прогнозис. № 2. 2009. С. 135–163.

распространения безличных институтов эти изменения могут вскоре пойти вспять. При этом в центре остается опыт развитых стран, большая часть из которых характеризуется определенной общностью культуры. В этом смысле по отношению к будущему развитию развитых стран данный концептуальный подход более чем оптимистичен. Как ответил один из соавторов книги на вопрос о ситуации в США: «Мы счастливы, что живем в Америке».

Этот оптимизм, конечно, не тотален. Исторический подход показывает, что наибольшей устойчивостью во времени отличался примитивный, догосударственный порядок, когда человек вел присваивающее хозяйство и не был выделен из природы. Естественное государство, несмотря на свое относительно небольшое умение решать проблему насилия и проявлять адаптивность, просуществовало десять тысяч лет и знало такие взлеты цивилизации, как древнегреческая античность, республиканский Рим, итальянские города эпохи Возрождения. Открытый же порядок исторически еще должен показать свою жизнеспособность, ему ведь всего каких-то 200 лет. Можно сказать, что основной фокус этой книги — это последние 200 лет, они взяты за основу. Если взять за основу последние 10–15 лет, то страны с порядками открытого доступа не имели такого экономического развития. Эти сомнения по поводу нового открытого порядка лучше выражены Нортом в главе «Камо грядеши?» книги 2005 г.: «Сознание служит источником и вдохновляющей силой чудесных творческих свершений и всего того, что те влекут за собой в плане улучшения условий существования, и в то же время оно является источником суеверий, догм и религий, которые... привели к холокосту, бесконечным войнам, одичанию человека и современному... терроризму... Чудовищная разрушительная сила современного оружия превращает такое понимание (систем убеждений и представлений. — *Д. Р.*) в необходимое условие человеческого выживания»*.

---

* *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений... С. 239.

Актуальность книги для России

Усиление административной вертикали власти, подавление оппозиции в партийной жизни, уменьшение институциональной надежности прав собственности свидетельствуют о том, что степень безличности отношений и независимости бизнеса от государства резко уменьшилась. Государственное строительство капитализма «для своих», создание разветвленной, иерархичной системы привилегий, которые делают закон всеобщим для тех, кто не наделен особыми правами, делают Россию хорошим примером для той концептуальной схемы, которую отстаивают авторы книги.

Действительно, в книге не раз вскользь отсылают читателя к изменениям России в начале XXI в. «Месопотамия III тысячелетия до н. э., Британия при Тюдорах и современная Россия при Путине — естественные государства, но общества в них очень разные. Порядок ограниченного доступа — это не особый набор политических, экономических или религиозных институтов. Это фундаментальный способ организации общества», — поясняют авторы, когда хотят привести наглядные примеры естественного государства*. В другом месте авторы еще более бескомпромиссны: «...складывается впечатление, что за последнее десятилетие Боливия, Венесуэла и Россия регрессируют, проводя национализацию, устанавливая контроль или объявляя вне закона когда-то независимые организации»**.

По мнению Б. Вайнгаста, современная Россия не только представляет собой яркий пример естественного государства, но, в его типологии, недавно перешла из разряда зрелых к базисному, или простому. Это произошло вследствие построения более жесткой вертикали власти, установления контроля над средствами массовой информации, ослабления институтов гражданского общества.

---

* *Норт Д., Вайнгаст Б., Уоллис Дж.* Наст. изд. С. 83.

** Там же. С. 109.

Организациям теперь стала требоваться для выживания тесная связь с государством, пропали умеренные сдержки в лице Думы, избираемых губернаторов и независимой прессы*. В рамках концептуального подхода авторов книги «Насилие и социальные порядки», несмотря на кажущееся усиление каркаса власти, вся система становится гораздо более хрупкой и подверженной внешним шокам и саморазрушению. Для самой элиты и групп элит — в данном случае тех, кто пользуется рентой, — нет гарантии, что институт личной власти останется надолго и обладает постоянством, что может таить в себе серьезные опасности в ближайшем будущем. Очевидно, что сама элита это прекрасно понимает, поэтому предпочитает перевозить семьи и капиталы в страны, где сформировался порядок открытого доступа. Долгосрочная перспектива внутри станы по многим обстоятельствам не создает достоверных обязательств. Никаких сомнений не возникает в том, что в самое ближайшее время перспектива порядка открытого доступа России не грозит. Читая в России утопию про открытый доступ, невольно вспоминаются слова Некрасова: «Жаль только — жить в эту пору прекрасную уж не придется — ни мне, ни тебе».

Будущее социальных наук

Книга «Насилие и социальные порядки» междисциплинарна. Поэтому трудно ожидать, что она будет воспринята теми, кто работает в рамках жестких дисциплинарных границ. Она одновременно обращена к экономистам, историкам, политологам, антропологам. Авторы не стесняются прямо заявить, что это не просто еще один подход, но «фундаментально новый подход к изучению социальных наук». В центре подхода оказываются: проблема насилия, институциональная структура, организации и система убеждений. Авторы уверены, что для подобных

---

* *Уэйнгаст Б.* Почему развивающиеся страны... С. 152.

исследований еще не существует статистической базы, поэтому оно носит описательный характер.

Книга имела больший резонанс среди политологов, чем экономистов. Основной контекст – соотношение экономики и политики или, более узко, демократии и экономического роста. Общепризнано, что технологического развития недостаточно для постоянных высоких темпов экономического роста, а «экономическая свобода – ключ к процветанию». Современность все же не дает однозначного ответа на данный вопрос. Так, к примеру, за 36 лет – с 1960 по 1996 г. – Гонконг в сопоставлении с Великобританией резко увеличил душевой доход. Если в 1960 г. он составлял ¼ от душевого дохода в Великобритании, то в 1996 г. стал уже превосходить его на 1/3*. В контексте связи гражданских свобод и уровня экономического развития были высказаны даже предположения, что анархия лучше грабительского государства**.

Экономист-историк Роберт Марго, постоянный читатель Норта, посчитал, что книгу трудно назвать успешной. Он нашел, что в ней много повторений, а материал далек от реальной истории и событий***. В сравнительном плане более понятной и привычной для современных экономистов стала книга Д. Асемоглу и Дж. Робинсона «Экономические основания диктатуры и демократии»****. Сам литературный стиль изложения у широкого круга экономистов не сразу вызывает понимание. Тем не менее институциональное направление экономической мысли в лице Р. Коуза, О. Уильямсона, Д. Норта смогло сформулировать новые положения экономической нау-

---

* *Carden A., Hall J.* Why are some places rich while others are poor? The institutional necessity of economic freedom // Economic Affairs. Vol. 30. Issue 1. March 2010. P. 48–54.

** *Benyishay A., Betancourt R.* Civil liberties and economic development // Journal of Institutional Economics. №6. 2010. P. 281–304.

*** *Margo R.* Review on Violence and Social Orders (http://eh.net/book_reviews/violence-and-social-orders-conceptual-framework-interpreting-recorded-human-history).

**** *Acemoglu D., Robinson J. A.* Economic origins of dictatorship and democracy...

ки. Вполне ожидаемо, что между выходом книги и признанием ее достижений у экономистов должно пройти время, за которое появятся более понятные интерпретации этих идей на более привычном языке*.

Дальнейшее исследование более глубоких основ экономического развития имеет большие перспективы. Концептуальный подход, который предлагают Д. Норт, Б. Вайнгаст и Дж. Уоллис, обращен в будущее. Столь широкий материал и теоретические обобщения позволяют поставить их книгу в один ряд с шедеврами политической экономии — «Капиталом» Маркса, «Богатством народов» Смита. Дальнейшую разработку этой проблематики авторы тесно связывают с ожидаемым прогрессом в естественных и когнитивных науках, которые позволят лучше понять мышление человека.

Выход книги американских авторов Дугласа Норта, Барри Вайнгаста, Джона Уоллиса принадлежит к разряду значимых и уникальных событий. Она уже имела успех, что подтверждается готовящимися переводами на немецкий, итальянский, китайский, французский и японский языки. Книга обращается не только к экономистам, но ко всем, кто интересуется социально-экономическими изменениями, — историкам, социологам, политологам и антропологам. Книга уникальна, поскольку пытается открыть новую синтетическую область институциональных исследований в социальных науках. Нет сомнений, что движение по этому пути с вовлечением достижений различных областей гуманитарных, социальных и естественных наук приоткроет завесу над фундаментальными вопросами развития человечества.

Данила Расков

---

* См.: *Расков Д. Е.* Риторика новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. № 5. 2010. С. 81–95.

Предисловие

Всякое объяснение масштабных общественных изменений содержит в себе элементы экономической теории, политологии и теории социального поведения. Иногда, как в материалистической теории Маркса, теории эксплицитны. Однако зачастую они остаются имплицитными, а еще чаще между теориями экономики и политики отсутствует связь. Несмотря на большое внимание к этому вопросу и предпринимаемые усилия, социальные науки не подошли к пониманию того, каким образом экономическое и политическое развитие взаимосвязаны между собой в истории и современности. Отсутствие рабочей и связной теории экономики и политики отражает недостаточность систематического осмысления важнейшей проблемы – насилия в человеческих обществах. То, как общества решают существующую везде и всегда угрозу насилия, задает и структурирует формы, которые может принимать человеческое взаимодействие, включая типы политических и экономических систем.

Эта книга предлагает ряд концептов, которые показывают, как общества использовали контроль над политической, экономической, религиозной и образовательной деятельностью, для того чтобы ограничивать и сдерживать насилие на протяжении последних десяти тысячелетий. В большинстве обществ политическая, экономическая, религиозная и военная власть создается при помощи институтов, которые структурируют отношения людей и их организации. Эти институты одновременно дают отдельным лицам контроль над ресурсами и социальными функциями и тем самым ограничивают использование насилия, придавая форму стимулам, с которыми имеют дело индивиды и группы, имеющие доступ к насилию. Мы называем эти модели общественной органи-

зации *социальными порядками.* Наша цель заключается в том, чтобы понять, каким образом социальные порядки структурируют общественные взаимодействия.

Концептуальные рамки ясно объясняют внутреннюю логику двух социальных порядков, которые доминируют в современном мире, и процесс, с помощью которого общества совершают переход от одного социального порядка к другому (изначальным порядком, предшествующим этим двум, был примитивный порядок, характерный для обществ охотников и собирателей). После того как мы очертим концептуальные рамки в первой главе, мы рассмотрим логику социального порядка, которая появилась пять—десять тысяч лет назад в виде *естественного государства.* Естественные государства используют политическую систему для регулирования экономической конкуренции и создают экономические ренты. Эти ренты структурируют социальные взаимоотношения, контролируют насилие и упрочивают кооперацию в обществе. Естественное государство преобразило человеческую историю: впервые естественные государства развили новые технологии, которые положили начало *письменной* истории человечества. Большая часть мира до сих пор живет в естественных государствах.

Затем мы рассмотрим логику социального порядка, которая появилась в некоторых обществах в начале XIX в.,— *общество открытого доступа.* Как и в случае с появлением естественных государств, общества открытого доступа фундаментально преобразили историю человечества. Вероятно, лишь 25 стран и 15% населения всего земного шара живут сегодня в обществах открытого доступа, остальные 175 стран и 85% населения живут в естественных государствах. Общества отрытого доступа регулируют экономическую и политическую сферы, используя выход на рынок и конкуренцию для упорядочения общественных взаимоотношений. Третья задача книги—это объяснить, как общества переходят от естественного государства к обществам открытого доступа.

Мы разрабатываем концептуальные рамки, а не формальную или аналитическую теорию. Мы хотели написать книгу, которая стала бы доступной для всех ученых, занимающихся социальными науками и историей. Три со-

циальных порядка выделяют три отчетливые тенденции в истории человечества. Мы покажем, как структурированы второй и третий социальные порядки, почему они функционируют именно таким образом, а также логику, лежащую в основе перехода от одного социального порядка к другому. Мы не предлагаем формальной модели, которая делала бы возможной эксплицитную эмпирическую проверку или детерминистские предсказания социальных изменений. Вместо этого мы предлагаем концептуальные рамки, которые в явном виде включают в себя эндогенные модели поведения в обществе, экономике, политике, армии, религии и образовании. Задача состоит в том, чтобы объяснить, как устойчивые и предсказуемые общественные институты справляются с постоянно меняющимся, непредсказуемым и новым миром, формируемым в контексте и под воздействием динамических сил социальных изменений. Эти рамки не содержат никакой телеологии и представляют собой динамическое объяснение социальных перемен, а не социального прогресса.

Мы чередуем исторические примеры с концептуальными рассуждениями, чтобы предложить достаточно свидетельств того, что эти модели действительно существуют в мире. В случае перехода от естественных государств к обществам открытого доступа мы показываем, что силы, описываемые нами, можно обнаружить в существующих исторических источниках. Мы не пишем мировую историю. История скорее предоставляет примеры и истолкования, нежели итоговую проверку наших идей. Примеры простираются от неолитической революции, республиканского и императорского Рима до ацтеков Мезоамерики, Средних веков и современности. Некоторые специалисты по истории конкретных стран и эпох, рассмотренных нами, скажут, что мы вырвали эти примеры из контекста, и это действительно так. Но мы намерены поместить эти примеры в новый контекст, задать новые рамки для интерпретации хода человеческой истории последних десяти тысяч лет и открыть новые пути осмысления насущных проблем политического и экономического развития, с которыми сегодня сталкивается мир.

Благодарности

Хотя эта книга с самого начала создавалась совместными усилиями, роль Джона Уоллиса заслуживает особого упоминания. Он подготовил первый набросок текста и руководил проектом по мере появления последующих набросков, из которых выросла настоящая книга. Многие люди и институты оказали нам большую поддержку – материальную и интеллектуальную – в этом проекте, и мы с удовольствием выражаем им свою признательность.

Институт Гувера в Стэнфордском университете оказал неоценимую поддержку во многих аспектах, без которой эта книга не была бы создана. С 1995 года Институт Гувера финансировал Норта в качестве старшего научного сотрудника и предоставлял ему место пребывания каждый зимний квартал, а в важный для написания этой книги 2007/2008 учебный год – как в зимний, так и в весенний квартал. Уоллис работал в Институте Гувера в качестве приглашенного исследователя в 2006/2007 учебном году. Вайнгаст был старшим научным сотрудником с 1990 г. Дэвид Брэди, заместитель директора Института Гувера по развитию исследований и программ, щедро поддерживал проект различными средствами. Сильвия Сандоваль из Института Гувера неустанно и бодро оказывала несколько лет ценную помощь в исследовании. Фонд Брэдли предоставил Уоллису и Вайнгасту щедрую поддержку в Институте Гувера.

Вайнгаст благодарит семью Уода К. Кребса, которая великодушно финансировала его кафедру на отделении политических наук. Он также благодарен за поддержку из средств двух грантов Стэнфордского университета:

один от Института международных исследований Фримэна-Спольи, а другой — от ректорского фонда.

Всемирный банк оказал щедрую и деятельную поддержку настоящему проекту. Стивен Вебб координировал все наши действия в Банке. Мы представляли наши ранние идеи на нескольких форумах, организованных Банком. Два гранта позволили нам собрать группу исследователей, чтобы начать описание конкретных ситуаций, применяя наши методы к современным развивающимся странам, а также профинансировать две встречи группы в Банке. Жан-Жак Детье, Франсуа Бургиньон, Эд Кампос и Филипп Кифер сделали ценные замечания и оказали моральную поддержку. Брайан Леви был нашим верным сторонником и помог организовать исследование конкретных случаев. Муштак Хан необыкновенно щедро отдавал нам свое время и идеи. Жоэль Баркан, Альберто Диаз-Кайерос, Фрэнсис Фукуяма, Кэрол Грэм, Пол Хатчкрофт, Николас Мейзел, Габриэлла Монтинола, Патрисио Навиа, Жак Оулд-Одиа, Робер Пекко, Янг Занг Ю и многие служащие Всемирного банка участвовали в двух встречах, посвященных исследованию конкретных ситуаций.

Центр Меркатуса университета им. Джорджа Мэйсона профинансировал двухдневный семинар в январе 2007 года в Стэнфордском университете, позволив нам получить комментарии по всем аспектам предварительной рукописи. Мы благодарим за комментарии, критику и предложения следующих участников семинара: Рэнди Кальвера, Гэри Кокса, Джеймса Фирона, Рю де Фижеиредо, Авнера Грейфа, Стефана Хабера, Филипа Хофмана, Маргарет Леви, Яна де Фриза и Стивена Вебба. Меркатус профинансировал также работу Вайнгаста в качестве приглашенного исследователя в марте 2006 г. Мы благодарим служащих Меркатуса за их поддержку и действия: Брайана Хукса, директора Меркатуса, а также Роба Херрита, Клэр Морган и Фредерика Соте. Особенно нам помогла Кортни Кнапп. Пол С. Эдвардс, бывший директор Меркатуса, поощрял нас с самого начала этого проекта. Он также выступил модератором на двухдневном семинаре.

Джеймс Робинсон организовал для нас презентацию рукописи на встречах Эрика М. Майндича в рамках авторского симпозиума в Институте количественных общественных наук в Гарвардском университете в октябре 2007 г. Дискуссанты, Стив Ансолобехир, Роберт Бейтс, Найл Фергюсон, Джеффри Фриден, Эдвард Глейзер и Клаудия Голдин, дали нам подробные комментарии, которые были использованы нами при редактировании нашей работы. Мы также получили много комментариев от участников этих встреч, включая Джеймса Альта, Тэда Даннинга, Наоми Ламоро, Ноэля Маурера, Роберта Марго, Альдо Мусаччио, Дани Родрика, Эллис Гольдберг, Кеннета Шепсла и Дэвида Стасавэджа.

Мэтью Маккуббинс организовал двухдневный семинар в Калифорнийском университете в Сан-Диего в январе 2008 г., на котором Гэри Кокс, Питер Гуревич и Стефан Хаггард дали полезные советы.

Несколько университетов и институтов предоставили нам возможность поделиться результатами нашей работы на семинарах, и мы ценим отзывы, полученные в университете Брауна, Холден Вилладж, Центре Меркатуса, Фонде преподавания экономической теории, Летнем институте развития американской экономики Национального бюро экономических исследований (NBER), Стэнфордском университете (дважды в Центре демократии, развития и верховенства права и один раз в Департаменте экономической истории), калифорнийских университетах в Беркли, Лос-Анджелесе и в Сан-Диего, Мэрилендском университете, Канзасском университете, Вашингтонском университете, Всемирном банке и Йельском университете. Мы благодарим участников двух классов «Economics 613» в Мэрилендском университете и двух классов «Political Science 362» в Стэнфорде.

Многие наши коллеги полностью или частично читали эту работу, и мы признательны им за множество бесед, комментариев и отзывов. В их число входят Эрик Алстон, Ли Алстон, Терри Андерсон, Ли Бенам, Роджер Бетанкур, Рут Блок, Рэнди Калверт, Грегори Кларк, Роджер Коншлтон, Карен Кук, Роберт Калл, Лари Даймонд, Альберто Диаз-Кайерос, Ричард Эпштейн, Джеймс Фирон,

Прайс Фишбэк, Пейдж Фортуна, Себастьян Галиани, Джуди Голдштейн, Питер Гуревич, Авнер Грейф, Стефан Хабер, Стефан Хаггард, Джек Хеккельман, Джессика Хеннеси, Пол Хиндерлай, Эфан Ильзетски, Фил Кифер, Амалия Кесслер, Муштак Хан, Дэн Клерман, Стив Краснер, Дэвид Лайтин, Стив ЛеБлан, Маргарет Леви, Брайан Леви, Гари Либкап, Питер Линдерт, Лили Лиу, Беатрис Магалони, Мэтью Маккуббинс, Майкл Макфол, Петра Мозер, Рамон Майерс, Роджер Нолл, Уолли Оутс, Джош Обер, Эмили Оуэнс, Сунита Парих, Элеонора Пасотти, Сара Перлман, Клэр Прист, Джонатан Роден, Джошуа Розенблум, Жан-Лоран Розенталь, Энди Руттен, Ричард Скотт, Кеннет Шепсл, Мэри Шерли, Майкл Смит, Стив Снайдер, Катрин Стонер-Вейсс, Джон Сумида, Дон Сазерленд, Алан Тейлор, Вернер Троескен, Джереми Вайнштейн и Том Вейсс. Также мы благодарны за оказанную нам поддержку Рэнди Робинсону, Брюсу Шмидту и Алисии Ньюсхолм.

Лорен Барр, Адам Левин, Мэри Паден, Скотт Парис и Дона Хайтауэр Перкинс помогли нам преодолеть путь от рукописи до книги.

Особую признательность хочется выразить двум людям за их советы, поддержку и дружбу на протяжении этого проекта. Первым является Джон Райзиан, директор Института Гувера. Кроме поддержки, отмеченной ранее, Институт Гувера создал плодотворные интеллектуальные и рабочие условия, что помогло нашему проекту самыми разными способами. Второй, Стивен Вебб из Всемирного банка, помогал нам с этим проектом с самого начала; сотрудничал в совместной работе по применению нашего анализа к развивающимся странам, а также финансировал различные гранты, семинары и конференции во Всемирном банке, помогавшие продвинуть это исследование.

Наконец, мы благодарны нашим семьям, которые мирились с тем, что мы уделяем слишком много внимания этой работе. Спасибо Элизабет, Декстеру, Дэну, Тауну и Пейдж, а также Сьюзи и Сэму.

Глава 1
Концептуальные рамки исследования

1.1. Введение

Задача социальных наук состоит в объяснении характеристик функционирования обществ во времени, включая понимание радикального разрыва в благосостоянии между богатыми и бедными странами, а также полярных форм политической организации, убеждений и социальной структуры, которые порождают эти различия. Письменная история человечества началась с первой социальной революции—неолитической, сельскохозяйственной, урбанистической, или первой экономической революции,—и с появлением около пяти-десяти тысяч лет назад первых больших постоянных групп людей. Вторая социальная революция—промышленная, современная, или вторая экономическая революция,—началась два столетия назад и продолжается по сей день. Изменения в организации групп также сыграли центральную роль в этой революции. Как пишет об этом Коулман: «Именно корпоративные акторы, или организации, которые получили свою власть от людей и использовали ее для корпоративных целей, являются главными действующими лицами в социальной структуре современного общества» (Coleman, 1974, p. 49). Эти две социальные революции имели своим результатом глубокие изменения в способе организации обществ. Главная задача этой книги—объяснить логику, лежащую в основе двух новых моделей социальной организации, которые мы называем *социальными порядками*, а также то, как общества совершают переход от одного социального порядка к другому.

Для того чтобы понять, почему возникшие черты современного развитого общества, такие как экономическое развитие и демократия, так тесно связаны со вто-

рой социальной революцией, мы обратимся к базисным силам, лежащим в основе механизмов социального порядка. Социальные порядки характеризуются тем, как общества создают институты, поддерживающие существование специфических форм человеческой организации, способ, которым общества ограничивают или открывают доступ к этим организациям при помощи стимулов, формируемых моделью организации. Эти характеристики социальных порядков также тесно связаны с тем, как общества ограничивают и контролируют насилие. Поскольку социальные порядки порождают различные модели поведения, индивиды в различных социальных порядках формируют различные представления о том, как ведут себя люди вокруг них. Насилие, организации, институты и убеждения—это элементы концептуальных рамок нашего исследования.

История человечества знала лишь три социальных порядка. Первым был *примитивный порядок*, характерный для малых социальных групп обществ охотников и собирателей. В первую очередь нас интересуют два социальных порядка, которые возникли за последние десять тысяч лет. *Порядок ограниченного доступа*, или *естественное государство*, появился во время первой социальной революции. Личные отношения, в особенности личные отношения между властными индивидами,—то, кто кем является и кто кого знает,—составляют основу социальной организации и служат ареной для взаимодействия людей. Естественные государства ограничивают способность индивидов формировать организации. В *порядках открытого доступа*, которые возникли во время второй социальной революции, личные отношения все еще значимы, однако безличные категории индивидов, часто называемых гражданами, взаимодействуют на обширном поле социального поведения, но при этом им не нужно знать об индивидуальной идентичности партнеров. Идентичность, которая в естественном государстве имеет глубоко личный характер, в порядках открытого доступа начинает определяться как набор безличных характеристик. Возможность формировать организации, которые пользуются поддержкой более широкого общества, открыта

для всех, кто отвечает минимальным и безличным критериям. В обоих социальных порядках есть публичные и частные организации, но естественные государства ограничивают доступ к этим организациям, а общества открытого доступа — нет.

Переход от естественного государства к порядку открытого доступа — это вторая социальная революция, наступление современности. Несмотря на то что элементы второй революции, в особенности технологии, распространились повсеместно, многие современные общества остаются естественными государствами. Переход влечет за собой серию перемен в политической сфере, обеспечивающих большую степень участия граждан и гарантирующих безличные политические права, более прозрачные институты, структурирующие процесс принятия решений и обеспечивающие правовую поддержку более широкого круга организационных форм, включая политические партии и экономические организации. Переход ведет к ряду перемен в экономике, которые обеспечивают открытый вход и конкуренцию на многих рынках, свободное перемещение товаров и людей во времени и в пространстве, возможность создавать организации для достижения экономических целей, защиту прав собственности и запреты на использование насилия для получения ресурсов и товаров или принуждения других. Хотя свидетельства прошлых десятилетий неоднородны, политическое и экономическое развитие на протяжении последних двух веков шли рука об руку*.

---

* Липсет (Lipset, 1959) задался вопросом, почему устойчивая демократия требовала экономического развития. Пшеворский и соавторы (Przeworksi, Alvarez, Cheibub and Limongni, 2000) исследовали количественную корреляцию и обнаружили значимые свидетельства того, что эпизодически демократия встречается на всех уровнях дохода, устойчивая демократия — это прежде всего черта стран с высоким уровнем доходов. Вопрос о том, является ли связь между демократией и экономическим развитием причинно-следственной, и если так, то что является следствием, а что причиной, остается открытым. Барро (Barro, 1996, 1999) проводит экономический анализ этого вопроса. Обзор литературы по модернизационной гипотезе и последние эмпи-

Простой пример устойчивой корреляции между политическим и экономическим развитием показан в Табл. 1.1. Эта таблица включает в себя тридцать наиболее богатых стран, оцениваемых по доходу на душу населения в 2000 г., и рейтинг каждой страны в Polity IV, учитывающий степень развития демократии. Измерение степени развития демократии сводит воедино информацию по качеству политических институтов: политический доступ, политическую конкуренцию и ограничения, накладываемые на исполнительную власть*. Из тридцати самых богатых стран доход четырех основан главным образом на нефти, но у них самый низкий уровень демократии. Другие пять стран слишком малы для того, чтобы данные о них можно было принимать в расчет. Из оставшейся двадцати одной страны все, кроме Франции и Сингапура, имеют самый высокий рейтинг политических институтов. Таблица показывает, что высокий доход и развитые политические институты тесно связаны. Если рассмотреть экономические показатели более детально, можно увидеть похожую закономерность. Липсет (Lipset, 1959) проанализировал ряд факторов («комплекс развития»), которые мы связываем с моделью открытого доступа: доход, образование, урбанизацию, а также обладание автомобилем, телефоном, радио и подпиской на газеты (он писал в 1950-х), — и обнаружил сильную корреляцию между всеми этими показателями и демократией.

Недооцененные черты различных моделей социальных порядков открывают нам понимание того, почему

рические результаты в отношении развития см. в: Acemoglu, Johnson, Robinson, and Yared, 2007. Экономисты-историки также рассматривали проблему развития в долгосрочной перспективе: Landes, 1999; North, 1981, 1990, 2005; Норт, 1997; Rosenberg, Birdzell, 1986.

* «Степень развития демократии оценивается по шкале, состоящей из 11 пунктов от 0 до 10. Операционный индикатор демократии выводится из конкурентости политического участия (переменная 2,6), открытости и конкурентности в найме на работу представителей исполнительной власти (переменные 2,3 и 2,2) и ограничений главы исполнительной власти (переменная 2,4)...» (Marshall, Jaggers, 2005, p. 13).

ТАБЛИЦА 1.1.
Доход на душу населения в 2000 г. и рейтинг Polity IV

Рейтинг	Страна	Доход на душу населения, долл. США	Рейтинг Polity IV	Нефть
1	Люксембург	48 217	–	
2	Бермуды	35 607	–	
3	США	34 365	1	
4	Норвегия	33 092	1	
5	Катар	32 261	156	нефть
6	ОАЭ	32 182	141	нефть
7	Сингапур	29 434	109	
8	Швейцария	28 831	1	
9	Голландия	26 293	1	
10	Дания	26 042	1	
11	Австрия	25 623	1	
12	Швеция	25 232	1	
13	Кувейт	25 135	135	нефть
14	Гонконг	25 023		
15	Ирландия	24 948	1	
16	Австрия	24 915	–	
17	Великобритания	24 666	1	
18	Канада	24 616	1	
19	Исландия	24 339	1	
20	Бруней	24 308	–	нефть
21	Макао	24 224	–	
22	Германия	24 077	1	
23	Япония	23 971	1	
24	Франция	23 672	33	

Рейтинг	Страна	Доход на душу населения, долл. США	Рейтинг Polity IV	Нефть
25	Бельгия	23 524	1	
26	Италия	22 487	1	
27	Израиль	22 237	1	
28	Финляндия	21 302	1	
29	Пуэрто-Рико	21 211	—	
30	Новая Зеландия	20 423	1	

Источники: Данные о реальном доходе на душу населения в долларах США 2000 г. приводятся по: Heston, Summers and Aten, 2006. Рейтинг «Демократия» проекта Polity IV приводится по: Marshall, Jaggers, 2005. Рейтинг уровня развития демократии берется от 10 до 0 в целочисленных значениях. Все страны, которым присвоено наивысшее значение 10, имеют рейтинг 1. Страны, которым присвоено второе значение, как Франция, имеют рейтинг 33. В рейтинг Polity IV входят 159 стран. В рейтинг не вошли малые государства. Страны без рейтинга имеют обозначение «—».

бедные страны остаются бедными. Экономический рост, оцениваемый с точки зрения роста доходов на душу населения, происходит тогда, когда страны на протяжении длительного времени поддерживают положительный прирост дохода на душу населения. Данные свидетельствуют о том, что в течение всей истории человечества до 1800 г. долгосрочные показатели роста дохода на душу населения были близки к нулю*. Нулевые долгосрочные темпы роста не означают, однако, что общества никогда не достигали высокого уровня благосостояния в прошлом. Нулевые темпы роста означают, что каждому периоду увеличения доходов на душу населения соответствовал свой период снижения доходов. Современ-

* Самое свежее объяснение характера долгосрочного роста до 1800 г. см. в: Clark, 2007b. Экономический рост до 1800 г. имел место, но происходил за счет экстенсивного роста населения, а не за счет интенсивного прироста душевого дохода (Fogel, 2004, p. 20–22).

ные общества, которые совершили переход к открытому доступу и впоследствии стали богаче любого другого общества в истории человечества, смогли этого достичь благодаря тому, что им удалось значительно сократить периоды отрицательного роста. Историческую тенденцию взаимной компенсации периодов положительного и отрицательного роста легче проследить в современном мире, где данные документированы лучше*.

В Табл. 1.2 используются те же данные по реальному доходу на душу населения в 2000 г., что и в Табл. 1.1, взятые из таблиц, составленных Центром международных сравнений университета штата Пенсильвания (Penn World Tables). Данные охватывают 184 страны в период с 1950 по 2004 г., для которых могут быть посчитаны годовые темпы роста. Страны в таблице разбиты на интервалы по уровню дохода от богатых к бедным, и для каждого интервала мы посчитали долю всех лет, когда страны имели положительный рост дохода на душу населения и средние темпы роста по годам с положительным и отрицательным ростом душевого дохода. В первых трех строчках таблицы страны мира поделены по уровню доходов на душу населения с рубежом для деления 20 000 долларов. Поскольку четыре нефтедобывающие страны (Кувейт, Бруней, Катар и ОАЭ) из группы стран с высокими доходами имеют весьма волатильный доход, который колеблется вместе с ценами на нефть, мы разбиваем страны с доходом больше 20 000 долларов на две группы: строчка 2 — страны с нефтью, и строчка 3 — страны без нефти. Страны с доходом менее 20 000 долларов только в 66% доступных для наблюдения лет демонстрируют положительный рост в сравнении с 84% лет в случае с богатыми странами без нефти. Беднейшие страны в выборке, с доходами от 300 до 2000 долларов США в год (строч-

---

* Никто не знает, каким был годовой доход на душу населения до начала XIX в., так что наше предположение о том, что недавний рост в развитых странах обусловлен устранением периодов негативного роста, — это всего лишь предположение, которое, однако, согласуется с тем, что мы знаем об экономическом развитии прошлого.

ТАБЛИЦА 1.2.
Темпы роста в хорошие и плохие годы (страны разбиты на интервалы по душевому доходу за 2000 г.)

Годовой доход на душу населения в 2000 г., долл. США	Число стран	Процент от мирового населения	Суммарное число лет в выборке	Процент лет с положительным ростом	Средний положительный темп роста, %	Средний отрицательный темп роста, %
(1) < 20 000	153	87	5678	66	5,35	−4,88
(2) > 20 000	31	13	1468	81	4,19	−3,49
(3) > 20 000 без нефти	27	13	1336	84	3,88	−2,33
(4) все	184		7146			
(5) Более 20 000	31	13	1468	81	4,19	−3,49
(6) Без нефти	27	13	1336	84	3,88	−2,33
(7) от 15 000 до 20 000	12	2	491	76	5,59	−4,25
(8) от 10 000 до 15 000	14	2	528	71	5,27	−4,07
(9) от 5000 до 10 000	37	16	1245	73	5,25	−4,59
(10) от 2000 до 5000	46	53	1708	66	5,39	−4,75
(11) от 300 до 2000	44	14	1706	56	5,37	−5,38

Источники: Heston, Summers and Aten, 2006. В таблице использованы данные по реальному ВВП на душу населения (постоянные цены: последовательные серии) и рассчитанные по ним темпы роста для серий «Темп роста реального ВВП (постоянные цены: последовательные серии)». Сначала страны были отсортированы по категориям доходов на основе их доходов 2000 г., измеренных в долларах 2000 г. Средние годовые положительные и отрицательные темпы роста представляют собой простое среднеарифметическое для всех лет и всех стран по категории доходов (нулевой рост считался положительным ростом) без всякого взвешивания. Таблицы, составленные Центром международных сравнений университета штата Пенсильвания (Penn World Tables), включают информацию по 188 странам, но сведения о темпах роста доступны только для 184 стран. Выборка охватывает период с 1954 по 2004 г., хотя информация недоступна для каждой страны в каждый год. Категория стран «без нефти» с доходами свыше 20 000 долларов не включает Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт и Бруней.

ка 11-я в таблице), испытывали положительный рост показателей только в 56% лет.

Поразительно, но для богатейших стран не характерны более высокие темпы роста, когда они растут. На самом деле более богатые станы имеют существенно более низкие средние темпы роста. Доход в странах без нефти с доходами свыше 20 000 долларов растет в среднем на 3,88% в те годы, когда доход растет, и падает со средними темпами снижения 2,33% в годы, когда доход сокращается. Напротив, доходы в странах с доходом менее 20 000 долларов растут в среднем на 5,35% в периоды подъема и снижаются на 4,88% в периоды падения доходов. Когда они растут, бедные страны растут быстрее богатых*. Они бедны из-за того, что чаще сталкиваются с периодами сокращения доходов, а также из-за того, что темпы отрицательного роста в эти периоды оказываются выше**. В странах с доходом ниже 20 000 долларов не обнаруживается сильной связи между доходом и положительным темпом роста. Напротив, доход связан с отрицательными темпами роста. Когда доходы падают, в бедных странах это падение происходит гораздо быстрее, как показано в последнем столбце Табл. 1.2. В беднейших странах рост доходов остается отрицательным на протяжении большего числа лет, а падение в эти годы также происходит быстрее.

Третья общая закономерность, которая отличает социальные порядки, касается организаций. В обществах открытого доступа доступ к организациям начинает определяться как безличное право, которым обладают все граждане. Естественные государства, напротив, ограничивают доступ к организациям и принуждение к исполнению соглашений со стороны третьих лиц. Сложность и размер организаций, которые могут быть сформированы, нередко ограничены, и они доступны только элите общества.

---

* Высокие темпы роста в бедных странах, когда они растут, отчасти могут быть объяснены «эффектом быстрого старта» (catch up), то есть тем, что страны могут расти быстрее, просто поскольку они восстанавливаются от негативного шока.

** Более сложные эмпирические доказательства этого базового факта см. в: Rodrik, 1999; Ramey and Ramey, 1995; Mobarak, 2005.

Естественные государства, следовательно, обладают гораздо более слабым гражданским обществом*. Организации – это отчасти инструменты, которые индивиды используют, чтобы увеличить производительность, найти и установить контакты и взаимоотношения, координировать действия многочисленных индивидов и групп, управлять ими и принуждать их. Общества отличаются по составу и доступности организационных инструментов.

Фукуяма (Fukuyama, 1995, p. 10; Фукуяма, 2004, с. 27) в своем определении социального капитала особое внимание уделяет организациям: «...способности людей работать вместе во имя общих целей в группах и в организациях». С его точки зрения, способность формировать организации объясняет как развитие современной политики, так и экономики: «Понятие социального капитала проясняет вопрос о том, почему капитализм и демократия так тесно связаны друг с другом. Здоровая капиталистическая экономика – это экономика, в рамках которой общество располагает количеством социального капитала, достаточным для того, чтобы позволить самоорганизацию бизнеса, корпораций, сетевых структур и т. п... Та же склонность к социализированности, которая имеет ключевое значение для организации устойчивых бизнес-структур, необходима и для создания эффективных политических организаций» (Fukuyama, 1995, p. 356–357; Фукуяма, 2004, с. 580–581).

Важность групп и организаций для жизни современных либеральных демократий остается краеугольным камнем огромного корпуса литературы по гражданскому обществу. Богатая и разнообразная сеть групп и организаций контролирует как действия правительства, так и условия, в которых индивидуальные ценности – терпимость, участие, гражданственность – могут быть воспитаны. Мы основываемся на обоих этих аспектах гражданского об-

---

* Важность гражданского общества и открытого доступа к организациям наиболее обстоятельно обсуждались у Патнэма (Putnam, 1993, 2000; Патнэм, 1996), но идея прослеживается еще у Гегеля (Hegel, 1991 [1820], p. 220–274; Гегель, 1990, с. 227–278). См. также: Lipset, 1963; O'Donnell and Schmitter, 1986; Rosenblum, 1998; Tocqueville, 1969 [1853]; Токвиль, 1992, и Widber, 2001.

щества. Но наша позиция существенно отличается от общераспространенной точки зрения, когда мы подчеркиваем, что большинство организаций во всех обществах функционируют при выраженной поддержке государства. Мы утверждаем, что большинство организаций, даже самых простых, опираются на принуждение к исполнению соглашений между членами организации или соглашений между организациями и другим акторами третьей стороной. Государство чаще всего обеспечивает такое принуждение, выступая в качестве третьей стороны. Открытый доступ к организациям — это важное и недооцененное различие между естественным государством и порядками открытого доступа. Безлично определенный доступ (права) к созданию организаций составляет центральную часть обществ открытого доступа.

В Табл. 1.3 приведена оценка распределения одного специфического типа организаций в различных странах в зависимости от дохода. В данном случае это зарегистрированная торговля и организации бизнеса, данные о которых были собраны и опубликованы в справочнике издательства *K. G. Saur* и легли в основу анализа Коутса, Хекельмана и Уилсона (Coates, Heckelman, and Wilson, 2007).

Для 37 404 таких организаций в 164 странах данные по доходам можно было сопоставить с данными из справочника издательства *K. G. Saur*. Самые бедные страны с доходом менее 2000 долларов в год имели в среднем по 30 организаций и по 28 организаций на миллион жителей (столбцы 3 и 4 в таблице). На страны с более чем 20 000 долларов годового дохода приходится в среднем по 1106 организаций и по 64 организации на миллион жителей. Число организаций на миллион человек стабильно растет с увеличением дохода (столбец 4). На страны с доходом на душу населения менее 10 000 долларов приходится 78,4% населения в выборке (столбец 6) и всего 13,1% организаций в выборке (колонка 5). Данные по странам демонстрируют заметную корреляцию между числом организаций и уровнем экономического и политического развития.

Табл. 1.3 охватывает только малую долю организаций в стране. Развитые страны с открытым доступом об-

ладают значительным числом формальных организаций. К примеру, в общественной сфере в 1997 г. в США было 87 504 формально организованных единиц управления (1 — на национальном уровне, 50 — на уровне штатов, 3043 — на уровне округов, 19 372 — на уровне муниципалитетов, 16 629 — на уровне городов и городских поселений, 13 726 — на уровне школьных районов и 34 683 — особых округов)*. В частной сфере в 1996 г. существовало 1 188 510 организаций, освобожденных от уплаты налогов (654 186 религиозных и благотворительных институтов, 139 512 организаций в сфере социального обеспечения, 314 644 ветеранские организации, 80 065 фермерских кооперативных организаций — плательщиков и неплательщиков налогов, 77 274 союза предпринимателей и 91 972 общества добровольного взаимного страхования). И хотя Роберт Патнем (Putnam, 2000) зафиксировал снижение гражданской активности в США, на каждые 160 жителей этой страны приходится по крайней мере 1 формальная некоммерческая организация**. Некоммерческий сектор в 1997 г. составлял 23 645 197 организаций (17 миллионов индивидуальных предпринимателей, 1,7 миллиона партнерств и 4,7 миллиона корпораций) — 1 зарегистрированная бизнес-корпорация на каждые 60 человек; 1 зарегистрированная бизнес-организация на каждые 13 человек***. Цифры внушительные, особенно если учесть, что в период с 1776 по 1800 г. в стране было около 200 зарегистрированных бизнес-учреждений****.

---

* Данные приведены по: *Historical Statistics*. Vol. 5. P. 5–10. Table Ea1–9.

** См: *Historical Statistics*. 2006. Vol. 2. P. 2. 259–86110. Table Bg–65–101. Эти организации формальны, так как они зарегистрированы в Службе внутренних государственных доходов (Internal Revenue Service) для получения статуса неплательщика налогов, хотя и не все они являются формальными организациями. Эти цифры не учитывают общее число некоммерческих организаций, поскольку многие из них не регистрировались как освобожденные от налогов.

*** *Historical Statistics*. 2006. Vol. 3. P. 3. 496–498. Tables Ch1–18.

**** По объединениям в XIX в. см. *Historical Statistics*. Vol. 3. P. 3, 531–549.

ТАБЛИЦА 1.3. Доход и организации

Доход на душу населения в 2000 г., долл. США	Число стран	Число организаций: Всего	Число организаций: В среднем на страну	В среднем на страну на 1 млн жителей	Доля организаций в % от мирового	Доля населения в % от мирового
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
От 300 до 2000	41	1238	30,2	2,8	3,3	18,0
От 2000 до 5000	38	143	37,6	4,5	3,8	40,4
От 5000 до 10 000	34	2338	68,8	16,7	6,3	20,0
От 10 000 до 15 000	15	714	47,6	21,2	1,9	2,6
От 15 000 до 20 000	8	708	88,5	26,9	1,9	1,6
Свыше 20 000	28	30976	1106,3	63,6	82,8	17,3
Итого	164	37404	228,1	19,3	100	100

Источники: Данные о числе групп интересов взяты из работы Коутса, Хекельмана и Уилсона (Coates, Heckelman, Wilson, 2007), опирающейся на справочник издательства *K. G. Saur*. Числа в таблице базировались на таблицах, иллюстрирующих их статьи. Данные о доходах взяты из работы Хестона, Саммерса и Атена (Heston, Summers, Aten, 2006).

Число формальных правительственных организаций подводит нас к последнему отличительному элементу этого социального порядка—более крупным правительствам (см.: Lindert, 2004). В Табл. 1.4 приведена доля государственных расходов в процентах от валового внутреннего продукта (ВВП) для тех стран, по которым есть данные по государственным доходам и расходам. Из-за того что достоверные данные о величине государственных расходов собрать довольно трудно, выборка в Табл. 1.4 меньше, чем в других таблицах. Таблица тем не менее показывает тесную связь между размером и структурой правительства

в зависимости от размера доходов. Как видно из столбца 2, ВВП и размер центрального правительства не связаны. Однако когда мы включаем в столбец 4 информацию по расходам местных органов власти (штатов, городов, округов, провинций и т. п.), между доходом и размером правительства четко прослеживается положительная взаимосвязь. В самом деле, положительная связь между доходами и размером расходов местных органов власти как в доле общих государственных расходов (столбец 5), так и в доле ВВП является наиболее сильной тенденцией. Страны с высоким уровнем доходов создают и поддерживают более плотную сеть местных органов*. Правительства в странах с высоким уровнем дохода больше, потому что они производят больше общественных благ, включая автодороги, инфраструктуру, образование, здравоохранение и программы социального страхования. Они также оказывают эти услуги всем гражданам безлично. Как показывает замечательное исследование коррупции в Индии (Bertrand, Djankov, Hanna, Mullainathan, 2007), в естественных государствах на безличной основе не могут выписать даже такой, казалось бы, элементарный документ, как водительское удостоверение.

И вновь наиболее существенная разница в характере взаимосвязи между размером государства и его структурой наблюдается у стран с доходом свыше 20 000 долларов и менее 20 000 долларов. Связь между доходом и развитием наиболее ярко выражена в странах с самым высоким уровнем доходов, которые совершили переход к порядкам открытого доступа.

В современном мире существуют две основные социальные модели. Модель открытого доступа характеризуется:

---

* Географические и демографические размеры страны также влияют на число местных правительств, поэтому в Табл. 1.4 приводится среднее число жителей для стран в каждом диапазоне. В Индии, где живет более одного миллиарда человек, расходы местных правительств составляют 38% от всех государственных расходов. Если бы мы смогли учесть население стран, то связь между доходами и размером государства оказалась бы еще более заметной.

ТАБЛИЦА 1.4.
Размер государственных расходов в зависимости от процента от ВВП и от правительственного уровня

Доходы на душу населения за 2000 г., долл. США	Число стран	Расходы центральных органов власти, % от ВВП	Число стран	Все гос. расходы, % от ВВП	Расходы местных органов власти, % от всех гос. расходов	Среднее население стран, тыс. чел.
От 300 до 2000	9	29	7	31	4	7884
От 2000 до 5000	17	26	16	27	5	99 625
От 5000 до 10 000	20	25	17	33	13	39 943
От 10 000 до 15 000	11	32	9	40	16	13 796
От 15 000 до 20 000	8	31	7	33	6	14 317
Свыше 20 000	22	37	19	53	30	31 024
Итого	87	30,28	75	37,2	14	42 274

Источники: Данные о доходах приводятся по: Heston, Summers, Aten, 2006, «Real GDP per capita (Constant Prices: Chain series)». Данные о доле государственных расходов в % от ВВП приводятся по: *IMF: Government Financial Statistics*. Необходимо отметить, что не все страны сообщают о расходах местных органов власти. В выборку были включены только те страны, по которым имелись соответствующие данные о расходах, даже если они были равны нулю, что отражено в столбцах 3, 4, 5 и 6. Данные о доле государственных расходов в % от ВВП взяты прямо из отчетов МВФ и отражают средние показатели за период с 1995 по 2000 г., посчитанные по каждой стране за годы, сведения по которым имелись.

1. политическим и экономическим развитием;
2. экономикой, которая меньше страдает от отрицательного роста;
3. сильным и динамичным гражданским обществом с большим числом организаций;
4. более крупными и более децентрализованными правительствами;
5. широким распространением безличных социальных взаимоотношений, включая верховенство права, защиту права собственности, справедливость и равенство — все аспекты равноправия.

Модель ограниченного доступа характеризуется:

1. медленно растущими экономиками, чувствительными к потрясениям;
2. политическим устройством, которое не основывается на общем согласии граждан;
3. относительно небольшим числом организаций;
4. менее крупными и более централизованными правительствами;
5. господством социальных взаимоотношений, организованных при помощи личных связей, включая привилегии, социальные иерархии, законы, которые применяются не ко всем одинаково, незащищенные права собственности и распространенное представление о том, что не все люди были созданы равными.

Все общества претерпевают случайные и непредсказуемые изменения внутри себя и под влиянием внешнего мира. Изменения во внешних факторах, таких как климат, относительные цены и влияние соседей, а также перемены во внутренних факторах, таких как личность и характер лидеров, внутренняя вражда и относительные цены, влияют на постоянные изменения обстоятельств, с которыми приходится сталкиваться обществам. Отличия в достижениях экономик обществ открытого и закрытого доступа со временем отражают присущую обоим социальным порядкам способность приспосабливаться к переменам. Концептуальные рамки описывают не статичное

общественное равновесие, а скорее являются способом осмысления обществ, которые всегда и везде сталкиваются с изменчивыми ограничениями и возможностями. Динамика социального порядка — это динамика социальных изменений, а не динамика прогресса. Большинство обществ движутся вперед или назад в зависимости от политического и экономического развития. Наши концептуальные рамки не подразумевают телеологии. Однако они показывают, почему общества открытого доступа лучше справляются с переменами, чем естественные государства.

Устойчивые модели показывают, что современное социальное развитие связано с одновременным совершенствованием человеческого капитала, физического капитала, технологии и институтов. Из-за того что изменения в этих элементах происходят приблизительно в одно и то же время, попытки представителей социальных наук, использующих количественные методы, идентифицировать действующие причинно-следственные связи в условиях одновременной корреляции постоянно не оправдывались*. Как показывает недавнее исследование гипотезы модернизации, проведенное Асемоглу, Джонсоном, Робинсоном и Яредом (Acemoglu, Johnson, Robinson, Yared, 2007), одновременная связь между демократией и высоким доходом с точки зрения формальной статистики оказывается не каузальной, а отражает воздействие упущенного фактора. Мы полагаем, что этим упущенным фактором является модель социальных взаимоотношений в порядке открытого доступа.

Слишком часто представители социальных наук в обществах открытого доступа неявно опираются на удобное допущение, что общества, в которых они живут, представляют собой историческую норму. Напротив, мы утверждаем, что нормой является как раз естественное

---

* Экономическая литература содержит множество исследований, пытающихся классифицировать независимое влияние различных факторов, призванных выявить причины и следствия экономического развития. См.: Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001, 2002, 2005; Glaeser, LaPorta, Lopes-de-Silanes, Shleifer, 2004; Knack, Keefer, 1995, 1997; Rodrick, Subramanian, Trebbi, 2004.

государство, а не открытый доступ. Еще два столетия назад не существовало порядков открытого доступа, даже сегодня 85% населения мира живут в порядках ограниченного доступа. В письменной истории человечества доминирующей моделью социальной организации выступает естественное государство (the natural state). Мы используем это название, а не более буквальное — «порядок ограниченного доступа», чтобы подчеркнуть, что в отличие от описанного Гоббсом *естественного состояния* (the state of nature), в котором масштаб и возможности человеческой организации крайне малы и нет государства, естественное государство оказывается устойчивой формой более крупных социальных организаций, возникшей пять-десять тысяч лет тому назад. Естественное государство просуществовало так долго, потому что помогает в интересах влиятельных индивидов формировать господствующую коалицию таким образом, чтобы ограничить насилие и сделать возможными устойчивые социальные взаимодействия более крупного масштаба.

1.2. Концепция социальных порядков: насилие, институты и организации

Все общества сталкиваются с проблемой насилия*. Независимо от того, насколько люди предрасположены к насилию генетически, возможность применения насилия со стороны некоторых индивидов, представляет важнейшую проблему для любой группы. Ни одно из обществ не решило эту проблему путем устранения насилия; в лучшем случае его можно сдерживать или пытаться им управлять.

---

* Мы понимаем, что общества не являются акторами. Действия совершают не *общества*, а индивиды. Тем не менее там, где это не будет вводить в заблуждение, мы иногда будем использовать язык метонимии и овеществления, используя термин *общество* как удобное сокращение более громоздкой конструкции: совокупность индивидов, коллективно принимающих ряд индивидуальных решений, производя таким образом общие и разделяемые представления и убеждения относительно выборов, последствий и результатов.

Насилие проявляется в разных измерениях. Насилие может быть выражено в физических действиях или угрозах совершения физических действий. И акты насилия, и принуждение являются элементами насилия. Отношение между актами насилия и принуждением включает в себя представления о действиях других — мы уделяем большое внимание тому, насколько угрозы насилия убедительны, а также условиям, при которых применение физического насилия последует со стороны других индивидов или государства. В другом измерении насилие может быть действием одного человека или действием организованных групп — от банд до армий. Основной проблемой нашего исследования является *организованное насилие*; использование насилия или угроз насилия группами. Поскольку угрозы насилия могут быть использованы для ограничения действительного применения физического насилия, не существует простого способа измерения уровня насилия в обществе. Насилие так же влияет на человека, которому угрожает физическое нападение, как и на человека, который действительно ему подвергся. В некоторых случаях мы специально рассматриваем частоту применения физического насилия. Но в большинстве случаев наша концепция насилия охватывает как угрозы, так и действия. Мы стремимся определить, приводит ли рассеянный контроль над насилием к угрозам его применения, играя центральную роль в социальном порядке, или контроль над насилием консолидирован и потому многие отношения осуществляются без угрозы насилия. Порядки ограниченного и открытого доступа коренным образом отличаются друг от друга по отношению к этим измерениям насилия и организации насилия.

Существуют важные элементы социального масштаба в области контроля над насилием. Управление насилием при помощи повторяющихся личных контактов может поддержать формирование только небольших групп людей, возможно, состоящих из 25—50 индивидов. Индивиды в обществе малых групп привыкают доверять друг другу, приобретая подробные личные знания, включая знания о склонности каждого из индивидов применять насилие; сюда же относится убеждение в том, что через постоян-

ное взаимодействие текущие отношения создают интерес. В более крупных группах ни один индивид не обладает личным знанием обо всех членах группы или общества, и потому сами по себе личные отношения не могут быть использованы для контроля над насилием*. Если в обществе развиваются большие группы, должна возникнуть некоторая форма социальных институтов для контроля над насилием. Хотя и можно представить себе большое общество мирных людей, такое общество не сможет существовать, если единственным способом контроля над насилием будет личное знание и повторяющееся личное взаимодействие.

Поскольку индивиды всегда имеют возможность конкурировать друг с другом за ресурсы или статус при помощи насилия, необходимым следствием ограничения использования насилия внутри социальной группы является установление ограничений конкуренции. Все три общественных порядка конкурентны, но они ограничивают конкуренцию по-разному**. Насилие рассматривается нами в рамках концепции *институтов* и *организаций*, которую необходимо пояснить. *Институты*—это «прави-

---

* Приблизительные оценки типичного размера группы достигают 150 человек. Данбар (Dunbar, 1996, p. 69–79) определил тесную взаимосвязь между отношением размера мозга к размеру тела и размером группы у животных. Живущим в больших группах животным требуется более крупный мозг для обработки социальной информации. Основываясь на отношении размера мозга к размеру тела и других факторах, Данбар утверждает, что базовая человеческая группа состояла примерно из 150 членов. В исследовании Келли (Kelly, 1995, p. 205–232) сообщается, что группа охотников-собирателей, как правило, состоит из 25 членов. Для нас важно, что постоянные группы, превышающие несколько сотен людей, не могли появиться ранее чем десять тысяч лет тому назад.

** Использование повторяющегося личного взаимодействия в малых группах, кажется, приводит к существенному регулированию конкуренции. Группы охотников-собирателей агрессивно эгалитарны. Заслуги лидеров и лучших охотников (часто это не одни и те же индивиды) не приносят им большей доли потребительских благ. Конкуренция за потребление подавляется ради координации стимулов группы. Насилие играет неизбежную роль в социальной дисциплине, включая дисциплинирование зарвавшегося лидера. См.: Boehm, 1999.

ла игры» (North, 1990, p. 3–4; Норт, 1997, с. 17–19), структура взаимодействия, которая управляет и ограничивает отношения индивидов. Институты включают формальные правила, писаные законы, формальные социальные соглашения, неформальные нормы поведения, а также разделяемые убеждения о мире и средства принуждения к исполнению этих правил и норм. Наиболее распространенное представление об институтах заключается в том, чтобы рассматривать их как ограничения поведения индивидов как индивидов, например: если существует ограничение скорости до 60 миль в час, как быстро я должен ехать? Однако институты также структурируют способ формирования у индивидов убеждений и мнений о поведении других людей, например: если существует ограничение скорости до 60 миль в час, как быстро будут ехать другие водители? Исходя из этих условий, мы спрашиваем, какие из этих институтов могут сохраниться, учитывая взаимодействие институциональных ограничений, убеждений людей и их поведения (Greif, 2006; Weingast, 2002)? Решение этого сложного набора вопросов позволяет ответить, почему институты охватывают формальные законы, неформальные нормы поведения и разделяемые убеждения о мире, которых придерживаются индивиды.

Одни и те же институты приводят к разным результатам, в зависимости от контекста. Рассмотрим институт выборов. Выборы в обществе с открытой политической конкуренцией приводят к иным результатам, чем в обществе с ограниченной политической конкуренцией. Выборы не приводят к неизбежному созданию демократии. Выборы требуют наличия институтов и организаций, а также убеждений и норм до того, как они создадут порядок открытого доступа с демократической конкуренцией за политическую власть*.

---

* Подобная точка зрения противоречит наиболее распространенному подходу в литературе о демократии, в соответствии с которым страна считается демократической, если в ней существуют выборы и произошла хотя бы одна смена власти. См.:

В отличие от институтов, *организации* состоят из определенных групп индивидов, преследующих сочетание общих и индивидуальных целей при помощи частичной координации поведения. Организации координируют действия своих членов, и потому действия организации являются чем-то большим, чем просто сумма действий индивидов. Поскольку они преследуют общую цель в организации и поскольку организации обычно состоят из индивидов, которые неоднократно имеют дело друг с другом, у членов большинства организаций развиваются общие убеждения о поведении других членов и о нормах или правилах их организации. В результате большинство организаций имеют свою собственную институциональную структуру: правила, нормы и общие убеждения, определяющие способ поведения людей внутри организации (Greif, 2006).

Мы различаем два типа организаций. *Партнерские организации* характеризуются исполняющимися без внешнего вмешательства и содержащими в себе стимулы соглашениями ее членов. Эти организации не нуждаются в существовании третьей стороны, которая принуждала бы к исполнению внутренних соглашений. Кооперация членов партнерской организации должна быть в каждый момент времени совместима со стимулами для всех членов. *Контрактные организации*, напротив, используют как принуждение к исполнению контрактов при помощи третьей стороны, так и содержащие в себе стимулы соглашения членов (как показывает Уильямсон [Williamson, 1985; Уильямсон, 1996] по отношению к фирмам). В отличие от членов партнерской организации, принуждение к исполнению контрактов при помощи третьей стороны позволяет членам контрактных организаций предварительно заключать между собой ряд соглашений, которые могут не содержать всех стимулов. В наших концептуальных рамках мы стремимся рассмотреть развитие институциональных форм, которые могут поддержать слож-

---

Przeworski et al., 2000. Наша точка зрения более близка к точке зрения Даля (Dahl, 1971; Даль, 2010).

ные контрактные организации как внутри государства, так и за его пределами*.

Современные порядки открытого доступа часто ограничивают насилие при помощи институтов. Институты задают правила, которые напрямую сдерживают насилие, меняя издержки насильственного поведения, прежде всего путем установления наказаний за использование насилия. Люди более склонны подчиняться правилам, даже при значительных издержках для себя, если они считают, что другие люди будут так же соблюдать правила**. Это особенно верно в отношении правил применения насилия. У индивида есть стимул сначала стрелять, а потом разговаривать, когда он боится, что другие не станут соблюдать правила и воздерживаться от применения насилия. Для того чтобы формальное правило — институт — сдерживало насилие, особенно насилие среди индивидов, не знающих друг друга лично, должна существовать определенная организация, в рамках которой ряд официальных лиц обеспечивает соблюдение правил безличным образом. Иными словами, формальные институты контролируют насилие только при существовании организации, способной обеспечить безличное соблюдение правил.

Чем больше размер общества, тем больший набор лиц, обеспечивающих соблюдение правил, необходимо так или иначе организовать. Теоретически отсюда можно сделать два вывода: государство может рассматриваться в качестве единственного актора или как организация ор-

---

* Обзор экономической теории организаций см. в: Milgrom, Roberts, 1992; Милгром и Робертс, 2001; о социологической теории организаций см. в: Scott, 2001.

** Как подчеркивает Леви в своем исследовании того, как условное согласие поддерживает социальное участие, представления и убеждения относительно справедливости, равенства или безличности должны быть частью уравнения — к *каждому* необходимо относиться одинаково, — и это равенство должно применяться как к издержкам, так и к выгодам социального участия. «Принуждение к исполнению при помощи третьей стороны гарантирует подчинение *других*; индивид тогда сможет выбрать подчинение с большей уверенностью в том, что он не сосунок» (Levi, 1997, p. 213).

ганизаций. Большинство ученых в общественных науках абстрагируются от организации лиц, обеспечивающих соблюдение правил, рассматривая их как единую общность и фокусируясь на взаимоотношении между обеспечивающей соблюдения правил общностью и остальным обществом. Как гласит знаменитая максима Вебера (Weber, 1947, p. 156; Вебер, 1990, с. 645), государство – это организация, обладающая монополией на легитимное применение насилия. Сведение идентичности государства к единому актору упрощает объяснение того, как государство взаимодействует с остальным обществом, путем анализа ограничений и стимулов, встающих перед государством, которое определяется как «правитель»*.

Экономисты и социологи, занимающиеся исследованием того, как государства развиваются и взаимодействуют с остальным обществом, моделировали государство как максимизирующего доходы монарха, стационарного бандита или являющегося единым актором «репрезентативного агента»**. Игнорируя тот факт, что все государства являются организациями, этот подход упускает влияние внутренней динамики отношений между элитами в господствующей коалиции на взаимодействие государств с остальным обществом. Систематическое создание ренты при помощи ограниченного доступа в естественном государстве – это не просто средство набить карманы членов господствующей коалиции; это также важнейшее

---

* Наиболее заметные примеры включают: North, 1981; Olson, 1982, 1993; Олсон, 1998, 2010; Barzel, 2001; Levi, 1988; Wintrobe, 1998; Bueno de Mesquita et al., 2003. Специальное приложение модели государства с одним актором к анализу проблемы насилия см. в: Bates, Greif, Singh, 2002. Тилли (Tilly, 1992, p. 34; Тилли, 2009, с. 67) осознает проблему овеществления и метонимии при рассмотрении государства, тем не менее он не анализирует значение сведения государства к одному актору для своего исследования развития национальных государств.

** Самыми известными примерами являются модель «Левиафана» Бреннана и Бьюкенена (Brennan, Buchanan, 1980), неоклассическая теория государства Норта (North, 1981, ch. 3), а также теория «гастролера» и «оседлого бандита» Олсона (Olson, 1993; Олсон, 2010).

средство контроля насилия. Создание ренты, ограничение конкуренции и доступа к организациям определяют природу государства, его институтов и функционирования общества. Ограничение возможности создания контрактных организаций только для членов коалиции прямо связывает интересы влиятельных элит с выживанием коалиции, обеспечивая тем самым продолжение сотрудничества внутри коалиции.

Важнейший недостаток подхода к анализу государства как единого актора заключается в том, что здесь упускается фундаментальная проблема приобретения государством монополии на насилие. Как мы увидим, данный процесс играет важную роль в том, как индивиды и группы ведут себя в обществе и как возникает коалиция, структурирующая государство и общество.

Мы идем другим путем. Вместо того чтобы абстрагироваться от проблемы того, как влиятельные индивиды объединяются для управления насилием при помощи определенных организационных усилий, мы начинаем с проблемы структурирования внутренних взаимоотношений индивидов, которые составляют организацию лиц, обеспечивающих (потенциально) соблюдение правил. Первой проблемой ограничения насилия является ответ на вопрос: каким образом влиятельным индивидам удается достичь достоверных обязательств прекратить борьбу? Наш ответ составляет основу этой книги и, по нашему убеждению, задает новые концептуальные рамки для социальных наук. Контроль над насилием зависит от структуры и поддержания взаимоотношений между влиятельными индивидами.

1.3. Логика естественного государства

Естественное государство снижает проблему повсеместного распространения насилия путем создания господствующей коалиции, члены которой обладают особыми привилегиями. Логика естественного государства вытекает из того, как оно решает проблему насилия. Элиты — члены господствующей коалиции — соглашаются уважать

привилегии друг друга, включая права собственности и доступ к определенным видам деятельности. Ограничивая доступ к этим привилегиям только членами господствующей коалиции, элиты создают надежные стимулы сотрудничать, а не бороться друг с другом. Поскольку элиты знают, что насилие приведет к снижению их собственных рент, они имеют стимулы к тому, чтобы прекратить борьбу. Кроме того, каждая элитарная группа понимает, что другие группы сталкиваются с такими же стимулами. Так политическая система естественного государства манипулирует экономической системой для создания ренты, которая затем обеспечивает политический порядок.

Господствующая коалиция состоит из членов, которые специализируются на определенных военных, политических, религиозных и экономических видах деятельности. Однако функционирование господствующей коалиции проще будет понять, если начать с тех, кто специализируется на военной деятельности, а затем вернуться ко всей коалиции*. Представим мир, которому свойственно насилие, где население образует множество малых групп и отсутствуют хорошо организованные правительственные и военные силы. Некоторые индивиды специализируются на насилии, но при этом и все остальные должны быть готовы защитить свои права силой оружия. Такие специалисты в области насилия могут обеспечить защиту небольшой группе клиентов, но самой большой угрозой, с которой сталкиваются специалисты, являются другие специалисты. Если они попытаются договориться о разоружении, первый специалист, опустивший свое оружие, рискует быть убитым другим. Тем самым равновесным исходом для обоих специалистов является сохранение вооружений и продолжение борьбы.

Для того чтобы один из специалистов прекратил боевые действия, он должен понять, что это также в интересах другого, и эти ожидания в отношении друг друга

---

* Целью последующих рассуждений не является историческое описание возникновения естественных государств; мы не обладаем достаточной исторической информацией, чтобы проследить конкретное развитие первых естественных государств.

должны разделяться обоими специалистами. Только если издержки борьбы или выгоды ее прекращения осязаемы и ясны обоим специалистам, они поверят, что отсутствие борьбы является достоверным результатом. Названное решение предполагает, что оба специалиста согласятся разделить свой мир на две части, каждая из которых будет контролироваться одним из специалистов, а затем признать права друг друга контролировать землю, рабочую силу, ресурсы и торговлю в своей сфере. Специалисты не разоружатся, но если их земля, рабочая сила и ресурсы более продуктивны при отсутствии насилия, то эта договоренность создаст дополнительные издержки ведения боевых действий; в этом и заключается решение проблемы достоверности обязательств неприменения насилия. Если каждый специалист в области насилия получит большую экономическую отдачу (ренту) от контролируемых им земли, рабочей силы и ресурсов в мирных условиях и если эти ренты достаточно велики, то у обоих специалистов может появиться прочная уверенность в том, что в интересах другого специалиста воздержаться от борьбы. *Рента* — это отдача от экономического актива, превышающая отдачу, которая может быть получена от лучшего альтернативного использования этого актива*. Для специалистов в области насилия рента от мира представляет разницу между отдачей от их активов, приобретаемой в том случае, когда они не ведут борьбу, и от-

---

* Если человек хочет получать за определенную работу 10 долларов в час, а не 9,99, но получает при этом 15 долларов в час, то его рента составляет 5 долларов в час. Рента зависит не только от наблюдаемой отдачи, такой как 15 долларов в час, но и от стоимости лучшей упущенной альтернативы. В данном случае это эквивалент 9,99 доллара, который человек мог бы получить на другой работе или от потребления отдыха. Поскольку стоимость наилучшей альтернативы никогда не наблюдается, измерение ренты требует учета особых обстоятельств, в которых делается выбор. Рента отличается от наблюдаемой отдачи тем, что она приобретается только теми людьми, которые занимаются определенной деятельностью. Так, специалисты в области насилия получают ренту от мира только в том случае, если они не применяют насилия.

дачей, которую они приобретают, ведя борьбу. Хотя у одного из специалистов может возникнуть сегодня соблазн измены, в результате его повторяющегося взаимодействия создается такая ситуация, при которой в его интересах не вступать в борьбу на протяжении долгого периода времени.

Достоверность обязательства требует, чтобы специалисты в области насилия способны были мобилизовать и собирать свою ренту, создаваемую остальным населением. Мобилизация ренты, в свою очередь, требует специалистов в других видах деятельности. И здесь мы переходим от простых идей о насилии к более обоснованному описанию логики естественного государства. В самых ранних обществах, известных нам по письменным источникам, священнослужители и политики обеспечивали создание перераспределительной сети, способной собрать добычу и перераспределить ее между элитами и неэлитами*. В естественных государствах каждая из невоенных элит контролирует или обладает привилегированным доступом к жизненно важной функции, такой как религия, производство, распределение ресурсов сообщества, правосудие, торговля или образование**. Поскольку позиции, привилегии и ренты отдельных элит в господствующей коалиции зависят от ограниченного доступа, обеспечиваемого продолжающимся существованием режима, все элиты имеют стимулы, для того чтобы поддерживать коалицию и способствовать ее сохранению. Неспособность сделать это создает риск насилия, беспорядка и потери ренты.

Организации элиты создают и распределяют ренту среди членов коалиции. Одним из наиболее ценных источников ренты для элиты является привилегия соз-

---

* Мы рассматриваем формирование ранних государств, которые все были теократиями, в главе 2; см. также: Steckel, Wallis, 2006.

** Разные функции элиты часто интегрированы, а важнейшие члены коалиции могут играть сразу несколько ролей, как, например, цари в древних китайских государствах, которые одновременно были военными лидерами, политическими лидерами и верховными жрецами (см. напр.: Chang, 1983, p. 35, 45).

дания организаций, которые будут пользоваться поддержкой государства. Изобретая способы поддержки контрактных организаций, а затем распространяя привилегию формирования этих организаций на своих членов, господствующая коалиция создает способ производства и распределения рент внутри коалиции, а также надежный способ дисциплинирования элит, поскольку элитарные организации зависят от сторонней поддержки коалиции. Способность элит организовать кооперативное поведение под эгидой государства увеличивает отдачу для элит от производительных ресурсов общества—земли, труда, капитала и организаций*.

Встроенные в эти организации стимулы создают *двойной баланс*: отношение между распределением и организацией потенциала насилия и политической власти, с одной стороны, и распределением и организацией экономической власти—с другой. Идея двойного баланса предполагает не только обязательное существование во всех социальных системах внутреннего баланса интересов, но также и существование во всех политических, экономических, культурных, социальных и военных системах совместимых систем стимулов, необходимых для сохранения стабильности общества.

Поскольку господствующая коалиция в любом естественном государстве является партнерской организацией, неизбежность мира не обеспечена: мир зависит от баланса интересов, создаваемого процессом создания ренты. Насилие и гражданская война всегда возможны. Военные специалисты не разоружаются; они должны поддерживать свою военную силу как для того, чтобы уравновешивать власть друг друга, так и для того, чтобы принуждать к повиновению своих клиентов. Рассеянная военная власть является частью логики естественного государства.

---

* Большинство организаций элит не являются чисто политическими или военными, а совмещают в себе экономические, религиозные, судебные и иные функции. Хорошим примером является феодальный манор, являющийся организацией, которая осуществляет координацию производства, правосудия, владения и использования земли, образования и религии.

Таким образом, угроза насилия становится частью организации контроля фактического применения насилия.

Естественные государства стабильны, но не статичны, и ни одна господствующая коалиция не является постоянной. Общества сталкиваются с неожиданными шоками и изменениями, которые могут дестабилизировать внутренние отношения в господствующей коалиции. Во внутреннем отношении политика и принимаемые лидерами решения приводят к непреднамеренным последствиям, изменяющим обстоятельства, с которыми сталкивается коалиция. Лидеры и члены коалиции никогда не бывают полностью уверены во всех результатах своих действий, и периодически они совершают серьезные ошибки. Во внешнем отношении в мире всегда происходят непредсказуемые изменения относительных цен, климатические бедствия, небывалые урожаи, технологические изменения и появляются новые враждебные соседи. Все общества подвергаются случайным и неожиданным потрясениям. В естественных государствах изменения могут затронуть распределение потенциала насилия и потребовать пересмотра существующего распределения привилегий и ренты в господствующей коалиции, а также изменения состава коалиции с ростом новых влиятельных интересов и ослаблением старых. Например, если одни из специалистов в области насилия станут сильнее других, они, скорее всего, потребуют большей доли привилегий и ренты. И если их требования не будут удовлетворены — в случае недооценки группами потенциала насилия друг друга, — вероятен рост насилия, в том числе гражданские войны (например, война Биафры с остальной Нигерией, Бангладеш — с остальным Пакистаном), этническое насилие (примерами являются бывшая Югославия, Руанда) или государственные перевороты, направленные на предупреждение некоторых политических действий демократически избранных правительств (например, переворот в Чили в 1973 г. и в Испании в 1936 г.).

Несмотря на свое фундаментальное сходство, между естественными государствами существуют немалые отличия. Их история богата и разнообразна, и, как будет показано нами в главе 2, естественные государства могут

различаться во многих проявлениях. Нами создана простая типология естественных государств, которая отражает способность различных типов поддерживать организации. *Хрупкие* естественные государства неспособны поддерживать любые организации и само государство. *Базисные* естественные государства могут поддерживать организации, но только в рамках государства. *Зрелые* естественные государства способны поддерживать широкий ряд элитарных организаций, не находящихся под непосредственным контролем государства. Способность поддерживать организации – структурировать взаимодействие людей – играет определяющую роль в экономическом и политическом развитии естественного государства.

1.4. Логика порядка открытого доступа

Порядки открытого доступа контролируют насилие при помощи иной логики, чем естественные государства. Эти общества создают мощные, консолидированные военные и полицейские организации, подвластные политической системе. Все общества открытого доступа соответствуют веберовскому допущению: их государства обладают монополией на легитимное применение насилия. Консолидация насилия опасна тем, что государство будет использовать насилие для своих собственных целей. В результате логика контроля над насилием в порядке открытого доступа предполагает три элемента: 1) консолидированная организация военных и полицейских сил подчинена контролю политической системы; 2) политическая система должна быть ограничена набором институтов и стимулов, ограничивающих нелегитимное применение насилия; 3) для того чтобы политическая фракция или партия оставалась у власти, она должна обладать поддержкой широко определенных экономических и общественных интересов. Открытый доступ в экономической системе защищает политическую систему от манипулирования экономическими интересами и гарантирует смену власти в случае злоупотребления контролем над вооруженными силами со стороны

политической группы. Эти три элемента государственной монополии на насилие должны быть развиты в институциональных рамках, которые делают достоверными обязательства об ограничении применения насилия и поддержании открытого политического и экономического доступа. Контроль над насилием в более широком обществе осуществляется путем сдерживания — угрозы наказания со стороны государства, а также лишения негосударственных организаций, применяющих насилие, доступа к оказанию организационной поддержки.

Контроль над политической системой открыт для любой группы и оспаривается посредством предписанных, обычно формальных, конституционных средств. Все индивиды имеют право на формирование организаций, и они используют услуги государства, для того чтобы структурировать внутренние и внешние отношения их организаций к индивидам и другим организациям. Способность формировать организации по желанию, без одобрения со стороны государства, обеспечивает ненасильственную конкуренцию в политике, экономике и в любой другой области общества с открытым доступом*. Способность политических акторов использовать организованную военную или полицейскую силу для принуждения индивидов ограничена способностью экономических и других акторов конкурировать за политиче-

---

* Как будет подробно показано нами в этой книге, в обществе открытого доступа государство поддерживает организации, обеспечивая исполнение внутренних и внешних соглашений одобренных организационных форм, таких как корпорации. В этом смысле одобрение государства требуется для всех законных организаций. Открытый доступ имеет место тогда, когда одобрение государства дается любой группе, которая отвечает некоторым минимальным требованиям. В Великобритании, например, открытый доступ к корпоративным организационным формам произошел в 1844 г. через процесс «регистрации», в соответствии с которым группа, желавшая сформировать корпорацию, посылала соответствующие формы в правительственное административное учреждение. Открытый вход требует явного признания организации государством *и* распространения признания государства на всех, кто хочет сформировать организацию. Этот вопрос будет подробно рассмотрен нами в 5-й главе.

ский контроль. Будучи включенными в конституционное устройство с институтами, которые обеспечивают надежные стимулы, защищающие различные права, открытый доступ и демократическая конкуренция препятствуют нелегитимному использованию насилия.

Порядок открытого доступа существует только в том случае, если большое число индивидов имеют право формировать организации, которые могут участвовать в самых разнообразных видах экономической, политической и общественной деятельности. Более того, право на формирование организаций должно быть определено безлично. *Безличность* означает одинаковое отношение ко всем. Равенство невозможно без безличности.

Важная идея нашей концептуальной схемы заключается в том, что безличность вырастает из структуры организаций и способности общества поддерживать безличные организационные формы (то есть организации со своей собственной идентичностью, независимой от индивидуальных идентичностей членов организации). В правовых терминах безличные организации могут быть охарактеризованы в западной традиции как *постоянно существующие организации* – организации, существование которых не зависит от жизни их членов*. Постоянно существующие организации должны иметь безличную идентичность. Еще в Древнем Риме существовали организации, которые были субъектами права, способными иметь права и обязанности. Но только в последние пять столетий идентичность организаций стала действительно независимой от идентичности их членов.

Таким образом, конкуренция в порядках открытого доступа отличается от конкуренции в естественных государствах не только из-за ограничений, накладываемых

---

* Постоянно существующая организация – это не бесконечно существующая организация; это организация, «жизнь» которой не зависит от жизни ее членов. Так, современная корпорация является постоянно существующей организацией. Поскольку современное партнерство может быть реорганизовано после смерти одного из партнеров, оно не является постоянно существующим.

на конкуренцию возможностью использования насилия, но и еще по одной важной причине. Общества открытого доступа способны поддерживать безличные отношения в крупном масштабе благодаря своей способности поддерживать безличные, постоянно существующие организации как внутри институтов государства, так и в более широком обществе. Безличность фундаментально изменяет природу конкуренции. Безличные рынки и безличный обмен — это не просто теоретический идеал экономической науки; они являются особенностью обществ открытого доступа.

Индивиды и организации в обществе открытого доступа стремятся к получению рент так же энергично, как они делают это в естественном государстве, но безличная экономическая и политическая конкуренция приводит к эрозии рент. Йозеф Шумпетер (Schumpeter, 1942; Шумпетер, 1995) описал этот процесс инноваций и изменений в экономике как «созидательное разрушение». Инновации сами по себе являются источником ренты. Важной формой экономической конкуренции оказывается развитие новых товаров и услуг, а не снижение цен и повышение качества. Организации формируются для использования новых возможностей и получения связанных с инновациями рент. Открытый вход и доступ к сложным экономическим организациям являются предпосылками созидательного разрушения и динамичной экономики.

Подход Шумпетера имеет важные следствия для политического поведения. Если инновации и открытый вход приводят к регулярным изменениям совокупности экономических интересов, мир, с которым сталкиваются политики, фундаментально отличается от мира естественных государств: порядки открытого доступа не могут манипулировать интересами так же, как это делают естественные государства. Слишком большой объем поведения и формирования интересов находится вне государственного контроля. Политики и в естественных государствах, и в порядках открытого доступа хотят создавать ренты. Создание ренты одновременно вознаграждает их сторонников и обязывает избирателей их поддерживать. Но поскольку порядки открытого доступа позволяют любому

гражданину создавать организации для широкого круга задач, ренты, созданные как политическим процессом, так и экономическими инновациями, привлекают конкурентов в форме новых организаций. Если развить идею Шумпетера, политические предприниматели используют организации для конкуренции за получение ренты и, таким образом, для снижения существующих рент и борьбы за создание новых. В результате созидательное разрушение господствует в политике открытого доступа точно так же, как и в экономике открытого доступа. Большая часть процесса создания интересов находится вне контроля государства. В порядках открытого доступа непрерывно происходит создание новых интересов и образование новых источников ренты*.

Многие исследователи подчеркивают опасности политики, движимой стремлением к получению ренты, в обществах открытого доступа (см., напр.: Bhagwati, 1982; Buchanan, Tollison and Tullock, 1980; Krueger, 1990; Olson, 1965, 1982; Олсон, 1995, 1998). Эти исследования не в состоянии понять, что, хотя все правительства пытаются создать ренту, не всем это удается в одинаковой степени, потому что не все действуют в рамках одного социального порядка. Хотя отрытый доступ не устраняет создание ренты, он значительно ограничивает тот ее вид, который приводит к негативным последствиям для общества. Создание ренты, которое приносит выгоду только узкой группе интересов, хотя и не невозможно, но все же гораздо менее вероятно в обществе открытого доступа, чем в естественном государстве. Напротив, создание ренты, которое приносит выгоды большой, охватывающей широкие слои населения группе, — то есть создание ренты на основе роста, а не ограничения производительности — произойдет с гораздо большей вероятностью в обществе открытого доступа, чем в естественном государстве.

---

* Процесс создания и разрушения ренты сложнее, чем в представленных здесь простых примерах; более сложный анализ создания ренты см. в: Khan, 2004, 2005; Khan, Jomo, 2000. Баумоль (Baumol, 2002) подчеркивает связь между процветанием рынков и инновациями.

И вновь мы наблюдаем существование двойного баланса: открытый доступ и вход в организации в экономике поддерживают открытый доступ в политике, а открытый доступ и вход в политике поддерживают открытый доступ в экономике. Открытый доступ в экономике порождает множество разнообразных организаций, которые выступают основными действующими лицами в процессе созидательного разрушения. Это создает основу для гражданского общества со многими группами, способными стать политически активными, когда их интересы находятся под угрозой. Созидательное экономическое разрушение приводит к постоянному изменению распределения экономических интересов, что мешает политикам укреплять свои преимущества за счет создания ренты. Подобным образом открытый доступ в политике приводит к созидательному политическому разрушению через партийную конкуренцию. Оппозиционная партия имеет сильные стимулы для того, чтобы следить за правящей партией и предавать гласности попытки подорвать конституцию и, в частности, открытый доступ. Хотя у оппозиции в избирательных системах естественных государств могут иметься подобные стимулы, отсутствие открытого доступа и ограничения конкуренции ослабляют способность оппозиции противостоять попыткам правящей партии по сравнению с порядками открытого доступа. Проще говоря, партийная конкуренция работает гораздо лучше при наличии открытого доступа, чем при его отсутствии.

1.5. Логика перехода от естественного государства к порядку открытого доступа

Самой большой проблемой является то, как естественные государства осуществляют переход к обществам открытого доступа. Пониманию перехода препятствуют два обстоятельства. Во-первых, переход начинается в естественном государстве и, следовательно, должен быть совместим с логикой естественного государства. Однако если это верно, как тогда начинается переход? Объ-

яснение перехода должно показать, как в естественном государстве возникают его условия, совместимые с логикой естественного государства и одновременно ставящие элиты в такое положение, когда в их интересах перейти к *безличным* соглашениям внутри элиты.

Вторым препятствием является объяснение того, как безличные соглашения внутри элиты распространяются на более широкую часть общества. Можно поставить этот вопрос следующим образом: зачем вообще элитам отказываться от своего положения в обществе и делать возможным полное участие неэлит? Подобная форма вопроса проблематична: она предполагает, что элиты что-то дают, и неясно, как они это делают*. Мы задаем этот вопрос иначе. Почему элиты преобразуют свои уникальные и личные привилегии в безличные права, которые принадлежат всем элитам в равной степени? И как элиты защищают свои права друг от друга? Создание надежной защиты прав элиты поддерживается перспективой увеличения отдачи: например, обеспечение прав элиты на формирование организаций напрямую ведет к созданию более развитой экономики и политики. Когда элиты создают больший открытый доступ к политическим и экономическим организациям для самих себя, иногда у них возникают стимулы расширить доступ в некоторых пограничных областях и для не принадлежащего к элите населения.

Переход, таким образом, осуществляется в два этапа. Во-первых, естественное государство должно развить такое институциональное устройство, которое позволит элитам создать возможность безличных взаимоотношений внутри них самих. Во-вторых, действительный переход начинается, когда господствующая коалиция приходит к выводу, что в интересах элиты расширить безличный обмен внутри элиты и институционализировать

---

* Подобный подход используется Асемоглу и Робинсоном (Acemoglu, Robinson, 2006; Асемоглу, Робинсон, 2011), которые обращают основное внимание на то, как элиты, сталкиваясь с угрозой революции или гражданских волнений, используют институты — такие как демократия — для осуществления достоверных обязательств по отношению к неэлитам.

элитарный открытый доступ к организациям, эффективно обеспечивая открытый доступ для элит. Мы называем условия, которые могут развиться в естественном государстве, делая возможными безличные взаимоотношения среди элит, *пороговыми*. Пороговые условия представляют институциональную и организационную основу для растущего безличного обмена и институтов, отвечающих логике естественного государства, которые могут быть использованы во время перехода для поддержки порядков открытого доступа.

Вот эти три пороговых условия.

Пороговое условие 1. Верховенство права для элит.
Пороговое условие 2. Постоянно существующие формы общественных и частных организаций, включая само государство.
Пороговое условие 3. Консолидированный политический контроль над вооруженными силами.

Вместе эти пороговые условия создают среду, в которой возможны безличные отношения внутри элиты. Верховенство права для элит расширяет спектр контрактов и взаимоотношений среди элит и делает возможным существование взаимной зависимости, которая не может существовать без той или иной формы правовой защиты. Постоянно существующие организации создают более сильные элитарные организации, которые могут вести более широкую экономическую и политическую деятельность, чем непостоянно существующие организации. Постоянно существующие организации также содержат неустранимый элемент безличной идентичности. Консолидированный контроль над вооруженными силами устраняет для элит необходимость поддерживать альянсы со связанными с военными группировками элитами, которые активизируются при возникновении вспышек насилия. Безличные элитарные организации могут использовать безличный обмен, используя идентичность постоянно существующей организации, а не личные идентичности членов организации. Как только элитарные взаимоотношения становятся безличными, начинают открываться новые возмож-

ности. Если общество, находящееся на пороге перехода, создает и поддерживает для элит новые стимулы для успешного открытия доступа внутри элиты, то тогда и происходит переход в собственном смысле слова. Но ничто не толкает общество, находящееся на пороге, к осуществлению перехода.

При действительном переходе элиты преобразуют свои личные привилегии в безличные права. Всем элитам дается право формировать организации, независимо от того, являются ли эти организации политическими, экономическими или общественными. С этого момента логика, скрепляющая господствующую коалицию, меняется со свойственной естественному государству логики создания ренты посредством привилегий на логику открытого доступа, направленную на эрозию ренты при помощи открытого входа. Фракции элиты находят выгодным позволить более широкий доступ, но также они желают обеспечить защиту своих прав.

Исторически переход происходит за относительно короткий период времени, обычно около 50 лет. Великобритания, Франция и США, по всей видимости, оказались на пороге в конце XVIII в. и осуществили переход к открытому доступу между 1800 и 1850 гг. или, в случае Франции, к 1880 г. Хотя они и не завершили переход полностью, опыт Южной Кореи и Тайваня, по-видимому, согласуется с европейским и занимает приблизительно 50 лет. Некоторые страны на периферии Европы совершили более быстрый переход, особенно Испания после смерти в 1975 г. Франсиско Франко, долгое время бывшего диктатором. Все эти страны развили новые экономические и политические институты, которые обеспечили открытый доступ экономическим организациям на основе общей процедуры инкорпорации; обеспечили открытый доступ политическим организациям на основе развития артикулированной и конкурентной партийной организации и расширения избирательного права; а также обеспечили открытый доступ к законной защите прав на основе изменений их правовых систем. Эти изменения произошли за относительно узкий промежуток времени. Конечно, события, приведшие к этим изменениям,

заняли несколько веков, в течение которых страны развивали институты, убеждения и организации, которые могли обеспечить переход.

1.6. Замечание относительно убеждений

У всех индивидов формируются убеждения о том, как работает окружающий их мир. Убеждения являются непосредственным результатом человеческого сознания в неопределенном мире*. Люди знают о том, что они живут, и они знают, что то, что они делают сейчас, может повлиять на то, что случится потом, даже если они точно не знают, что именно случится потом. В результате люди осознанно совершают преднамеренные, или интенциональные, действия. Мы интересуемся тем подмножеством убеждений, которое мы называем *каузальными убеждениями*, касающимися причинных связей между действиями и результатами в мире вокруг нас.

Исследователи в общественных науках имеют только ограниченное понимание того, что происходит внутри людей—что их мотивирует, радует, злит и пугает. Мы считаем эти индивидуальные и идиосинкразические *предпочтения* данностью. Интересы возникают из взаимодействия предпочтений, альтернатив и каузальных убеждений. Утверждения экономистов о том, что индивиды рациональны и стремятся к тому, что они считают своими интересами, вызывают возмущение в остальных общественных науках. То, что индивиды считают своими интересами, является сложной смесью их предпочтений в отношении различных результатов, альтернатив, с которыми они сталкиваются, а также их убеждений о том, как их действия затронут мир вокруг них. Люди осуществляют действия преднамеренно; на основе своего выбора они пытаются достичь наилучших результатов в условиях ограниченности ресурсов, но их пове-

---

* Хайек (Hayek, 1952) одним из первых в общественных науках исследовал значение формирования убеждений для поведения человека.

дение в значительной степени зависит от их представлений о том, как на самом деле работает окружающий их мир. Поскольку мир слишком сложен для того, чтобы человек смог его полностью понять, ни одна из систем убеждений не может быть полностью точным описанием мира вокруг нас.

Мы не отвечаем на более глубокий вопрос о том, откуда берутся каузальные убеждения*. Двумя основными каналами формирования убеждений являются индивидуальный опыт и образование. Человеческие существа генетически запрограммированы обучаться обоими этими путями. Человеческая культура, в частности, является общей информацией, которая передается через образование независимо от того, передается оно формально, в школьных классах, или неформально, через обучение детей социальным нормам родителями и другими. Ни один из способов формирования убеждений не является полностью надежным, отчасти вследствие того, что убеждения, полученные из опыта, являются неточными моделями мира вокруг нас.

Многие убеждения (beliefs) о том, как другие люди будут себя вести, могут быть проверены экспериментально, но они необязательно являются универсально истинными: не все люди ведут себя одинаково**. С точки зрения индивида, каузальные представления (beliefs) о тех людях, с которыми мы неоднократно взаимодействуем, начиная с семьи, более определенны, чем представления о тех, с которыми мы взаимодействуем меньше. Во многих отношениях убеждения о том, как ведут себя люди в больших группах и объединениях, скрываются в обла-

---

* Всестороннее рассмотрение проблемы человеческого познания, формирования убеждений и интеграции убеждений в экономические модели социального поведения см.: North, 2005; Норт, 2010.

** На другом уровне мы также знаем, что наши представления о том, как поведут себя другие водители, не универсально истинны. В Великобритании они ездят по левой стороне дороги. Китайские правила дорожного движения абсолютно непонятны американскому водителю.

стях, которые управляются знанием, полученным из образования, а не опыта, а также из веры. Большинство каузальных представлений о человеческом поведении могут по крайней мере в принципе быть подтверждены или не подтверждены опытом, полученным в различных социальных взаимодействиях, организациях и сетях, в которые включены индивиды. Уверенность в том, что наши причинные убеждения верны, то есть в том, что они действительно объясняют причинные структуры человеческого поведения и могут служить поэтому руководством для преднамеренных, или интенциональных, действий, является функцией от того, насколько тесно убеждения соответствуют нашему реальному опыту. Поскольку опыт ограничен, все убеждения обязательно неполны.

Грейф (Greif, 2006) провел глубокий анализ формирования убеждений в определенных институциональных условиях. Он определяет институт как набор *институциональных элементов*: правил, норм, убеждений и организаций. Он замечательно использует идею институциональных элементов в своей концепции равновесия, показывая, как «институты создают поведение». Грейф ограничивает допустимые убеждения о том, как работает мир, только теми, которые соответствуют действительному поведению, вызванному институтом. Подтверждение убеждений завершает систему равновесия Грейфа. Поведение—действия, предпринятые индивидами и организациями,—вызываемое созданными институтами стимулами, должно привести к согласующимся с поведением убеждениям. Для Грейфа институты, поведение и убеждения составляют три стороны самостоятельно устанавливающегося равновесия. Убеждения возникают в результате действий, и, поскольку убеждения частично затрагивают последствия действий, они служат интенциональности.

Наш подход отличается от подхода Грейфа в двух отношениях. Первое отличие носит формальный характер. Для Грейфа организации являются одним из институциональных элементов, и в большей части своей книги он обсуждает институты, не выделяя организации специально. Мы же различаем организации и институты и уделя-

ем внимание как одним, так и другим. Второе отличие является содержательным: мы рассматриваем убеждения шире, более общим, но менее точным способом, как результат широких культурных, образовательных и религиозных организаций, а не в узком смысле, как убеждения, непосредственно поддержанные моделированием одного частного подмножества взаимодействий в обществе.

1.7. План

Книга следует структуре, описанной в этой главе. Во 2-й и 3-й главах исследуется логика естественного государства и рассматриваются подробные примеры развития институтов и организаций в естественном государстве. 4-я глава посвящена логике порядков открытого доступа. В 5-й и 6-й главах рассматриваются две части перехода. В главе 7-й излагается концептуальная схема и делается ряд выводов о будущем социальных наук.

Глава 2
Естественное государство

2.1. Введение

Естественное государство решает проблему насилия, создавая господствующую коалицию, которая ограничивает доступ к ценным ресурсам – земле, труду и капиталу – или доступ и контроль над ценными видами деятельности – такими как торговля, религия и образование, – предоставляя его только элитам. Создание ренты через ограничение доступа служит тем «клеем», что удерживает коалицию вместе, давая возможность элитным группам предоставлять друг другу достоверные обязательства помогать режиму, исполнять свои функции и воздерживаться от насилия. Только группы элит способны использовать третью сторону в обеспечении соблюдения правил со стороны коалиции для структурирования контрактных организаций. Ограничение доступа к организационным формам имеет ключевое значение для естественного государства, поскольку ограничение доступа не только создает ренту через исключительные привилегии, но и напрямую повышает ценность привилегий, делая элиты более производительными благодаря их организациям.

Каждое государство должно решать проблему насилия, но если мы начнем рассуждать о государстве с допущения о том, что монополия на насилие находится в руках только одного актора, то упустим фундаментальную проблему. Все государства представляют собой организации, состоящие из множества индивидов, которые кооперируются для достижения общей цели, даже если они не забывают о своих личных интересах. В естественном государстве властные элиты напрямую связаны с организациями, которые они возглавляют. Ресурсы, при-

носимые элитарными организациями господствующей коалиции, усиливают связи внутри коалиции. Уровень специализации и разделения труда, включая специализацию на насилии, возрастает вместе с ростом размера обществ. Поскольку применение насилия требует организации, то специалисты по насилию обычно находятся во главе или входят в состав организаций*. В таком случае организация господствующей коалиции — это вопрос создания организаций, а государство — это организация организаций.

На протяжении всей письменной истории человечества прекращение насилия (мир) достигалось не тогда, когда специалисты по насилию слагали свое оружие, — напротив, мир наступал тогда, когда продуманные принудительные меры (явные или неявные) снижали уровень насилия. Даже если один участник господствующей коалиции назван королем или является, по факту, более сильным по сравнению с другими, этот участник как индивид никогда не будет сильнее коалиции себе подобных. Могущественным становится только тот король или правитель, который возглавляет сильную коалицию. Сохранение власти короля зависит от поддержания господствующей коалиции, которая может взять верх над всеми соперниками. Правитель — это всего лишь один из многих значимых участников господствующей коалиции. Фокусирование внимания на динамике отношений участников господствующей коалиции позволяет нам объяснить и понять логику социального порядка, а также обстоятельства, лежащие в основе всех социальных организаций в естественном государстве.

Естественное государство *естественно*, поскольку на протяжении почти всех последних десяти тысяч лет для общества, состоящего более чем из нескольких сотен человек, оно фактически стало единственной формой устройства, которое в состоянии обеспечивать матери-

---

* Точнее, представители господствующей коалиции независимо от того, используют ли они на самом деле насилие или нет, являются лидерами организаций, состоящих из множества специалистов, включая специалистов по применению насилия.

альный порядок и управлять насилием. Естественные государства включают широкое разнообразие обществ, но мы далеки от того, чтобы предположить, что все они одинаковы. Месопотамия III тысячелетия до н. э., Британия при Тюдорах и современная Россия при Путине — естественные государства, но общества в них очень разные. Порядок ограниченного доступа — это не особый набор политических, экономических или религиозных институтов. Это фундаментальный способ организации общества.

Сначала мы выделим характерные черты, которые объединяют все естественные государства, а затем те измерения, по которым они отличаются. Последняя задача даст типологию, которая полезна для рассуждений как о многообразии естественных государств в истории, так и об условиях, при которых естественное государство способно продвинуться в сторону перехода к порядку открытого доступа. Точно так же, как мы выделяем три социальных порядка по характеру структурирования и поддержания организации, мы выделяем и типы естественного государства по тому, как они структурируют и поддерживают организации, включая само государство. Затем мы обратимся к ряду исторических примеров, которые покажут, как структурировались и развивались разные естественные государства. Мы также зададимся вопросом о том, как первые общества смогли создать более крупные устойчивые социальные образования. Антропологи долго обсуждали историческое происхождение «первоначального государства». Мы это тоже делаем. Затем мы изучим проблему создания более сложного естественного государства. В качестве поясняющих примеров мы используем возвышение империи ацтеков в Центральной Америке XV в. и реставрацию Каролингов в Европе IX–X вв. Затем мы обратимся к развитию идей корпоративной структуры государства и церкви в средневековой Европе, а также рассмотрим пример из истории Франции XVII в. Это послужит прологом к нашему исследованию природы бессрочно существующих организаций, организационных новаций, имеющих решающее значение для нашего понимания порядка открытого доступа и перехода к нему.

2.2. Общие характеристики порядка ограниченного доступа

Все естественные государства объединяют общие характеристики. В конечном счете мы заинтересованы в понимании того, как общества развивают способность поддерживать безличные права. Порядки открытого доступа требуют того, чтобы с большей частью населения обращались одинаково, что обязательно предполагает безличное отношение ко всем, невзирая на их идентичность как индивидов. Для того чтобы понять, как появляются безличные социальные отношения, мы сначала должны понять, как развиваются более крупные общества, которые могут поддерживать персональные отношения, и каким образом личные отношения связывают элиты в рамках господствующей коалиции. Эти вопросы приводят нас к рассмотрению личности, социальных связей и манипулирования интересами. Затем следуют несколько технических замечаний о размере коалиции в естественном государстве и о масштабах торговли, специализации и разделения труда.

2.2.1. Лица, личность, безличность, идентичность, патронаж и интересы

В обществах охотников и собирателей непосредственное взаимодействие между индивидами в небольших группах порождало личностное знание, доверие (или недоверие) и координацию. Порядок ограниченного доступа построен на личных связях и повторяющемся взаимодействии — иерархии личных отношений между влиятельными людьми высших слоев социального порядка. Однако в более крупных сообществах взаимоотношения между индивидами не могут быть основаны только на личностном знании и доверии; они должны быть усилены переплетением интересов, создаваемых социальным порядком. Для того чтобы создавать устойчивые отношения, люди должны знать, с кем они имеют дело, даже если они не знают друг друга лично.

Общества не перескакивают напрямую от личных отношений к безличным, напротив, это долгий процесс развития, который начинается в естественном государстве. С одной стороны спектра, личные отношения характеризуются повторяющимся идиосинкразическим взаимодействием, тогда как, с другой стороны спектра, безличные отношения характеризуются нерегулярным и стандартным взаимодействием. Другими словами, все личные отношения в некотором роде уникальны, в то время как большая часть безличных отношений одинакова. Между двумя крайностями находятся отношения, в которых идентичность индивидов определяется уникальным образом, но закономерности во взаимодействиях индивидов растут.

В таком случае что такое человек как лицо? Каждый человек имеет две стороны. Первую сторону каждого человека составляют индивидуальные характеристики, включающие физические параметры, рост и внешний вид, а также такие менее осязаемые черты личности, как интеллект, настрой, прилежность и способности. Положение, власть, привилегии, права и обязанности — эти аскриптивные социальные параметры составляют вторую сторону каждого человека, или лица. Кто мы, как не сочетание этих двух сторон нашей личности — внутренней и внешней? Общество раскрывает обе эти стороны личности. Когда кто-либо назначается начальником, избирается президентом или утверждается заведующим кафедрой, природа межличностных отношений этого человека меняется. Индивидуальная идентичность остается неизменной, но социальная претерпевает изменения.

По природе своей внутренние характеристики каждого индивида уникальны. Однако внешние социальные характеристики индивида могут быть уникальны или же совпадать с характеристиками большой группы других людей. К примеру, в современных обществах открытого доступа внешние характеристики граждан определяются безличным образом как набор социальных характеристик, который применим к любому, кто удовлетворяет определенным объективным критериям.

Формально мы определяем человека (лицо) через сочетание двух взаимосвязанных аспектов личности: внутрен-

них индивидуальных и внешних социальных. Развитие безличных отношений касается лишь социальных аспектов личности. До тех пор пока социальные аспекты личности уникальны среди индивидов, безличные отношения невозможны. Как только социальная идентичность личностей стандартизируется, безличность возрастает.

Было бы упрощением сводить личность к этим двум аспектам. Например, еще во времена римлян западное законодательство признавало субъектом права любого индивида, способного нести права и обязанности. Является ли человек субъектом права, зависит о того, кто и как по решению закона может быть наделен правами и обязанностями. Согласно римскому праву рабы и дети не являлись субъектами права. Такой же бестелесный субъект, как город или церковь, способен нести права и обязанности и, следовательно, является субъектом права. Следовательно, организации при надлежащих условиях могут быть юридическими лицами (субъектами права)*. В организации всегда проявляется социальный аспект личности, который определяется и поддерживается обществом в целом.

В естественных государствах отношения в рамках господствующей коалиции в основном носят личный, а не безличный характер. Статус и иерархия определяются в терминах социальных аспектов личности, которые уникальны для каждого индивида, даже если эти аспекты схожи в рамках более широкого класса. Определение знатности в Западной Европе — это первый пример. Класс знати существовал. Однако знатное положение различалось титулами — герцог, граф и другие, а в рамках титулов большая часть аристократии приобретала уникальные социальные отличия, основанные отчасти на уникальных привилегиях, которыми овладел каждый.

---

* Как утверждает Коулман в книге «Власть и структура общества» (Coleman, 1974, p. 12–13): «Фактически, в законе два основных типа лиц: живые люди, каких каждый знает, в действительности закон их называет „естественными лицами" и „юридическими лицами". Различие между „естественным лицом" (живым человеком) и человеком как субъектом права составляет основной продукт истории права».

Приведем наглядный, хотя и абстрактный пример. Герцог X обладает определенными привилегиями, правами и обязанностями, которые принадлежат той частной особе, что обладает титулом герцога X. Социальный аспект личности герцога предполагает формальные права, которыми он может воспользоваться на основании своих уникальных владений и полномочий герцога. Как индивид герцог X наделен уникальными чертами человека: ростом, внешним видом, манерами, тщеславием, интеллектом, интересами и способностью к труду. Его идентичность как человека объединяет оба смысла: герцога как уникальную индивидуальность и герцога как обладателя титула.

У влиятельных индивидов социальный аспект личности неразрывно переплетается с организациями, которые они возглавляют или представляют. Влиятельные элиты отождествляются и с индивидами, и с их организациями. Эта тесная связь между персональной идентичностью лидерства в организации с властью организации кует интересы, которые сплачивают естественные государства. Влиятельные граждане естественного государства обладают привилегией формирования организаций, которые поддерживает и признает общество в целом. То, насколько изощренно и хорошо определены эти привилегии и обязанности, зависит от сложности устройства общества в целом. Определение соотношения между индивидуальным и социальным аспектами личности представляет собой одну из наиболее сложных проблем, которую должен решать социальный порядок. Приписываемое Людовику XIV высказывание «Государство – это я» схватывает суть проблемы. В чем заключены официальные полномочия короля: в короле как индивиде или в социальном значении личности короля, в его почетном титуле, в занимаемом им положении?

Если по отношению к повторенной еще раз крылатой фразе задаться вопросом, стоит ли король над законом, подчиняется ли он ему или находится наравне с ним, то проблема может быть структурирована. Является ли способность менять закон прерогативой короля как частного лица или же король связан ограничениями своего социального положения? Различие между королем, гер-

цогом, папой или священником как частными лицами и королем, герцогом, папой или священником как субъектами социума стало настолько важной проблемой в средневековой Европе, что развился формальный способ различения индивидуального и корпоративного аспектов личности. Канторович очень точно показал это различие между индивидуальным и социальным аспектами личности в своей книге «Два тела короля»*. В то время как вопрос о том, стоит ли король над законом или же он подчиняется ему, применим только к высшим слоям общества, вопрос о том, стоит ли лидер над возглавляемой им организацией или же он ограничен ею, применим ко всему обществу. Если привилегия использования организации связана с индивидуальными особенностями лидера, а не самой организации, то общество основано на личных отношениях. По мере того как общества постепенно начинают развивать способы наделения организаций правосубъектностью, вне зависимости от персональных качеств лидеров, они становятся способными к поддержанию более сложных организационных структур.

По мере развития более влиятельных и замысловатых человеческих организаций, включая государство, решается и сопутствующая проблема обладания властью в организации. Зависит ли церковная власть от индивидуальных прихотей папы? Представляет ли мэр город? Если мэр ошибается, должен ли платить город? Это сложные вопросы, но ответы на них напрямую ведут к нашему центральному предположению относительно социальных порядков: то, как социальный порядок структурирует организации, определяет модель социального взаимодействия в обществе. То, что все организации должны возглавляться индивидами, напрямую связывает понятие личности и вопрос отношения между индивидуальными и социальными аспектами личности с концепцией социального порядка.

---

* Связь между индивидуальной идентичностью и должностью в какой-то степени затрагивается у Канторовича (Kantorowicz, 1997 [1957]), Коулмана (Coleman, 1974, 1990) и Мейтленда (Maitland, 2003).

Концепции личности и идентичности помогают прояснить положение тех, кто в порядках ограниченного доступа не относится к элите, и показывают, как организация естественного государства отражается на всем социальном порядке. Может показаться, что упрощенный способ представления концептуальных рамок исследования во вводной главе предполагает, что только элита получает и упрочивает собственность и безопасность. Но в большинстве естественных государств определенная защита личности и собственности существует не только для элит. Люди, не относящиеся к элите, – это не массы одинаковых индивидов, с которыми обращаются безлично. Защита расширяется благодаря отношениям патрона и клиента. Верхушку в отношениях патрона и клиента занимают властные элиты, которые распределяют покровительство среди клиентов, обеспечивают защиту по некоторым аспектам собственности и личной безопасности клиентов, а также ведут переговоры об обязательствах между различными элитами, которые позволяют ограничить насилие в случае успеха переговоров. Организация группы лидеров формирует господствующую коалицию в обществе. Социальная идентичность людей, не относящихся к элите, тесно связана с идентичностью отношений патронажа, в которых они находятся. Простолюдин, не входящий в элиту, – это человек короля или герцога, тутси или хуту или представитель одной из миллионов идентичностей, которые формируют сообщества людей.

Естественные государства включают многие организационные формы, отличающиеся от отношений патрона и клиента, но может оказаться полезным ненадолго представить, что естественные государства состоят исключительно из организаций, построенных по типу патрон – клиент*. Отношения в естественных государствах

---

* Родственные и этнические группы, бюрократические структуры и другие формы социальных связей могут быть организованы по линии отношений патрон – клиент, но не обязательно. Мы используем сети отношений патрон – клиент как заменитель для многих других типов социальных связей.

являются личными. Тем не менее поскольку к естественным государствам относятся общества с многомиллионным населением, личные отношения не означают, что все люди друг друга знают. Существует иерархия отношений элиты, в которой представители небольших групп из властной элиты знают друг друга лично благодаря прямому личному контакту и опыту взаимодействия. Эти элитарные круги сплетены воедино: все лица из элиты знакомы и связаны с другими представителями элиты, стоящими в социальной иерархии выше и ниже. Иногда иерархии элит сильно централизованы пирамидальной структурой с вертикалью власти, исходящей от короля или двора. Другие иерархии естественных государств — более плоские, с горизонтально увязанными сетями элит.

Элиты естественных государств находятся на вершине, но также включены в отношения патрона и клиента, которые распространяются сверху вниз на остальное общество. Иерархия внутри элит грубо соответствует иерархии организаций, которые они представляют. Наиболее значительный источник ренты, связывающий интересы элит воедино, — это рента, поступающая от их организаций. Отношения патрона и клиента сочетают в себе элементы неформальных и контрактных организаций. Это одновременно и неформальные связи, построенные на поддержании личных отношений между лидерами элиты и их клиентами, и более формальные организации, где лидеры имеют возможность доступа к трехстороннему улаживанию внутренних конфликтов через обращение к господствующей коалиции.

Отношения патрона и клиента не только структурируют создание, сбор и распределение ренты, которая может снизить уровень насилия, эти отношения также структурируют и организуют само насилие. Когда насилие выходит наружу, это обычно имеет место в отношениях между группировками внутри элиты. Насилие затрагивает как внутренние отношения, так и внешнее взаимодействие между группировками патронов и клиентов. Способность патронов мобилизовать свою власть, помогая (или угрожая) членам своей сетевой структуры, позволяет им сохранять эту сеть. Привилегированное

положение патронов в рамках господствующей коалиции дает им возможность как защищать своих клиентов от ущерба, наносимого клиентами других патронов (независимо от того, является ли эта защита юридической или физической), так и вознаграждать и наказывать своих клиентов. Способность патрона защищать своих клиентов зависит отчасти от способности его клиентов прибегнуть к насилию по отношению к клиентам другого патрона. Способность запугивать и применять насилие является неотъемлемой частью отношений между патронами в господствующей коалиции, а также между патронами и их клиентами.

Вознаграждение (рента) за нахождение на вершине патримониальной системы обычно значительно выше, чем у помощников патрона, вознаграждение которых, в свою очередь, значительно выше, чем у простых исполнителей*. Вознаграждение ограниченного доступа в рамках отношений патрона и клиента создает сильную мотивацию для кооперации внутри сетевой структуры. Восходящая мобильность в естественном государстве обычно происходит через каналы сетевых структур патрон-клиентских отношений. Талантливый человек благодаря работоспособности и умениям может достичь властного положения. Раб в Древнем Риме мог стать членом элиты. Естественные государства — это общества с ограниченным, а не закрытым доступом. Тем не менее необходимость подниматься по сети отношений патрона и клиента подтверждает, что эти общества остаются системами порядков ограниченного доступа.

Естественные государства включают в себя многие другие формы организаций помимо сетей, построенных по принципу патрон—клиент, и такие сети часто обеспе-

---

* Опыт преступных банд и организаций показывает, что вознаграждение их членов сильно зависит от их места в иерархии. Левитт и Дабнер (Levitt, Dubner, 2005; Левитт, Дабнер, 2007) объясняют, почему так много торговцев наркотиков живут вместе с мамами: большая часть торговцев наркотиками — это помощники и простые исполнители, а они не в состоянии жить самостоятельно.

чивают связи элит с неэлитами. На протяжении всей книги мы предполагаем, что определенные виды отношений патрон–клиент встречаются в большинстве естественных государств*. С точки зрения современных обществ открытого доступа сети отношений патрона и клиента кажутся глубоко коррумпированными. Все построено на личных связях: круг знакомств индивида и положение его знакомых значит больше, чем то, что они делают. Такое отношение к естественным государствам с точки зрения порядка открытого доступа упускает ту роль, которую играют личность, личные связи и патронаж в сдерживании насилия в естественных государствах. Личные отношения и создание ренты обеспечивают систему стимулов, которая сдерживает насилие и делает возможной кооперацию в естественном государстве. Глубоко личный характер отношений выражает фундаментальную логику, лежащую в основе порядка ограниченного доступа.

Другой общий для всех естественных государств аспект, в котором проявляют себя личность и идентич-

---

* Существует целый ряд прекрасных конкретных исследований сетей отношений патрон–клиент. Кифер и Влайку (Keefer, 2004; Keefer, Vlaicu, 2005) исследуют отношения патрона и клиента в современных развивающихся странах. Работы Джеймса Скотта (Scott, 1972, 1987) показывают важность этих отношений в Азии для упорядочения общества и обеспечения минимальной безопасности и защиты для простых людей. Кеттерин (Kettering, 1986) описывает, как покровительственные сети элиты создали важную часть структуры правительства Франции. Это предмет, к которому мы вернемся в этой главе позже. Алстон и Ферри (Alston, Ferrie, 1985) описывают, каким образом сети патронов конце XIX–начале XX в. дали возможность белым Юга доминировать и защищать черных Юга и как эти сети были разрушены благодаря экспансии в 1960-х гг. системы социального обеспечения. В центре истории Сайма (Syme, 1938) о римских гражданских войнах, приведших к краху республики, находится система патронажа как основная единица анализа. В следующей главе мы документально подтвердим важность отношений патрон–клиент в средневековой Англии. Отношения патрон–клиент могут быть построены на родственной и этнической близости, географической и религиозной общности, преступной деятельности и других факторах. Они повсеместны в естественных государствах.

ность, — это создание интересов и манипулирование ими для обеспечения социального порядка. Если взять простейшие отношения типа патрон — клиент, в которых патрон обязуется оказывать покровительство, а клиент взамен обещает передать ему долю или фиксированную часть от произведенного продукта, то взаимные обязательства патрона и клиента достоверны только в случае долгосрочных отношений.

Клиент может рассчитывать на покровительство патрона в силу того, что долгосрочная ценность платежей клиента превосходит затраты покровителя на защиту; патрон же может полагать, что клиент продолжит платить, ибо ценность покровительства превосходит издержки выплат. Для этого между клиентом и патроном должны установиться личные отношения — социальная договоренность, в рамках которой они идентифицируются друг с другом. Такой тип соглашений более достоверен, а следовательно, его легче реализовать в обществе, где личные отношения между сторонами укреплены их социальными идентичностями, объединяющими индивидов с помощью организационных связей. Клиенты доверяют патрону, когда тот включен в большее число социальных договоренностей, в которых способность покровителя пользоваться потоком ренты, поступающей от клиентов, делает более широкое соглашение устойчивым. В случае если патрон не выполняет обязательств по отношению к своим клиентам, он не только теряет поток платежей от них, но также лишается преимущества входить в более широкую коалицию. Выгоды от управления организованными сетями, приобретаемые элитами, составляют то, что делает договоренности внутри господствующей коалиции достоверными, а это приносит в ответ еще больше выгод элитам. Все это зависит от определения того, кто получает выгоду: ограниченный доступ устанавливает привилегии, создает ренту и обеспечивает доверие к личным отношениям в обществе*. Естест-

* В обществах открытого доступа долгосрочные отношения все еще важны, но они, напротив, укоренены в социальной организации, в которой социальная идентичность индивидов не име-

венное государство создает интересы и манипулирует ими для обеспечения социального порядка.

Распространенность в естественных государствах ограничений на возможность создавать организации может быть сформулирована как постулат или предположение.

Естественные государства ограничивают доступ к организационным формам.

Сходным образом естественные государства регулируют экономические возможности, устанавливая контроль над организациями и людьми, которые занимаются торговлей.

Естественные государства контролируют торговлю.*

Формирование интересов внутри естественных государств распространяется в обществе далеко за пределы экономики и политики. Многие естественные государства видят в организации религиозных культов источник ренты для господствующей коалиции. Все ранние цивилизации были теократиями, которые управлялись священнослужителями-политиками. Нет сомнений, узаконенная государственная религия отражала убеждения общества, а также помогала власти осуществлять социальный контроль. Однако традиционная трактовка не способна увидеть глубины социальных последствий организованной религии. Внутри господствующей коалиции полномочия по управлению культом или учреждению новой церкви — это, как правило, строго контролируемая привилегия немногочисленной элиты. Организованный культ порождает существенную ренту, которую господствующая коалиция использует для обеспечения стабильности внутри самой коалиции. Государственная религия обеспечивает способ сдерживания элит и неэлит.

ет значения, так как все индивиды характеризуются одинаково (то есть обладают одинаковыми привилегиями или правами).

* Естественные государства всегда контролируют тех, кто торгует, и могут также контролировать места торговли и цены, по которым производится торговля.

Большая часть систем убеждений, религиозных или иных, содержит в себе идеи о структуре организаций, институтов и человеческих взаимоотношений. Убеждения не только предопределяют индивидуальный выбор, но еще и формируют облик организаций и институтов. Отдельные исторические примеры, приведенные ниже, демонстрируют, какое влияние практики христианства оказали на развитие организаций и институтов европейского общества. Обсуждаемые темы всегда рассматривались с чисто теологической точки зрения, но эти же темы содержат следствия для понимания того, как должны быть организованы церковь и общество в целом. Теология и практика переплетались. Способность влиять на убеждения не была отделена от способности влиять на возможности.

2.2.2. Размеры, границы, торговля и специализация

Естественные государства сталкиваются с двумя проблемами, касающимися размеров: размера господствующей коалиции и физического размера общества. Третья проблема состоит в том, что рост размера общества связан с формой доходов от специализации. Для начала: если задан физический размер общества, то насколько велика должна быть господствующая коалиция? Коалиции естественного государства сталкиваются с фундаментальным выбором. Расширение коалиции без роста деятельности, порождающей ренту, увеличивает число ее членов и повышает способность коалиции противостоять внутренним и внешним угрозам. Однако это также ведет к распылению ренты, что снижает ценность членства в коалиции и одновременно сокращает способность участников наказать коалицию, лишив ее своей поддержки. Из-за этого распыления ренты коалиции естественного государства по своей природе имеют самоограничения в размере. Слишком крупная коалиция нестабильна. Господствующая коалиция должна постоянно понимать опасность того, что часть существующей коалиции будет пытаться сместить остальных и взять контроль над государством.

Относительные цены, демография, экономический рост, технологии и множество других переменных постоянно меняются, оказывая влияние на власть и положение различных элит. Когда эти изменения улучшают или ухудшают позиции членов коалиции, их относительная переговорная позиция меняется. Таким образом, коррекция в распределении привилегий и рент должна происходить для того, чтобы отражать новый баланс сил. Поскольку привилегии часто связаны с социальной идентичностью властных элит, осуществление небольшой коррекции внутри коалиции может даваться непросто. Но если небольшой коррекции не происходит, тогда члены, уверенные в том, что их сила превосходит их долю, скорее всего, потребуют большего и, если не смогут получить того, что им причитается, могут начать борьбу за бóльшие привилегии. По этой причине действительная структура господствующей коалиции в естественных государствах внутренне нестабильна. Господствующая коалиция постоянно меняется в размере и составе, отсеивая более слабых членов, включая новых сильных и перестраивая всю структуру коалиции.

Порядки ограниченного доступа также вынуждены принимать решения относительно размера, в более экстенсивном, географическом измерении*. Естественное государство может расширяться, присоединяя новые территории, или уменьшаться, распадаясь на несколько частей. Для большей части письменной истории человечества изменения границ и рубежей были важным источником перемен в структуре господствующей коалиции. Всего два столетия тому назад общества, как правило, имели очень размытые внешние границы. Структура господствующей коалиции — это отчасти альянс элит, который устанавливает контроль над различными географическими единицáми. Государства-соседи должны решать, что им делать друг с другом — игнорировать, сра-

---

* Важный теоретический вопрос относительно размера государств, которого мы не касаемся, — это экономия от масштаба в насилии, меняющаяся во времени. См.: Bean, 1973; North, 1981, ch. 3; Alesina and Spolaore, 2003.

жаться, союзничать, интегрироваться или заниматься взаимоуничтожением. Вступление в союз или объединение отчасти зависит от их способности заключать достоверные соглашения между господствующими коалициям двух обществ.

Силы, толкающие естественные государства к географической интеграции, обнаруживают схожесть с теми, что действуют при интенсивном развитии: бóльшие государства управляют бóльшими военными ресурсами и, значит, более защищены. Однако в бóльших государствах имеется больше возможностей для конфликта внутри коалиции. Взаимодействие сил отражает подобный баланс и конфликт внутри естественного государства: насколько велика должна быть господствующая коалиция?

Успешные естественные государства часто извлекают выгоду из своей способности производить значительные общественные излишки и мобилизовать ресурсы для их использования государством (например, финансируя военную экспансию за счет своих соседей). Ведь успешная экспансия — это не просто результат военной доблести. Успешное расширение государства зависит от комплекса военных, политических, экономических и религиозных факторов, которые позволяют присоединять новые территории. Способность координировать различные элементы своих обществ — политические, экономические, религиозные, образовательные и военные — дает естественным государствам возможность быть успешными в различных измерениях, а не только в военном. Позднее мы проиллюстрируем этот тезис примерами с Каролингами и ацтеками.

Растущий размер государств создает для естественных государств третью проблему, которая заключается в шизофреническом отношении естественных государств к специализации и разделению труда. Растущая торговля и усиливающиеся специализация и разделение труда увеличивают производительность и излишек, доступный для элит. В результате коалиции естественного государства имеют стимулы для развития торговли. Тем не менее растущая специализация и разделение труда часто требуют открытого входа, что оборачивается распыле-

нием ренты и создает тем самым угрозу для господствующей коалиции. Обе силы действуют в естественном государстве и с течением времени способствуют резким переменам в доступе и входных барьерах. В некоторых случаях естественные государства до определенных пределов увеличивают торговлю и облегчают вход, в другое время они ограничивают торговлю и вход.

2.3. Различия: типология естественных государств

Наша концептуальная схема предполагает четкое различие между естественными государствами и порядками открытого доступа. Однако это различие не означает, что все естественные государства одинаковы. Вариативность сегодняшних естественных государств необычайно велика и простирается от несостоятельных государств, вроде Судана, до хорошо функционирующих государств с внешними атрибутами демократии, вроде Мексики. Исторически к естественным государствам относятся: Древний Рим, Месопотамия, Египет, Греция, Мезоамерика, Китай, цивилизации реки Инд, феодальная Европа, ацтеки и инки. Можно ли считать все эти государства естественными и при этом признавать различия между ними? В истории человечества большая часть экономического и политического развития происходила в рамках естественных государств; как же тогда объяснить их развитие, если при этом они все равно оставались естественными государствами?

Для того чтобы очертить различия между естественными государствами, мы выделим три типа: хрупкое, базисное и зрелое. Не существует четких границ, различающих эти типы. Естественные государства отличаются главным образом структурой государственности и сложностью организаций, которые они могут поддерживать. Наиболее важной организацией в естественном государстве является само государство, а точнее, сеть взаимоотношений внутри господствующей коалиции. Исходя из идеи двойного баланса, общества, способные поддер-

живать сложные частные организации, обладают сложными и передовыми общественными организациями. Общества, которые не в состоянии управлять собой, также не в состоянии поддерживать сильные частные организации. Хотя мы делаем соответствующие выводы о степени насилия и прочности для каждого типа естественного государства, типология основывается не на результатах, а на институциональных структурах этих государств. Мы объясняем разнообразие естественных государств, анализируя сложность организаций внутри и вне государства.

В *хрупком естественном государстве* государство едва ли может устоять перед лицом внутреннего и внешнего насилия. Современные примеры включают Гаити, Ирак, Афганистан, Сомали и несколько других областей в Африке к югу от Сахары. В хрупком естественном государстве гарантии внутри господствующей коалиции изменчивы и нестабильны. Они часто стремительно меняются и зависят от индивидуальной идентичности и личности членов коалиции. Коалиция хрупка в том смысле, что незначительные изменения в положении участников коалиции — изменения в относительных ценах, количестве климатических потрясений, угроз от соседей, болезней и так далее — могут вывести коалицию из равновесия. Потрясения могут легко привести к насилию и созданию новой коалиции. Но могут они также привести к перестановкам внутри самой коалиции.

Хрупкое естественное государство способно сдерживать насилие, но вся политика — это реальная политика: совершая политические ошибки, люди рискуют жизнью. Коалиция успешно обеспечивает порядок, когда политические интересы членов коалиции уравновешены их экономическими интересами. Это двойной баланс. В хрупком естественном государстве не только война, но и экономика служит продолжением политики другими средствами. Обладание властью внутри коалиции — это важнейший элемент экономического успеха, а распределение экономических привилегий — это ключ к созданию стимулов для стабильных отношений внутри коалиции. Ресурсы могут быть получены путем военных завоеваний,

а внутри коалиции ресурсы могут быть получены благодаря политическим успехам.

Вследствие своей нестабильности хрупкие естественные государства также характеризуются простыми институциональными структурами. Члены коалиции не могут достоверно соблюдать правила или следовать конституции, когда баланс сил внутри коалиции меняется от месяца к месяцу. Это не означает, что хрупкие естественные государства неспособны понять возможные преимущества от институциональных структур: члены господствующей коалиции хотели бы обеспечить исполнение правил и законов, чтобы ограничить насилие. Однако в реальности отсутствие определенности относительно результатов удерживает элиту от того, чтобы давать достоверные обязательства в следовании правилам и законам во всевозможных обстоятельствах. По схожим причинам хрупкие естественные государства не могут поддерживать много частных элитарных организаций.

В хрупких естественных государствах в организациях доминируют сети с отношениями патрон – клиент, и, как правило, это сети, которые в состоянии применить насилие. Нестабильность хрупких естественных государств мешает таким обществам развивать надежные формы публичного права: публичное право обуславливает и регулирует поведение государства. Кроме того, хрупкие естественные государства испытывают сложности в создании и применении частного права: частное право регулирует отношения между людьми, которые опираются на поддержку государства*. Надежные соглашения носят долговременный характер. То, что создает закон, – это смесь публичного и частного права: простые законы, которые регулируют отношения между отдельными лицами, основанные на социальной идентичности, а так-

---

* Кодекс Юстиниана так различал публичное и частное право: «Изучение права распадается на две части: публичное и частное право. Публичное право относится к положению римского государства, частное право относится к пользе отдельных лиц». Публичное право обеспечивает порядок для структур правительства и их взаимодействия.

же задают набор правил, который могут использовать патроны для принятия решений. К примеру, действующие правовые кодексы у германских народов в Европе раннего Средневековья, такие как Салическая правда, состоят в основном из перечней компенсаций за ущерб и различного рода нарушения. Pactus Legis Salicae, Салическая правда, включает следующие санкции: 15 солидов в таких случаях, как кража кастрированного поросенка, или обрубание среднего пальца другого человека; 34, 35 и 62,5 солида в таких случаях, как стрельба в человека отравленной стрелой, не достигшей цели; 100 и 200 солидов в таких случаях, как убийство свободной девушки; 600 солидов в таких случаях, как убийство длинноволосого мальчика или графа; и 1800 солидов в таких случаях, как тяжкое убийство длинноволосого мальчика или графа с отягчающими обстоятельствами*. Штрафы служили двум целям: первая — это сдерживание насилия, а вторая — улаживание вражды между семьями и группами, с заменой жестокого насилия на фиксированную денежную выплату**. Эти хрупкие сообщества не могут поддерживать правовых систем со сложными правилами для организационных структур, публичных или частных.

В противоположность хрупким естественным государствам *базисные естественные государства* поддерживают в государстве стабильные организационные структуры. Переход от хрупкого к базисному естественному государству происходит постепенно и отмечен возрастающей способностью структурировать долговременные соглашения во внутренней организации государства. Институты базисных естественных государств состоят в основном из институтов публичного права — институтов, которые структурируют различные аспекты жизни государства, его внутренние отношения и его отношения с участниками господствующей коалиции.

---

* Drew, 1991, p. 159–163. Кроме того, по салическому праву см.: Rivers, 1986. И Drew, 1973 — по ломбардскому праву.

** Берман (Berman, 1983) подчеркивает мирное разрешение или отказ от кровной мести.

Эти общественные институты служат нескольким целям. Они предлагают стандартные решения периодически повторяющихся проблем: это преемственность лидера и элит, определение уровня налогов и податей, раздел военной добычи. Все эти проблемы дают возможность для насилия и пересмотра соглашений внутри господствующей коалиции, а значит, потенциально опасны. Институционализация процесса принятия решений смягчает, но никогда полностью не исключает опасности. Общественные институты также санкционируют формирование некоторых общих убеждений среди элит. Расширение набора совместно разделяемых убеждений среди элит наращивает диапазон достоверных обязательств, которые может поддерживать господствующая коалиция*. Наконец, общественные институты обеспечивают элиты организационными формами как в общественной, так и в частной сфере, которые они могут использовать, чтобы противостоять друг другу.

Происхождение Римской республики иллюстрирует все эти три аспекта общественных институтов. С момента основания в 753 г. до н. э. город Рим управлялся царями. В 535 г. до н. э. Секст Тарквиний, сын царя Луция Тарквиния Гордого, обесчестил Лукрецию. Муж Лукреции Луций Тарквиний Коллатин и Луций Юний Брут (царский племянник) клянутся отомстить, возвращаются в Рим и изгоняют царя (Livy, 1998, Book I, Chapters 57–60; Ливий, 1989, кн. 1, гл. 57–60). Вместо того чтобы кто-то один из них заявил о себе как о царе, сенат избирает Брута и Коллатина консулами с условием, что сенат будет выбирать из патрициата двух новых консулов каждый год. Брут и Коллатин придали институту законную силу, уступив свои посты

---

* Грейф показывает, как внутри института может развиться приемлемый набор убеждений, при условии, что эти убеждения согласуются с поведением, которое институт стимулирует. Успешные общественные институты создают общедоступные знания, а значит, общие убеждения о том, как формальные или неформальные правила будут применены. Общие убеждения могут поддерживать институт, который иначе бы не работал. Эти убеждения становятся так называемыми фокальными точками, которые описывает Шеллинг (Schelling, 1960; Шеллинг, 2007).

по истечении срока. Учреждение консульской власти как общественного института трансформировало проблему преемственности в республике и сформировало среди элит систему общих убеждений о природе политического лидерства*.

Высшие слои общества придерживались одних убеждений относительно римских институтов. Членство в сенате было ограничено для патрициев, ранее возглавлявших магистратуры. Оно определялось правилами, а не соизволением группы или отдельного лица. Консул обладал широкой, но ограниченной властью. В дальнейшем консульская власть была ограничена требованием слагать полномочия в конце каждого года. Метод консенсуса в сенате требовал, чтобы отдельные сенаторы действовали сообща, сдерживая, таким образом, тех консулов, кто нарушил ограничения. Главной функцией консулов было командование армией за пределами Рима. Умение римлян создавать эффективный административный контроль над военными силами при согласии сената дало им организационное преимущество. Хоть консулы и контролировали армию, тем не менее отдельные сенаторы должны были верить в то, что их коллеги будут действовать коллективно, чтобы использовать свои полномочия для сдерживания неуправляемого консула. Если консул приводил свою армию в Рим, как делали Сулла и Юлий Цезарь, сенат как орган власти не мог противостоять военной мощи консула. Баланс интересов внутри сената расстраивался, и враги консула-победителя могли серьезно поплатиться. Институты и общие убеждения были важными элементами в становлении римской организации функционирования правительства. Ничто не делало прекращение полномочий консула неизбежным. И Римская республика пришла к своему концу, когда сенат уже не мог противостоять власти консулов как главнокомандующих армии, что привело к тому, что сильные лидеры были объявлены «пожизненными консулами».

---

* Проблема преемственности в полной мере проявила себя в конце республики и в конечном итоге привела к империи.

Как и в Риме, институты базисного естественного государства структурируют организации. Вторая фундаментальная черта базисного естественного государства состоит в том, что долговечны только организации, прямо связанные с государством, они обладают стойкостью. Элитные привилегии тесно связаны с государством, и лицо, желающее заниматься сложной деятельностью, требующей замысловатой организационной структуры, будет использовать государство в интересах организации. Баланс интересов, созданный элитарными организациями, сохраняет порядок у элиты, и, если порядок поддерживается, это порождает правдоподобные или достоверные ожидания того, что соглашения будут действовать в будущем. В хрупком естественном государстве эти организации носят в высшей степени персональный характер, но по мере того, как базисное естественное государство начинает развиваться, публичное право, писаное или неписаное, может способствовать формированию более сложных организаций. Институты базисного естественного государства не в состоянии поддерживать частные организации элит вне сферы организационной структуры самого государства. Таким образом, базисные естественные государства не поддерживают сильное гражданское общество, потому что в них совсем немного организаций (возможно, даже нет ни одной), которые конкурируют с государством*. От общества к обществу наблюдаются огромные различия в том, как развивается публичное право, и здесь, как всегда, важно не делать слишком много выводов из единичного опыта**.

---

* Опять же, способность базисных естественных государств поддерживать частные организации не равна нулевому результату. По мере того как базисные естественные государства развиваются, они более способны поддерживать частные организации.

** В нацистской Германии, например, все организации были либо государственными, либо тесно связанными с государством. В коммунистических и социалистических государствах XX в. была тенденция встроить любые организации внутрь правящей партии. Например, в Китае конца XX в. строгий централизованный контроль над формированием государственных институтов был ослаблен в 1980-х с созданием городских

Публичное право в Европе в Средние века пришло к поддержке организации элит внутри, но не вне рамок государства. Сами по себе организации находились под контролем влиятельных членов господствующей коалиции. Привилегия главенства в организации составляла важную часть социального аспекта личности этих влиятельных участников. Епископы, к примеру, возглавляли религиозные организации. В силу своего положения они занимали формальное место в структуре государства. Назначения епископов, как мы рассмотрим ниже, были важнейшей зоной конфликта и компромисса внутри религиозно-политической коалиции, которая управляла Европой в Средние века. В базисных естественных государствах создание организаций оставалось внутри государственной сферы.

Насколько хорошо базисные естественные государства исполняют свою роль и выживают, зависит, вероятно, от создания государственных организаций, которые обслуживают большую часть элиты. Когда государственные организации служат более мелким группам элит и мелким подгруппам господствующей коалиции, ренты, которые создают организации, в большей степени уязвимы для присвоения остальной коалицией. Однако если возникшие специализированные государственные организации служат нескольким различным членам коалиции, новые организации, скорее всего, выживут.

Наконец, спектр социальных соглашений, которые могут быть поддержаны базисным естественным государством, ограничен, потому что государство не живет бессрочно и осуществляет лишь ограниченный контроль над насилием. Мы использовали термин *устойчивый*, для того чтобы обозначить договоренности, которые длятся во времени. Бессрочно существующие соглашения коренным образом отличаются от них. *Бессрочно существующая организация*—это организация, существование ко-

---

и сельских фирм. Местным партийным организациям была дана большая свобода действий для достижения альтернативных экономических договоренностей. С точки зрения экономического роста результаты были поразительны.

торой не зависит от личности ее отдельных членов*. Все государства — это организации, а бессрочно существующие государства — это те, где аутентичность существующей организации не зависит от личностей, составляющих организацию. Базисные естественные государства развивают внутренние по отношению к государству общественные институты. Вне этих институтов возможно сформировать общие убеждения об ожидаемой жизни государства, то есть о доверии к достоверным обязательствам государства на будущее. Базисное естественное государство обладает ограниченной во времени способностью исполнять достоверные обязательства. Базисное естественное государство может обладать прочными институтами, но базисное естественное государство не существует бессрочно.

Третий тип естественного государства — это *зрелое естественное государство*. Зрелое естественное государство характеризуется устойчивыми внутренними институциональными структурами и способностью поддерживать организации элит вне непосредственных рамок государства. Обе эти черты отличают зрелое естественное государство от базисного, но опять-таки скорее в степени, нежели в типе. В пределе зрелое естественное государство способно создавать и удерживать бессрочно существующие организации, но это не является его общей характеристикой.

Институты зрелых естественных государств должны возникать одновременно, для того чтобы создавать более сложные общественные и частные организации и более четко артикулированное публичное и частное право. Частное право обеспечивает индивидов пониманием отношений между отдельными лицами, а именно

---

* Понятие «бессрочность» включает элемент времени, потому что существование организация выходит за пределы жизни ее отдельных членов, однако бессрочное существование не означает вечное. Бессрочная организация может быть создана для того, чтобы существовать определенный и ограниченный период времени, как, мы увидим ниже, в случае с различными типами корпораций.

того, что господин (его агент или в конечном итоге суд) будет обеспечивать исполнение соглашений и тем самым обеспечивать отдельным лицам рамки для достижения договоренностей внутри правовых границ. Четко артикулированный корпус публичного права точно определяет учреждения, функции государства и отношения между учреждениями и функциями, а также обеспечивает схемами разрешения конфликтов внутри государства и аналогично внутри господствующей коалиции. Публичное право может быть писаным или неписаным, но оно должно быть реализовано в государственных организациях, таких как суд, способных артикулировать и обеспечить соблюдение публичного права*. Устойчивые общественные институты зрелого естественного государства способны в нормальных обстоятельствах действовать в ситуации изменений структуры господствующей коалиции.

В отличие от базисных естественных государств, институты зрелых естественных государств способны поддерживать организации элит, у которых нет тесной связи с государством. Публичное право помогает и здесь, в особенности в сочетании с идеей субъекта права. Субъекты права способны нести права и обязанности. Как обсуждалось ранее, индивид может являться, а может и не являться субъектом права, организации тоже могут быть субъектами права (юридическими лицами). Так как в основном частное право и история права фокусируются на праве как на методе для структурирования отношений между индивидами и юридическими лицами, можно легко пропустить важные последствия, которые правосубъектность несет для поддержки внутренних структур организации. Для того чтобы функционировать эффективно, договорные организации нуждаются во внешней стороне для обеспечения исполнения их внутренних договоренностей и внешних взаимодействий с отдельными лицами, другими организациями и государством. Официальное правовое признание организации как юридического лица для внешних целей также открывает двери для фор-

* Этот аспект «суда» правителя рассматривается в: Myerson, 2008.

мального правового признания договоренностей внутри организации, для исполнения которых может использоваться судебное принуждение. Муниципалитеты, например, могут выступать в качестве истцов и ответчиков по искам, а отношения между мэром и городом могут попасть в правовое поле*.

Договоры внутри и между организациями требуют одновременно формы правовой системы для администрирования контрактов и системы для защиты этих организаций от экспроприации государством и другими членами господствующей коалиции. То есть форма законности для организаций должна появляться в зрелых естественных государствах. Так как верховенство закона не может появиться по указу, оно легко прекращается, а многие попытки создать его в базисном естественном государстве проваливаются. Институты, обеспечивающие эти услуги, должны быть встроены в государство так, чтобы они могли быть защищены от частых изменений в естественном государстве, из-за которых привилегии среди членов господствующей коалиции регулярно перестраиваются так, что законность размывается.

В римском праве различные организации — *collegia*, *universitas*, *municipium* — были одобрены законом как организации, способные иметь права и нести обязанности. Римский опыт демонстрирует, как способ взаимодействия зрелых естественных государств с организациями, так и невозможность провести четкое и твердое разграничение между зрелым и базисным естественным государством. Создание организаций в рамках римского права оставалось предметом публичного права: то есть формальные организации должны были быть признаны государством как организации. Тем не менее по мере «взросления» республики доступ к организационным формам стал более легким для высших кругов. Фактическая независимость римских организаций, сопровождаемая развитием римского права, обеспечивала стабильность

---

* Подробное рассмотрение этих вопросов см.: Wallis, Weingast and North, 2006. По римской истории см.: Duff, 1938.

и давала стимулы для быстрой экономической и политической экспансии. Способность состоятельных индивидов мобилизовать свои ресурсы и силы при помощи организаций предоставляла магистратам и сенату независимые стимулы для поддержки римского права.

Но то же создание богатств, которое подпитывало рост Рима, долгое время являлось источником нестабильности. По мере того как росла республика, обеспечение армий и управление империей требовали увеличения аппарата и концентрации военной силы в руках правителей, которые представляли потенциальную угрозу для независимости сената. В 88 г. до н. э. Сулла ввел свои армии в Рим, в 49 г. до н. э. Юлий Цезарь сделал то же самое. Оба заявляли о восстановлении прав римлян против тирании. После столетней гражданской войны республика прекратила свое существование вместе с превращением Октавиана в императора Цезаря Августа. Многие формальные институты публичного права сохранялись при принципате, но выполняли иные функции и имели иные следствия, чем при республике. Была ли империя зрелым или базисным естественным государством? Ответ в том, что на протяжении последующих четырех столетий в Римской империи черты общественных организаций, которые определяют базисное либо зрелое естественное государство, то появлялись, то вновь исчезали.

2.4. Привилегии, права и динамика элит

Пример республиканского и имперского Рима ясно свидетельствует, что не существует телеологии, которая бы предопределяла прогресс от простых к более сложным естественным государствам. Нет силы, которая бы неизбежно двигала общества поступательно от хрупких к базисным или зрелым естественным государствам. Общества могут регрессировать, а могут и прогрессировать*.

---

* Так, например, складывается впечатление, что за последнее десятилетие Боливия, Венесуэла, и Россия регрессируют, проводя национализацию, устанавливая контроль или объявляя вне

Логика естественного государства позволяет понять, почему силы, действующие в государстве ограниченного доступа, не ведут к неизбежному прогрессу от простейших к более сложным формам социальной организации. Силы двойного баланса—важный элемент развития внутри естественного государства. Для того чтобы публичные организации государства стали более сложными, должны развиваться организации частного сектора. Развитие публичных и частных организаций должно происходить одновременно, включая степень специализации и разделения труда внутри и между организациями, возможность владеть и передавать недвижимое и движимое имущество, возможность отслеживать и документировать действия организации, степень, в которой используется внешнее принуждение к исполнению соглашения с помощью третьей стороны, а в достаточно крупных организациях—способность обеспечить исполнение соглашений с помощью третьей стороны внутри организации.

С появлением базисного естественного государства из хрупкого государства поддержка организаций переходит к влиятельным членам господствующей коалиции. Элиты крайне заинтересованы в продвижении торговли и специализации, а также в разделении труда. Кроме того, как элиты, они заинтересованы определить свои привилегии в отношении друг друга. Изначально эти привилегии изменчивы и зависят от динамики коалиции. Однако если коалиция стабилизируется, создание институтов публичного права может отчасти стать механизмом разрешения конфликтов элит. Нашим третьим предположением будет следующее:

Происхождение правовой системы связано с определением привилегий элиты.

Правовые системы изначально возникают для обеспечения защиты уникальных и частных привилегий элиты,

---

закона когда-то независимые организации. В 1930-х нацистская Германия регрессировала от зрелого к базисному естественному государству, так как вынуждала ранее независимые организации вращаться в орбите государства.

в том числе привилегий учреждать организации. Организации, сформированные элитами, нередко содержат элементы как публичных, так и частных организаций, как, например, манор в средневековой Англии или город в средневековой Германии. Ранние правовые формы могут быть надежными среди элит, в силу того что они персонально обладают силой и стимулами дисциплинировать друг друга, при необходимости даже незаконными средствами. Существование суда или законов для элит не означает верховенства права или беспристрастного принуждения к исполнению. Обхождение с влиятельными лицами, по всей вероятности, будет более благосклонным (как это отразилось в Салической правде). Если все же привилегией пользуются все элиты, не только стимулы всех элит уравниваются в поддержке этой привилегии, но и разделяемое понимание природы привилегии делает возможным трансформировать привилегию в право. Например, в средневековой Англии, как мы увидим в главе 3, все крупные феодалы обладали правом содержать в маноре свой собственный суд. Их права создали общую заинтересованность в поддержании этих судов (иногда в противоположность или в конкуренции с королевским судом).

По мере того как элиты формируют более влиятельные организации, у элит возрастает уверенность в том, что соглашения, определенные внутренними правилами господствующей коалиции, будут исполняться. Более влиятельные организации предоставляют элитам как способность сохранять дисциплину в коалиции, так и стимулы для формирования общих институтов, поддерживающих их организации. Важное следствие возникает тогда, когда частные элитные организации обладают некоторой степенью независимости от государства и свободой действий, пусть даже и ограниченной. Когда организации элит обладают большей возможностью наказывать (или вознаграждать) государство за нарушение (соблюдение) своих обязательств, тогда естественные государства также более способны обеспечивать достоверные обязательства более сложных публичных организаций. В этом состоит позитивный аспект логики естественного госу-

дарства. Если (и когда) у элит появляются ограниченные права создавать организации, базисные естественные государства подходят к зрелой стадии. Зрелые естественные государства не могут развиваться без более сложных частных организаций.

Процесс трансформации привилегий элит в их права, поддерживаемый балансом политических и экономических интересов, не происходит автоматически, поскольку тем не менее остается в равной степени сильный и устойчивый мотив для элит превращать права в привилегии. Господствующая коалиция остается единой только в том случае, если возможно сохранить баланс экономических и политических интересов. Если меняются обстоятельства, что обычно и происходит, существует множество стимулов для перераспределения ресурсов или привилегий внутри коалиции, для того чтобы поддержать баланс. Но превращение незначительных предельных изменений в соглашения может быть сложным, если не невозможным делом. Когда фракция внутри коалиции становится более могущественной, она маневрирует чтобы получить больше ренты, или угрожает борьбой, или выходит из коалиции (возможно, вернувшись к сражению). Отношения внутри элиты всегда более или менее динамичны и никогда не бывают статичными. В процессе развития естественного государства они не сокращают неопределенности или динамики господствующей коалиции. Вместо этого они способствуют сохранению более сложных общественных и частных организаций элит, которые имеют больше возможностей для приспособления к меняющимся обстоятельствам, позволяющих обойтись без возвращения от прав элиты к привилегиям. Когда возникает необходимость в резких корректировках, в результате естественные государства скорее часто переживают частичное или полное разрушение господствующей коалиции, гражданскую войну, а не правовые изменения. В подобных обстоятельствах зрелые естественные государства могут быстро вернуться к социальным соглашениям, типичным для базисных или даже хрупких естественных государств.

2.5. Истоки: проблема масштаба и насилие

Десять тысяч лет назад открытие земледелия и одомашнивание растений и животных положили начало неолитической революции. Рост городов, новые производственные технологии и новые формы социальной организации преобразили человеческие сообщества в последующие пять тысяч лет. Археологические раскопки свидетельствуют о появлении впервые в истории групп, состоящих из более чем нескольких сотен человек. Независимо от причин неолитической революции — изменения климата или генов, открытия земледелия или новой социальной технологии — нам следует разобраться, как в период от пяти до десяти тысяч лет тому назад общества смогли существенно вырасти.

Более многочисленные общества требовали новых способов управления и контроля над насилием. Базисные социальные единицы в социальном устройстве обществ охотников-собирателей (группы или семьи) включали обычно группы от 25 до 50 человек. Более крупные социальные единицы (племена, локальные группы или общины под руководством бигменов) достигали 500 человек. В каждом из способов организации социальных взаимодействий увеличивающийся размер активизирует растущий внутригрупповой конфликт. То, что Раппапорт называл «коэффициентом раздражения»: «...источники раздражения... растут быстрее, чем размер популяции. Если рост популяции линеен, рост различного рода разногласий... может быть грубо принят за экспоненциальный» (Rappaport, 1968, p. 116). Рост насилия и беспорядка, сопровождающий рост размеров группы, *ceteris paribus*, соответствует часто наблюдаемой положительной корреляции между уровнем насилия и численностью населения современных обществ*.

---

* Идея Джонсона (Johnson, 1982) о скалярном стрессе предполагает, что человеческие когнитивные пределы достигаются, когда нужно одновременно уделить внимание шести или семи вопросам, таким образом, шесть групп из шести людей, 36 человек,

Численность в 25 и 200 часто повторяется в антропологических исследованиях. Как представляется, обычный размер базовой социальной группы охотников и собирателей составляет 25 человек (Kelly, 1995, p. 209–216). Агломерации из групп или семей часто составляли 200 человек. Такие категории, по Сервису (Service, 1971), как группа, племя, «вождество» и государство приблизительно соответствуют такого же размера группам, обычный же размер «вождества» составляет 1000. Джонсон и Эрл (Johnson and Earle, 2000, p. 32) видоизменяют классификацию Сервиса, выделяя семейные группы (включающие семью-лагерь, семью-селение), локальные группы (ацефальные и с бигменом) и региональные группы (как «вождество», так и государство). Верхний предел размера различных обществ связан с проблемами управления насилием*. Несмотря на неоднозначность имеющихся свидетельств, по всей видимости, небольшие общества страдают от более высокого уровня насилия (Keely, 1996; LeBlanc, 2003; Steckel and Wallis, 2006).

Несмотря на появление новых антропологических данных, еще слишком мало свидетельств о том, что на самом деле происходило пять или десять тысяч лет назад, чтобы сделать выводы о социальной организации неолитических обществ. Тем не менее в нашем распоряжении есть три набора доказательств, имеющие отношение к вопросу о социальной организации и масштабе. Результаты этнографических исследований небольших обществ представлены в изобилии в антропологических

или шесть групп по 36, 216 человек, могут являться естественным размером группы.

* Джонсон и Эрл (Johnson and Earle, 2000, p. 246) предлагают таблицу с распределением населения в 19 этнографических примерах, согласующихся с распределением в размерах — 25–30, 200–250 и 1000 (несмотря на то что соответствие не столь идеально, как можно ожидать). Сервис (Service, 1971) обсуждает категории размеров и типы. Данбар (Dunbar, 1996) на основании изучения размеров мозга и размеров групп у приматов предположил, что оптимальный размер человеческой группы — 150 человек. Банди (Bandy, 2004) изучает процесс слияния — деления в мезоамериканских обществах.

трудах. В них выявлено сходство в организации обществ, которые увеличиваются в размерах от локального до регионального устройства или от племен к «вождествам»*. К этой теме относится литература по структуре первоначальных («pristine») обществ, по первым крупномасштабным цивилизациям, появившимся в различных частях мира, по всей видимости, без внешнего воздействия (Trigger, 2003). Наконец, у нас есть основанные на археологических раскопках останков скелетов свидетельства снижения спровоцированного человеком насилия в обществах Нового Света (Steckel and Rose, 2002).

Джонсон и Эрл (Johnson and Earle, 2000) сводят воедино факты по 19 исследованиям этнографии обществ по различным параметрам. Особый интерес вызывает переход от локальных к региональным группам, или от обществ под руководством бигмена к «вождествам». В обществах под руководством бигмена отдельное лицо или семья управляет группой и обладает большим богатством, однако подвержено существенным ограничениям со стороны более крупных групп. Бигмен управляет, формируя личных сторонников. Как правило, он обладает ключевыми привилегиями (или же выполняет функции) контроля торговли между своей и другими группами.

Появление «вождества» влечет за собой более сложную форму политической экономики социальной организации. Эрл выделяет три типа власти—экономическую, военную и идеологическую—и утверждает, что «вождества» появляются, когда «материальные потоки политической экономии обеспечивают механизм, связующий источники власти вместе» (Earle, 1977, p. 207–208). Эрл говорит:

> Контроль над производством и обменом средств к существованию, а также благосостояние создают в вождествах основу политической власти. Экономическая власть базируется на способности ограничивать доступ к ключевым производственным ресурсам или потребительским товарам... Контроль над обменом позволяет расширять экономический контроль над более широкими региона-

* Earle, 1997, 2003; Johnson and Earle, 2000.

> ми... Настоящее значение экономической власти может быть в том, что материальные потоки, проходящие через политическую экономию, могут быть использованы вождем для подпитки и подкрепления альтернативных источников власти... (Earle, 1997, p. 7).

Коалиция, которую возглавляет вождь и которая неизменно контролирует торговлю, отделена от простых людей при помощи некоторой формы социальной идентификации (важной функции идеологии). Насилие и принуждение являются неотъемлемыми элементами более крупных социальных групп, но группы удерживаются вместе не только боязнью принуждения, но и взаимными интересами (Earle, 1997, p. 106). Создание элит требует общественного конструирования социальных аспектов личности. Появление «вождеств», обществ из более чем тысячи членов, по-видимому, связано с институтами, которые отражают логику естественного государства.

Государство — это термин, имеющий специфическое значение в антропологии, в отличие от политологии или экономической теории. Государства отличаются от «вождеств» размером и структурой и, кроме того, предполагают формальное управление правительством. Для антропологов государства не существует, пока население не достигло сотен тысяч человек*. Мы, напротив, говорим о появлении естественного государства, когда общества достигают населения в тысячу или более человек и возникают новые формы всеобъемлющей политической и экономической организации, ограничивающие насилие. Как признает Эрл, «фундаментальная динамика вождеств, в сущности, такая же, как и у государств, и... происхождение государств должно пониматься в появлении и развитии вождеств» (Earle, 1997, p. 14). Мы добавляем логику естественного государства к подходу Джонсона и Эрла: ключевое звено, которое ограничивает военную власть, включает лиц, которые обращают военную силу

---

* См. последние исследования в области археологии и антропологии досовременных государств в: Smith, 2004; Farghar and Blanton, 2007; Blanton and Farghar, 2008.

в систему привилегий. Управление привилегиями создает интересы, которые сдерживают насилие.

Появление социальной иерархии в ранних обществах произошло благодаря созданию привилегированных элит. Древние цивилизации не позволяют нам четко увидеть раннее развитие на заре неолитической революции, но они дают нам ясное представление о ранних естественных государствах. Все эти общества были теократиями*. Все обладали взаимосвязанными сетями религиозных, экономических, политических, военных и образовательных элит. И в самом деле, во многих из них высшими руководителями были одновременно жрецы, воины, короли или князья. Как показал Сервис (Service, 1975), в любом государстве, которое управляется с помощью принуждения граждан и противников, всегда существует риск войны как против своих собственных граждан, так и против своих противников. Успешные общества «ведут мир» («wage peace»), по запоминающемуся выражению Сервиса. Сохранение мира подготавливает почву для появления среди населения убежденности в легитимности системы. Эти убеждения согласуются с положительными стимулами властных индивидов к сохранению мира, в противоположность обществам, где баланс террора является единственным средством обеспечения порядка. Идеология как в материальной культуре, так и в религиозных и образовательных организациях элит смыкается с логикой социального порядка.

Отсюда следует, что «вождества» и государства обнаруживают черты организации естественного государства,

---

* Сервис включает сюда Месопотамию, Египет, реку Инд, Китай, Мезоамерику и Перу. Триггер исключает цивилизацию реки Инд, но включает ацтеков и инков XV и XVI вв. и народы йоруба и бенин из Западной Африки XIII в. Триггер не настаивает на «первоначальности» цивилизаций в том, что касается первых цивилизаций, которые появились в этой части света (Trigger, 2003, p. 28–29). Фрейд (Freid, 1967), Фейнман и Маркус (Feinman and Marcus, 1998), а также Йоффе (Yoffee, 2005) предлагают альтернативное объяснение для интерпретации ранних цивилизаций и последних антропологических работ на основе «архаичных государств».

а значит, уровень насилия в них должен быть ниже, чем в обществах охотников-собирателей. Используя недавно разработанные судебно-медицинские методы для заключения о существовании насилия среди людей на основании освидетельствования останков скелетов, Стекель и Уоллис (Steckel and Wallis, 2006) показывают, на примере Нового Света, что степень распространения насилия среди людей снижается по мере того, как растет размер населения. У живших в небольших группах охотников и собирателей показатель травматизма, вызванного человеческим фактором, был значительно выше. В приложении к этой главе мы суммируем результаты.

Антропологические данные наводят на мысль, что растущий масштаб человеческих обществ связан с появлением социальных организаций, предполагающих логику естественного государства. Политическая экономия «вождеств» выражает логику естественного государства. Все первоначальные древние цивилизации были обществами с мощными теократическими иерархиями, в которых ограниченный доступ к экономическим, политическим, военным и религиозным функциям играл ключевую роль в идентификации социального аспекта элит. Свидетельства, полученные из останков скелетов, говорят о том, что по мере увеличения размера обществ насилие, вызванное человеческим фактором, снижается.

2.6. Динамика естественного государства: от хрупкого естественного государства к базисному

Как хрупкие естественные государства трансформируются в базисные естественные государства? Как общество, чье главное достижение состоит в удержании вместе господствующей коалиции, трансформируется в такое, где государство создает устойчивые институты, и под покровом государственной поддержки развивает экономику, образование и религиозные организации, которые под-

держивают интеграцию общества в более крупное географическое и культурное пространство?

Два исторических примера проиллюстрируют, как из хрупкого естественного государства образуется базисное: Мезоамериканская империя ацтеков (1428–1519) и Каролингская империя в Европе (751–840). Каждая из этих империй сформировалась в обществах, живших в тени исторического величия, где дезинтеграция и упадок длились несколько веков. Каждая из них быстро обрела могущество, которое, однако, сохранялось недолго. Ключевые сходные черты относятся к способам, которыми господствующая коалиция структурировала внутренние взаимоотношения, а также к тому, как использовались военные, экономические, политические, религиозные и образовательные институты и организации. Каждая империя строилась на существующем социальном материале, широко заимствовала предшествующие институты, проводя незначительные модификации, которые в корне изменили устройство социального порядка. И наконец, в каждой империи государство было единственной структурой, внутри которой организации могли получить поддержку. Это были по-настоящему базисные естественные государства.

Империя ацтеков. Мезоамерика пережила подъем и упадок трех крупных цивилизаций: это Ольмеки (прибрежная территория Мексиканского залива, примерно с 1500 по 300 г. до н. э.), Теотиукан в долине Мехико (примерно с 100 по 750 г. н. э.) и свободно организованное толтекское общество (приблизительно с 900 по 1200 г. н. э.). Каждую из империй сменял период распада. В XIII–XIV столетиях долина Мехико состояла из конкурирующих городов-государств и хрупких союзов*. Одна из мигрирующих этнических групп, мексика, обосновалась на остро-

* Обширная литература по обществам ацтеков постоянно растет и меняется. Мы опирались на следующие источники: Smith, 2001, 2003; Smith and Montiel, 2001; Lockhart, 1992; Carrasco, 1999; Conrad and Demarest, 1984; Berdan, 1982; Berdan et al., 1996; Blanton, 1996; Brumfel, 1987; Hassig, 1988.

ве Теночтитлан озера Тескоко. Земли вокруг озера были плодородны, а район находился в центре военных и политических конфликтов за контроль в регионе. В конце XIV в. наиболее сильным местным союзом управляли тепанеки, включившие в свой союз народ мексику.

Основой мексиканского общества стали *альтепетль* и *кальпулли*. *Альтепетль* состоял из этнических государств, которые главным образом были организациями людей, контролирующих данную территорию. *Кальпулли* были составляющей частью *альтепетля*, чьи земли принадлежали знати, которая давала их в пользование членам *кальпулли*. *Кальпулли* служили единицей для организаций школ, храмов и военных частей*. Мексиканской аристократией – *пипилтинами* – были первые семьи *кальпулли*, высшее политическое руководство. *Тлатоани* (правитель) выбирался из руководства *кальпулли*. Объединение в союз тепанеков дало мексикам возможность формировать собственную элиту, участвовать в военных кампаниях, приобретать административные и военные навыки. Мексики ходатайствовали перед городом Кулхауакан и союзом тепанеков, чтобы им предоставили правителя крови Толтеков. Первый *тлатоани*, Акамапичтли, прибыл в Теночтитлан около 1370 г. Прибыл ли он по просьбе самих мексиков или был навязан им тепанеками, неясно.

За смертью могущественного лидера тепанеков в 1426 г. последовал период беспорядков. При вакууме власти коалиция трех городов-государств – Тройственный союз Теночтитлана, Тескоко и Такубы – нанесла поражение тепанекам в 1428 г. Тройственный союз всегда был коалицией. Несмотря на относительное господство мексиканских ацтеков внутри коалиции, союз сохранился до высадки испанцев в 1521 г. Южная долина была разделена на три региональных государства, каждое управлялось частью коалиции. В 1430-е гг. союз направил свои военные силы, чтобы завоевать другие города-государства в южной части долины.

---

* По школам см.: Lockhart, 1992б, p. 14–20; Conrad and Demarest, 1984, 23; Zorita, 1963, по землепользованию (p. 105–111) и по школам (p. 135–151); Carrasco, 1999b, 16–21, – о кальпулли.

Вожди ацтеков начали незамедлительно распределять земли завоеванных территорий среди правящей элиты, в особенности среди военных предводителей*. Земля отошла *тлатоани*, военным воинам, и основным представителям аристократии (*пипилтинам*). Новая правящая группа была сформирована и называлась Совет четырех. Она состояла из всех членов императорской семьи, которые обладали исполнительной властью внутри государства и определяли преемственность после смерти императора. Религиозные и правительственные учреждения были реструктурированы, что отражало новый порядок. Между богатством, завоеваниями и землей упрочилась связь, в рамках которой небольшая господствующая коалиция мобилизовала экономические ресурсы общества как для обеспечения общественного порядка, так и для поиска необходимых средств для продолжения программы завоеваний.

Три черты ацтекской системы представляют для нас особый интерес. Первая — использование религии. Ацтекские религиозные убеждения были укоренены в более широкой религиозной традиции Средней Америки. Ацтеки верили, что каждый день бог солнца прокладывает себе путь на небо, сражаясь со своими братьями-звездами и со своей сестрой-луной. Чтобы победить в этой схватке, солнце должно было быть сильным и полным энергии, а для этого оно нуждалось в *чалчихуатле*, драгоценной жидкости — человеческой крови (Cazo, 1958, p. 12–13). Если напитать солнце не удастся, то земля будет уничтожена. Растущее использование человеческих жертв подпитывало экспансионистские военные цели ацтеков и обеспечивало идеологические рамки для оправдания труда масс, даже если они не участвовали полностью в доходах (иначе земля будет уничтожена). Религиозная структура давала возможность господствующей коалиции определять себя. Важна и последняя особенность. Так как статусные изменения внутри ацтекского общества ассоциировались с ритуальным жертвоприношением,

---

* Описание ацтекских методов управления см. в: Hodge, 1996.

религиозная структура определяла то, кто обладает властью. Религия занимала одинаковую позицию и по отношению к аристократии — *пипилтинам*, — и по отношению к торговцам (это мы скоро обсудим).

Вторая черта состоит в том, что доступ к политико-религиозной структуре требовал доступа к образованию. Ацтекские *кальпулли* традиционно включали в себя храм и школу, *телпохалли*, где юноши обучались военному искусству. Параллельная система школ для элит, *кальмекак*, прививала те же воинские навыки и ценности, но также обучала чтению «священных книг, изобразительному искусству, счету дней и лет, устройству праздников в честь богов, пению гимнов и пониманию того, что нужно высшим силам» (Leon-Portilla, 1963, p. 134–152). Образование в *кальмекаке* было необходимым требованием для достижения высшего положения в элите. Комбинация религии, образования и политики создала господствующую коалицию с четкой идентичностью и понятными общими убеждениями, с сильным образованием и ограниченным доступом.

Третья черта состоит в том, что ацтеки ограничивали доступ к экономической деятельности, наделяя правами и возможностями особую группу торговцев — *почтеков*. *Почтеки* обладали исключительными привилегиями на торговлю на больших расстояниях и предметами роскоши, они были организованы в гильдии, в каждой из которых существовали свои выработанные социальные отличия, обозначавшиеся в специальных привилегиях в одежде и поведении*. В денежной системе ацтекской империи обязательные подати сочетались с рыночным налогообложением. Местные рынки сельскохозяйственных продуктов находились под контролем локальных элит, но контроль над движением товаров на большие рас-

---

* Conrad and Demares, 1984, p. 50–51; Hodge, 1996б, p. 43–44; Brumfel, 1987; Blanton, 1996, p. 47–84. Заключения Блантона (p. 83–84) особенно соответствуют нашим доводам. О роли *почтека* в отдаленных провинциях империи см. в: Berdan, 1996, p. 115–135. А также более детальный анализ о роли торговли в ацтекской системе см. в: Berdan, 1982, 1985, 1987; Smith, 2003.

стояния находился либо под прямым контролем со стороны государства в форме податных платежей, либо же под косвенным контролем государства, осуществлявшимся через сети *почтеков* и через формальное регулирование рынка заморских товаров и предметов роскоши (Hodge, 1996). Империя ацтеков имела в своем распоряжении рыночную экономику, однако государство приспособило рыночную экономику для нужд политической системы.

Империя ацтеков создала сложные организационные структуры в политике, торговле, религии, образовании и армии. Отражая сущность базисного естественного государства, ни одна из этих организаций не существовала вне государства.

Каролингская империя. История, институты, организации и культура Каролингов отличались от истории, институтов, организации и культуры мексиков. Тем не менее в этих двух примерах прослеживаются поразительные совпадения. Каролинги, как и ацтеки, использовали производительные силы организаций. Как и ацтеки, Каролинги создали организации только в рамках государства. Обе империи представляли собой базисные естественные государства.

Упадку Римской империи на Западе сопутствовала серия варварских нашествий, начавшихся с готов в 376 г. и продолжившихся вплоть до 476 г., когда пал последний император. Относительно небольшое по сравнению с римским население варваров смогло переселиться и в конце концов установить контроль над стратегическими районами империи (Heather, 2006). К VIII в. варварские королевства заняли большую часть Западной Европы, некоторые остатки римской власти оставались в Италии, в папских государствах и в Равеннском экзархате*. Католическая церковь сохраняла значительное влияние как в Италии, так и во многих частях Западной Европы, обращенных в христианство.

---

* Обзор фактов см. в: Hodges and Whitehouse, 1983; Hodges, 1989; McCormick, 2001; Heather, 1996, 2006, и Geary, 1988.

Хаотическая и постоянно меняющаяся политическая карта Европы с 476 по 750 г. отслеживается в королевствах вестготов, вандалов, франков, ломбардов, саксов и фризов, во вторжении мусульман и в политических махинациях западной части Римской империи (Geary, 1988). Королевство франков было лишь одним из многих королевств, когда Карл Мартелл, впоследствии майордом, подчинил своих конкурентов в борьбе за власть среди франков, завоевал Фризию и отразил вторжение сарацинов в Прованс при Туре в 732 г. Карл умер в 741 г., оставив государство двум сыновьям — Карломану и Пипину. Когда в 747 г. Карломан удалился в монастырь, Пипин III получил единое руководство над королевством франков.

Между тем папа римский держал в руках всю Италию. Ломбарды заняли большую часть Северной и Восточной Италии, и король Ломбардии пытался справиться с мятежными ломбардскими герцогами в Беневенто и Сполето. Византийская империя боролась с мусульманской экспансией на востоке средиземноморского региона и пыталась сохранить опору в Италии в форме Равеннского экзархата. Папа римский все еще номинально признавал византийского императора, а император все еще номинально признавал папу первым лицом церкви, но Восток и Запад продолжали раскалываться по доктринальным спорам. Папа римский столкнулся с (по крайней мере) четырехсторонней борьбой за власть в Италии.

Как и в случае с ацтеками, приход Каролингов к власти начинался с союза. Перед лицом вторжения сарацинов Карл Мартелл объединился с папой римским. Несмотря на существование меровингского короля, в 751 г. папа согласился признать Пипина королем франков. Пипин скрепил союз и пришел на помощь папе римскому в Италии, послав армию осадить ломбардов, продвинувших свои войска к стенам Рима. В 754 г. «папа римский торжественно возобновил помазание королей на престол, которое Бонифаций пожаловал Пипину, и под страхом отлучения от церкви навсегда запретил франкам избирать короля не из наследников Пипина» (Pirenne, 2001 [1954], p. 225).

Признав Карла Великого (сына Пипина) императором в 800 г., папа окончательно разорвал с Восточной империей и восточным императором. Объявив себя защитником католической церкви повсеместно в мире, Каролинги получили доступ в христианскую Европу, доступ, который Карл Великий мастерски использовал. При помощи дипломатии и военных действий Карл построил политическую коалицию, основанную на контроле за землей и личных обязательствах. Военная служба и землепользование сплелись, образовав основы феодальной системы.

Интеграция Каролингов использовала механизмы естественного государства. Коалиция военных специалистов была экономически связана с землей через вассалитет. Карл даровал земли влиятельным лицам в обмен на личные услуги и обязательства (Bloch, 1961; Блок, 2003; Ganshof, 1968, p. 50–52). Другая коалиция — торговцев — была построена при помощи продвижения заморской торговли под протекцией и управлением императора*. Торговые города были основаны в Кентовике и Дорестаде. Продолжительные отношения между Карлом Великим и данами, например, возникли благодаря желанию Карла контролировать и поддерживать торговлю в Восточной империи и халифате Аббасидов (Hodges and Whitehouse, 1983, p. 111–122, 171).

Альянс с церковью был составной частью экономической системы Каролингов. Заморская торговля концентрировалась в нескольких городах и в нескольких монастырях. Создавая благосостояние при помощи чеканки серебра и межрегиональной речной торговли внутри империи до утвержденных торговых центров, Каролинги получали экономический излишек в распоряжение каролингской коалиции (Hodges and Whitehouse, 1983, p. 171). Свидетельств того, что на протяжении VIII–IX вв. в Европе ра-

---

* Это было совсем не ново. Заморская торговля была всегда предметом политического контроля. В самом деле, учитывая опасности заморской торговли, было невозможно торговать без явных политических гарантий защиты и прохода. См. обсуждение «Эмпории» у Ходжеса (Hodges, 1989).

стет торговля, появляется все больше, и это была торговля, контролируемая государством (McCormick, 2001).

Наконец, Карл Великий способствовал развитию системы образования для элит, и снова в союзе с церковью. Каролингский книжный ренессанс был церковным (Ullmann, 1969). Рост грамотности, распространение книг и становление образованной элиты были сосредоточены почти исключительно внутри церкви и ее структуры. Акцент на латыни как на письменном языке империи во времена, когда она уже сдала свои позиции в качестве языка разговорного, подчеркивал для большинства населения элитарную природу образовательной системы, ибо только элиты изучали латынь, только элиты имели доступ к государственной и церковной администрации, судам и деловым операциям.

Империя Каролингов была базисным естественным государством. С современных позиций союз церкви и государства может показаться странным и вынужденным. Наше внимание прежде всего привлекают политические, военные и экономические соглашения Каролингов. Определяющая характеристика базисного естественного государства — это все-таки неспособность поддерживать организации вне государства.

Коалиция естественного государства Каролингов соединила множество социальных элементов — политических, военных, религиозных, экономических и образовательных — в коалицию взаимосвязанных интересов, которые короткое время сосуществовали в одном большом географическом образовании, империи Каролингов. Однако даже после того, как политическое единство раскололось на более мелкие части, эта структура и в последующие шесть веков помогала поддерживать порядок в Европе. Хотя в нее входили многие организации и действующие лица, в истории Европы ключевое различие делается между церковью и государством. Как мы подчеркивали ранее, в базисных естественных государствах все организации существуют в пределах государства, таким образом, распутывание связей между церковью и государством в средневековой Европе показывает, как может быть структурировано базисное естественное государ-

ство, и приоткрывает завесу в понимании того, как в конечном итоге Европа выработала институты и организационные черты зрелого естественного государства.

Фиггис дает ключ к пониманию средневекового общества:

> В Средние века церковь не была всего лишь одним государством из многих: она была образцовым государством. Государство или, скорее, гражданская власть (поскольку отдельное общество не получало признания) была не чем иным, как простым полицейским отделением церкви. Последняя унаследовала от Римской империи теорию об абсолютной универсальной юрисдикции высшей власти и преобразовала ее в доктрину *plenitudo potestatis* папы римского, который был верховным вершителем закона, источником благочестия, включая королевское благочестие, и единственным легитимным земным источником власти, формальным, если не действительным создателем религиозных предписаний, университетских степеней, верховным «судьей и вершителем» среди народов, блюстителем международного права, мстителем за кровь Христову. Все эти функции ушли, и концепция всемогущества, которую декларировал папа, под предлогом, что каждое действие в том, что касается морали, может находиться в его ведении, теперь было встретила отклик у государства в аналогичной концепции, согласно которой каждое действие, религиозное или другое, когда дело касается вопроса денег или контракта, должно стать прерогативой судов (Figgis, 1923, p. 4).

Что имел в виду Фиггис, когда утверждал, что церковь была образцовым государством? На одном уровне фактическое предоставление общественных услуг, которые мы ассоциируем с государством, осуществлялось как церковью, так и светскими политическими организациями. Церковь в основном отвечала за образование и социальное обеспечение (в различных видах, включая борьбу с бедностью, лечебницы, помощь при стихийных бедствиях и хранение продовольствия). Ответственность за отправление правосудия церковь делила со светскими властями. Собственность и управление землей, как с общеправовой точки зрения, выражаемой судами, так

и в ежедневной деятельности по управлению политическими единицами, также делились церковью и светскими властями. После X в. церковь уступила полицейскую и военную власть светским правителям.

На другом уровне церковь занимала важные позиции в организации политических сил, так же как светские властители занимали важные позиции в организации религиозной иерархии. К примеру, архиепископы Майнца, Трира и Кельна были среди тех, кто выбирал императора Священной Римской империи. Архиепископы и епископы Англии были членами палаты лордов. Церковь составляла первое сословие во Франции и вплоть до революции сохраняла независимость в фискальных отношениях с государственными финансами. Симметрично Карл Великий одобрял организацию, поддержку и защиту религиозных институтов своими вассалами. С точки зрения собственности для церкви под контролем и при поддержке светских дарителей было достаточно закономерным, что попытки реформировать систему приводили к столкновениям между церковью и светскими властями, наиболее ярким из которых был кризис инвеституры*, который будет подробно рассмотрен нами в следующем разделе. Архиепископы и епископы назначались королями и обычными лордами. Так же как архиепископы и епископы оказывали фискальное и политическое воздействие на светские власти, светские власти оказывали влияние на церковь. Невозможно понять европейскую историю от Карла Великого до Реформации без осознания взаимосвязанной и взаимозависимой природы церковных и светских элементов господствующей коалиции.

Взаимозависимость светской и церковной власти постоянно порождала конституционные вопросы внутри церкви, внутри государства и в их взаимодействиях. Церковь нуждалась в установлении и поддержании вертикальной структуры власти между церковью в Риме

---

* Инвеститура (от *лат.* «облачать») — обряд передачи вассалу феода или обряд введения в должность епископа или аббата. — *Прим. перев.*

и церковью в Европе. На каждом горизонтальном уровне внутри церкви структура власти должна была быть поддержана, включая папу римского и коллегию кардиналов в Риме, а также на уровне епископов, их епархий, кафедральных капитулов и коллегий каноников, на уровне отдельных приходов, аббатств и монастырей. Поскольку церковь и ее представители были крупными землевладельцами, игравшим центральную роль в распределении привилегий внутри местных светских государств, конституционные структуры на индивидуальном уровне были тесно связаны с политическими и другими светскими институтами и организациями.

2.7. Движение к зрелому естественному государству: беспорядки, организация и средневековая церковь

Истории ацтеков и Каролингов — это отправные точки для понимания того, как развивается зрелое естественное государство. Обе цивилизации возникли в условиях, где многочисленные маленькие общественные единицы конкурировали друг с другом за власть, ресурсы и безопасность. Это был мир, где условия часто менялись, правителей свергали, города разоряли, а население мигрировало. Это, конечно, нормальный мир для большего периода истории человечества. Даже в ацтекской Мезоамерике большая часть населения жила вне империи и сталкивалась с войнами и беспорядками. Аналогично, несмотря на то что Каролинги объединили на время часть Европы, после смерти Людовика Благочестивого в 840 г. империя постоянно делилась на части и к 900 г. столкнулась с ситуацией, близкой к той, что имела место в 700 г. В росте размера обществ при ацтеках и Каролингах или в уменьшении размеров и усилении беспорядков в Европе после 840 г. не было ничего предопределенного.

Все естественные государства сталкиваются с проблемой сохранения своих господствующих коалиций, предоставляя отдельным представителям элит и организаций

экономические и политические стимулы для сотрудничества друг с другом. В базисных естественных государствах все организации — политические, военные, экономические, религиозные и образовательные — тесно интегрированы в структуру господствующей коалиции. Для удобства историки и социальные исследователи часто отождествляют организацию армии с государством, но, как утверждает в отношении Европы Фиггис, церковь была такой же частью государства, как и военная сила. Как общество может развивать институциональную поддержку для организаций элит вне непосредственных рамок государства? Кроме того, когда возникают независимые организации элит и как возможно наделять их бессрочной жизнью?

Сущность естественного государства состоит в личных отношениях. Правовая система не может обеспечивать соблюдение индивидуальных прав, если каждый индивид отличается от другого, если каждое взаимодействие между двумя индивидами в неравной степени зависит от их идентичности внутри господствующей коалиции. Следуя римским традициям, в Европе развивается как публичное, так и частное право*. Частное право структурировало ограниченное число отношений между частными лицами, признанными субъектами права. Не все субъекты права пользовались одинаковой защитой закона, и право признавало несколько различных категорий субъектов права, таких как короли, знать и свободные люди. Публичное право структурировало отношения между и внутри организаций, в том числе в наиболее значимой организации общества — государстве**. Как правило, учреждения публичного права были идиосинкразическими. Каждая организация публичного права, в соответствии с логикой естественного государства, обладала правами и имела уникальные обязанности.

---

* На это объяснение отчетливо повлияло развитие европейского права, и его нельзя применить по отношению к другим обществам, однако это отправная точка.

** Эти разграничения и доводы этого раздела были развиты в: Wallis, Weingast and North, 2006.

Комбинация публичного права, которая создает и поддерживает организации, признанные юридическими лицами, и правил частного права в отношении взаимодействия людей делает возможным верховенство права для организаций. Взаимодействие организаций публичного права с оставшейся частью общества определяется как публичным правом (до момента, когда организации обладают особыми привилегиями), так и частным правом (до момента, когда организации выступают как юридические лица).

Тесная интеграция церкви и государственных организаций при Каролингах сформулировала фундаментальную структурную проблему. Коронация Карла Великого не ответила на вопрос о том, кто кого возводит на престол, папа римский императора или же император папу. При первоначальных установлениях, при помощи которых католическая церковь стала в Римской империи государственной церковью, путаницы не возникало. Католическая церковь базировалась на римском праве, а именно на праве, приведенном в систему Юстинианом: *Ecclesia vivit iure Romano*, или «церковь живет согласно римскому праву» (Ullmann, 1975, p. 54). Кодекс Юстиниана начинается с закона Флавия Феодосия, который сделал христианство единственной религией империи. В римском праве император был источником закона и находился выше закона. Император был над законом и как частное лицо, и как социальная личность.

В годы после падения империи церковь все более играла центральную роль в обеспечении порядка. Проблема была следующей: правовым основанием для власти папы римского был император. Если папа римский возводил императора и признавал его как законного императора, тогда правовое основание церкви исходило от императора как *космократора* — правителя мира — и *пантократора* — наместника Бога на земле. Как мог папа возводить императора, когда потом император возводил папу? Папа римский или император являлся *пантократором* (всевластным)?

Карл Великий был коронован папой римским. Почитая церковь, он пришел на защиту папы в его борьбе

с ломбардами. Он способствовал строительству соборов и поддерживал монастыри. Он даровал крупные куски земли церкви, конкретным церквам и монастырям. Он издавал документы и уставы, которые формально даровали освобождение от определенных налогов и предписаний для отдельных церквей или монастырей (Ganshof, 1968, p. 45–50). Карл Великий действовал по закону, принятому им и церковью. Карл также поощрял другую знать основывать церкви и следил за их дальнейшей поддержкой. Эта практика привела к появлению собственных церквей, в которых патрон назначал священника или епископа в обмен на постоянную поддержку патрона.

Раздел империи в 840 г. и последующий распад Западной Европы, спровоцированный новой волной вторжения сарацинов и викингов, на некоторое время исключил вопрос о превосходстве папы или императора из повестки дня. Тем не менее проблема не исчезла. Основу правовой системы составляет определение прав и структур элит, а существующий в средневековой Европе закон для союза церкви и государства с самого начала обладал фундаментальными противоречиями. После возвращения мира в XI в. вопрос снова достиг апогея, став известным как кризис инвеституры.

Григорий VII стал папой римским в 1073 г. Он был клюнийским монахом и реформатором, прославившимся уничтожением двух источников коррупции внутри церкви: симонии (продажи церковных должностей за деньги) и конкубината (брака или сожительства священников с женщинами) (Ullmann, 1972, p. 129–131). Как и многие реформаторы, папа Григорий был обеспокоен тем, что церковь стала слишком близка к мировой господствующей коалиции. Реформа симонии нанесла прямой удар по системе «собственнических» церквей, посредством которой местные правители избирали местных епископов и священников. Система «собственничества» была неотъемлемой частью европейского базисного естественного государства, продвигаемой Карлом Великим. Реформы папы Григория имели серьезные последствия как для структуры самой церкви, так и для общества в целом.

На наиболее заметном уровне кризис инвеституры имел отношение к покровительству и структуре взаимоотношений патрона и клиента внутри господствующей коалиции: кто — папа римский или же светские правители — будет назначать епископов, архиепископов и других членов церковной иерархии? Традиционные взгляды на этот кризис противопоставляют церковь государству, папу — священному римскому императору Генриху VI. Тем не менее кризис знаменовал более широкий конфликт внутри господствующей коалиции*. Конфликт официально разрешился в 1222 г., когда была разработана более сложная процедура для избрания и рукоположения епископа, в ходе которой церковь номинировала, а император/король утверждал кандидатов.

Церковь поразительным образом отреагировала на эти нововведения. Папа объявил себя не только епископом римским, но и наместником Христа**. Когда папа утвердил свое право назначать епископов и архиепископов, он заявил о своих претензиях на более высокое положение, чем положение первого епископа среди равных ему: папа претендовал на прямую власть над всеми могущественными представителями церкви. Из-за того что многие епископы держали свои земли и, следовательно, свое богатство как вассалы светских правителей, епископы имели противоречивые интересы и вассальную зависимость. Попытка папы расширить прямой контроль над всей администрацией церкви была прямой угрозой действующему альянсу, который большинство

---

* Это был больше, чем конфликт между светскими властями и независимой церковью, тем не менее император и папа все же сражались. Папа отлучил от церкви Генриха IV, что нарушило его отношения с немецкими сторонниками. В Каноссе Генрих пошел с прошением к Григорию босым по снегу. Папа смягчился и восстановил право Генриха на причастие, однако тем временем папа отдал свою поддержку другому кандидату в императоры. Когда Генрих восстановил свое положение в Германии, он снова выступил против папы, который снова его отлучил.

** Титул был провозглашен королями перед кризисом; в конце концов, король был защитником верующих в своем королевстве.

епископов и архиепископов поддерживали со светскими правителями. Назначение папы значительно снизило бы независимость как епископов, так и королей. Оно реструктурировало бы всю господствующую коалицию внутри Европы.

Для того чтобы функционировать, церковь нуждалась в двух независимых конституционных структурах: одной — для вертикальных взаимоотношений на различных уровнях и другой — для горизонтальных отношений на всех уровнях. Горизонтальное устроение структурировало церковные епархии и другие корпоративные объединения церкви (аббатства, монастыри, университеты и ордена). Отношения между епископом и его епископатом влияли, например, на внутреннюю работу собора и епархии в целом, на то, когда и в какой степени епископ был вынужден искать поддержки и одобрения со стороны кафедрального капитула, для того чтобы принимать определенные решения. Это устроение также влияло на отношения между епархией и внешним миром в том, что касалось свобод и обязанностей епископа как представителя епархии. Наконец, оно влияло на процесс выбора епископов, когда освобождалась вакансия, и исполнение обязанностей епископа, когда его место пустовало (Tierney, 1955, p. 106–131).

Если бы кризис инвеституры был только вопросом о том, кто — папа или император — должен назначать епископов, тогда был бы затронут только последний аспект горизонтального устройства. Тем не менее светская инвеститура также влияла на экономический и социальный статус епископа, так как система «собственнических» церквей давала епископам и епархиям контроль над землей и ресурсами, который светский правитель обязан был уважать. Таким образом, во главу угла встал вопрос об учредительной структуре епархии епископа и ее отношении к светским властям.

Другая важная проблема касалась вертикали отношений папы римского, церкви в Риме (включая коллегию кардиналов), архиепископов и епископов: как должны были взаимодействовать эти части церкви? насколько независимым статусом обладал Рим по отношению к ос-

тальной церкви? Эта полемика велась внутри самой церкви, но она касалась всей структуры власти внутри европейского общества. Оставался вопрос, обладал ли папа как отдельное лицо свободой действий по отношению ко всей церкви или же существовала некая группа внутри церкви, которая обладала властью низложить папу, как в случае с папой-еретиком. Довод, что высшая власть в церкви основывалась не на папе, а на генеральном совете, был предложен теоретиками, позже известными как концилиаристы*. Стояла ли социальная личность папы с точки зрения соотношения идентичности и личности над законом или же она подчинялась ему? Стояла ли социальная личность епископа над епархией и кафедральным капитулом как корпоративным целым или же подчинялась им?

В Средние века на эти вопросы не давалось четкого ответа, но некоторые аспекты активно обсуждались. В результате борьбы за инвеституру в церкви как организации появилась важная инновация. Были сделаны важные шаги, которые привели к учреждению самостоятельных органов управления внутри церкви. Корпоративная идентичность епархии укрепилась, хотя она никогда не была полностью отделена от идентичности ее епископа.

Новшеством, изменившим корпоративную идентичность церкви, стал новый договор о собственности и об отчуждении церковного имущества. Начиная с XIII в. и далее стало общей практикой признавать, что владение церковной собственностью не закреплялось за индивидуальным лицом или епископом, не связывалось оно и с общественным статусом его должности. В частности, епископ давал клятву не отчуждать фискальные ресурсы церкви без согласия кафедрального капитула. Предвосхищая современные споры о собственности,

---

* Можно увидеть, какую важную роль играл спор о конституциональной структуре церкви в споре о конституциональной структуре европейского общества в целом, а в результате и в политической теории Средних веков. В качестве введения к обширной литературе см.: Tierney, 1955; Ullmann, 1972, 1975, и Kantorowicz, 1997 [1957].

контроле и фидуциарной ответственности, развитие канонического права начало идентифицировать интересы церкви как корпоративного органа в отношении к реальной собственности. Отдавая приоритет корпоративным интересам в вопросах собственности, церковь, *congregatio fidelium* — объединение верующих, представляемое канониками кафедральных капитулов, — приобрела рычаг в лице епископа как лидера, а также контроль над епископами как представителями корпорации в более широком мире. Формализация процесса согласия и консультации между епископом и кафедральным капитулом создали организационную структуру, которая дала независимую жизнь корпоративному органу*. Эта структура распространилась и дальше на всю структуру церкви, когда папы также начинали включать обещания не отчуждать церковную собственность во время присяги при вступлении в сан.

В этих новых договоренностях проглядывают ростки элитной организации, независимой от государства, — общины или прихода, чья корпоративная идентичность была создана и связана с собственностью корпоративной группы. В XIII в. церковь не предоставляла свободу действий отдельным церквам. Епископы были столь важным могущественным элементом в политическом балансе того времени, что господствующая коалиция пока не пыталась лишить епископов источников их ренты. Отождествляя корпоративную идентичность отдельного собора с собственностью, которая приносила епископальную

---

* «Неизбежная отправная точка для таких исследований — принятие того факта, что, когда прелат появлялся в суде от лица церкви, он отстаивал не свой личный объект владения; он не обладал легальным *dominium* на церковную собственность, вверенную ему для защиты; его статус, следовательно, должен был определяться как лицо, которое представляет интересы другой стороны. Знатоки канонического права часто обсуждали вопрос о том, откуда происходит *dominium*, и часто соглашались с тем, что, в то время как Бог сам был верховным владельцем всех благ церкви, *dominium* над ними (благами) в земном смысле принадлежал церковной общине. Хуггучьо относил его к *congregatio fidelium*» (Tierney, 1955, p. 118).

ренту, закон все же начинал выдавливать организацию церкви из структуры государства. Кафедральный капитул стал в ограниченном, но важном смысле самостоятельным корпоративным органом. Епархия начала становиться субъектом права, независимым от милости папы римского, епископа или короля.

Подобно тому как Каролинги и папы заключали свои соглашения в классических формах римского права, так и Григорий VII утверждал, что его политика была законной. Кризис инвеституp обострил интерес к римскому и каноническому праву внутри церкви. Более того, претензии Григория в отношении светских сеньоров стимулировали развитие изучения гражданского права. Новые идеи о корпоративной идентичности церкви были встроены в публичное право церкви и государства. Как мы рассмотрим в главе 5, Канторович показывает, что светские правители во время своей коронации также начали давать обязательство не отчуждать общую собственность.

Следующий большой конституциональный кризис случился в 1378 г. На протяжении семи десятилетий папский престол базировался в Авиньоне и, когда правящий папа умер, находился в процессе возвращения в Рим. Сначала коллегия кардиналов избрала папой Урбаном VI итальянца Бартоломео Приньяно. Несколько месяцев спустя коллегия кардиналов объявила, что ее принудили избрать Урбана под давлением и что она хотела бы изменить свое решение. Затем коллегия избрала французского папу, Клемента VII, быстро вернувшего папский престол в Авиньон. Церковь застряла в другой конституционной аномалии: у нее было два папы*. Из-за того что кризис инвеституры не урегулировал вопрос о том, кто обладал конечной властью принимать решения, касающиеся церкви во времена кризиса, — папа или Вселенский собор, церковь предстала перед дилеммой.

Вопрос не был решен вплоть до Вселенского собора, созванного под давлением французского короля и кай-

---

* Историю Великого раскола см. в: Ullmann, 1972.

зера Священной Римской империи, который собрался в Констанце в 1414 г. Собор в Констанце подтвердил, что в важных вопросах решения Вселенского собора обладают приоритетом перед решениями папы, и постановил, что отныне собор будет созываться регулярно. Конциляристы праздновали победу, был утвержден новый конституционный строй церкви. Раскол вызвал конкретное восприятие церкви как корпоративного органа, независимого и потенциально самоуправляемого. Во времена кризиса конечная власть в церкви оставалась у общины верующих, *congregatio fidelium*, представленной Вселенским собором. Соборы представляли элиты — архиепископы, епископы, аббаты и кардиналы, — а рядовые прихожане не были представлены в них ни в каком отношении. И все же узнаваемая корпоративная сущность получила признание.

Великий раскол стал конституционным кризисом. И хотя ключевой кризис произошел внутри церкви, он распространился на более широкое европейское общество посредством отождествления внутрицерковных фракций с фракциями в европейской политике. Тесные параллели между каноническим и гражданским правом могли бы внести новшества Констанцского собора в более широкую структуру господствующей коалиции в Европе. Церкви развивали корпоративную идентичность, независимую от государства, следуя принципам, принятым на соборе в Констанце.

По иронии конституционные меры предосторожности Констанцского собора, хотя и тесно встроенные в каноническое право, не предотвратили восстановления папского могущества. Папы вскоре перестали созывать регулярные соборы. Папа не только оставался главой церкви, но и, будучи наместником Бога на земле, стоял над церковным законом. Фактическая концентрация власти папы и римской церкви стала мощной силой, приведшей к Реформации после 1520 г. Если бы решения Констанцского собора действительно стали каноническим правом, верховенство папы над законом было бы неконституционным. Решение этого вопроса нелегко далось католической церкви.

2.8. Зрелые естественные государства: Франция и Англия в XVI, XVII и XVIII столетиях

Предыдущая часть была посвящена церкви, поскольку в правовой и политической обстановке средневековой Европы организационные изменения в структуре церкви мгновенно переносились на все общество. Однако проблема гарантии организационной независимости для элит не была решена церковью. Это тонкий вопрос. В наших следующих примерах мы обратимся к Франции и Англии после XVI в.

Во Франции XVII–XVIII вв. усиливающаяся поддержка корпоративной идентичности организаций элит проходила плавно. Несколько французских корпораций тем не менее функционировали в стиле современного бизнеса. Корпоративная идентичность была создана для суда, муниципальных властей и внутриправительственных финансовых учреждений. Корпорации были центральными институтами в развитии французской экономики и политики. Франция была нацией независимых и различных географических единиц, каждая из которых имела свою историю, институты и отношения с центральным правительством. Корпорации обеспечивали важную составляющую, при помощи которой господствующая коалиция скрепляла отношения по всей стране благодаря четкому созданию ограниченных входных привилегий для корпорации. Корона создала ренты, которые в дальнейшем могли быть разделены с должностными лицами корпораций, а продажа и налоги с корпоративных должностей обеспечивали важный источник королевских доходов. Возвышение корпоративных групп было тесно связано с финансовой структурой французской короны*.

---

* Несмотря на то что Франция часто проигрывает Англии с точки зрении экономики и политического развития, если изучать XVIII–XIX вв., недавнее исследование Ламоро и Розенталя (Lamoreaux and Rosenthal, 2004, 2005) и их более глубокое

В обмен на создание корпоративных привилегий корона продавала должности внутри корпорации для представителей элиты. Должностные лица могли продавать свои должности или же передавать их потомкам в рамках сложного свода правил*.

Города были ключевыми корпорациями. Изучение города Лилль Боссенги (Bossenga, 1991) приоткрывает завесу над внутренней кухней корпораций в господствующей коалиции Франции XVII–XVIII вв. В 1667 г. Людовик XIV завоевал Валлонскую Фландрию и принял ключи от города Лилль. После переговоров с главами города Людовик подтвердил древние права и прерогативы Лилля и подписал договор о капитуляции, детализировав привилегии, дарованные городу. После восхождения Людовика XV в 1726 г. привилегии Лилля были подтверждены вновь, на этот раз после выплаты 703 300 ливров, которую город расценил как нарушение тех самых привилегий, которые он приобретал. В 1774 г. Людовик XVI взошел на престол и, хотя он не принуждал Лилль к денежным платежам, взаимные клятвы и воздаяние почестей прежним привилегиям города его не слишком интересовали (Bossenga, 1991, p. 1–4).

Как и большинство городов, Лилль обладал старинными привилегиями, которые наделяли город корпоративной идентичностью, возложенной на его ведущих граждан. Лидерство не было выборным, но определялось членством в корпорации муниципального правительства. Идентичность и корпоративные привилегии были устойчивы, но зависели от жизни и личности смертных владык города. В некоторых планах город представлял собой бессрочную организацию. Членство в муниципаль-

---

совместное исследование с Гвинаном и Гаррисом (Guinanne and Harris, 2007) показывают, что Франция была организационно сложнее в отношении бизнес-корпораций, чем Британия или США, на протяжении большей части XIX века. Мы вернемся к их работе в главе 6.

* Дойль (Doyle, 1996), Квас (Kwass, 2000) и Рут (Root, 1994) объясняют, как Франция использовала корпоративные привилегии, а Коллинз (Collins, 1995) дает более общую картину по Франции раннего периода современности.

ной корпорации существенно увеличивало социальную значимость личности, но идентичность города самого по себе как корпоративного целого не зависела от индивидов, которые составляли корпорацию. Город мог занимать деньги по ставкам ниже, чем король. Находясь в непростом финансовом положении, король в принудительном порядке занимал у города, в основном предлагая к продаже новые позиции в муниципальных корпорациях. Городской совет вынуждали покупать новые должности при помощи заемных средств. Корона также налагала фискальные обязательства на город, как натуральные, вроде снабжения и квартирования войск, так и денежные, когда город был должен перечислять долю своих налогов в центр (Bossenga, 1991, p. 22–46).

Такие муниципалитеты, как Лилль, находились на полпути от бессрочного существования. Некоторые аспекты корпоративной идентичности Лилля существовали бессрочно, другие были объектом воли короля, а вся корпорация была потенциально зависима от доброй воли лично правителя. Признание того, что Лилль обладает старинными привилегиями, было молчаливым признанием того, что Лилль обладает собственной корпоративной идентичностью, независимой от короны. В обычные времена город и король стали бы договариваться об изменениях в соглашениях, но в тяжелые времена король обладал способностью изменить соглашение, односторонне манипулируя несколькими планами корпоративной структуры, такими как число позиций в корпорации. Король мог и признавал город Лилль и его привилегии, но это зависело от постоянно меняющихся обстоятельств как внутри, так и вне Франции. Таким образом, король не мог достоверно обещать соблюдать свои соглашения с Лиллем, он разорвал их, когда обстоятельства вынудили его к этому. В подобных условиях находились тысячи городов, судов и корпоративных единиц во Франции. С одной стороны, в 1700 г. Франция с корпоративной точки зрения была самым организованным обществом, которое к тому моменту истории знал мир. Тем не менее нужды Франции как зрелого естественного государства, коалиция интересов, зависящих от сил, находящих-

ся в постоянном движении, препятствовали обретению этими корпорациями бессрочного существования, совершенно независимого от короны.

Эволюция корпоративных единиц в Англии шла по другому пути, чем во Франции. Англия также имела долгую историю предоставления льгот муниципалитетам и ремесленным гильдиям внутри них. Эти формальные единицы, наделенные льготами, обладали экономическими привилегиями и ограниченным доступом в нескольких различных измерениях*. В середине XVI в. в Англии начали учреждать акционерные общества, крупнейшие из которых были вовлечены в заморскую торговлю и колонизацию. Первой была Русская компания**, среди многих других за ней последовали Виргинская компания, Ост-Индская компания, Компания Массачусетского залива и Компания Гудзонова залива. Это все были плоды естественного государства—организации, контролируемые элитами, которые пользовались в этом случае выраженной правовой поддержкой государства. Коммерческие и торговые интересы всегда были частью господствующей коалиции в Англии, но в XVI в. растущая значимость коммерции, как внутренней, так и внешней, породила смещение акцента внутри коалиции, от земельных интересов к торговым и промышленным интересам. Эти перемены не обошлись без кровопролития и беспорядков.

Относительно столкновений, которые имели место в Англии XVII в., следует сделать два замечания. Первое: эти столкновения не были только между парламентом и королем, как утверждают многие труды по исто-

---

* По муниципальным уставам и руководствам см.: Webb and Webb, 1908. Интерпретация средневековых ремесленных гильдий прошла серьезный пересмотр в XX в. начиная с собраний уставов (Ballard, 1913, и Ballard and Tait, 1923), затем у Скотта (Scott, 1917), Траппа (Thrupp, 1948), Манро (Munro, 1977, 1990), (Swanson, 1988, 1989, 1999), а также в последних работах Ричардсона (Richardson, 2001, 2004). В литературе стали рассматривать городские гильдии не как монополии, но как экономические единицы с гораздо более разнообразными привилегиями.

** Более известна как Московская компания. — *Прим. перев.*

рии, а представляли собой борьбу между элементами в господствующей коалиции — в особенности по поводу торговых интересов, — которые стремились к большей власти и новым правилам, отвечающим их интересам. Второе: многие из новых правил, отстаиваемых коммерческими кругами, предоставляли большие права и имели форму безличности. Одновременно с требованиями более старых землевладельческих элит, которые стремились ограничить способность короля регулировать господствующую коалицию при помощи перераспределения прав на землю, новый торговый класс стремился больше обезопасить себя от произвольных решений короля, пытаясь приспособить коалицию к меняющимся обстоятельствам.

Как и во Франции, институционализация безличных аспектов организации давалась непросто. Очень важно, что перспективы ограничить произвольные действия короля в XVII в. соответствуют нашим наблюдениям о римском императоре и папах, неподвластных закону. Как главы естественного государства все эти правители использовали свою силу для поддержки коалиции естественного государства. С современной, конституционной перспективы порядка открытого доступа это поведение выглядит произвольным, но с точки зрения естественного государства это поведение является логичным следствием поддержания коалиции естественного государства в меняющихся обстоятельствах*.

2.9. Естественные государства

Прогресс естественных государств предполагает возрастание сложности обществ, которые требуют все более сложных институтов, поддерживающих все более сложные организации. Во всех естественных государствах экономика — это продолжение политики другими сред-

* Наш подход помогает объяснить поведение короля до Славной революции, которое в работе Норта и Вайнгаста (North and Weingast, 1989) рассматривается как данность.

ствами; экономические и политические системы тесно связаны, как и религиозные, военные и образовательные системы. Тесные взаимоотношения между церковью и государством в средневековой Европе — от Карла Великого вплоть до XVI в. — показывают тщетность попыток четко очертить правительства в естественных государствах и называть их государством. Власть в естественных государствах рассеяна.

Мы указали на важность институтов, которые позволяют организациям элит как главным элементам двигаться от хрупкого к базисному и зрелому естественным государствам. Организации в хрупких естественных государствах всегда тесно связаны с могущественными индивидами. Внимание к личностной идентичности начинается с идентификации отдельных индивидов со специфическими привилегиями в господствующей коалиции. Господствующая коалиция — это организация организаций, с которой ассоциируются властные элиты. По мере того как общества переходят к базисным естественным государствам, эти идентичности начинают все меньше ассоциироваться с отдельными индивидами и все больше — с социальным аспектом личности, который начинает ассоциироваться с властными организациями. По мере того как общества переходят от хрупких к базисным естественным государствам, эти организации становятся все более ясными и определенными. Организации начинают институционализироваться. Этот процесс случается одновременно как в публичном, так и в частном секторе. В самом деле именно поэтому правительства в большинстве государств ограниченного доступа кажутся настолько коррумпированными наблюдателям из обществ открытого доступа. Самые важные организации базисных естественных государств тесно связаны с (частными) индивидуальными идентичностями элит, которые в них входят. Эти организации находятся на границе публичного и частного, личного и публичного.

В зрелых естественных государствах появляются достоверные институты, которые обеспечивают верховенство права для организаций. По мере развития более слож-

ных организаций, как внутри, так и вне формального правительства, начинает появляться различие между публичными и частными организациями. Первые шаги к веберовскому государству, или правительству с консолидированным, монопольным контролем над армией, совершаются в зрелых естественных государствах. Поддержание верховенства права для организаций элит оказывается невероятно сложным делом, и оно уже обеспечивает пороговые условия.

Не существует никакой телеологии, которая толкала бы государства к последовательному переходу от хрупких естественных государств к базисным и зрелым. Динамика естественных государств — это динамика господствующей коалиции, часто пересматриваемая и гибко реагирующая на меняющиеся обстоятельства. Если приспособление к меняющимся обстоятельствам ведет к большей власти и рентам, основанным на персональной идентичности, то институты делаются более простыми, организации — менее развитыми, а общество смещается к той части континуума, где находятся хрупкие естественные государства. Если приспособление к меняющимся обстоятельствам ведет к большей власти, основанной на устойчивых соглашениях, институты становятся более сложными, организации — более развитыми, а общества смещаются к той части континуума, в которой находятся зрелые естественные государства. Не существует какой-то обязательной логики, которая толкала бы государства в каком-то из этих направлений. По мере того как управление становится более сложным и институционализированным в ходе развития естественного государства, они также становятся более устойчивыми к потрясениям. Зрелые естественные государства более стабильны, чем базисные естественные государства, которые более стабильны, чем хрупкие.

Мы определили прогрессивное развитие естественных государств — хрупких, базисных, зрелых — в отношении организаций, которые они могут поддерживать. Параллельно с ростом организационной сложности происходит рост институциональной сложности. Рост способности управления государства так же важен, как

и у частных организаций. Создание более сложных организаций, таким образом, требует, чтобы государство стало тоже более сложным, оно должно быть способно справляться с более серьезными задачами и брать на себя более достоверные обязательства, которые создают устойчивость и предсказуемость, включая появление верховенства закона.

Базисные естественные государства более богаты организационно и более сложны институционально по сравнению с хрупкими естественными государствами. Они обладают большей специализацией и разделением труда среди организаций и институтов, что включает организации, специализирующиеся на торговле, образовании, религии, производстве (например, добыча полезных ископаемых) и налогообложении. Эти общества часто имеют ряд других институтов, таких как правила преемственности для определения следующего правителя, когда умирает действующий, институты распределения военной добычи и, возможно, официальное собрание, вроде кортесов или парламента, на котором знать ведет формальные переговоры с правителем. Базисные естественные государства также тяготеют к дифференциации публичного и частного права.

Зрелые естественные государства еще более сложны в институциональном отношении, чем базисные. Для существования более широкого спектра частных организаций эти общества должны развить институты для лучшей поддержки частных организаций, включая правовую систему для работы с внутренними и межорганизационными контрактами, а также для создания более надежных обязательств по защите частных организаций от экспроприации со стороны государства и господствующей коалиции. Другими словами, в зрелом естественном государстве должны возникнуть более сложные правовые нормы. И поскольку верховенство права не может быть установлено распоряжением, которое легко нарушить, многие попытки усилить и расширить верховенство закона в базисном естественном государстве терпят провал. Институты, обеспечивающие эти услуги, должны быть также включены в государство и общество, защи-

щая их от новых соглашений о привилегиях среди членов господствующей коалиции.

Один из принципиальных институциональных вопросов, который возник в этой главе, касался проблемы сдерживания личной власти — ограничения короля законом. На уровне обществ глава господствующей коалиции — папа или католическая церковь, римский император или король европейских государств — отражает реалии естественных государств: правитель, как правило, стоит над законом. Это позволяет королю приспособить правила, привилегии, права и законы для соответствия нуждам коалиции по мере усиления и ослабления различных элит. Элитам, приходящим к власти, должны быть предоставлены большие привилегии и ренты, в то время как другие элиты теряют власть вместе с привилегиями и рентой. Правитель не свободен принимать решения по собственному усмотрению, но должен вместо этого пытаться сохранить коалицию, поддерживающую естественное государство. Неспособность так поступить грозит переворотами, гражданской войной и другими формами беспорядков.

Правитель — не единственное лицо, стоящее над законом. Во многих естественных государствах эта проблема распространяется также на институты и организацию общества. Каким образом нужно ограничивать влиятельных представителей элит институциональными структурами, подчиняющими и связывающими их обязательствами с организациями, в которые они входят? Как епископ сдерживается кафедральным капитулом, граф — своим манором или лидер корпорации — ее уставными нормами, это важные вопросы для всего социального порядка.

Вопрос ограничения власти правителя два тысячелетия беспокоил Запад. Главной особенностью примеров этой главы стало изучение появления двойной идентичности лидера — личной и общественной, посредством чего социальная идентичность начала предполагать серию обязанностей и ограничений для правителя (Kantorowicz, 1977 [1957]). Мы несколько раз вернемся к этому вопросу в последующих главах.

Приложение: останки скелетов и эмпирические результаты

Ричард Стекель и Джером Роуз пригласили большую группу антропологов, экономических историков, демографов и историков медицины описать и проанализировать историю здоровья в Западном полушарии, используя данные изучения археологических останков скелетов (Steckel and Rose, 2002). Антропологи предоставили данные по нескольким скелетным показателям здоровья индивидов, которые жили в местах, разбросанных от Южной Африки до Южной Канады. Сводные данные включают сведения о 12 520 скелетах из 65 областей, представлявших население, которое жило с 4500-х гг. до н. э. до начала XX в. Некоторые области были исключены из статистического исследования, а по некоторым скелетам невозможно было оценить возраст или не имелось костей для изучения травм.

Табл. 2.1 показывает оценку по инцидентам с насильственными повреждениями с нанесением травм головы или с травмами от оружия на выборке из 3431 коренных американцев. Расчеты сгруппированы по возрасту, месту и временному периоду, а также тому, относился ли найденный скелет к кочевой группе, деревне или городу (Steckel and Rose, 2006). Как ни странно, и наиболее низкие, и наиболее высокие показатели относятся к городским районам: это индейцы, проживавшие в доколумбовых городах, и чернокожие, проживавшие в городах XIX в. Уровень насилия у доколумбовых охотников-собирателей был почти вдвое больше, чем у американцев европейского происхождения. Травматизм был ниже у деревенских племен в раннюю доколумбову эпоху и самым низким в доколумбовых городах (тем не менее относительно низкая доля мужчин среди умерших показывает, что уровень травматизма может быть недооценен вследствие захоронения мужчин в других местах). Останки скелетов дают ясную картину: переход обществ охотников-собирателей к оседлым городским обществам сопровождался заметным снижением уровня насилия от рук человека.

ТАБЛИЦА 2.1.
Вероятность насильственных травм

Группы	Ожидаемая вероятность, %	% мужчин	Размер выборки
Доколумбова, охотники-собиратели	13,39	47,13	715
Доколумбова, города	2,70	48,63	183
Ранний период после Колумба, деревня	9,48	44,43	673
Европейские американцы, города	7,25	59,88	496
Афроамериканцы, города	18,53	49,90	511

Источник: Western Hemisphere database (Steckel and Rose, 2002).

Глава 3
Естественное государство в действии: английское земельное право

3.1. Введение

Логика естественного государства заставляет нас обратить внимание на то, как господствующая коалиция манипулирует экономикой с целью создания стимулов для могущественных акторов, которые способны удержать их от использования насилия. Земля—это основной актив аграрных обществ. Доступ к ней, использование и способность извлекать из нее доход—это очень сильный инструмент для структурирования господствующей коалиции и ее отношения к экономике в целом. Как отмечается в работах де Сото (De Soto, 1989, 2000; Де Сото, 1995, 2001) и прочей литературе о развитии, установление четких и легко передаваемых прав собственности на землю по-прежнему остается серьезной проблемой для многих частей современного мира*.

---

* Экспорт английского земельного права в американские колонии—это предмет исследования для множества экономических историй Нового мира. Английское земельное право обеспечивало институциональный и правовой базис для относительно равномерного распределения свободной земли в американских колониях, тогда как испанское и португальское земельное право приводило к образованию крупных землевладельцев и неравному распределению земли на той территории, которая позднее станет Латинской Америкой. О важности английского влияния на развитие Америки см. в: Hughes, 1976, 1977. О контрасте, который можно было наблюдать между институтами, привнесенными из метрополии в колонии, в британской Северной Америке и в испанской Америке, см. в: North, 1988, и North, Summerhill, and Weingast, 2000. О значении изначальных условий—распределения земли и земельного права, принятия национальных правовых систем—для последующего роста

Если доступ к земле играет важную роль в уравновешивании интересов внутри господствующей коалиции, это просто не может не сказаться на определенности прав собственности на землю в развивающихся обществах. Четкие права собственности делают землю более ценным ресурсом, но одновременно снижают возможность использования земли в качестве инструмента структурирования отношений между элитами в естественных государствах. В результате у элит возникают конфликтующие интересы относительно того, каким образом сделать права собственности на землю более надежными. В хрупких естественных государствах гибкий механизм перераспределения собственности на землю и контроля над ней может служить инструментом выстраивания баланса интересов внутри коалиции, особенно это важно тогда, когда баланс власти сдвигается от одних важных акторов к другим. В базисных естественных государствах собственность на землю обычно стабилизируется, но продолжает находиться под прямым контролем со стороны государства. В зрелых естественных государствах собственность на землю может выйти из-под прямого контроля государства и даже, возможно, стать по-настоящему безличной.

Развитие английского земельного права издавна находилось в самом центре внимания английской политической истории, интересующейся становлением правовой системы и утверждением принципа верховенства права. Поместив институты, регулирующие права собственности, а также использование и передачу земли, в контекст структур управления, мы сможем отследить то, как Англия использовала контроль над землей для стабилизации своей господствующей коалиции. Кроме того, мы покажем, как со временем возникали все более сложные институты и организации, регулирующие земельные проблемы. Все это позволит нам проследить возникновение безличных прав элиты на землю, составляющих важный этап на пути становления принципа верховенства пра-

---

и развития см. в: Acemoglu, Johnson and Robinson, 2001, 2002, 2005; La Porta et al., 1998; Glaeser, Shleifer, 2002; Engerman and Sokoloff, 2005.

ва. При этом мы понимаем, что земля — не единственный фактор, сыгравший важную роль в истории Англии, и мы не утверждаем, что земельное право объясняет все хитросплетения английского развития. Однако роль земли в английской феодальной системе, в которой политические отношения были увязаны с правом владения и распоряжения землей, делает ее средоточием английской политической истории.

Тезис о том, что надежные права собственности — это основа стабильного политического и конституционного развития, продолжавшегося в течение столетий от Нормандского завоевания 1066 года и вплоть до Славной революции 1688 года, представляет собой главную интуицию виговской истории. Виговская история интерпретирует английскую историю как естественное и неизбежное развитие конституционной структуры, которое привело к созданию ограниченного правления и в конечном счете открытого доступа. В своей классической книге «Виговское видение истории» Герберт Баттерфилд (Butterfield, 1965 [1931]) вычленил телеологические импликации виговских историков XIX в., которые изображали развитие Англии как неизбежный триумф прав над тиранией и деспотизмом. В конце XIX в. историки-виги отчеканили понятие «ублюдочный феодализм», чтобы описать политический режим, при котором личные и финансовые связи становятся скрепами аристократических социальных отношений, в том числе и тех, что касаются армейской мобилизации. Ублюдочный феодализм возник в XIII–XIV вв. и представлял собой наиболее значимое отклонение от виговского пути, когда политическая власть и взаимодействие короны и аристократии начали определяться отношениями, не опосредованными контролем над землей.

Историческая хронология, эволюция земельного права, а также история ублюдочного феодализма прекрасно вмещаются в рамку естественного государства в его движении от хрупкой к базисной, а потом и к зрелой форме на разных этапах истории. Права собственности на землю в Англии действительно стали надежными, кроме того, для многих людей они были надежными и до этого. Однако для наиболее могущественных индивидов соб-

ственность на землю и наследственное право оставались предметом конфликтов, разворачивавшихся внутри господствующей коалиции. Если мы вынесем благостную виговскую телеологию за скобки и глубже погрузимся в природу прав собственности на землю, то эволюция структуры английских институтов и организаций, регулирующих земельные отношения, распадется на периоды, соответствующие трем типам естественных государств.

3.2. Хронология

Вторжение Вильгельма Завоевателя в Англию в 1066 г. создало необычную для того времени политическую ситуацию: образование географически однородной политической единицы, в которой военный контроль полностью сконцентрирован в руках одной группы — норманнов. Столкнувшись с необходимостью разделить свою армию на четыре части, чтобы контролировать население, Вильгельм и его окружение решили создать феодальную политическую систему, в которой основные политические и военные фигуры получали держания напрямую от короля; взамен они должны были стать его рыцарями, вассалами, признающими его своим личным господином. К 1086 г. насчитывалось примерно полторы тысячи подобных держателей, непосредственных вассалов короля*.

Распределение земли между могущественными членами коалиции Вильгельма было крайне важно для успеха нового правительства. Изначальное распределение собственности и права наследования не требовало выселения с земли тех, кто там жил прежде. Новые землевладельцы просто надстраивались над существующей структурой, в свою очередь им полагались служба, оммаж и фуа всех остальных держателей (Simpson, 1986, p. 5). Могущественные феодалы произвели новое феодальное деление внутри своих зе-

---

* «Подобный триумф порядка стал возможным благодаря завоеванию, а также благодаря высокой степени административной эффективности, достигнутой подчиненными короля Вильгельма» (Simpson, 1986, p. 3–4).

мель, то есть они даровали земли менее крупным сеньорам и рыцарям, которые были обязаны нести военную службу и присягать им на верность.*. Основной единицей управления и землевладения был *манор*. Манорами нередко считались владения отдельных рыцарей, но они могли принадлежать и держателям, получившим землю напрямую от короля, а также самому королю. Земля на территории манора обрабатывалась или самим сеньором с использованием наемного или подневольного труда, который был в его домене, или же ее обрабатывали фригольдеры и вилланы, имевшие свой небольшой надел у местных сеньоров. Могущественные феодалы контролировали множество маноров, количество которых порой достигало сотни. Местные сеньоры и рыцари были держателями маноров, полученных от более могущественных сеньоров.

Изначально собственность на землю возвращалась обратно королю после смерти держателя. Логика была безукоризненной: король нуждался в сильных и способных военных держателях (то же самое было верно и в отношении сеньоров). Личность сеньора имела для короля очень большое значение. До тех пор пока армии формировались посредством созыва вассалов, король вынужден был выделять основные земли именно способным командирам. Таким образом, передача земли королем своему вассалу имела личный характер. Владение землей рыцарем или военным было условным: земля предоставлялась взамен на военную службу. Дети рыцарей вполне могли иметь военный талант, но такое случалось не всегда. В силу того что крупные сеньоры на отведенной им территории точно так же создавали свои собственные армии, логика личных взаимоотношений сохранялась на всей территории Англии: предоставление земли не-

---

* В Приложении I к настоящей главе можно найти словарь технических терминов, относящихся к использованию земли. Помимо источников, процитированных в сносках и по ходу текста, мы также обращались к следующим работам: Bean, 1989; Bellamy, 1973; Bernard, 1985; Elton, 1977, 1991; Gray, 1963; Habbakuk, 1958; John, 1960; Milsom, 2003; Pollock and Maitland, 1899; Stenton, 1963 [1932]; Thorne, 1959; Vinogradoff, 1908; Waugh, 1986.

эффективному в военном плане держателю неизбежно ослабляло коалицию (Simpson, 1986, p.16–17). Личный и военный характер обязанностей, связанных с держанием земли, привел к тому, что надежность прав собственности конкретного сеньора зависела от расположенности к нему короля, а также от его места в коалиции. Альянсы и властные отношения внутри коалиции были тесно увязаны с держанием земли.

В первые дни после завоевания Англия была хрупким естественным государством. Права собственности были гарантированы лишь тем, кто был тесно связан с господствующей коалицией, но даже для них права не были достаточно надежными: сегодняшний держатель не мог знать, кто именно будет распоряжаться землей после его смерти. Личные отношения и идентичность в рамках господствующей коалиции напрямую определяли право собственности на землю и ее использование. Рента от земельной собственности была сознательно ограничена малой группой.

Второй этап в развитии земельного права начался вместе с процессом формализации прав наследования. Могущественные члены коалиции очень быстро изыскали возможность передавать право на землю своим потомкам. Коронационная хартия Генриха I, вступившего на престол в 1100 году, признавала следующее: держателям земли, получившим ее напрямую от короля, не следует выкупать свою землю; они могли получить ее, заплатив справедливую и законную компенсацию*. В XII веке

---

* См.: Simpson, 1986, p.17. Симпсон описывает переход от хрупкого естественного государства к базисному в контексте земельных отношений: «Сразу же после завоевания принцип наследования, особенно в случае земли, которой владели военные на условиях службы, еще не был утвержден. Позволение наследнику унаследовать землю военного вне зависимости от способностей этого наследника к военному делу считалось чем-то сомнительным, поэтому землевладение военного мыслилось как легитимное только на период жизни самого рыцаря, его наследник в лучшем случае имел право притязать на землю. Данное притязание могло быть удовлетворено лишь в том случае, если он был готов выкупить эту землю у сеньора за боль-

гипотетическое право законного наследника мужского пола незамедлительно вступать в наследование «сейзины», «равной по размеру той, которой обладал его отец в день своей смерти», получило окончательное закрепление*. Идея о том, что наследник-сын в конечном счете все же получит землю своего отца, пусть даже король или землевладелец возьмут себе эту землю назад на некоторое время, утверждалась на протяжении всего XII века. Коронационная хартия закрепила принцип наследования, однако она не разрешила вопрос о том, когда именно наследник становится полноценным обладателем прав. К концу XII века было окончательно определено, что наследник вступает в права сразу после смерти своего предшественника.

Однако право незамедлительного наследования не уничтожило те привилегии, которыми обладал сеньор после смерти держателя. Держатель все еще был обязан выплачивать сеньору отступные, а если наследник был еще мал, то сеньор имел право взять ребенка на попечение и управлять землей до тех пор, пока ребенок не достигнет совершеннолетия. Конкретные суммы, которые требовалось выплачивать в качестве отступных, были зафиксированы в Хартии 1215 года. Непредсказуемым элементом этого опекунства был момент возвращения контроля над землей сеньору во время взросления наследника. Так как отступные были фиксированной суммой, то реальная стоимость со временем уменьшалась. Однако привилегии опекунства в отношении земли были достаточно четко зафиксированы, и по мере увеличения ценности земли

шую плату. Однако Генрих I в своей коронационной хартии (1100) утвердил правило, согласно которому наследнику не нужно выкупать землю: он мог получить ее, выплатив справедливую и законную сумму. Это уже было равносильно признанию права наследника на наследование или хотя бы на то, чтобы эта земля была ему передарена. Единственная трудность заключалась в определении той самой необходимой суммы».

* «Сейзина» будет подробно рассмотрена нами в следующем разделе. Пока достаточно сказать, что обладатель «сейзины» — это человек, физически обладающий землей. Однако в контексте феодализма все не так просто, как может показаться.

(и ее цены), соответственно, увеличивалась и ценность опекунства. Сеньоры очень ревностно относились к правам опекунства, а также к денежным компенсациям.

Право наследования для держателей, получивших землю напрямую от короны, сильно отличалось: король мог приостановить их право на землю до тех пор, пока не будут выплачены все отступные и штрафы. В отличие от менее влиятельных лиц эти держатели не получали законного права на собственность сразу после смерти своего предка (Clanchy, 1965, p. 107–109; Milsom, 1976, p. 162–163). Когда все требования были выполнены, слуги короля передавали земли в руки официальных наследников; данный процесс назывался *ливреей*. Если наследник был несовершеннолетним, то тогда король распоряжался назначить опекуна. Подобные феодальные практики продолжали действовать для короля и держателей, напрямую получивших от него землю, вплоть до XVII в.

Регламентирование процесса наследования привело к постановке дальнейших вопросов. Землю можно было унаследовать, но нельзя было завещать. Землевладельцы не имели права разделять свой домен между детьми или же составлять завещание перед самой смертью. Наследование определялось целым рядом правил. В большинстве английских юрисдикций земля вначале отходила по праву первородства к сыну или внуку, а если сына-наследника не было, то к дочери или внучке. Если прямых потомков (детей или внуков) не было, то тогда земля передавалась другим родственникам (приоритетом пользовались родственники по мужской линии). Землевладельцы могли разделить землю между наследниками во время своей жизни путем дарения или продажи, но они не могли сделать этого на смертном одре. Хотя наследование и было прописано достаточно четко, на практике вопрос наследования оказывался довольно сложным в ситуации, когда прямые наследники отсутствовали.

Изначально земля могла быть разделена двумя методами: субинфеодацией и отчуждением. Во-первых, наличествующий держатель или сеньор мог назначить новых держателей путем установления новых феодальных отношений (субинфеодации). В силу процесса субинфеода-

ции большинство крупных землевладельцев в Англии одновременно являлись и держателями, и сеньорами. Это очень важный факт для понимания того, как работало земельное право. Большая часть земель имела несколько слоев владельцев/держателей. Во-вторых, держатель мог отчуждать землю новому держателю, который должен был взять на себя обязанности службы и всю предысторию предыдущего держателя. Обычно это делалось с позволения сеньора*. Акт *Quia Emptores* (Третий вестминстерский статут) 1290 г. приостановил процесс субинфеодации и умножения держателей. Акт запрещал дальнейшую субинфеодацию, но позволял производить отчуждение земель, которые держались как простой феод (*feodo simpliciter*), без всякого разрешения со стороны сеньора. Держание простого или абсолютного феода с неограниченным правом наследования (fee simple) в средневековой Англии не было тождественно простому землевладению (fee simple) в Соединенных Штатах эпохи Нового времени. Простой феод был отчуждаем и не обременен никакими особыми условиями. Обремененная земля держалась на основе урезанного (родового) феода. Простой феод и урезанный феод обсуждаются чуть ниже. Акт *Quia Emptores* гарантировал защиту интересов сеньора, устанавливая, что новый держатель «будет обременен той же самой службой, которую должен нести любой держатель по отношению к указанному сеньору...»**. Простой феод стал основной формой держания земли для фригольдеров.

---

* «Во времена Гленвиля [XIII век] сомнительно, чтобы землевладелец имел право отчуждать свое держание без получения согласия сеньора; в целях разумной предосторожности следовало заручиться согласием сеньора на подарок, при этом не имело значения, был ли этот дар разумным и влиял ли он на интересы сеньора» (Simpson, 1986, p. 54). В XXI веке отчуждение означает продажу. В средневековой Англии любая передача земли обозначалась словом «дарение». Так, продавец был «дарителем», а покупатель — «получателем». Это было так вне зависимости от того, подразумевал ли данный дар денежную компенсацию или нет.

** Digby, 1897, p. 236–238. Дигби приводит оригинальный латинский текст земельных законов, а также тексты юридических реше-

Феодальные обязанности действовали в том числе и в отношении той земли, которой владели на основе простого феода (Simpson, 1986, p. 56; также см. p. 13). Земля, которой владели на основе фиксированных и определенных условий, зачастую на условии денежных выплат, находилась во владении в соответствии с сокажем.

Другое важное различие касалось земли, которой владели на основе свободного и несвободного держания. Свободное владение землей было свойственно феодальным и сеньоральным держаниям, когда существовали прямые отношения между сеньором и держателем — отношения, оправдывавшие опекунство со стороны сеньора, стремившегося защищать свои интересы на земле, а также интересы наследника, пока тот не достиг совершеннолетия. Несвободное держание, то есть обычная крепостная зависимость, применялось к землям, держатель которых был обязан сеньору службой. Различие между свободным владением и несвободным владением (которое позднее превратилось в копигольд) в правовой системе тех лет было вполне ясным. Земля, которой владели на основе фригольда, была защищена от действий манориальных судов, организуемых местными сеньорами, а владельцы такой земли имели доступ в королевские суды. Землевладельцы, которые обладали несвободным держанием, или копигольдом, не имели никакой защиты в королевских судах вплоть до конца XV — начала XVI в.*

Необходимо помнить, что в английской системе землевладения на одном и том же куске земли сходились интересы целого множества индивидов. На верхнем уровне держатели, получившие землю от короля, пользовались

ний, касающихся земли. Эти выдержки он сопровождает английскими переводами.

* Различие фригольда и копигольда не было таким уж четким. На уровне отдельного поместья конкретные обязанности перед сеньором, а также конкретные права на тот или иной кусок земли со временем оказались смешанными. Рассмотрение путаницы в попытках формального определения фригольда см. в: Simpson, 1986, p. 72–74; Milsom, 1969, p. 12, 22, 132–136; Digby, 1897, p. 48–52, 136–157, 161–174. О крепостной зависимости в целом см. в: Vinogradoff, 1905, 1923; Виноградов, 2010.

фригольдом, хотя большая часть их земель находилась в рыцарских или иных военных держаниях. Многие из держателей земель тех держателей, которые получили землю от короля, также пользовались землей на основе фригольда. Все эти люди обращались в королевские суды, для того чтобы разрешить споры вокруг земли. Находящиеся в самом низу социальной лестницы вилланы и копигольдеры не имели никакого доступа к королевским судам. Они могли искать справедливости в земельных вопросах лишь в манориальных судах тех сеньоров, которые предоставляли им земли*.

К концу XII—началу XIII в. английское земельное право имело все черты базисного естественного государства. На самом верху структуры землевладения находилось малое число землевладельцев, которые обладали огромными владениями в форме фригольдов, за ними следовало лишь чуть большее число землевладельцев, которые имели более мелкие, но все же значительные владения. Ниже крупных и более мелких сеньоров находилась существенно большая группа фригольдеров и йоменов, также обладавших фригольдом. Наконец, в самом низу находилась очень большая в количественном отношении группа индивидов с небольшими владениями или же лишенными всякой земли. Действовала двойная правовая система, в которой могущественные фригольдеры могли состязаться за землю, охранять свою собственность или же пытаться захватить собственность других за счет правовых ухищрений в королевских судах; оставшаяся часть населения владела более двусмысленным и ограниченным правом собственности, которое могло быть защищено лишь в обычных манориальных судах.

Крупные землевладельцы доминировали как в обществе, так и в правительстве. Это господство вытекало из их контроля над землей. Основные организации, занимаю-

---

* Вовсе не очевидно, что держатели, вынужденные обращаться в манориальные суды, имели меньшую защищенность. Местные сеньоры были заинтересованы в том, чтобы обеспечивать своим держателям ясные и надежные права. Кроме того, манориальные суды перенимали правила и процедуры королевских судов.

щиеся вопросами производства, управления и спасения, были привязаны к феодальному поместью; контроль над землей был тождественен контролю над поместьями, а контроль над поместьями был тождественен контролю над правительством. В силу децентрализованной природы королевской администрации средневековой Англии большая часть каждодневных функций правительства исполнялась местной администрацией, мировыми судьями или шерифами, а также чиновниками манориальных судов и самими владельцами поместий. Контроль над фундаментальными организациями английского общества был полностью встроен в структуру государства, это прямое отражение структуры базисного естественного государства. Однако государство в Англии простиралось далеко за пределы формальных бюрократических институтов королевской власти.

Третья стадия развития земельного права началась в конце XV в., она длилась вплоть до 1660 г. Сигналом перемен стало расширение права на защиту в королевских судах в том числе и для копигольдеров. Традиционно, когда несвободный держатель желал продать свои интересы на земле другому человеку, ему требовалось согласие своего сеньора. Прежний держатель сдавал свою землю сеньору, который затем признавал права нового держателя. «Копия» соглашения хранилась в реестре местного манориального суда, отсюда и название — «копигольд» (Simpson, 1986, p. 170). Сеньор оставался фригольдером этой земли, и эта земля была прописана в титуле сеньора. Копигольдеры не обладали фригольдом, так что, даже учитывая то, что копигольдер обладал надежными правами собственности, он не имел возможности защищать свой титул в королевских судах.

Ситуация начала меняться к концу XV в., когда в королевских судах появился новый способ подтверждения собственных прав на землю. Арендатор был держателем на определенное количество лет. Даже если арендатор и был свободным человеком, его пребывание на земле не было фригольдом, поэтому он не мог обращаться в королевские суды для защиты своей собственности. Однако нарушение границ было выпадом против мира, установ-

ленного королем, поэтому оно могло стать поводом для гражданского иска, который индивид мог подать в королевский суд. Использование посягательства как средства утвердить свой титул позволило копигольдерам использовать королевские суды для обоснования своих притязаний на землю. К 1467 г. суды общего права выдвинули идею о том, что посягательство может быть использовано для защиты прав копигольдеров против чрезмерно агрессивных землевладельцев (Simpson, 1986, p. 162). В 1499 г. королевский суд в деле *Гернес против Смита* постановил, что арендаторы могут задействовать *eiectio firmae*, то есть заявление о посягательстве, чтобы восстановить свой «срок», то есть удалить посягателя с земли и восстановить свое право на ее использование. Вопрос о том, действительно ли имело место посягательство, отчасти зависел от вопроса о праве на землю: суды должны были принять решение, имеет ли арендатор большее право собственности, чем посягатель. Так как у арендатора было право аренды, а не право фригольда, то решение суда зависело от качества права землевладельца, так как именно сеньор считался владельцем по праву. Если право сеньора было лучше права посягателя, то посягателя удаляли с земли.

Таким образом, на протяжении XVI в. мы видим постепенное развитие практики изгнания как способа определения права. К началу XVII в. правила для подобных случаев были прочно зафиксированы, а изгнание стало приоритетным способом доказательства своего права, позволяющим копигольдеру получать относительно надежное право, которое уже могло быть защищено в королевских судах. И все же по-прежнему оставались такие аспекты привилегий фригольдера, которыми копигольдеры не располагали: сеньор по-прежнему оставался фригольдером, в большинстве случаев он оставлял за собой право на шахты, полезные ископаемые, лес, а также на голос, который был прикреплен к земле (Simpson, 1986, p. 168–169). И все же защищенность прав, а также возможность их отчуждения в английском праве за этот период были значительно улучшены.

Вторая важная перемена, которая произошла в XVI в., касалась развития способов уклонения от обязательств

перед сеньором после смерти держателя. Уже в XV в. создание «пользования» стало способом избежать пожизненных обязательств, вытекающих их земельного права. В начале XVI в. короли из династии Тюдоров попытались запретить саму возможность уклонения от исполнения обязательств. Вместо этого произошло прямо обратное — уклонение стало одним из институциональных элементов английского права.

Наиболее распространенным способом уклонения от обязательств после смерти держателя и перераспределения земли среди наследников стало «пользование»*. Допустим *А* владел землей на основе простого феода с правом неограниченного наследования с позволения *Ф*, то есть феодала. *А* мог передать землю *Б* на пользование на весь срок жизни *А*, а затем отдать ее *В* (наследнику *А*), а также наследникам и правопреемникам *В*. В этом случае *Б* становился доверительным собственником, именно ему принадлежали права, однако *А* обладал правом пользования земли. Когда *А* умирал, право пользования переходило к *В* без каких-либо выплат в пользу *Ф*. Более того, даже в случае несовершеннолетия *В* не было предусмотрено никакого опекунства. Называлось некоторое необходимое число людей, которые становились доверенными лицами, их число периодически обновлялось, благодаря чему удавалось завещать землю в соответствии с волей собственника. Причем можно было избежать любых выплат в пользу землевладельца после смерти держателя. Траст, созданный практикой пользования, поддерживался и реализовывался с опорой именно на канцлерские суды, а не на суды общего права. Траст был очень гибкой институциональной формой, одной из первых организационных форм, которые опирались на частное право; индивиды могли формировать трасты по собственному усмотрению**.

---

* Нижеследующий пример взят из следующей работы: Simpson, 1986, p. 175.

** После того как данная форма была приспособлена под земельное право, траст стал тем семенем, которому было суждено превратиться в разновидность бессрочной деловой организации,

Практика пользования позволила отвергнуть опекунство землевладельца, а также иные его феодальные привилегии. В 1536 г. парламент принял два закона: Положение о пользовании, а также Положение о внесении в официальные списки. Целью постановлений было устранение всех лазеек (Simpson, 1986, p.171–207), они были призваны закрепить право собственности на землю за дарителем, *cestui que use**, то есть в нашем примере – за *A*. Положение о внесении в официальные списки требовало, чтобы подобная передача прав фиксировалась. Однако техника передачи прав, описанная в положении, позволяла осуществлять ее так, чтобы она не подпадала под требования положения. Подобные тайные операции обрекли данное положение на провал и фактически перечеркнули положение о пользовании (Simpson, 1986, p.188–189).

В 1540 г. Генрих VIII принял неизбежное и согласился на принятие Закона Уиллса, который позволил землевладельцам завещать две трети своей земли, которую они держали, будучи на рыцарской службе, а также всю землю, которой они владели на основе сокажа**. Однако Генрих ничего не потерял от такой уступки, так как те, кто получил право завещания, не освобождались при этом от своих феодальных обязанностей. Процесс собирания и управления этими обязанностями был формализован вместе с созданием суда по делам опеки и ливреи, идея которого была реализована Генрихом в 1540 г.*** Спо-

---

находящейся вне зоны непосредственного контроля со стороны государства. К этой теме мы еще вернемся в 6-й главе (Maitland, 2003). Трасты развились из практики пользования, в XVII в. они стали формальным правовым механизмом.

* Узуфруктуарий; бенефициарий (*лат.*). – *Прим. перев.*

** Сокаж, а также свободный и общий сокаж определяются и рассматриваются в следующем разделе.

*** Simpson, 1986, p.191–192; Bell, 1953, p.13–15. Как ясно дает понять Белл, Генрих VII инициировал политику извлечения максимальной выгоды из опекунства, а его сын Генрих VIII продолжил политику отца. Корона извлекала доход скорее из продажи опекунства, чем из непосредственного управления землей.

ры вокруг опеки решались в канцлерских судах. По этой причине опека имела больше шансов быть утвержденной тогда, когда на кону стояли большие и ценные землевладения. По этой же причине адвокаты продолжили использовать свою изобретательность для установления и обоснования опеки. Правовые принципы, касающиеся пользования и опеки, были ясными, они были утверждены к началу XVII в. В ходе Гражданской войны (1641–1649) и Реставрации (1660) корона и парламент достигли ряда соглашений, которые уничтожили опекунство и прочие феодальные привилегии путем уничтожения военных и рыцарских держаний, а также сужения круга держателей, получавших землю от короля, до сокменов.

Еще в начале XVII в. собственность на землю в Англии все еще оставалась прерогативой могущественных представителей высшей знати, а также крупных джентри, но закон, в соответствии с которым осуществлялось держание земли, уже вполне напоминал ситуацию зрелого естественного государства. Получил развитие принцип верховенства права, который возник вместе с обширной сетью институтов, управляющих, регулирующих и следящих за соблюдением прав на собственность, эти институты уже могли поддерживать безличный обмен между элитами. Институт пользования, позволяющий завещать землю по своему усмотрению и избегать при этом феодальных обязанностей, привел к расцвету трастов, этой переживавшей становление формы бессрочной организации, которым будет суждено сыграть основную роль в позднейшей истории. Собственность на землю все дальше отодвигалась от непосредственной орбиты государства, она становилась все более и более безличной. На протяжении XVII в. в Англии постепенно складывалось зрелое естественное государство. Для того чтобы понять, почему это произошло, мы кратко рассмотрим вопрос права, а затем перейдем к вопросам политики.

3.3. Суды, правовые понятия и право собственности

Как гласит поговорка, владение — это девять десятых законного права. В Англии собственность на землю была укоренена во владении землей, а владение было «сейзиной»: «...лицо, обладавшее земельной сейзиной, было просто лицом, занимавшим эту землю, лицом, „сидевшим" на земле» (Simpson, 1986, p. 40). Проблема с понятиями владения и занятия земли в условиях феодальной системы заключается в том, что в ней есть целое множество лиц, которые притязают на землю. Кто является обладателем права и на что? Майлсом утверждает, что исконным значением понятия «сейзина» был глагол, призванный обозначить, что именно делает сеньор, когда предоставляет землю некоему лицу: «Держание — это не юридическое понятие, призванное обозначить кусок земли, это то, что получает держатель в обмен на службу сеньору. Держатель — это не просто тот, кто физически владеет, но тот, кто был наделен этим правом со стороны сеньора. Сеньор обладает сейзиной на держание своего держателя...» (Milsom, 1976, p. 39–40). И все же со временем обладание «сейзиной» стало условием, а не действием. Обладание «сейзиной» на землю означало одновременно и наличие собственнического интереса, и фактическое распоряжение землей, но это были не самые простые понятия. Землевладелец мог сохранить за собой «сейзину» на владение фригольдом, даже если он отдал землю на держание на целые годы и даже если держатель фактически обладал землей. Утрата «сейзины» означала, что лицо стало жертвой выселения после вторжения на свою землю. Простое физическое присутствие того, кто вторгся, на земле утверждало его притязание на «сейзину», так как вторгшийся утверждал свою «сейзину» самим фактом своего вторжения и обладания.

Иски в суд для установления права собственности появились уже в первые годы после Нормандского завоева-

ния*. Прежнее правило гласило, что, согласно обычаям королевства, человек не должен отвечать в суде за свой фригольд до тех пор, пока об этом не будет специального королевского предписания. В книге Гленвиля есть запись, относящаяся к 1187–1189 гг., которая гласит: «Когда некто притязает на собственность другого через свободную службу или свободное держание или просто службу, он не может подавать иск до тех пор, пока не появится соответствующее предписание короля или же кого-то из его судей. То есть ему требуется иметь приказ о праве, направленный тому сеньору, от имени которого он держит землю» (Clanchy, XII, 2, 1965, p. 137). Приказ был юридическим указом короля, который направлял королевского агента изучить притязания фригольдера и защитить его собственность в королевских судах. Судейский приказ зависел от имеющихся прав, приоритетом пользовалось наиболее древнее и наиболее ясное свидетельство владения. «Подобающей формой суда в этом случае должен был быть судебный поединок»**.

Альтернативный метод появился в середине XII в.: ассиз о недавней утрате «сейзины». В случае недавней утраты «сейзины» землевладелец мог заявить о том, что он был лишен своей собственности в результате вторжения лица, притязающего лишить его «сейзины». В ситуации недавней утраты сейзины на кону стоял вопрос не о том, на чьей стороне высшее право (как то было в случае судебного приказа), но именно «сейзина» выселенного владельца по отношению к «сейзине» того, кто лишил его собственности. Владелец, лишенный «сейзины» (*disseisee*), должен был вовремя пожаловаться в суд; то есть лишение «сейзины» должно было быть именно недавним. Суд мог тут же вернуть лицо, лишенное «сейзины», обратно на землю, если присяжные в составе двенадцати добропорядочных и законопослушных мужчин, живущих по соседству, то есть ассизы, отвечали утвердитель-

---

* Введение в историю английских судов, а также в их деятельность, связанную с землей, см. в: Maitland, 1968.

** Maitland, 1963 [1908], p. 21. К концу XII в. можно было насчитать лишь несколько случаев реально случившихся поединков.

но на вопрос о том, был ли лишенный «сейзины» человек несправедливо выдворен с арендуемой им земли.

Преимущества правил относительно недавней утраты «сейзины» для тяжущихся сторон были очевидны. Данный процесс шел куда быстрее, чем приказ о праве. К концу XII в. иск о недавней утрате «сейзины» получил широкое хождение как способ утверждения и защиты своих прав на землю (см.: Maitland, 1968; Simpson, 1986). Структура постановления взваливала бóльшее бремя на обладателя «сейзины», а перекрывающиеся притязания сеньоров и держателей потребовали нового уточнения понятий. К временам Брэктона, то есть к 1220–1230 гг., уже было ясно, что и сеньор, и держатель оба являются владельцами «сейзины», однако собственность, на которую у них есть сейзина, является разной. Сеньор владеет сеньорией, а держатель — самой землей, так что их притязания на «сейзину» не противоречат друг другу.

В конечном счете была признана «сейзина» на нематериальную собственность. Очерчивание прав с помощью понятия «сейзина», а также проработка и разделение элементов этих прав, например права на нематериальные вещи и обязанности, стали фундаментальными достижениями английского земельного права. Однако мы должны иметь в виду, что даже по мере того, как эти понятия выкристаллизовывались в XII–XIII вв., они касались интересов относительно небольшого числа элитных землевладельцев, доступ которых к судам определялся их социальным статусом и фригольдом. Эти элиты не пытались внедрить идеальную систему прав собственности, которой добиваются экономисты XXI в.; они пытались создать такую систему, которая бы служила их целям, а также решала их непосредственные проблемы. Другой вопрос, который встал перед ними, был вопрос об отчуждении.

Как указывалось выше, любая передача прав на землю на языке права называлась «дарением» и «передачей прав». Соответственно, любое отчуждение земли рассматривалось как дар или передача прав собственности. В XIII в. отчуждение земли выкристаллизировалось в две формы: безусловное и условное. Два акта парламентского законодательства были призваны воплотить это раз-

деление: *De Donis Conditionalibus (De Donis)*, принятый в 1285 г., регулировал условное отчуждение, кроме того, он регулировал урезанный феод, а *Quia Emptores*, принятый в 1290 г., регулировал отчуждение без условий, он определял понятия простого феода, а также сокажа.

Традиционная виговская история рисует суды общего права как механизмы, всегда благоволившие принципу большей отчуждаемости и тем самым поддерживавшие рынок земли посредством создания ясных и передаваемых прав на землю. Однако могущественные группы интересов, господствовавшие в Англии, видели преимущества в большей отчуждаемости лишь тогда, когда им это шло на пользу, в иных ситуациях они были на стороне прочной привязки земли к владельцу, исключавшей любую возможность отчуждения. *De Donis* имел отношение к случаям, когда земля продавалась или передавалась с условиями; например, родитель дарит землю совместно своему сыну, его новой жене и своим наследникам с правом возврата земли дарителю, в случае если после брака не будет наследника по мужской линии (см.: Digby, 1897, p. 222–230). Условие, требующее мужского наследника, обозначало, что это дарение не было дарением простого феода, так как предоставлялась не вся полнота владения: кое-какие права даритель все же сохранял за собой (Digby, 1897, p. 224–225).

Простой феод в противовес урезанному был наследуемым и отчуждаемым. Как только земля дается в полное владение, то «никакое дальнейшее ограничение прав уже невозможно, так как даритель уже осуществил полное отчуждение своего интереса» (Simpson, 1986, p. 89). После принятия *Quia Emptores* условия, при которых было возможно безусловное отчуждение простого феода, стали абсолютно прозрачными. В конечном счете держание сокажа стало допускать отчуждение земли без всяких продолжающихся обязательств феодальной службы со стороны покупателя*.

---

* «...Сегодня закон все еще требует, чтобы любая земля находилась в „держании", а так как она должна держаться в соответствии с какой-то договоренностью, то мы говорим, что она держит-

Мы привыкли считать урезанный (родовой) феод средством, которое гарантировало, что передача земли будет ограничена исключительно семейным кругом. Безусловно, это был один из способов использования урезанного феода, но «урезанный феод» был куда более общей категорией держания и контракта, при которой далеко не все права простого феода могли быть переданы держателю. Любое условие ставило держателя в положение человека, обладавшего урезанным феодом. Еще более запутанным урезанный феод делала способность дарителя удерживать за собой право отзыва. Право отзыва существовало и до *De Donis*, однако это право не могло быть продано или передано другому человеку, так как это было именно одно из возможных прав. После постановления стало возможным сначала утверждать свое право отзыва, а затем еще и отчуждать его (Digby, 1897, p. 225–226). *De Donis*, а также последующие интерпретации закона, санкционирующие условия передачи земли в вечное пользование, позволили начать составлять гораздо более сложные контракты для землевладения.

Ни *De Donis*, ни *Quia Emptores* не были навязаны монархом противящемуся дворянству. Оба закона — а также те права держания, которые были ими изменены, — были результатом консенсуса интересов, достигнутого в рамках господствующей коалиции естественного государства. Могущественные английские землевладельцы хотели от-

---

ся в свободном и общем сокаже. Это просто еще один способ сказать, что она просто держится, так как описанное владение, являющееся свободным (от службы) и общим (в смысле особых принятых обязанностей), оказывается лишенным каких-либо содержательных характеристик» (Simpson, 1986, p. 13). Как подчеркивает Хьюз (Hughes, 1977), тот факт, что изначальная лицензия Виргинской компании, выпущенная в 1606 г., ограничивала владение землей в Виргинии свободным и общим сокажем, оказал значительное влияние на последующее развитие американских колоний. Английское держание свободного и общего сокажа — это то, что американцы сегодня называют «простым феодом». Таким образом, американский «простой феод» отличается от значения, которое это понятие имело в средневековой Англии.

чуждать собственность так, чтобы получать безусловные права на нее, но также они хотели иметь и способ отчуждения земли, сопряженный с множеством условий. Данные законы позволили им получить оба права.

Английские земельные законы скрывали под видом обманчиво простой структуры неимоверную сложность. Земельное право было достаточно надежным, и здесь соблюдался принцип верховенства права: правила были ясными. Однако наличие правил наследования, которые давали право передавать землю по боковым линиям родства, а также предоставляли возможность обременять дарение и продажу разными условиями, обозначало, что надежность индивидуального права была достаточно относительным понятием. Дарение земли с условием, что она будет переходить наследнику по мужской линии (в противном случае дарение будет отозвано), могло привести к стабильной передаче земли из поколения в поколение, пока наконец отсутствие должного наследника не приведет к ситуации, когда землю придется возвращать человеку, который вот уже десятилетия, если не столетия, мертв. Возможные условия не обязательно касались наследников по мужской линии, а путаница, возникавшая в результате права наследования по боковым линиям в условиях переродившейся английской аристократии, создавала постоянные возможности для манипуляций.

Однако, даже учитывая тот факт, что на большинство земель страны претендовали сразу несколько лиц, реальные держатели земли могли наслаждаться относительно надежными правами, которые они могли передавать своим наследникам (в соответствии с ограничениями закона о наследовании). Большая часть манипуляций осуществлялась на самых верхних стратах английского общества: аристократия владела правами не на физическое обладание землей, но на право получать поток ренты от арендаторов земли. Конфликт относительно высшего уровня прав на землю — земельные войны — был распространенным элементом ублюдочного феодализма.

Последнее важное правовое изменение, коснувшееся держания земли, было оформлено в Законе об уничтоже-

нии держаний 1660 года, полное название которого звучало следующим образом: «Акт, отменяющий суды по делам опеки и ливреи, держание, зависимое непосредственно от короны, рыцарскую службу, а также снабжение и заменяющий их выплатами Его Величеству» (Digby, 1897, p. 396–400). Следует помнить, что вплоть до этого закона король не отказывался от своего права забирать себе землю держателей, зависящих непосредственно от короны, после их смерти, хотя это право и было в XII в. отменено для всех остальных землевладельцев. Закон 1660 года требовал, чтобы всякое землевладение человека, находящегося на рыцарской или военной службе, было превращено в сокаж; закон уничтожил суды по делам опеки и ливреи; кроме того, он устранил полномочие короля забирать себе обратно отданную землю. Акт 1660 года подтвердил постановления более ранних актов 1645 и 1656 годов, эти законы увенчали серию попыток по устранению феодальных сборов и компенсированию короне этих потерь за счет прочих доходов, которые предпринимались еще с 1612 г.

Изменения, начатые в XVII в. и формализованные в 1660 г., облекли земельное право в форму, которая сделала возможным появление институтов, характерных для зрелого естественного государства. Практически все держания на основе фригольда были превращены в простой феод или же в сокаж. Право на владение основными единицами социальной и экономической организации, то есть поместьями, отныне стало предметом регулирования безличных элитных отношений купли-продажи. Владение крупными участками земли по-прежнему оставалось существенным критерием для членства в господствующей коалиции. Наиболее крупные землевладельцы были не только наиболее могущественными политическими акторами, они также могли структурировать и развивать свои трасты, то есть организации, поддерживаемые канцлерскими судами, но не контролируемые государством. Чтобы понять все импликации данных перемен, необходимо обратиться к политике.

3.4. Ублюдочный феодализм

Со временем земельное право изменило правовые особенности владения, отчуждения и наследования. Учитывая первостепенную важность земли для Англии, вполне можно увидеть, как распределение земли и дохода с земли повлияло на расстановку сил внутри господствующей коалиции. Вначале мы рассмотрим типы землевладельцев, а затем их владения и жизнеспособность.

Аристократия делилась на две основные категории. Высшая знать по праву самого своего статуса и титула была обязана давать королю советы в случае возникновения такой необходимости. Количество тех, кому удалось стать пэрами, было относительно небольшим.

> Между 1150 и 1350 гг. к высшему дворянству относились держатели земли от имени короны, графы, число которых едва ли сильно превышало десяток, а также бароны, которых насчитывалось человек двести и которые очень сильно разнились по своему богатству. Подобное положение дел было следствием ситуации, сложившейся начиная с 1066 г. От высших слоев не сильно отставало промежуточное звено землевладельцев — почетные бароны. После 1350 г. дворянство стало еще более закрытой и стратифицированной кастой. Некоторые особенно приближенные бароны начали группироваться с графами, еще сильнее отдаляясь от остальных членов элиты. Эти процессы шли еще с конца XII в. Все бароны принадлежали к высшей знати и при Эдуарде I (1272–1307) имели право посещать парламент в качестве пэров, но на деле большинство пэров или вообще не получали приглашения, или бывали в парламенте очень редко. Единовременно в парламенте присутствовало не больше сотни пэров. К 1388 г. лишь 48 баронов получили статус парламентских пэров и наследственное право посещать заседания, тогда как прочие были лишены этой возможности (Hicks, 1995, p. 5).

Джентри — это нетитулованная часть дворянства. Понятия «джентри» не существовало в середине XII в., но к 1413 г. оно вошло в широкое употребление и полу-

чило формальное признание. Джентри – это была наиболее многочисленная часть аристократии. Различие между высшей знатью и джентри нередко преувеличивается (Hicks, 1995, p. 7–8). Как джентри, так и титулованные дворяне происходили из одних и тех же семей, имели одинаковое воспитание, образование и амбиции, но некоторые из них были более удачливыми, чем другие. Удачливыми можно назвать старших сыновей или же младших братьев старшего брата, который умер до того, как успел родить сына. Счастливыми были и те представители джентри, у которых был бездетный богатый дядя, представитель высшей знати. Однако удача решала отнюдь не все: некоторые члены джентри заслужили право быть титулованными дворянами благодаря своим навыкам, героизму или службе. Различия между титулованным дворянством и джентри и между крупными и мелкими землевладельцами в значительной мере соответствовали друг другу. Иногда эти различия имели самое непосредственное значение, например когда созывался парламент. И все же граница между двумя группами была достаточно зыбкой.

Сколько земли было у аристократии? Проблема землевладения и землепользования – это тайная страница истории Англии. Хорошо развитое чувство обладания «сейзиной», а также наличие собственнических прав – это часть проблемы. Большая часть английских земель в XII–XVII вв. принадлежала одновременно более чем одному лицу. Право владения могло принадлежать множеству лиц, выдвигавших самые разные притязания – например, на пользование землей или же на получение с нее доходов. Земля могла обрабатываться вилланами, свободными людьми, вилланами, которые работали на домене сеньора, или же наемными работниками, трудящимися на основе копигольда, фригольда или домена. Земля могла обрабатываться преступником или арендатором, действующим в соответствии с краткосрочной или долгосрочной арендой. Понять, кто именно владеет землей, а кто просто ее обрабатывает, было достаточно трудно.

Конкретные детали и оценки масштабов землевладения приводятся нами в Приложении к данной главе.

В силу неопределенности относительно того, кто именно владел и использовал землю в конкретный момент времени, ни одна оценка не может быть названа бесспорной. Тем не менее некоторые вещи установить все же возможно.

- Небольшое число могущественных титулованных дворян, которые одновременно были и крупными землевладельцами, и политически важными советниками короля. Они заседали в палате лордов, а также в совете и насчитывали от 50 до 200 человек. Данная группа контролировала около 20% земли и примерно такой же процент общего дохода.
- Группа могущественных джентри, самых значимых рыцарей, насчитывала от 200 до 2000 человек. Она контролировала значительные территории. Иногда рыцарей призывали в парламент. Позднее именно они чаще всего избирались в палату общин. Вопрос о том, контролировали ли они как класс больше земли и денег, чем магнаты, не ясен. Что касается их отношения к титулованному дворянству, то оно было разным в зависимости от обстоятельств.
- Третья группа менее крупных джентри насчитывала от 5000 до 8000. Члены этой группы владели землей и получали доход, который заметно превышал все то, чем владел простой люд. Однако состояние этой группы было значительно меньшим, чем состояние более крупных сеньоров.

Численность населения Англии между 1200 и 1600 гг. варьировалась от 2,5 до 6 миллионов человек. В начале XIV в. и вплоть до Черной смерти насчитывалось от 500 тысяч до 1,2 миллиона семей*. Титулованное дворянство и джентри, насчитывавшие от 6 до 10 тысяч семей, со-

---

* См.: Clark, 2007b. В работе представлен обзор недавних оценок количества населения. Данные по семьям представляют собой простые экстраполяции из оценок количества населения на основе допущения о том, что в среднем на семью приходится по пять человек.

ставляли от 5 до 1% всех английских семей. Безусловно, перед нами порядок ограниченного доступа. В Табл. 3.1 показано землевладение по классам к 1436 г. в соответствии с подсчетами Купера. Три группы совместно обладали примерно 45% земли, король обладал другими 5%, а церковь — еще 20%. В целом очень небольшая группа населения владела почти 70% или даже больше земли в Англии. Но это не значит, что остальные 99% населения ютились на 30% земли, — просто доходы и привилегии, связанные с землевладением, в Англии были увязаны с очень небольшой группой политической, военной, экономической и религиозной элиты.

Группы элит не были ни закрытыми, ни статичными: в них наблюдалось постоянное движение то вниз, то вверх в сочетании с некоторой проницаемостью снизу. Цифры Макфарлейна относительно «вымирания» сословия пэров в Табл. 3.2 позволяют сделать такой вывод, а также указывают на некоторые механизмы, посредством которых все это происходило. Макфарлейн указывает в качестве пэров всех тех титулованных дворян, которые были призваны в парламент в течение двадцатипятилетнего периода, начавшегося в 1300 г. Пэрство прекращалось, если пэр умирал, не оставив после себя прямого наследника-мужчины. Вымирание не означало обязательного исчезновения титула. Оно означало переход титула и нередко земли к боковой линии семьи. В прочих случаях пэрство могло быть отнято (например, за предательство), что влекло за собой лишение пэра, а также его семьи всех гражданских прав и собственности. Самый низкий показатель вымирания за четверть века в интервале между 1300 и 1475 гг. составлял 24%, высший показатель — 35%. Так как смертность была высокой, а выживание — проблематичным, элита всегда оставалась проницаемой.

Мобильность внутри аристократии могла быть неожиданной и драматичной, она могла зависеть от счастливого стечения обстоятельств. Ричард, герцог Йоркский (ключевая фигура в Войне Алой и Белой розы), был сыном герцога Кембриджского. Его отец был казнен как предатель и в силу лишения всех привилегий оставил

сыну очень маленькое наследство. Пару месяцев спустя в 1415 г. дядя Ричарда Эдуард, герцог Йоркский, умер без наследника. Если бы дядя Ричарда Эдуард умер до его отца, то тогда титул и собственность Эдуарда были бы утрачены, а Ричард ничего бы не получил. Однако в силу того, что дядя умер до отца, Ричард унаследовал все состояние Эдуарда и, более того, стал герцогом Йоркским. Смерть дяди Ричарда по материнской линии Эдмунда Мортимера, герцога Марча и Ольтера, который также не имел потомка, сделала Ричарда в 1432 г., когда он достиг совершеннолетия, крупнейшим землевладельцем Англии времен Генриха VI. История Ричарда впечатляет своим масштабом, но отнюдь не поворотами сюжета (McFarlane, 1973, p. 185–186).

Несмотря на постоянные изменения, семьи аристократов были достаточно стабильными: из 62 крупнейших землевладельцев, составлявших парламент 1640 г., лишь половина «по состоянию на 1874 г. имела потомков или родственников, обладавших землями в три тысячи акров или больше» (Tawney, 1941, p. 2). Господствующая коалиция в Англии очень сильно напоминала ту стилизованную господствующую коалицию, которая была обрисована нами во второй главе. Она была малочисленной и пользовалась привилегированным доступом к ценным ресурсам и формам деятельности. Аристократия господствовала над военными, церковью и правительством, а когда в XVI в. началась колониальная экспансия, то она захватила еще и основные позиции в ключевых колониальных компаниях, а также в крупных торговых фирмах.

Аристократия была стабильной группой, но членство в ней не было статичным. Вход снизу был — он был ограничен, но возможен. Формально статус аристократа в иерархии зависел от земли. Мобильность индивида в рамках элитной иерархии отчасти зависела от колебаний стоимости его владений и привилегий, а отчасти — от его способностей, ума, трудолюбия, связей и удачи. Армии формировались посредством выделения держаний, держатели, в свою очередь, были обязаны нести воинскую службу. Члены домовладений, наемники, а также держатели земель составляли тот костяк, на который

сеньор мог опереться как во время войны, так и в мирное время в период выполнения какой-то иной службы. Эту группу лиц называли *приближенными* или *связями*. Они образовывали сети патрон-клиентских отношений. Эти сети работали в интересах сеньора или куратора этих сетей. В силу того что политическая позиция сеньора отчасти зависела от его способности быстро мобилизовать людей под то или иное дело, сеньор, который командовал наибольшим количеством людей, оказывался в гораздо более выигрышной позиции с точки зрения вознаграждения членов своей команды.

Аристократия в целом состояла из представителей высшего и низшего дворянства, а также из их семей, связанных друг с другом через ясные линии сетей патрон-клиентских отношений. Аристократия находилась на самой вершине сети, сеть тянулась через джентри и охватывала бóльшую часть английского общества. Условное держание земли в обмен на службу облепляло эти сети формальной и правовой структурой.

Как было отмечено выше, лишь около сотни магнатов обладали возможностью влиять на национальную политику. Личность ни одного из этих крупных магнатов не была зафиксирована ни в одном праве и ни в одной родословной, но сыну графа играть заметную роль в обществе было куда проще, чем сыну сельского судьи. Способные и талантливые люди состязались за господство внутри коалиции; даже статус короля не давал абсолютных гарантий: король мог пострадать, если его способности оказывались недостаточными, чтобы реагировать на те вызовы, с которыми он сталкивался. В рамках этого мира социальные персоны отражали уникальные привилегии, находившиеся в руках каждого крупного игрока.

Доступ магнатов к ренте стимулировал менее крупных сеньоров и просто амбициозных людей вступать с ними в союзы. Люди скромного происхождения могли получить доступ к системе, уцепившись за ее самые низшие ступеньки. Успешная придворная служба могла предоставить возможность отличиться в битве или конфликте, привлечь внимание сеньора и продвинуться вперед. Талант и способности вознаграждались, но лишь в рамках

существующих социальных организаций. Английская наследственная аристократия была господствующей коалицией в условиях социального порядка с ограниченным, но все же не закрытым доступом.

Патронажные сети в средневековой Англии состояли из людей, которые были связаны друг с другом землей и деньгами. Феномен ублюдочного феодализма, о котором впервые заговорил Пламмер в своей работе «Управление Англией» (1885), был куда сложнее, чем просто стереотипная феодальная система, в которой связи сеньора со своими слугами закрепляются только на основе земельных отношений. Макфарлейн (McFarlane, 1981, p. 23) отмечает, что Пламмер использует понятие «ублюдочный» именно в смысле злоупотребления: «незаконнорожденный, фальсифицированный, коррумпированный, выродившийся». Макфарлейн предполагает, что вместо этого нам следует подумать и об ином смысле данного слова: «имеющий внешнее сходство, нечто напоминающее». Он утверждает, что ублюдочный феодализм был продолжением земельного феодализма другими средствами и представлял собой и неотъемлемую составляющую социального порядка средневековой Англии. Деньги необязательно были средством коррупции — это просто был еще один способ упорядочения отношений между людьми.

Сетования Пламмера, Стаббса и прочих историков XIX в. на разлагающее влияние ублюдочного феодализма касаются двух аспектов. Во-первых, даже во времена завоевания Англия не имела консолидированного контроля над своей военной силой. Распылив свою армию среди населения, Вильгельм Завоеватель получил возможность контролировать население, обеспечивать порядок и создавать посредством избирательного распределения земли стимулы, заставлявшие могущественных сеньоров отождествлять свои интересы с интересами короля. Однако по мере укрепления права наследования способность короля распределять и перераспределять земли снижалась. И вскоре потомки Вильгельма Завоевателя обнаружили, что распыление военной силы представляет для них скорее угрозу, чем выгодное преимущество.

К XIII в. процесс комплектования армии напрямую, через феодальные рекрутские наборы, стал слишком громоздким. Во время первой Валлийской войны 1276–1277 гг. Эдуард мог рассчитывать на услуги 7 тысяч рыцарей. Вместо этого он призвал на службу 375 рыцарей, а для остальных заменил службу денежными выплатами («щитовые» деньги); для сбора остального войска использовались иные средства. Столетняя война с Францией уже велась армией, сформированной королем и его вассалами совсем по иному принципу. Во-первых, часть военных привлекали напрямую во двор сеньора*. Во-вторых, сеньоры начали создавать армии наемников**.

Могущественные сеньоры сплачивали вокруг себя людей, увязанных с ними через дарованную землю, деньги и протекцию, а затем использовали эти группы для достижения военных целей, как своих, так и короля. Истоки ливреи коренятся именно в желании сеньора одеть свою свиту в единообразную униформу***. К XIV в. могу-

---

* На вершине могущества двор короля состоял из 700 рыцарей, которые получали денежное довольствие и обмундирование, а в военное время им платили жалованье, давали средства на приобретение продовольствия и компенсации за убитых лошадей. Члены двора благодаря своей близости к королю или сеньору получали возможность влиять на политику при дворе, а также шанс особо отличиться во время военных действий. Генрих I вывел в графы трех членов своего двора (Hicks, 1995, p. 21, 19–48). Члены двора также несли службу, связанную с мирным временем. Например, уход за сеньором, административные обязанности, а также более мелкие функции по делам поместья.

** Наемник мог быть привлечен на короткий срок, например на конкретную войну. Но были и долговременные наемники, например те, что оказывали правовые услуги на протяжении всей жизни. Сеть наемников предоставляла сеньору возможность призывать их на службу в тот момент, когда ему это требовалось. Хотя некоторые индивиды и имели наемников, относящихся к разным сеньорам, чаще всего наемники сохраняли лояльность к своему сеньору.

*** Мы уже упоминали и иной вид ливреи, то есть процесс, посредством которого титул на землю переходил к тому или иному лицу. Суд по делам опеки и ливреи, созданный Генрихом VIII, был занят вопросами передачи титулов опекаемым в тот момент, когда они достигали совершеннолетия. Вторым видом

щественные сеньоры командовали частными армиями, собранными из членов двора, наемников и держателей. Армии созывались для преследования королевских интересов, а также интересов сеньора. Эти армии ставили под угрозу внутренний мир и вызывали все большее беспокойство у короля, а также создавали проблему чрезмерно могущественных членов общества. Через некоторое время мы еще вернемся к этому вопросу, так как проблема могущественных членов общества, «подпирающих слабого короля» (по выражению Макфарлейна), — это основополагающая проблема, которая предопределит то, как мы будем рассматривать те политические проблемы, с которыми столкнулась Англия.

Второй аспект, на котором фокусируются историки, стремящиеся осудить ублюдочный феодализм, — это использование могущественными сеньорами своих связей и влияния для давления на суд. Корень проблемы — это желание некоторых сеньоров надавить на суд и добиться нужного решения, например по делу о недавнем лишении «сейзины». Учитывая очень запутанную процедуру процесса вступления в права, особенно после смерти землевладельца, не имеющего прямого наследника, сеньор с самыми малыми правами на землю вполне мог вторгнуться туда со всем своим войском (насильственное вторжение). После вторжения сеньор устанавливал свою «сейзину» на основании самого факта обладания землей. Затем ему надо было защитить свою «сейзину» в качестве ответчика по делу о недавнем лишении «сезины»*. Сеньор, уверенный в своей способности повлиять на суд,

---

ливреи была униформа, которую носили феодальные наемники. Закон ограничивал возможности менее крупных сеньоров создавать свои собственные ливреи; крупные землевладельцы могли предоставлять ливрею лишь избранному числу своих наемников.

* «Безрассудством и большой редкостью была ситуация, когда человек более низкого происхождения решался затеять иск против магната, который несправедливо лишил его земли» (Bellamy, 1989, p. 57–58).

вполне мог посчитать авантюру против соседа выгодным, пусть и рискованным, предприятием.

Могущественные сеньоры использовали множество методов воздействия на суды и присяжных. Они могли вторгнуться на чужую землю, организовать мятеж, незаконно удерживать владения, поддерживать одну из сторон процесса, давить на суд или же плести интриги. Насильственное вторжение, мятеж и интриги были связаны с попытками вторгнуться на землю и установить там свою «сейзину». Поддержка одной из сторон и давление были методами, посредством которых сеньоры пытались воздействовать на суды и присяжных. Распространенность подобных практик была прекрасно зафиксирована в исторической летописи, то же самое относится и к попыткам искоренить подобную практику посредством законов. Законы, направленные на борьбу с подобным беспределом, датируются еще эпохой Ричарда II (1377–1399). В частности, законы боролись с ливреей и поддержкой одной из сторон в суде, подобные законы без всяких изменений и без какого-либо эффекта принимались на протяжении XV–XVI вв.*

Попытки получения земли лишь в самых редких случаях предпринимались в условиях полного игнорирования закона; претенденты обычно имели хотя бы малейшие доказательства обоснованности своих притязаний. Из нашего предыдущего рассмотрения недавнего лишения «сейзины», закона о наследовании, а также закона об отчуждаемости можно было сделать вывод о громоздкости правовой системы Англии. Расплата за эту громоздкость не заставила себя ждать. Английское земельное право XIV в., регулировавшее права собственности на землю, было прекрасно известно и понятно. Но, к сожалению, ясность не всегда приводит к очевидным решениям относительно того, кто именно будет обладать

---

* В работе Беллами (Bellamy, 1989) можно обнаружить подробный анализ того, как ублюдочный феодализм соотносился с законами; кроме того, в этой работе рассматриваются долгие и поначалу бесплодные попытки ограничить случаи запугивания судов и оказания на них влияния.

землей, особенно когда дело касается сложных случаев наследования, в которых за многие столетия образовалась целая мешанина притязаний, вытекающих из практики обусловленных отчуждений и дарений с урезанным феодом. В ситуации, когда двусмысленность норм права сочетается с патронатными сетями, опирающимися на военную службу, и судебной системой, подвластной давлению и запугиванию, результатом становится отнюдь не верховенство права в его современном смысле.

Земельные войны аристократов нередко приводили к гражданским войнам и открытым выплескам насилия. Однако чаще всего аристократические конфликты вокруг земли ограничивались судебными распрями. Социальная персона конкретного сеньора оказывала непосредственное влияние на конечный результат. Контроль над землей означал контроль над местным правительством. Земля продолжала оставаться главным признаком успеха и индикатором относительного статуса в рамках господствующей коалиции.

3.5. Ублюдочный феодализм и постепенное обезличивание прав собственности

Два аспекта ублюдочного феодализма позволяют нам понять, как именно контроль над ресурсами и функциями в рамках естественного государства может быть использован для структурирования коалиции. Первый аспект — это использование денег для структурирования отношений элит. Эта коррумпирующая практика стала главным объектом виговской критики в XIX в. Второй аспект — это принципиальное положение о том, что ни одно государство не является единоличным актором, все государства — это организации организаций. История Англии — это не просто история противостояния короля и баронов. Английский феодализм опирался на организации, возникшие вокруг землевладения, а также на могущественных акторов, которые после Нормандского завоевания стали землевладельцами; медленно, но верно организации и акторы привели к складыванию в Англии

сложных организационных форм как внутри, так и снаружи государства.

Традиционная виговская история превращает борьбу за ограничение произвольной власти отдельных людей в ключевой элемент развития представительных институтов, посредством которых управляемые дают свое согласие на то, чтобы ими управляли. Привилегия иметь свой суд была особенно ценна в условиях Англии после завоевания. Когда король в XII в. решил вмешаться в земельные споры, предоставив фригольдерам доступ в королевские суды, сеньоры лишились многих источников дохода: они лишились выплачиваемых им штрафов и судебных издержек сторон от исков, которые теперь подавались в королевские суды. С традиционной точки зрения это была борьба между аристократией и короной. Как утверждает Косс (Coss, 1989, p. 41), утрата доходов была лишь вершиной айсберга: вмешательство короля во внутренние дела поставило под угрозу социальное положение титулованного дворянства и джентри. «Если дать некоторым латентным возможностям шанс развиться, то тогда они [титулованное дворянство и джентри] фактически столкнутся с перспективой социального вымирания». Реакция сеньоров, пытавшихся защитить свои привилегии, сильно укрепила их позиции, ослабив положение короля.

Как отмечает Макфарлейн, подобный подход к осмыслению проблемы едва ли можно назвать продуктивным. Когда армии перестали пополняться на основе феодального ополчения, когда на место этих ополчений пришли личные военные контракты с могущественными акторами, финансировавшимися за счет общего налогообложения и налогов, освобождающих от несения военной службы, баланс между интересами короля и интересами баронов уже больше не поддерживался исключительно за счет земли. По мере становления ублюдочного феодализма сеньоры начали обменивать непосредственную военную службу на денежные выплаты. Возрастание значимости иных источников власти и ренты, например торговли и коммерции, означало, что земля начала утрачивать свое центральное положение основного ресурса.

По мере того как английское общество претерпевало изменения, должно было измениться и распределение власти внутри коалиции. Отныне едва ли было разумным фиксироваться исключительно на земле как на единственном средстве стабилизации и поддержания баланса интересов внутри коалиции. Это было разумно лишь в краткосрочный период сразу же после завоевания, когда Англия представляла собой хрупкое естественное государство.

Большинство изменений в рамках господствующей коалиции касались перераспределения власти, которое нередко вело к войнам за землю. Корректировка проходила постоянно, независимо от того, участвовала ли в ней корона или нет. Принимая во внимание институциональную структуру средневекового английского общества, политический порядок зависел от формирования прочных организаций, от альянса групп интересов, обычно включавших короля. Однако в ряде случаев король оказывался относительно слабым и неэффективным членом правящей коалиции; иногда его вообще игнорировали.

Если выйти за пределы установок Макфарлейна и его учеников, то можно увидеть, что Англия в Средние века была базисным естественным государством, управляемым господствующей коалицией, рента которой порождалась ограниченным доступом к земле, религией, военными действиями и отправлением правосудия. Коалиция скреплялась личными взаимоотношениями, основанными на земле и подкрепленными денежным обменом. Такова сущность ублюдочного феодализма. Повторюсь, что все влиятельные организации, занятые в производстве, управлении и спасении, так или иначе были увязаны с феодальным поместьем: контроль над землей приравнивался к контролю над поместьем. Контроль над основополагающими организациями английского общества был встроен в саму структуру государства. Могущественные сеньоры контролировали более сотни поместий, а некоторые из самых влиятельных сеньоров были еще и епископами. Сотня человек на самом верху господствующей коалиции работала над выработкой договоренностей,

скреплявших английское общество. Благодаря своей необыкновенной сложности английское земельное право позволяло поддерживать ограниченный доступ к земле на более высоком и политически более значимом уровне агрегирования и одновременно двигаться в сторону более открытого доступа на уровне небольших индивидуальных держателей, которые получили свои земли от более крупных сеньоров, а затем заменили все свои обязанности феодальной службы денежными выплатами.

История, культура и институциональная преемственность играли колоссальную роль. Земельное право, уходящее своими корнями в хрупкое естественное государство, созданное после завоевания, предвещало будущие трудности и противоречия, но оно же несло в себе новые возможности. Когда после смерти держателя земля возвращалась сеньору — будь то держатель, получивший землю непосредственно от сеньора, или же небольшой фригольдер, — перераспределение земли могло быть использовано для поддержания коалиции на национальном и локальном уровне. Однако как только была достигнута определенная степень стабильности, ни у кого больше уже не было заинтересованности в поддержании системы возвратов. Если держатели готовы были платить за более надежные права собственности, то землевладельцам также было выгодно дать им больше прав в обмен на большее количество услуг. В XII в. наследование по прямой линии стало правилом, но это правило было непреложным, то есть право «сейзины» не могло завещаться по воле владельца. Более того, на самом верху иерархии король так и не отказался от своего права забирать себе землю держателя, напрямую получившего от него землю, после смерти этого держателя. Земля была лишь одним из многих ценных активов, использовавшихся для консолидации и упорядочивания базисного естественного государства. Но этот актив был основополагающим.

Надежные и передаваемые права собственности на землю были ценны в принципе. Как минимум уже после 1295 г. и *Quia Emptores* часть институтов английского земельного права двигалась в сторону утверждения бо-

лее защищенных прав на землю. Однако более надежные права на землю были сформулированы так, чтобы все еще оставалась двусмысленность по поводу того, кто же именно владел собственностью и какой, а также кому она должна была достаться после смерти. С нашей, современной точки зрения подобная двусмысленность представляется дефектом. Однако с точки зрения Англии как базисного естественного государства двусмысленность позволяла господствующей коалиции эффективно использовать контроль над землей в качестве инструмента структурирования и перераспределения политической и экономической власти, по мере того как менялись обстоятельства. Землевладение в средневековой Англии было не только персональным по самой своей сути, оно еще и воплощало личные взаимоотношения, которые, собственно, и скрепляли господствующую коалицию. Для перераспределения власти внутри господствующей коалиции от системы требовалась некоторая гибкость в том, что касалось передачи контроля над землей членам элиты, которые как индивиды то теряли, то увеличивали свое могущество. Власть в английском государстве яснее всего проявлялась в том, кто именно контролировал землю, особенно учитывая то обстоятельство, что контроль над землей на местном уровне быстро превращался в контроль над правительственными функциями. Если бы права собственности у элит были определенными и лишенными всякой двусмысленности — а значит, перераспределение земли могло бы происходить только в результате продажи или дарения, — то тогда английская система управления утратила бы очень важный элемент гибкости. Нерегулярное перераспределение земли в результате земельных войн (как кровопролитных, так и нет) в рамках английской системы земельного права отражало процесс изменения политического статуса того или иного лица в рамках коалиции, это был один из основополагающих моментов, приводивших систему в действие. К сожалению, система отнюдь не всегда работала гладко, в ряде случаев ситуация приводила к гражданской войне. Эти войны касались не просто земли; обычно они вращались вокруг вопросов власти, престижа, чести, а также мести.

Но все же именно контроль над землей был основополагающим механизмом, позволявшим осуществлять власть над английским обществом (Bellamy, 1989, p. 35). Самой крупной из войн стала Война Алой и Белой розы, которая разразилась во второй половине XV в. (Pollard, 1988).

Эта запутанная история показывает, почему никакая телеология и никакие неизбежные силы не толкают общества к более зрелым институтам. Сложности, связанные с передачей земли в момент смерти, включая обременительные обязанности опекунства, если наследник еще не достиг совершеннолетия, создавали для сеньоров стимулы к решению правовых проблем. Никакие неизбежные силы не заставляли систему становиться более рациональной и прозрачной. *De Donis* был столь же логичным ходом могущественных землевладельцев, что и *Quia Emptores*. Если *Quia Emptores* разъяснил право владения, то *De Donis* его значительно усложнил.

Независимо от того, воспринимаете ли вы развитие практики пользования и создания трастов как позитивную или негативную тенденцию, у вас нет никаких оснований рассматривать ее как неизбежное движение в сторону все более эффективных механизмов. Хотя доходы короны и сокращались по мере развития пользования, то же самое касалось и крупных сеньоров, так как они тоже сохраняли за собой права опекунства в отношении своих держателей (Bell, 1953, p. 1). Как частные лица сеньоры (как крупные, так и мелкие) имели все стимулы для того, чтобы избегать издержек, связанных со смертью держателя, путем развития практики пользования. Однако в качестве группы король и парламент страдали от сокращения доходов, так как пользование перекрывало некоторые источники доходов как короля, так и самых крупных землевладельцев*. В 1536 г. корона и парла-

---

* В силу того что канцлерские суды пытались проводить соглашения о пользовании в жизнь на основе справедливости, а также в силу того, что корона прямо и косвенно получала от этого суда стабильный доход, у короля были и другие фискальные стимулы, для того чтобы позволить практике пользования развиваться. Фискальные интересы короля и крупных сень-

мент попытались совместно искоренить саму практику пользования, издав Закон о пользовании. Как было показано, эта попытка потерпела крах. Однако само принятие подобного закона свидетельствует о том, что как королевские, так и аристократические элементы господствующей коалиции в Англии в 1536 г. были исполнены решимости искоренить то, что представляется нам фундаментальным улучшением английского общества. В любом случае провал Закона о пользовании не может быть объяснен скаредным парламентом, не желающим сохранять за королем его источники доходов. Многие члены палаты лордов были заинтересованы в уничтожении пользования в не меньшей степени, чем сам король.

В ответ на провал Закона о пользовании парламент в 1549 г. принял Закон Уиллса. Продолжение практики пользования означало, что большинство крупных землевладельцев смогут уклониться от опекунства*. Позволение крупным землевладельцам завещать свою землю исходя из собственного желания прояснило статус права на землю после смерти магната. Отныне судьба земли уже больше не определялась исключительно византийскими правилами наследования. В XVI в. права собственности на землю стали куда более ясными, а значит, и стимулы, равно как и возможности, для ведения земельных войн стали все больше и больше сокращаться**. Парламент вовсе не желал, чтобы в результате Закона Уиллса корона лишилась своих доходов, поэтому в том же году было принято реше-

---

оров не были симметричными. То, насколько сильно переход от феодальных обязанностей к налоговым обязанностям повлиял на конкретного сеньора, зависело от его отношений с королем, а также со своими держателями.

* Simpson, 1986, p. 191. Интересно, что Симпсон пытается объяснить эти события, апеллируя к той ситуации с налогообложением, в которой оказалась корона.

** Bellamy, 1989, p. 123–126. Беллами утверждает, что случаи предвзятого отношения к одной из сторон, а также случаи насильственного вторжения на землю к началу XVII в. сошли на нет как в смысле количества подобных действий, так и в смысле статуса ответчиков. К тому времени крупные сеньоры уже не использовали суды, чтобы прибрать землю к своим рукам.

ние о формировании судов по делам опеки и ливреи, призванных контролировать соблюдение прав короны на опекунство. К этому вопросу мы еще вернемся чуть позже.

Переход в XV–XVI вв. от защиты своего права через иск о недавнем лишении «сейзины» к изгнанию с земли также имел далеко идущие последствия. Права собственности для фригольдеров и копигольдеров получили гораздо лучшее определение, и их стало куда проще защищать. Предоставление прав собственности на землю копигольдерам сыграло важную роль в прояснении сложных вопросов, связанных с обладанием недвижимостью.

В то время последствий этих изменений еще никто не понимал. Изменения в земельном праве не были частью целостной схемы, направленной на улучшение качества прав собственности на землю; они были результатом продолжающейся динамики внутри английского общества. Симпсон утверждает, что королевские суды общего права увидели возможность перехватить некоторые дела у судов права справедливости, которые желали заслушивать дела копигольдеров на основе принципов справедливости (Simpson, 1986, p. 163–164). И вновь именно аргумент о фискальных интересах привел к тому, что один суд поменял свои правила, для того чтобы перехватить некоторые бизнес-интересы другого суда*.

Более защищенные и прозрачные права собственности на землю и права ее передачи обозначали, что земля отныне становилась все менее полезной в качестве инструмента балансирования интересов в рамках господствующей коалиции. Изменения в земельном праве, которые начались в 1540-х гг., существенным образом сократили фискальные преимущества короля, а также магнатов от непосредственного владения и держания земли. Вероятно, нам не следует удивляться, что в этот период происходит существенное сокращение количества земель, находящихся в руках короны. Хотя Генрих VIII и захватил церковные земли, он одновременно проводил

---

* Более общий анализ фискального влияния коллизии юрисдикций на английское право см. в: Klerman, 2007.

политику последовательной распродажи королевских землевладений; Елизавета продолжила этот курс. Историки практически единогласно связывают эту политику с теми фискальными проблемами, с которыми столкнулась корона. Однако представляется очевидным, что здесь имели место и изменения в доходах, которые можно было получить от королевских земель*.

Логика естественного государства предполагает, что королевские земли, являясь важным источником доходов, помимо простой максимизации доходов будут еще и использоваться для стабилизации коалиции. Несмотря на заинтересованность короны в доходах, а также несмотря на то, что корона в XVI в. использовала «оживленный фискальный феодализм для выжимания максимальных средств из владеющих землей классов» (Stone, 2002, p. 61), вопрос опекунства, к которому мы неоднократно возвращались в данной главе, а также практика суда по делам опеки и ливреи времен Генриха VIII и Елизаветы ясно показывают, как правители могут создавать ренту с целью управления коалицией вместо максимизации фискальных сборов. Суд был основан в 1540 г., он действовал как типичный институт естественного государства, создавая ренту путем ограничения входа, а затем используя эту ренту для обеспечения стабильности господствующей коалиции — основные игроки получали стимулы для оказания поддержки режиму, который создавал эту ренту. Однако это не означало, что ренту можно было получить в денежном выражении. Когда возникал вопрос об опекунстве и судьба поместья решалась в суде, то суд обычно продавал право опекунства (чаще всего друзьям или союзникам короля). Затем последние продавали опекунство матери опекаемого. Так как цены обеих продаж фиксировались, то мы можем увидеть как цену, которую суд получал за опекунство, так и цену, которую окончательный покупатель действительно платил за это опекунство.

---

* Оценку имущества короны см. в: Hoyle, 1992. Об аристократии в целом см. в: Stone, 1965, 2002; о королевских финансах см. в: Dietz, 1964.

Херстфильд исследует функционирование суда по делам опекунства и ливреи и приходит к удивительному выводу: суды никогда не вели дела так, чтобы максимизировать доходы от опекунства и ливреи. Король получал лишь четверть цены за опекунство*. Лорд Бергли был судебным распорядителем с 1561 г., и вплоть до своей смерти в 1591 г. он вел дела так, чтобы решения принимались в пользу членов королевской коалиции, и максимизация сборов его не интересовала: «Значение феодальных сборов во времена Тюдоров заключалось не в прямых поступлениях в казну. Они использовались в качестве метода оплаты, пусть и косвенного и очень избирательного, работы слуг и государственных служащих» (Hurstfield, 1955, p. 59). Когда Бергли умер, его сын Сесил занял его место. Сесил начать вести дела в суде так, чтобы максимально увеличивать сборы, выдавливая любых посредников. Несмотря на то что ежегодные сборы суда возросли почти на 50% к 1590-м гг., к началу 1600-х суд утратил политическую поддержку в парламенте и был обречен на медленную смерть. Суд был политически жизнеспособен лишь как инструмент регулирования коалиции естественного государства. В качестве простого механизма получения доходов этот суд в Англии XVII в. так и не нашел себе места, поэтому в конечном счете он был упразднен. Томас (Thomas, 1977) усматривает точные параллели между тем, как Бергли использовал суд по делам опеки и ливреи, и тем, как проводилась политика выделения королевских земель фаворитам на чрезвычайно выгодных условиях «возвратной» аренды**.

---

* «Доход от фискального феодализма был глубоко двойственным... неофициальный доход от фискального феодализма, если считать его в целом, был как минимум в три раза выше, чем официальный. Современники считали, что эта разница была даже еще больше» (Hurstfield, 1955, p. 58). Также см.: Hurstfield, 1949, 1953.

** «...Корона получала значительную политическую поддержку от землевладельцев. Цель этой небольшой статьи — показать, что корона иногда использовала свою землю не для извлечения дохода, но в качестве источника пополнения карманов своих приближенных. Предоставленные им земли корона затем брала обратно в аренду на очень выгодных условиях» (Thomas, 1977, p. 67).

Земля всегда использовалась короной именно таким образом*.

Земля постепенно утратила свою роль механизма поддержания баланса в господствующей коалиции. Владение землей не было окончательно защищено от политического манипулирования вплоть до 1660 г. Поместья подвергались конфискации и аресту на протяжении всей гражданской войны XVII столетия (Habakkuk, 1965). И все же большая часть этих поместий впоследствии была возвращена их владельцам. К концу XVII в. владение землей и организации, связанные с землепользованием, оказались полностью выведены из-под непосредственного контроля и манипулирования со стороны государства. Если брать землю, то в Англии наконец установились институты и организации зрелого естественного государства.

3.6. Типология естественных государств

Эта глава не посвящена описанию экономической истории Англии между 1066 и 1660 гг. Земля была важным элементом как политической, так и экономической системы Англии на протяжении всего периода. И в силу своей важности для права, политики и общества история земельного права, распределения земли, землепользования, а также институтов, касающихся всех трех сфер, оказывается лежащей на поверхности и легкодоступной для исследования. Но на протяжении всех этих лет в английском обществе происходили и другие значимые изменения. Постепенно развивалась коммерческая и монетизированная экономика, укреплялись связи между государственными финансами и коммерческим обменом. Развивались новые формы бизнес-организаций, особенно бизнес-корпораций, происходило это при непосредственном участии короны и аристократии (к этому предмету мы еще вернемся

* «Они [королевские земли] были не просто источником ренты, но и составляли важную часть арсенала короны в деле контроля и вознаграждения своих подданных» (Hoyle, 1992, p. 1).

в шестой главе). Росла производительность, появлялись новые по своим масштабам и формам организации в сельском хозяйстве (Allen, 1992; Clark, 2005, 2007b). Новые публичные/частные формы организаций в заморских колониях включают в себя (Tilly, 1992; Тилли, 2009) несколько типов корпоративных форм. Набирало обороты развитие финансовых рынков и финансовых рыночных институтов (Dickson, 1967). Начался процесс создания государственной церкви, а также укрепления религиозной толерантности, сопровождавшийся периодическими срывами. Все это были важные тенденции, ни одну из которых мы ни в коем случае не желали упустить.

Нас интересовала не столько история, сколько попытка применения к истории Англии эпохи Средневековья и раннего Нового времени концептуальной рамки естественного государства. С помощью этой рамки на примере земельного права мы увидели, как именно использовались важные активы для закрепления и стабилизации господствующей коалиции, как происходила эволюция государства от хрупкого к базисному и наконец к зрелому состоянию. Наше повествование началось в тот момент, когда Вильгельм Завоеватель уничтожил существующие структуры власти и создал новое хрупкое естественное государство. Вильгельм управлял господствующей коалицией, и основным его активом стала земля. По мере того как могущество тех или иных членов элит росло или падало, он и его преемники активно использовали перераспределение земли (особенно в связи со смертью землевладельца), чтобы поддерживать коалицию.

За пару последующих столетий возникло базисное естественное государство, более стабильное, чем хрупкое. Базисное естественное государство породило целый ряд дифференцированных организаций, тесно увязанных с государством, — в форме поместий, то есть стабильных, порождающих ренту социальных структур, которые гармонизируют отношения между местными религиозными, военными, экономическими и политическими элитами. Как и в случае хрупкого естественного государства, члены господствующей коалиции базисного государства переживали взлеты и падения, что приводило к битвам за власть,

а также к войнам – как гражданским, как Война Алой и Белой розы, так и международным, как Столетняя война.

В качестве естественного государства Англия была стабильным, но не статичным образованием. Общество менялось вместе с обстоятельствами. Коалиция пыталась всеми силами приспосабливаться к взлетам и падениям своих членов, иногда это не очень получалось, иногда приходилось прибегать к насилию, порой приводившему к гражданским войнам. Со временем формальная структура управления разрослась и приняла более комплексные формы. Отчасти это было связано с тем, что элиты попытались лучше использовать свои экономические возможности. Несмотря на все изменения, Англия на протяжении всего периода оставалась естественным государством.

К концу XVI в. права собственности на землю были уже относительно надежными и безличными. Схожие изменения имели место и в отношении другого измерения элитных прав. Как указывает Мейтленд (Maitland, 1963 [1908]), в XI–XVII вв. правовая система трансформировалась из системы, основанной на судебном процессе как битве и испытании, в систему, основанную на фактах и правовой процедуре. В конце XVI вв., а также на протяжении XVII в. Англия в этом отношении совершила переход от базисной формы естественного государства к зрелой. Начала развиваться знаковая сфера зрелого естественного государства – сфера независимых от государства организаций. Эти организации развивались в форме трастов, купеческих фирм, бизнес-корпораций, политических ассоциаций и религиозных групп.

Пройдя через эти трансформации, Англия столкнулась с новыми вызовами. Все большая защищенность прав на землю обозначала, что страна лишилась традиционного метода регулирования господствующей коалиции – перераспределения земли. Появление благодаря коммерции и торговле новых источников богатства породило множество политических проблем: возникли новые источники экономической и политической власти. Отныне богатство джентри не зависело от земли. Появление новых интересов изменило расстановку сил внутри коалиции, ориентированной на землю и иные формы богат-

ства. По мере того как господствующая коалиция пыталась приспособиться к новым обстоятельствам, ее члены стали изыскивать пути получения более надежных прав, которые еще больше сузят возможности короля по регулированию коалиции, — собственно, повторился весь тот сценарий, который был описан нами в случае земли. Таким образом, столкновения XVII в. можно рассматривать и как конституционные споры, и как борьбу внутри господствующей коалиции естественного государства, столкнувшегося с ситуацией подъема новых могущественных групп, негодующих по поводу недостаточной институционализации своих интересов.

Приложение

Словарь специальных терминов, связанных с землепользованием

Аренда: землевладение на определенный срок.

Ассизы: суд, судебное заседание, суд присяжных, судебное разбирательство.

Конфискация имущества: правовое последствие осуждения за предательство или тяжкое уголовное преступление, связанное с утратой всех гражданских прав.

Копигольд: землевладение, полученное в прошлом от несвободного держателя и зарегистрированное (в виде копии соглашения) в местном суде.

Крепостная зависимость: несвободное землевладение.

Майорат: см. урезанный феод.

Пользование: передача земли другому лицу в пользование.

Приказ о праве: приказ, требующий, чтобы были разрешены все притязания, касающиеся держания (Maitland, 1968 [1909], p. 18–90).

Простой феод (фи-симпл, полное право собственности, наследственный феод): землевладение, при котором феод во всей полноте переходит к землевладельцу.

Сейзина; обладающий/обладавший сейзиной: в буквальном смысле «лицо, обладавшее земельной сейзиной, было просто лицом, занимавшим эту землю, лицом,

„сидевшим" на земле» (Simpson, 1986, p. 40). Со временем «сейзина» претерпевала развитие: лицо, обладавшее сейзиной на титул/право владения, владело собственностью, даже если собственностью было не физическое занятие земли, а, например, право на получение дохода от собственности. В конечном итоге, получила признание «сейзина» на нематериальную собственность.

Сокаж: более ограниченная версия простого феода, при которой имела место полная и безусловная передача держания и новый держатель имел «фискированные и определенные обязанности» и не имел никаких иных обязательств перед сеньором.

Субинфеодация: существующий землевладелец или сеньор может создать новых землевладельцев путем установления новых феодальных отношений.

Судебный приказ: форма правового действия, осуществляемая королем или судом, которая постановляет, чтобы определенные действия следовали установленным правовым формам (Maitland, 1968 [1909], p. 4).

Суды: канцлерский, общего права, справедливости, королевский.

Условный феод (урезанное право собственности, родовая собственность): землевладение, при котором передается лишь часть феода, зачастую оговариваются дополнительные условия.

Феод: то, чем владеет землевладелец.

Фригольд: землевладение свободного лица.

Оценка степени концентрации землевладения в средневековой Англии

Прежние оценки землепользования опирались на Сотенные свитки 1279 года (Kosminsky, 1931; Косминский, 1956, гл. 2). Эти свитки охватывал лишь небольшую территорию, около 6% территории Англии, и их едва ли можно назвать репрезентативными (Campbell, 2000, p. 57). Косминский обнаружил, что из полумиллиона акров земли 31,8% представляли собой домены, 40,5% — земли виллан, 27,7% составляла свободная земля*. Отсюда мож-

* Campbell, 2000, p. 57–58.

но получить хотя бы приблизительное представление о том, как именно распределялась земля. Сеньоры напрямую получали доход примерно с 70% всей земли. Однако оценки количества поместий ничего не говорят нам об общем распределении земли, так как крупные сеньоры имели не одно поместье, а несколько, и это обстоятельство затрудняет процесс подсчета общего количества землевладений.

Табл. 3.1 из Приложения взята из работы Купера (Cooper, 1983). Она также опирается на работу Грея (Gray, 1934). Грей использовал данные о налоговых поступлениях за 1436 г., для того чтобы оценить доходность различных типов землевладения. Основываясь на оценках дохода Грея, Купер предложил свою оценку размеров землевладений, разделив общий доход на средний годовой доход, получаемый с акра земли того или иного типа. В таблице также указывается число землевладельцев, относящихся к каждой категории.

ТАБЛИЦА 3.1.
Землевладение и доход от него, 1436 г.

	Доход с земли, тыс. ф. ст.	Число людей	Млн акров	Процент акров
Крупные землевладельцы	78	234	3–4	20
Землевладельцы, 5–100 фунтов	113	7000	4,5–5,5	25
Землевладельцы, меньше 5 фунтов	100		3–4	20
Церковь	75–100		4–5	20–25
Корона	20		1–1,5	5

Источник: Cooper, 1983, Table 1, p. 19. Данные о численности землевладельцев приводятся по: Gray, 1934. Данные Купера опираются на: Gray, 1934, и Thompson, 1966.

ТАБЛИЦА 3.2.
Бароны, получившие вызов в парламент, пресекшийся род, новые вызовы

Дата, гг.	Всего вызвано	Новые пэры	Пресекшийся род	Процент пресечения
1300, 1300–1324	136	60	51	26,02
1325	145	47	45	23,44
1350	147	29	50	28,41
1375	126	17	41	28,67
1400	102	11	40	35,4
1425	73	25	25	25,51
1450	73	22	24	25,26
1475	71	10	20	24,69

Источник: McFarlane, 1973, p. 175–176. Данные опираются на Книгу пэров, а также на замечания Макфарлейна, реконструированные редакторами. Пэрство считалось «вымершим», когда пэр умирал, не оставив наследника мужского пола (при этом само пэрство вполне могло формально продолжаться, однако уже через побочную, но не прямую линию).

ТАБЛИЦА 3.3.
Распределение семей по статусу Грегори Кинга

Семьи	Тип
200	Духовные и светские лорды
1500	Рыцари и баронеты
3000 (или 3800)	Эсквайры
15 000	Джентльмены

Семьи	Тип
80 000	Фригольдеры, 50 ф. ст. в год
200 000	Фригольдеры, 10 ф. ст. в год
400 000	Фермеры
100 000	Батраки, поденщики, бедняки
300 000	Торговцы и ремесленники
1100 000	Всего

Источник: Cooper, 1983, p. 39.

ТАБЛИЦА 3.4.
Оценки классовых доходов Чамберлейна

	Число	Средний доход, ф. ст.	Общий доход, ф. ст.
Пэры	159	8000	1272 000
Баронеты	749	1200	898 000
Рыцари	1400	800	1120 000
Эсквайры и джентльмены	6000	400	2400 000

Источник: Cooper, 1983, p. 32.

Крупных землевладельцев к 1436 г. насчитывается лишь 234. Из них 51 барон получал общий доход в размере 40 тысяч фунтов (по 768 фунтов на барона). 183 рыцаря с доходом более 100 фунтов получали общий доход в размере 38 тысяч фунтов (в среднем 208 фунтов на рыцаря). В целом эти землевладельцы контролировали примерно 45% земли Англии, а также 40% дохода от земли, облагаемо-

го подоходным налогом. Крупные бароны могли держать от 8 до 9 тысяч акров земли или даже больше*. Грей (Gray, 1934, p. 630) сообщает, что «все вместе семь тысяч человек в Англии, которые не были титулованными дворянами по своему статусу, получали доход со своих земель, а также ренту и выплаты в размере от 5 до 400 фунтов, чаще всего эта сумма составляла от 5 до 100 фунтов». Эти семь тысяч человек контролировали более 70% земли. Данные цифры соответствуют другим оценкам.

Хикс отмечает, что в 1388 г. лишь 48 баронов обладали наследственным правом входить в парламент. Макфарлейн сообщает, что в 1300 г. в парламент были вызваны 102 барона, в 1295 г. или позднее туда были призваны еще 34 человека. В Табл. 3.2 показано число индивидов, призванных в парламент; цифры приведены с интервалом в 25 лет — с 1300 по 1475 г. Наибольшим числом было 147, а наименьшим — 71, что примерно соответствует числу магнатов, крупных землевладельцев и титулованных дворян в эти два столетия.

Купер приводит очищенные и проинтерпретированные оценки Грегори Кинга, который пытается посчитать распределение семей по типам в конце XVII в., эти оценки приведены в Табл. 3.3 Приложения. Оценка числа пэров, баронетов, рыцарей, эсквайров и джентльменов в 1682 г., предложенная Чемберленом, приведена в Табл. 3.4 Приложения.

---

* Данный параграф опирается на следующую работу: Cooper, 1983, p. 17–19.

Глава 4
Порядки открытого доступа

4.1. Введение

Хотя порядки открытого доступа являются гораздо более мирными, чем естественные государства, в общественных науках этот «мир» воспринимается как должное. Не существует моделей, объясняющих, почему насилие, как правило, отсутствует, в форме ли переворотов, массовых беспорядков, восстаний или гражданских войн. Это «веберианские» общества: государство обладает монополией на легитимное насилие, которое используется в соответствии с ясными и четкими правилами. При порядке открытого доступа политические и социальные механизмы определяют набор военных и полицейских организаций, которые могут легитимно использовать насилие, а также набор политических организаций, которые контролируют использование насилия армией и полицией. Контроль над деятельностью государства, в свою очередь, может быть оспорен и используется в соответствии с ясными и четкими правилами.

Порядки открытого доступа представляют «благой круг», увязывающий контроль над насилием и открытый доступ. Политическая система ограничивает доступ к средствам насилия; открытость экономического и социального доступа обеспечивает открытость доступа к политической системе; надежные запреты использования насилия как средства конкуренции поддерживают открытость экономического и социального доступа; наконец, политическая и судебные системы обеспечивают соблюдение запретов на использование насилия. Подобным образом, открытый доступ к организациям во всех системах поддерживает конкуренцию во всех системах. Конкуренция во всех системах, в свою очередь, помогает поддерживать открытый доступ.

Стандартный взгляд на то, как развитые общества управляются и поддерживают себя, обычно фокусируется на одной из систем — рынке или демократии, не рассматривая другую. Экономическая теория принимает открытый доступ как данность и исследует его последствия; объяснения рыночной стабильности обычно основываются на равновесных свойствах экономики. Поскольку экономическая теория не предлагает объяснения того, почему и как политическая система определяет права собственности, обеспечивает соблюдение контрактов и создает порядок «верховенства права» (rule of law), которые необходимы для рынков, экономическая теория не способна объяснить стабильность порядка открытого доступа. Точно так же объяснения политической науки фокусируются на демократии, принимают открытый доступ и политическую конкуренцию как данность и исследуют их последствия. Политическая наука неспособна объяснить, почему порядки открытого доступа сохраняют стабильную демократию, а большинство естественных государств — нет, каким образом демократия в порядках открытого доступа поддерживает рыночную экономику или почему демократия в естественных государствах не может этого сделать. Политическая наука, следовательно, не способна объяснить богатство и производительность порядка открытого доступа.

Опираясь на идею двойного баланса, мы покажем, что открытый доступ во всех системах является взаимодополняющим. Система нашей аргументации состоит из трех частей. Во-первых, в порядках открытого доступа граждане разделяют системы убеждений, которые акцентируют равенство, совместный доступ и всеобщее включение. Чтобы поддержать эти убеждения, все порядки открытого доступа используют институты и проводят политику, позволяющие распределить выгоды и понизить индивидуальные риски участия в рыночной деятельности, которые включают всеобщее образование, набор программ социального страхования, а также обширную инфраструктуру и общественные блага*. Более того, поскольку

---

* Буэно де Мексита и соавторы (Bueno de Mesquita et al., 2003) при-

эти программы широко распределяют выгоды рыночной экономики дополняющим рынки способом, они способствуют снижению потребности граждан в таком перераспределении, которое способно нанести вред экономике.

Во-вторых, политические партии борются за власть на конкурентных выборах. Успешное функционирование партийной конкуренции зависит от открытого доступа, которому способствуют конкурентная экономика и гражданское общество, обеспечивающие множество организаций, которые представляют самые различные интересы и могут мобилизовать самых разных избирателей, в случае если правящий режим попытается укрепить свои позиции путем создания ренты, ограничения доступа или принуждения.

В-третьих, ряд институтов и систем стимулов создают дополнительные издержки для правящей партии, которая пытается укрепить свое положение путем систематического создания ренты и ограничения доступа: систематическое создание ренты ведет к экономическому спаду и снижению налоговых поступлений. Мобильные ресурсы покидают страну, что ведет к ухудшению ее конкурентных позиций на международных рынках. Подобная реакция создает прямые затраты для режима, который пытается ограничить доступ, и предоставляет оппозиции конкурентную возможность привлечь голоса избирателей, чтобы вернуться к власти.

Важным свойством порядков открытого доступа является кажущаяся независимость экономической и политической систем. Экономическим организациям в порядках открытого доступа не надо участвовать в политике для отстаивания своих прав, обеспечения исполнения контрактов или защиты от экспроприации; их право на существование и участие в конкуренции не зависит от сохранения привилегий. Поэтому рынки в порядках

ходят к схожим выводам: в соответствии с их подходом авторитарные правительства тяготеют к частным благам, тогда как демократические тяготеют к общественным благам. Тем не менее эти исследователи не проводят различия между демократиями в порядках открытого доступа и естественными государствами.

открытого доступа кажутся более автономными, чем в естественных государствах, где все значительные рыночные организации должны также обслуживать политические задачи. Эта же логика справедлива и для политики, которая в порядках открытого доступа кажется вмешательством — то есть ограничением, контролем и регулированием — в работу рынков, существование которых внешне не зависит от действий или поддержки политической системы. Однако эта видимая автономия является эндогенной для открытого доступа.

Неотъемлемой чертой порядка открытого доступа является рост государства. Расширение круга людей, наделенных правом голоса, заставляет реагировать на их интересы (Acemoglu and Robinson, 2006). Отмеченное выше широкое распределение в порядках открытого доступа влечет за собой большие государственные расходы. Производство общественных благ в сфере образования и инфраструктуры требует осуществления дорогостоящих программ, также необходимы разнообразные программы, которые обеспечивают социальное страхование, включая страхование по безработице, старости, инвалидности и медицинское страхование. Таким образом, государственные расходы в порядках открытого доступа выше, чем в естественных государствах, а действия и политика правительства в большей степени комплементарны рынкам.

4.2. Общие черты: характеристики порядка открытого доступа

Порядки открытого доступа существенно отличаются друг от друга, и эти различия можно проследить как на протяжении 150-летней истории их существования, так и в любой данный момент времени*. Одни из них имеют парламентскую систему управления, тогда как другие—

* В этой главе везде подразумевается, что порядок открытого доступа существует. Важный вопрос перехода, то есть того, как естественное государство становится порядком открытого доступа, рассматривается в главах 5 и 6.

президентскую; одни являются небольшими торговыми государствами, другие — большими странами со сложной, диверсифицированной экономикой. Тем не менее все порядки открытого доступа имеют ряд общих характеристик. Во-первых, все характеризуются наличием набора убеждений, широко распространенных среди населения. Эти убеждения содержат различные формы включения, равенство и совместный доступ к результатам экономического роста. Все граждане равны. Все граждане имеют возможность создавать организации, заключать контракты, использовать суды и бюрократию, а также имеют доступ к общественным благам и услугам. В разных порядках открытого доступа эти убеждения имеют специфическую природу. Так, в англо-американских странах большее значение придается равенству перед законом, а в восточноазиатских — совместному доступу к результатам экономического роста. Природа этих убеждений отличалась и в разные периоды времени. В порядках открытого доступа середины и конца XIX в. в основе убеждения о включении лежала инкорпорация масс в качестве граждан с их правами на участие в политической деятельности и на равный доступ к рынкам и государственным институтам, включая суды. До этого времени в странах, которые находились на пороге потенциального перехода, доступ ко многим институтам верховенства права имели только элиты. В процессе перехода эти страны существенно расширили права и доступ. После Второй мировой войны включение в большинстве порядков открытого доступа в гораздо большей степени основывается на равенстве и справедливости, которые обеспечиваются рядом социальных программ, способствующих распределению выгод и снижению индивидуального риска участия в рыночной деятельности.

Вторая характеристика тавтологична — открытый доступ имеет важнейшее значение для всех порядков открытого доступа. Гражданское общество включает в себя широкий спектр независимых от государства организаций. Открытый доступ также способствует конкуренции во всех системах, в частности в политике и экономике. Систематическая конкуренция за контроль над государ-

ством означает, что эти государства являются демократическими; систематическая конкуренция в экономике означает, что эти государства имеют рыночную экономику. Все порядки открытого доступа имеют конституции, которые включают институты и поддерживающие их стимулирующие системы.

В-третьих, все порядки открытого доступа в основном безличны. Эти общества имеют только такой тип правительства, который может систематически предоставлять гражданам и организациям услуги и блага на безличной основе, то есть не обращая внимания на социальное положение граждан или идентичность и политические связи руководства организаций. Программы страхования по безработице на самом деле приносят выгоду тем индивидам, кто недавно потерял работу, а не людям с хорошими связями или клиентам могущественных патронов. Пособия на еду предоставляются тем людям, которые соответствуют необходимым характеристикам, а не продаются коррумпированными бюрократами лицам, предлагающим самую высокую цену, как в случае с продовольственными карточками в Индии. Важной особенностью безличности является верховенство права: гражданские права, справедливость и защита связаны правилами и беспристрастны. Экономика в этих государствах также характеризуется безличным обменом.

Наконец, порядки открытого доступа не могут легко манипулировать интересами. Поскольку порядки открытого доступа предоставляют общественные блага всем гражданам, этим государствам сложнее принуждать потенциальных оппонентов к своей поддержке угрозами лишить их доступа к важным услугам, если они этого не сделают. С другой стороны, порядки открытого доступа не могут манипулировать интересами также и потому, что полномочия правительства в этих государствах ограничены: их конституции создают то, что социальные мыслители иногда называют областью частных дел вне досягаемости правительства. Гражданские права, например, ограничивают действия правительства таким образом, чтобы обеспечить индивидам свободу от политических манипуляций и преследований.

Итак, мы можем обобщить характеристики порядка открытого доступа. Помимо наличия двух предварительных условий – постоянно существующего государства и консолидированного политического контроля над насилием – порядок открытого доступа имеет следующие характеристики:

1. Широко распространенный набор убеждений о включении и равенстве всех граждан.
2. Отсутствие ограничений на занятие экономической, политической, религиозной и образовательной деятельностью.
3. Открытая для всех поддержка организационных форм в любом виде деятельности (например, обеспечение соблюдения контрактов).
4. Действие принципа верховенства права беспристрастно обеспечено всем гражданам.
5. Безличный обмен.

Как мы покажем ниже, эти характеристики имеют последствия для структуры государства и его институтов. Первая характеристика требует, чтобы реальность не была слишком далека от идеала, иначе убеждения о равенстве и интеграции не могут быть устойчивыми. Без некоторой основы в реальности граждане в порядках открытого доступа не могут поддерживать свои убеждения о равенстве.

Характеристики 2 и 3 требуют, чтобы порядок открытого доступа обеспечил открытый доступ организационным формам во всех сферах жизни, а также любому лицу или группе, отвечающим набору минимальных, безличных требований. Открытый доступ для организаций в любом виде деятельности означает, что порядки открытого доступа одновременно имеют политическую и экономическую конкуренцию, рынки и демократию. Стабильная демократия требует целого ряда самоподдерживающихся ограничений деятельности правительства. Иначе говоря, политические деятели должны иметь стимулы соблюдать правила (Przeworski, 1991; Пшеворский, 2000; Weingast, 19997, 2006a).

Характеристика 4 требует наличия набора институтов, которые делают возможным осуществление гражданских прав безличным и беспристрастным образом по отношению ко всем гражданам. Верховенство закона для всех граждан, в свою очередь, требует постоянно существующего государства, способного постоянно охранять права и организации; политический контроль над армией предполагает, что государство обладает монопольным контролем над насилием, который связан соответствующими нормами, определяющими использование насилия, в особенности против граждан. Рассмотрим теперь характеристику 5. При порядке ограниченного доступа во всех обменах преобладают личные знания. Важным изменением, которое привносит порядок открытого доступа, является безличный обмен: людям больше не надо знать друг друга, чтобы осуществить обмен. Как долгое время подчеркивалось экономическим историками, безличный обмен значительно расширил экономические возможности, сделав возможным действие эффекта масштаба в современной капиталистической экономике (см. Greif, 2006; North, 1981).

Для поддержания всех этих характеристик требуются определенные институты. Особые институты нужны для выполнения предварительных условий, а в различных порядках открытого доступа могут иметься различные формы достоверных обязательств. Не существует простого шаблона для определения институтов, которые нужны для выполнения этих задач. Мы рассмотрим эту проблему в следующем параграфе.

Тем не менее все порядки открытого доступа обладают общим набором институциональных элементов. Во всех них существуют открытый доступ для организаций всех типов, рыночная экономика, создающая сравнительное преимущество, которое генерирует основную часть богатства общества, а также конкурентные выборы со всеобщим избирательным правом. Другие институты поддерживают гражданские права, включая свободу печати, свободу слова, свободу совести и вероисповедания, а также свободу собраний. Во всех порядках открытого доступа существует некоторая форма разделения властей и множество точек вето (Tsebelis, 2002), иногда явная, по-

добно закрепленной в Конституции США системе разделения полномочий, а иногда неявная, как в европейских коалиционных правительствах с отдельными министерствами, премьер-министром, кабинетом, в котором члены коалиции ведут переговоры и одобряют законодательство, а также парламентом, который это законодательство принимает. Все порядки открытого доступа также имеют судебные и бюрократические механизмы, которые обеспечивают соблюдение гражданских прав и выполнение контрактов. И, наконец, все они имеют конституции (будь то официальные документы или конституции с маленькой буквы «к»), которые предусматривают ограничение власти таким образом, чтобы ее нельзя было полностью захватить на следующих выборах (Weingast, 2006a).

Порядки открытого доступа предотвращают беспорядок при помощи конкуренции и открытого доступа. Консолидированный политический контроль над насилием сочетается с правилами, регулирующими использование этого насилия, чтобы сократить и контролировать доступ к нему. Конституции и верховенство права ограничивают государственную политику и тем самым сокращают угрозы, которые граждане могут почувствовать со стороны правительства и которые в естественных государствах заставляют граждан для своей защиты поддерживать применение насилия и неконституционные действия. Кроме того, как мы увидим в параграфе 4.5, конкуренция непосредственно участвует в соблюдении конституции и верховенства права, которые поддерживают эти ограничения в отношении насилия.

4.2.1. Идея Шумпетера

Заключительным аспектом всех порядков открытого доступа является шумпетерианское понятие созидательного разрушения, одно из наиболее сильных определений конкурентной экономики с открытым доступом. Когда в начале 1940-х годов Шумпетер написал «Капитализм, социализм и демократию», экономическая теория совершенной конкуренции среди атомистических фирм (то есть таких фирм, которые слишком малы, чтобы

иметь власть над рынком) подвергалась непрерывным нападкам как нереалистичная. Крупные и влиятельные экономические организации господствовали в новой экономике, а их поведение совсем не соответствовало учебникам. Но, несмотря на это господство, в экономике началось исторически беспрецедентное, устойчивое экономическое развитие. Шумпетер спрашивал, как крупный бизнес, который должен был задушить конкуренцию и экономический рост, смог породить столь впечатляющий рост производительности в мире, который, казалось, стал еще более конкурентным?

Этот парадокс Шуметер смог разрешить, выйдя за рамки распространенных представлений о конкуренции и сфокусировавшись на конкуренции в мире крупных организаций, которую он назвал *созидательным разрушением*:

> Капитализм по самой своей сути — это форма или метод экономических изменений, он никогда не бывает и не может быть стационарным состоянием... Основной импульс, который приводит капиталистический механизм в движение и поддерживает его на ходу, исходит от новых потребительских благ, новых методов производства и транспортировки товаров, новых рынков и новых форм экономической организации, которые создают капиталистические предприятия... Открытие новых рынков, внутренних и внешних, и развитие экономической организации от ремесленной мастерской и фабрики до таких концернов, как «Ю. С. Стил», иллюстрируют все тот же процесс экономической мутации, — если можно употребить здесь биологический термин, — который непрерывно революционизирует экономическую структуру *изнутри*, разрушая старую структуру и создавая новую. Этот процесс «созидательного разрушения» является самой сущностью капитализма, в его рамках приходится существовать каждому капиталистическому концерну (Schumpeter, 1942, p. 82–83; Шумпетер, 1995, с. 126–127).

Предприниматели у Шумпетера одновременно являются инноваторами и организаторами, то есть теми, кто видит новые возможности для продуктов, процессов и рынков, а также использует эти возможности, создавая новые организации и изменяя структуру старых. Шумпетериан-

ское созидательное разрушение требует открытого входа и доступа к организационным формам. Естественное государство неспособно поддержать созидательное разрушение, потому что создание новых организаций напрямую угрожает существующим экономическим организациям и их формам извлечения ренты.

Как созидательное экономическое разрушение затрагивает политику? Во-первых, в экономике оно постоянно меняет структуру экономических интересов и тем самым способы давления на политических лидеров; во-вторых, в сфере государственного устройства политические предприниматели непрерывно приспосабливаются, продвигая новые идеи и создавая новые коалиции. Поскольку организации формируются независимо от того, какие цели они преследуют, а процесс созидательного разрушения непрерывно создает в обществе новые структуры интересов, политические организации направляют эти интересы в политическое действие. Политические предприниматели, возглавляющие политические партии, стремятся продвинуть новые идеи и программы таким образом, чтобы увеличить шансы на победу над своими соперниками.

Однако это еще не все. Как политическая конкуренция обеспечивает открытый доступ? Само по себе созидательное разрушение в политических системах вряд ли обеспечит права проигравших (Przerworski, 1991; Пшеворский, 2000). Эффективная политическая конкуренция требует надежных гарантий того, что проигравшие не будут экспроприированы, и в будущем проигравшие политические организации будут иметь возможность участвовать в конкуренции. Каковы же надежные гарантии прав проигравших на сохранение политического доступа?

4.3. Поддерживающие открытый доступ институты, убеждения и стимулы

Политические деятели в порядках открытого доступа сталкиваются с гражданами с общими убеждениями, которые подчеркивают различные формы интеграции и равенства. Чтобы эти убеждения существовали, они

должны иметь основу в реальности. Порядки открытого доступа подкрепляют эти убеждения при помощи ряда общественных благ и услуг, которые открывают новые возможности для значительной части населения (сюда относятся образование, доступ к судам и создание инфраструктуры), а также способствуют распределению выгод экономического роста и снижению рисков участия в рыночной деятельности для отдельных лиц (различные программы социального страхования).

Порядки открытого доступа также заставляют политических деятелей конкурировать как в экономической, так и в политической области, что ограничивает их возможности закрепить свои преимущества путем создания ренты (как рассматривается нами ниже в параграфе 4.6). Там, где для обеспечения порядка и стабильности порядки ограниченного доступа используют создание ренты и ограниченный доступ, порядки открытого доступа используют конкуренцию и открытый доступ. Индивиды и группы могут свободно создавать организации и заниматься большинством видов экономической, политической, социальной и другой деятельности в соответствии с общими, действующими безлично правилами, такими как воздержание от насилия. Поэтому открытый доступ приводит к плотной и разнообразной структуре организаций, часто называемой гражданским обществом. Политические мыслители и ученые неоднократно подчеркивали значение гражданского общества для открытых и демократических обществ (Gellner, 1983; Lipset, 1963; O'Donnell and Schmitter, 1986; Putnam, 1993; Патнэм, 1997; Tocqueville, 1969 [1835]; Токвиль, 1992; Widner, 2001). Для наших целей гражданское общество имеет значение с двух точек зрения. С одной стороны, открытый доступ является необходимым условием для всеобъемлющего и активного гражданского общества. Ограничение возможностей создания организаций напрямую препятствует гражданскому обществу. С другой стороны, как подчеркивается в литературе, гражданское общество содержит широкий спектр организаций, которые легко могут быть приспособлены к политическим целям, когда государство угрожает порядку открытого доступа. Орга-

низации — от клубов садоводов и футбольных лиг до многонациональных корпораций, неправительственных организаций (НПО), групп интересов и политических партий — обеспечивают агрегирование интересов, которое может оказывать независимое влияние на политический процесс. Стремление к ренте в этой системе приводит к конкуренции, которая приводит к ее, этой ренты, эрозии.

Институты обеспечивают достоверные обязательства для поддержания верховенства права, включая открытый доступ и конкуренцию. Здесь тоже убеждения играют центральную роль и представлены в форме консенсуса, то есть граждане в порядках открытого доступа разделяют убеждения о целесообразности основных принципов их конституции и помогают осуществлению правил, отказывая в поддержке тем политическим деятелям, кто стремится к нарушению этих принципов.

4.4. Инкорпорация: расширение гражданства

Возможно, наиболее важной особенностью порядков открытого доступа является трансформация от общества, основанного на элитах, к обществу, основанному на массах граждан. Эта трансформация также сочетает в себе веру в равенство и открытый доступ к рынкам, институционализацию принципа верховенства права и массовое политическое участие.

Инкорпорация граждан охватывает различные группы в разное время. В начале первой трансформации только часть мужского коренного населения становятся гражданами, хотя некоторые страны (такие как США) имели относительно либеральные законы о гражданстве для иммигрантов мужского пола из некоторых регионов. Позднее эти государства расширили избирательное право для мужчин и включили другие группы, особенно женщин, в начале двадцатого века. Процесс инкорпорации продолжается и сегодня, как показывает борьба в Европе с мусульманскими иммигрантами, а в США — более чем столетняя борьба за инкорпорацию афроамериканцев.

Политическая инкорпорация при открытом доступе предполагает массовую политику, включая развитие постоянно существующих политических партий, которые конкурируют за голоса граждан. Политическое участие влечет за собой ответную реакцию: как полагают Буэно де Мескита и соавторы (Bueno de Mesquita et al., 2003), политические лидеры, сталкивающиеся с массами избирателей, отвечают предоставлением общественных, а не частных благ.

Исторически порядки открытого доступа последовательно предоставляли разные типы общественных благ. В начале первой трансформации в этих обществах действие принципа верховенства права распространилось от элит ко всем гражданам, этот процесс мы рассмотрим в главе 6. В дальнейшем обычно развивались инфраструктура и начатки массового образования. Например, транспортная инфраструктура часто преобразовывает обширные области традиционно устроенных, низкодоходных и самодостаточных крестьянских хозяйств в специализированных производителей продовольствия на интегрированных региональных, национальных или международных рынках, значительно повышая как эффективность производства, так и доходы. В-третьих, после серьезной борьбы, нередко насильственной, порядки открытого доступа начали страховать работников от превратностей участия на безличных рынках труда. Некоторые виды политики напрямую затрагивали рынок труда, например, политика, позволяющая работникам создавать профессиональные союзы и вести переговоры с работодателями. Эта политика была противоречивой и разворачивалась в течение нескольких поколений как в Европе, так и в США. Другая разновидность политики развивалась более медленно и стала особенно важной после Второй мировой войны: программы социального страхования, которые защищают рабочую силу от новых проявлений неопределенности, возникших с интегрированными рынками в конце XIX—начале XX в. Эти программы, которые заметно сократили индивидуальный риск участия в рыночной деятельности, включают страхование по безработице, страхование

от несчастных случаев, медицинское страхование и страхование по старости.

Чтобы проиллюстрировать этот процесс ответной реакции политики, рассмотрим пример США. При основании Соединенные Штаты находились в процессе перехода к порядку открытого доступа. Страна была приспособлена для элит, основанных на владении собственностью. Тем не менее доступ в элиту был относительно открыт, поскольку в сравнении с Европой обилие земли и недостаток рабочей силы делали доступ к собственности гораздо более легким в Америке, чем в Европе (North, 1961). По мере расширения Соединенных Штатов новые штаты и приграничные территории конкурировали за дефицитную рабочую силу. Действуя в шумпетерианской манере, политические предприниматели в этих штатах стремились привлечь на свою сторону рабочих, производя инновации, связанные с созданием ряда институтов и обеспечением общественных благ, включая безопасность прав собственности, верховенство права и всеобщее избирательное право для белых мужчин. Нередко эти конкурентные инновации заставляли старые штаты следовать их примеру*. Общественные блага, которые предоставлялись приграничными штатами и территориями, включали инфраструктуру, дававшую гражданам доступ к рынкам в других штатах, включая дороги, каналы и — позднее — железные дороги, а также банки для финансирования пересылки товаров на рынки**. В то время как в 1800-х годах многие люди переезжали на приграничные территории в качестве самодостаточных фермеров, те, кто переезжал в 1840-х, обычно делали это, стремясь специализироваться на межрегиональных и международных рынках. На приграничных территориях также развивалось всеобщее образование. Наконец, расширение избирательного права на приграничных территориях застави-

---

* Эта история прослеживается в: Engerman and Sokoloff, 2005.

** См. обширную литературу, исследующую эту область экономической и политической истории: Goodrich, 1960; Heckleman and Wallis, 1997; North, 1961; Taylor, 1951; Wallis, Sylla and Legler, 1994.

ло старые штаты на восточном побережье последовать их примеру. К 1840-м гг. белые мужчины получили избирательные права на всей территории США. Более того, как мы подробнее рассмотрим в главе 6, массовые политические партии были впервые организованы для мобилизации голосов граждан.

Эволюция прав организованного труда отражает другую совокупность порой насильственных конфликтов во всех порядках открытого доступа. В США, как и в Европе, активность профсоюзов время от времени сталкивалась с узаконенным подавлением и насилием, которое осуществлялось при поддержке государства. Ситуация резко изменилась в 1930-х годах — во многом благодаря Великой депрессии. Прямо, поскольку Депрессия лишила работы огромное число людей, что способствовало росту промышленного профсоюзного движения, и косвенно, поскольку Депрессия привела к власти демократов, которые стали проводить свой Новый курс, включая Закон о регулировании трудовых отношений (National Labor Relations Act) 1935 г., который гарантировал рабочим право создавать организации, заключать коллективные договора при помощи профсоюзов, проводить забастовки, а также обращаться за разрешениям их споров с фирмами в новое агентство — Национальный совет по трудовым отношениям (National Labor Relations Board). В результате членство в профсоюзах резко выросло, насилие против организованного труда практически исчезло, а правительство прекратило практику тайных сговоров с фирмами о применении насилия против рабочих (Davis et al., 1972, p. 223–227).

Расширение на другие группы произошло в XX в., начиная с белых женщин. На протяжении этого периода ко многим европейским иммигрантам конца XIX—начала XX в. сохранялось подозрительное отношение, особенно к немецким, ирландским и еврейским иммигрантам. Но к середине XX в. эти группы были инкорпорированы. В 1960-х годах при значительной политической и социальной конфронтации была предпринята серия шагов по инкорпорации афроамериканцев, включая Закон о гражданских правах (Civil Rights Act) 1964 г. и Закон

об избирательных правах (Voting Rights Act) 1965 г. Одновременно для удовлетворения интересов этих групп избирателей национальное правительство разработало ряд новых программ «Великого общества». Суды были вовлечены в политику, рассматривая дела о школьной интеграции, равной защите и позитивной дискриминации. Тем не менее процесс инкорпорации афроамериканцев остается незаконченным.

Другой особенностью политической ответной реакции является изменение политики правительства вслед за изменением доходов граждан, их ценностей и предпочтений. Например, в течение XIX в. регулирование экономики в США осуществлялось штатами, а не национальным правительством. Система федерализма вызывала конкуренцию между штатами, включая соревнование за решение общих проблем*. Эта система достаточно хорошо работала, особенно когда большая часть экономической деятельности была локальной или региональной. Но в конце столетия все более и более интегрированное народное хозяйство создало несколько экономических проблем, которые штаты не могли решить самостоятельно. Особое значение имели проблемы, связанные с обширной, интегрированной сетью железных дорог и антимонопольной политикой. Обе проблемы приобрели национальный политический характер, поскольку граждане все больше требовали действий на национальном уровне. Национальное правительство ответило разработкой двух первых значительных законов, регулирующих экономическую жизнь во всей стране: Закона о торговле между штатами (Interstate Commerce Act) 1887 г., который регулировал деятельность железных дорог, и Антитрестовского закона Шермана (Sherman Antitrust Act) 1890 г., обеспечившего национальное антимонопольное законодательство.

---

* Значение федерализма для поддержания открытого доступа (хотя и без использования этого термина) является предметом следующих работ: Stepan, 2004 и Weingast, 2006b.

4.5. Контроль над насилием в порядках открытого доступа

Логика контроля над насилием в порядках открытого доступа противоречит логике естественного государства. В естественном государстве рассеянный контроль над насилием приводит к образованию господствующей коалиции, которая управляет доступом в экономике и обществе, для поддержания политических договоренностей в рамках коалиции. Доступ к насилию открыт любому, кто достаточно силен и достаточно хорошо организован, чтобы его использовать. Естественное государство осуществляет координацию этих индивидов и групп через взаимосвязанный комплекс рентообразующих соглашений, который ограничивает доступ всей остальной части общества.

Общества открытого доступа строго ограничивают доступ к насилию, гарантируя открытый доступ к политической и экономической деятельности. Поскольку политическая система при порядке открытого доступа не ограничивает экономический доступ, кажется, что экономика существует независимо от политической системы. В соответствии с неоклассической фикцией, сначала существуют рынки, а затем происходит политическое вмешательство. Эта кажущаяся независимость политики и экономики в обществе открытого доступа скрывает гораздо более глубокую и фундаментальную связь. Именно здесь безличность занимает центральное место. Политический контроль над специализированной военной и полицейской силой охватывает формальные институты и соглашения о том, как и когда насилие может быть легитимно использовано. Правила, которые принимаются для регулирования использования насилия в порядках открытого доступа, должны быть безличными; соглашения – применяться независимо от личности отдельных членов сил военных или полиции, а также, что не менее важно, независимо от личности политического руководителя*. Если прави-

---

* Случай американского командующего во время Корейской вой-

ла не применяются безлично, общество является естественным государством*. Граждане защищают эти правила, отказывая в поддержке тем политическим лидерам, которые пытаются нарушить эти институты и соглашения (Weingast, 1997).

Поскольку порядки открытого доступа уполномочивают полицию и армию использовать насилие для урегулирования взаимоотношений между всеми членами общества без исключений, правила применения насилия затрагивают общество в целом. Одной из функций судебной системы в обществе открытого доступа является урегулирование правительственных взаимоотношений с армией и полицией; другой функцией является регулирование формальных полномочий, предоставленных полиции и армии для вмешательства в частные взаимоотношения. Общества, в которых правительство способно надежно и безлично ограничивать использование насилия в частных взаимоотношениях, способны также обеспечить беспристрастную поддержку ненасильственных частных взаимоотношений.

Кажущаяся независимость экономических, политических и военных соглашений в порядках открытого доступа отражает основные условия, которые делают общества открытого доступа более устойчивыми к динамическим изменениям. Политическое управление насилием основано на безличных правилах и организациях, а не как в естественном государстве – на манипулирова-

---

ны, генерала Дугласа Макартура, иллюстрирует роль безличности и политического контроля над армией. Макартур стремился к большей автономии и власти в ходе Корейской войны, вступив в конфронтацию с президентом Гарри Трумэном. Конфронтация закончилась, когда Трумэн сместил его.

* Консолидированный политический контроль над армией в зрелом естественном государстве также предполагает формальные соглашения, но соглашения не поддерживаются открытым доступом. Тем не менее зрелое естественное государство с консолидированным контролем над армией часто соответствует по крайней мере одному предварительному условию и потенциально находится в положении, позволяющем осуществить переход к открытому доступу, как будет показано в следующих главах.

нии экономическими привилегиями. В результате общества открытого доступа приспосабливаются к экономическим и социальным изменениям, обходясь без изменения политических соглашений о насилии.

4.6. Рост государства

«Большое правительство» при порядке открытого доступа—это не отклонение, а неотъемлемая черта этого типа обществ. Как видно из Табл. 1.1, приведенной в главе 1, государственные расходы (всех уровней) в богатых странах с доходом на душу населения свыше 20 000 долларов, составляют в среднем 53% валового внутреннего продукта (ВВП). Напротив, в странах с доходом на душу населения от 2000 до 5000 долларов государственные расходы составляют в среднем 27% ВВП, а в странах с доходом от 5000 до 10 000 долларов—в среднем 33% ВВП.

Росту государственных расходов в порядках открытого доступа способствует несколько факторов. Как уже упоминалось выше, инкорпорация масс граждан делает политику более восприимчивой к требованиям последних*, а политика обеспечения равенства и распределения теснейшим образом связана с политикой поддержания открытого доступа. Программы социального страхования—в отличие от популизма, социализма и других форм более явного, массового перераспределения—представляют собой относительно дешевый способ распределения благ рынка без его разрушения. Эти программы стали неотъемлемой частью порядков открытого доступа в том, что благодаря снижению индивидуальных рисков эти программы понижают издержки индивидов от участия в рыночной деятельности, а это снижает вероятность антирыночной политической реакции во время кризисов. Все эти программы требуют значительных бюджетных расходов и расширения правительства.

---

* В работе Асемоглу и Робинсона (Acemoglu and Robinson, 2006; Асемоглу и Робинсон, 2011) представлено наиболее подробное исследование этого эффекта.

Безличность является вторым фактором, подкрепляющим рост государственных расходов в порядках открытого доступа. Люди во всех странах нуждаются в ряде общественных благ и услуг. Однако в большинстве естественных государств политическая система одновременно менее чувствительна к этому спросу и менее способна их удовлетворить. Впрочем, наибольшим отличием является эффект со стороны предложения. Поскольку порядки открытого доступа способны обеспечить выгоды политики на безличной основе, они могут предоставить более широкий диапазон общественных благ и услуг, чем естественные государства. Результатом является «большое правительство» в смысле широкого диапазона осуществляемой политики и высокой доли государственных расходов в ВВП.

Другая характеристика роста государства менее уловима и подразумевает то, что иногда называют государственным строительством. Этим государствам требуется ряд общественных благ и услуг, которые государство должно предоставить для поддержания открытого доступа, включая пять характеристик, перечисленных в параграфе 4.2. Все эти элементы требуют институционально сложного правительства, способного осуществлять политику особым образом, не погружаясь в коррупцию или персонифицированную политику естественных государств. Они также накладывают строгие ограничения на правительство — ограничительное условие (Weingast, 2006a). Каждое из условий, перечисленных в параграфе 4.2, требует ограничений правительства, что снижает ставки в борьбе за власть и помогает сделать общество более стабильным и менее подверженным попыткам со стороны власть имущих, которые не способны остаться у власти при помощи поддержки избирателей, удержать власть силой и таким образом отвергнуть демократию. Институты, которые ограничивают ставки в борьбе за власть, также снижают поддержку переворотов: они делают демократию — особенно в смысле издержек проигрыша выборов — менее затратной.

Поэтому порядки открытого доступа должны иметь гораздо более отчетливые институциональные структуру

и процессы, чем естественные государства. Явный процесс управления одновременно более прозрачен и более сложен; и порядки открытого доступа способны иметь большее число игроков с правом вето, включая разделение исполнительной, законодательной и судебной функций. Процесс создания распоряжений высшей власти однозначен и всем ясен: все знают, как разрабатываются законы и предписания, и эти законы представляют собой безличные правила, которые касаются всех. Все эти институты защищены достоверными обязательствами, включая условие всеобщего согласия о защите основных правил политической и экономической систем.

Рост государства во всех порядках открытого доступа отражает политику, необходимую для поддержания социального порядка путем распределения выигрышей долгосрочного экономического роста. Создание и поддержание порядка открытого доступа требует, чтобы общество инкорпорировало массы граждан, а выборы не сопровождались наносящим ущерб экономике перераспределением. Участие масс делает неизбежной некоторую форму перераспределения, поэтому важным аспектом порядка открытого доступа является инкорпорация масс граждан с низкими чистыми издержками. Перечисленный ранее набор программ — общественные блага и программы социального страхования — позволяет разделить блага рынка и помочь предотвратить более массовое перераспределение. Многие из этих программ скорее дополняют рынки, а не вмешиваются в их работу, особенно образование, обеспечение инфраструктуры, а также социальное страхование, которое увеличивает инвестиции рабочей силы в человеческий капитал. В работах Иверсена (Iversen, 2005) и Марес (Mares, 2003) говорится еще об одной особенности этой комплементарности. Поскольку программы социального страхования сокращают для рабочей силы риски превратностей рынка, они побуждают рабочую силу осуществлять специфические инвестиции в своих отраслях и фирмах, что повышает производительность в этих отраслях.

Для иллюстрации этой точки зрения рассмотрим малые торговые государства среди европейских порядков открытого доступа, включая Австрию, Бельгию, Ирландию, Ита-

лию, Нидерланды, Скандинавию и Швейцарию (Katzenstein, 1985; Rogowski, 1989). Каждая из этих стран имеет относительно небольшой торговый сектор по сравнению с остальной экономикой, который создает экономическую отдачу на международных рынках при помощи специализации и сравнительного преимущества. Внутренние политические соглашения в этих странах отражают обмен: политическую стабильность, умеренные требования о повышении заработной платы и правила, благоприятные для экспортного сектора, в сочетании со значительными налогами, которые распределяют плоды экономического успеха, но не при помощи прямых выплат, а через высокий уровень программ социального страхования. Этот обмен обеспечивается различными политическими институтами — такими как пропорциональное представительство и коалиционные правительства, — которые защищают соглашение о статус-кво, а следовательно, оберегают осуществленные инвестиции от экспроприации (Rogowski, 1987). Согласно нашей идее, изложенной в параграфе 4.3, экономика также ограничивает политику: поскольку торговый сектор должен конкурировать на международных рынках, экспроприация и драконовские налоги подвергают риску конкурентоспособность экспортного сектора и вызывают немедленный отклик.

Другим преимуществом порядков открытого доступа перед естественными государствами является то, что они могут обеспечить соглашения и компромиссы, которые надежно разрешают важные проблемы. В европейских корпоративистских странах национальные соглашения о заработной плате позволяют найти компромиссное решение бюджетных проблем: например, рабочие отсрочивают требования о повышении заработной платы в обмен на более высокие налоги для компаний (Garrett, 1998). В США до Гражданской войны несколько компромиссов между нерабовладельческим или свободным Севером и рабовладельческим Югом позволяли сохранять единство страны. Система сдержек и противовесов предоставляла каждому региону право вето в отношении национальной политики на основе равного представительства в Сенате. Вето позволяло рабовладельцам

предотвращать осуществление антирабовладельческой политики. Это вето давало северянам стимулы для взаимовыгодного сотрудничества в других областях, особенно в экономике (Weingast, 1998).

Способность создавать достоверные обязательства дает порядкам открытого доступа способность решать многие текущие политические проблемы по мере их возникновения. Не имея возможности заключать эти надежные соглашения, индивиды и группы начнут вместо этого проводить свои краткосрочные максимизирующие стратегии и будут не способны решать проблемы.

4.7. Укрепление краткосрочной стабильности

Все порядки открытого доступа сталкиваются с двумя проблемами стабильности. Первая касается статической стабильности: институты и стимулы, которые создают самоподдерживающийся порядок открытого доступа и предотвращают тенденцию деградации в естественное государство. Вторая касается динамики: как порядки открытого доступа сохраняют свое существование перед лицом многочисленных проблем и кризисов, которые возникают с течением времени. Первая проблема исследуется в этом параграфе, а вторая — в следующем.

У политического руководства во всех государствах есть соблазн использовать создание ренты для укрепления своих позиций и изменять правила таким образом, чтобы затруднить своим оппонентам возможность конкуренции. Для выживания открытого доступа руководители должны иметь стимулы сопротивляться этим соблазнам. В этом параграфе мы покажем, как конкуренция в политической и экономической системах помогает поддерживать порядок открытого доступа. Не существует какого-то одного института или набора стимулов, который поддерживал бы порядок открытого доступа; напротив, институты и системы стимулов, поддерживающие этот общественный строй, многочисленны и избыточны (как показывают Ландау (Landau, 1969) и Митал (Mital, 2008) в случае с Конституцией США).

4.7.1. Выборы, партийная конкуренция и гражданское общество

Демократия в порядках открытого доступа поддерживает конкуренцию между политическими партиями за власть. Борьба за власть побуждает партии предлагать конкурирующие концепции решения основных проблем общества. Как и в других формах конкуренции, инноваторы, изобретающие более привлекательные способы решения проблем, обладают преимуществами над теми, кто этого не делает. Поскольку новые проблемы, разногласия и кризисы неизбежно возникают, шумпетерианская конкуренция господствует: партии в своих попытках приобрести или сохранить власть должны постоянно пробовать новые идеи. Как подчеркивает Райкер (Riker, 1982a, ch. 1 и 9), проигравшие на выборах имеют особенно сильные стимулы к инновациям, так как стремятся вернуться к власти. В противном случае существует риск остаться вне власти при отсутствии личных и политических вознаграждений. Чтобы прийти к власти, сегодняшние проигравшие должны изобрести новые способы объединения интересов, групп избирателей и политической поддержки.

Разработка Франклином Рузвельтом политики Нового курса после выборов 1932 г. и преобразование Тони Блэром британской лейбористской партии в середине и конце 1990-х годов иллюстрируют этот принцип. Оба лидера разрабатывали новые программы перед лицом успешных оппонентов и скромных успехов их собственных партий. Триумфу Рузвельта после выборов 1932 г. предшествовало долгосрочное доминирование республиканцев на американских выборах после 1860 г. и особенно после 1918 г. Обращавшиеся к различным проблемам, связанным с Великой депрессией, рузвельтовские программы Нового курса стали очень популярными не только среди демократов, но также и среди республиканцев, которые были затронуты безработицей или боялись этого*.

---

* Отражая данный аспект этой эпохи, Дэвид Кеннеди (Kennedy, 1999) назвал свою историю, удостоившуюся Пулитцеровской премии, «Свобода от страха».

Их политический успех обеспечил демократам объединенный политический контроль над американским национальным правительством на дюжину лет, период времени, которым они не пользовались с момента выборов Джексона в 1828 году. К Блэру успех пришел вслед за успешным консервативным поворотом Великобритании, который был начат Маргарет Тэтчер после того, как она стала премьер-министром в 1979 году. Используя лозунг «нового лейборизма», Блэр сделал цели своей партии более умеренными, символом чего стало удаление из ее программы пункта о стремлении к обобществлению средств производства. Лейбористы отказались от кейнсианского стиля управления экономикой, национализации промышленности, а также смягчили свои позиции в области политики доходов, сфокусировавшись вместо этого на конкурентных рынках и фискальном и монетарном консерватизме (Iversen, 2005, p. 253). Хотя Блэр заметно увеличил расходы на здравоохранение и образование, а также поднял минимальную заработную плату, он сохранил многое из тэтчеровской экономической политики и продолжил координировать внешнюю политику с США.

Партийная конкуренция принуждает партии к компромиссу и умеряет группы интересов и запросы избирателей. Создание ренты не может быть основным результатом партийной конкуренции в порядках открытого доступа. Рассмотрим избирательные системы «победитель получает все» (first-past-the-post). Такие системы подчиняются закону Дюверже (Cox, 1997; Duverger, 1959; Дюверже, 2000; Riker, 1982b), то есть приводят к установлению двухпартийной политической системы*. Успешные партии в этих системах являются поэтому большими и охватывают организации, которые объединяют широкий спектр разнообразных групп и интересов. Партия не может надеяться на победу на общих выборах, выступая с крайних позиций или предлагая политику, которая не получит

---

* Кокс (Cox, 1997) показывает, как этот закон распространяется естественным образом на другие типы избирательных систем.

поддержки различных групп интересов, округов и участников голосования. Поскольку партии нуждаются в поддержке со стороны многих групп интересов, они должны умерить запросы (по созданию ренты) каждой из них, чтобы взаимосвязанные крайние позиции не препятствовали избирательным перспективам партии*.

Эффективность партийной конкуренции, однако, зависит от открытого доступа к организациям и гражданского общества. Организации позволяют гражданам, чьи интересы страдают, координировать свои действия и продвигать интересы, а выборы являются дешевым средством получения результатов без прямой конфронтации с правительством (Fearon, 2006). Организации также отслеживают действия должностных лиц и реагируют, когда затрагиваются их интересы. Они имеют стимулы сотрудничать с оппозиционными партиями, когда должностные лица наносят ущерб их интересам. Как подчеркивается в литературе, успешная демократия и гражданское общество идут рука об руку (Lipset, 1963; Gellner, 1994; Геллнер, 2004; O'Donnell and Schmitter, 1986; Tocqueville, 1969 [1835]; Токвиль, 1992; Putnam, 1993; Патнэм, 1997; Widner, 2001).

Межпартийная конкуренция способствует внутрипартийной сдержанности и сотрудничеству в том или ином виде. Ван Бюрен** объяснил в 1830-х гг., что без конкуренции индивиды и организации, составляющие партию,

---

* Подобная логика применима и к системам с пропорциональным представительством, несмотря на то что в этих политических системах партии могут быть более узко ориентированными на решение определенных проблем, как это имеет место, например, в случае с «зелеными» партиями. Поскольку партии в системах с пропорциональным представительством обычно не получают большинства мест в парламенте, правительство в таких системах формируется коалицией партий. При формировании правительства возникают компромисс и сдержанность. Чтобы стать привлекательным партнером по коалиции, партиям обычно необходимо умерить свои требования, иначе они будут непривлекательными партнерами по коалиции.

** Мартин Ван Бюрен (1782–1862) — политический деятель, восьмой президент США с 1837 по 1841 г. — *Прим. перев.*

имеют только слабые стимулы делать компромиссы, необходимые для поддержания партии как эффективной организации и участника предвыборной борьбы (Hofstadter, 1969, ch. 6, особ. p. 226–252). С момента возникновения организованных политических партий в рамках первой американской партийной системы в начале 1790-х гг., одна партия стремилась уничтожить другую. Американцы этой эпохи не имели представления о лояльной оппозиции: такой оппозиции никогда не существовало ни в одной политической системе. Когда в период «Эры доброго согласия» (1816–1824) исчезла оппозиционная федералистская партия, доминирующая джефферсонианская партия распалась на несколько фракций, которые не могли работать вместе. Смерть оппозиции не привела к триумфу.

Ван Бюрен понял, что противоположные фракции внутри партии имеют стимулы к компромиссу и приспособлению друг к другу, только когда этого требует победа. Хофштадтер объясняет:

> Тогда стало ясно, что партия проиграла не из-за присутствия сильной оппозиционной партии, но из-за ее отсутствия: отсутствие внешнего принуждения к солидарности, привело к беспрепятственному внутреннему распаду. *Урок был ясным: распри и волнения, вызываемые личными фракциями*, гораздо более серьезны и гораздо более достойны осуждения, чем открытый принципиальный конфликт двух больших партий* (Hofstadter, 1969, p. 229. – *Курсив наш*).

С развитием второй партийной системы (примерно с 1832 по 1860 г.), последовавшим за «Эрой доброго согласия», убеждения пришли в соответствие с опытом: с середины 1830-х гг. возникла новая система стабильной двухпартийной конкуренции и в американской системе ценностей произошла трансформация – от убеждений,

---

* Имеется в виду различие, проведенное Давидом Юмом в работе «О партиях вообще»: «Фракции можно разделить на личные и реальные, т. е. на те, которые основаны на личной дружбе или вражде в среде лиц, составляющих соперничающие партии, и те, которые основаны на каком-либо реальном различии во мнении или интересе» (Юм, 1996, с. 512). – *Прим. ред.*

отражавших попытки одной партии подавить другую, к идее двухпартийной системы с лояльной оппозиционной партией.

Трансформация убеждений является центральной для поддержания партийной конкуренции в порядках открытого доступа. Сейчас конкуренция между партиями кажется нам общим местом, но идея партийной конкуренции, особенно идея лояльных оппозиционных партий, должна была быть изобретена и поддержана. Ван Бюрен выявил центральный пункт системы стимулов, поддерживающих эти убеждения: конкуренция со стороны оппозиции необходима для успеха победителя. Также мы здесь видим, что результатом устойчивой партийной конкуренции являются ограничения политики: победители не стремятся уничтожить оппозицию, а у последней нет цели взять власть и уничтожить тех, кто обладает ею сейчас.

Представители политической теории плюрализма показали другой аспект той же самой логики конкурентной политики. Эти исследователи понимали политику как баланс власти групп интересов (Truman, 1952). В классическом плюралистическом тексте Даля «Кто управляет?» (Dahl, 1962) показано, что демократии порядка открытого доступа сталкиваются с множеством общественных проблем и что ни одна из групп не может извлечь из этого слишком много из страха мобилизации большого числа других групп против своих действий. Даль заметил, что по разным общественным проблемам различаются наборы активных или внимательных групп интересов и совокупностей избирателей. Группы, которые имеют влияние по одним проблемам (например, застройщики озабочены местным городским развитием), как правило, не являются основными игроками в других вопросах (например, образовании, социальном обеспечении, сельском хозяйстве или обороне).

Данное наблюдение содержит важную мысль, которая не была понята в этой литературе. Проблема плюралистического анализа и исследований групп интересов в основном заключается в том, что структура электората и активность групп считаются экзогенными. Напротив, группы интересов, проявляющие активность отно-

сительно какой-либо проблемы, являются эндогенными. Если группа стремится получить слишком много, то другие группы, обычно неактивные по этому вопросу, вероятно, обратят на это внимание и станут активными настолько, что потенциально смогут изменить расклад политических сил и, следовательно, результат. Использование эндогенного плюраличестского подхода при исследовании влияния групп показывает, что группы в порядках открытого доступа в большинстве случаев имеют стимулы для того, чтобы умерить свои требования. В противном случае существует риск мобилизации аутсайдеров к активному участию в формах, наносящих ущерб интересам исходной группы. Эндогенный подход показывает, что некоторые рынки в порядках открытого доступа могут быть монополизированы или защищены, как в сельском хозяйстве, а определенные рынки могут регулироваться для создания ренты, как в случае с авиалиниями в США в середине XX в. Тем не менее эти рынки являются исключением, а не общим правилом.

Сила как меж-, так и внутрипартийной конкуренции, а также плюралистические аргументы показывают, что те, кто стремится к получению ренты, имеют сильные стимулы для того, чтобы просчитывать последствия собственных действий и умерять свои политические запросы. Иначе те группы, которые в настоящее время неактивны по данному вопросу, начнут проявлять активность и нарушат существующее политическое равновесие. Хотя многие виды политики способствуют созданию ренты, большинство рынков в порядках открытого доступа не монополизированы и не подлежат высокому уровню тарифной защиты. В этом аспекте два социальных порядка существенно отличаются друг от друга.

Фискальные стимулы представляют собой еще один набор стимулов против рентоориентированного поведения в порядках открытого доступа, дополняющий политическую конкуренцию*. Независимо от целей, кото-

---

* Непосредственное рассмотрение фискальных интересов см.: Wallis, Sylla and Legler, 1994 и Weingast, 2006b; более общее обсуждение фискальных эффектов см.: Tiebout, 1956 и Oates, 1972.

рые преследует политическое руководство во всех правительствах, для их достижения оно нуждается в доходах. Данный фискальный эффект склоняет должностных лиц в пользу политики, которая способствует увеличению налоговых поступлений. В порядках открытого доступа для повышения доходов, как правило, используются общие налоги на экономическую деятельность, например, распространенный в Европе налог на добавленную стоимость или подоходный налог в США. Зависимость от налогов такого типа означает, что финансовые ресурсы правительства растут и сокращаются вместе с экономическим благосостоянием. Политика, препятствующая экономическому развитию, снижает налоговые поступления.

Основной вывод ясен: широко распространенная политика по созданию ренты дестабилизирует властную коалицию. Подобная политика ведет к сжатию экономики и сокращению налоговых поступлений, поэтому коалиция не может поддерживать существующую структуру распределения благ и, следовательно, должна сократить расходы, нанося ущерб тем группам избирателей, кому эти расходы выгодны. Фискальные интересы политических должностных лиц вынуждают их быть заинтересованными в экономическом процветании, даже если оно не является их основной целью. Действующие власти в порядках открытого доступа имеют сильные стимулы поддерживать процветание, а имеющиеся свидетельства подтверждают, что в противном случае они рискуют лишиться власти (Kramer, 1971; Tufte, 1978). Кроме того, как показывают Буэно де Мескита и соавторы (Bueno de Mesquita et al., 2003), создание ренты в больших масштабах неэффективно в условиях массовых выборов; политические лидеры завоюют гораздо больше голосов благодаря предоставлению общественных благ (образования, социального страхования), а не частных (создание ренты).

4.7.2. Рыночная конкуренция

Процветающие рыночные экономики также способствуют стабильности порядков открытого доступа — и особенно демократии — необычайным множеством способов.

Исследуя демократию в отрыве от рынков, политологи не заметили эти силы политической стабильности. И очевидно — этот эффект давно известен политологам, — что конкурентные рынки обеспечивают наиболее мощные средства долгосрочного экономического процветания. Данные по целому ряду политических систем показывают, что чем выше их благосостояние, тем они стабильнее, а действующие власти занимают более прочные позиции, если они обеспечивают процветание (Haggard and Kaufman, 1995; Kramer, 1971; Londregan and Poole, 1990; Tufte, 1978). Поскольку порядки открытого доступа обеспечивают условия для процветания рынков, они создают благосостояние в долгосрочном периоде такими путями, которые недоступны естественным государствам.

Точнее, благодаря его влиянию на политическую стабильность ценовой механизм облегчает плюрализм, гражданское общество и партийную конкуренцию. Цены на конкурентных рынках отражают предельные издержки. Это означает, что изменение в одной из сфер политики передается через экономику, например, путем изменения цен на других рынках. Чем сильнее изменения в других сферах политики, вызванные первоначальным изменением политики, тем сильнее вероятное ответное воздействие групп интересов из других сфер в исходной политической области. Поэтому конкурентные рынки сочетаются с открытым доступом к организациям для облегчения наблюдения за правительственной политикой и координации действий против неблагоприятной политики, проводимой правительством. Отсутствие конкурентных рынков препятствует этой передаче сигналов и ответному воздействию.

Другая особенность рынков с открытым доступом отражает идею о том, что этот порядок способствует широкому распределению благ рыночной экономики: когда один из секторов экономики существенно совершенствуется и расширяется, динамические аспекты экономики приводят к тому, что последствия этого ощущаются во всех отраслях экономики. Например, если в развивающемся секторе заметно увеличивается найм рабочей силы, это повышает заработную плату, затем фактор

выравнивания цен повышает заработную плату в других частях экономики, приводя к большему распределению плодов экономического роста. Неполные и жестко контролирующиеся рынки в естественных государствах препятствуют данному эффекту. Тот же эффект действует и при росте производительности, вызванном рынками с открытым доступом. С ростом производительности труда то же самое происходит с заработными платами.

Международная конкуренция между порядками открытого доступа отражает еще один набор сил, позволяющих поддерживать эти общества*. Во-первых, порядок открытого доступа, проводящий политику создания ренты с высокими издержками для экономики, предоставляет рыночное преимущество своим международным конкурентам. Эта конкуренция создает эффект обратной связи: страна должна решить, стоят ли политические выгоды своей экономической цены. Эффект обратной связи особенно важен для малых торговых государств, которые финансируют значительную часть государственных расходов за счет налогов, связанных с экспортным сектором. Поскольку эти эффекты быстро ощущаются, они помогают защитить конкурентный сектор в малых торговых государствах.

Например, с рыночной интеграцией в Европе, старением рабочей силы, ростом глобализации и ростом экономики услуг многие европейские государства ослабили свой контроль над рынками, ограничили макроэкономическое управление своими экономиками и аспекты социальной политики. По всей Западной Европе социал-демократические партии умерили свои программы и планы по сравнению с 1970-ми и 1980-ми гг., а также произвели в них инновационные изменения, приспособив к реалиям 1990-х и 2000-х г. (Garrett, 1998; см. также Berman, 2006; Prasad, 2006), как показывает трансформация лейбористской партии при Тони Блэре. Скандинавские

---

* Эффект международной конкуренции требует международной открытости. Когда некоторые порядки открытого доступа изолировали себя от международной торговли, этот эффект ослабевал.

страны — одни из самых новаторских социал-демократий в 1960-х и 1970-х гг. — претерпели значительные реформы. Как отмечает Линдерт (Lindert, 2004, ch. 11), большая часть шведских реформ сосредоточилась на макроэкономическом управлении и налоговой политике, а не на реформе государства всеобщего благосостояния. Гарретт (Garrett, 1998) говорит об этом применительно к Западной Европе в целом.

Второй эффект международной конкуренции касается насилия и войны. Как показывают две мировые войны и холодная война XX в., внешнее насилие является важнейшим, хотя и эпизодическим аспектом международной обстановки. Для выживания порядки открытого доступа должны иметь способность преуспеть не только в экономической конкуренции, но также и в насильственной конкуренции (Ferguson, 2002; Schultz and Weingast, 2003; Tilly, 1992; Тилли, 2009). Без этой способности они рискуют уступить амбициям авторитарных государств. Например, если бы нацисты выиграли Вторую мировую войну, порядки открытого доступа вряд ли доминировали бы сегодня в мире, а вся Европа могла бы остаться авторитарной*. Успех порядков открытого доступа во Второй мировой и холодной войне свидетельствует о том, что этим государствам необходимо поддерживать экономическое, военное и адаптивное превосходство, иначе они рискуют быть захваченными или столкнуться с серьезнейшими вызовами со стороны агрессивных, мощных естественных государств. Этот риск остается и сегодня, наглядным свидетельством чего служат международный терроризм и события 11 сентября 2001 г.

Насильственная международная конкуренция также влияет на политику в порядках открытого доступа, особенно в периоды интенсивной конкуренции. Иллюстрацией этого может служить готовность европейских стран к сотрудничеству с США во время холодной вой-

---

* По иронии судьбы, для победы над Германией во Второй мировой войне потребовался союз между порядками открытого доступа (Соединенные Штаты и Великобритания) и порядком ограниченного доступа (Советский Союз).

ны. Советские войска на востоке, включая их господство силой в Восточной Европе, не только способствовали сотрудничеству в рамках НАТО, помощь США также помогла проведению рыночных реформ в Западной Европе. Помощь США часто зависела от рыночных реформ; например, необходимым условием знаменитого Плана Маршалла после Второй мировой войны было снижение странами Западной Европы взаимных тарифных барьеров, создание реалистичного плана макроэкономического управления и присоединение к новой организации экономического сотрудничества, названной Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Помощь была сосредоточена на рыночной экономике, которая должна была обеспечить процветание, в частности для того, чтобы сделать социализм менее привлекательной альтернативой.

Международная военная конкуренция имеет два тесно связанных эффекта. Первый эффект является экономическим: процветающие рынки в порядках открытого доступа обеспечивают ресурсную базу, на основе которой эти общества выдерживают долгосрочную международную борьбу с враждебными конкурентами. Порядки открытого доступа, которые ставят под угрозу свою экономику, также ставят под угрозу свою способность выстоять против враждебных международных конкурентов. Второй эффект — институциональный: порядки открытого доступа имеют способность давать надежные обещания. Относительно государственного долга эта способность позволяет порядкам открытого доступа осуществлять значительные заимствования в тяжелые времена. Заимствования увеличивают ресурсы общества, так что оно может тратить больше того, что может получить от увеличения налогов. Заимствования и погашение облигаций в течение 30–50-летнего периода позволяют обществу произвести «сглаживание налогообложения», то есть распространять экономическое бремя конфликта за счет налогов на гораздо более длительный период, тем самым значительно снизив суммарные чистые потери налогообложения (Barro, 1979). Напротив, способность естественных государств к заимствованиям более

ограниченна; эти государства должны в большей степени опираться на текущие налоги для финансирования своих войн. Поскольку им приходится взимать больше налогов в неблагоприятные времена, связанные налоговое бремя и чистые экономические потери неизбежно высоки. Как показывают Шульц и Вайнгаст (Schultz and Weingast, 2003), заимствования облегчили успех порядков открытого доступа в нескольких длительных конфликтах с естественными государствами, включая англо-французско-американское противостояние с Германией (с конца XIX в. и до окончания Второй мировой войны) и холодную войну между Соединенными Штатами и их союзниками и Советским Союзом (с конца Второй мировой войны и до распада Советского Союза в 1991 г.)*.

С этим тесно связан политический эффект: чтобы создать процветающие рынки, особенно в тех областях Европы раннего Нового времени, которые приближались к порогу и затем осуществили переход, государства должны были создать различные формы достоверных обязательств, обеспечивающих верховенство права, сначала для элит, а затем для всех граждан (North and Weingast, 1989). Эти институты создавали новые конституционные институты, которые лежали в основе зарождавшихся порядков открытого доступа Западной Европы и обеспечивали открытый доступ как в политике, так и в экономике.

---

* Кроме того, эти международные эффекты не ограничиваются XX веком. На протяжении последних трех-четырех веков Запад пережил четыре длительных периода противостояния за господство. В дополнение к двум упомянутым, мы включаем стремление Габсбургов доминировать в Европе, приведшее к Нидерландской революции (1570–1640) и более чем столетнее англо-французское противостояние, которое закончилось поражением Наполеона (1689–1815). Во всех этих четырех соревнованиях порядок открытого доступа (или его предшественники, находившиеся на пороге или в состоянии перехода, в случае Голландии и Британии) добился успеха в частности благодаря тому, что имел более эффективные системы мобилизации ресурсов для международного конфликта, чем это могли сделать более личностные системы естественного государства (Schultz and Weingast, 2003; Tilly, 1992; Тилли, 2009).

4.7.3. Выводы

Все страны, включая порядки открытого доступа, сталкиваются с давлением рентоориентированного поведения. Политическое руководство склонно создавать ренты для укрепления своих позиций и блокирования своих оппонентов. Однако в обществах открытого доступа против попыток создания рент работают доступ и конкуренция. При отсутствии конституционного переворота, который резко и быстро меняет правила игры, чрезмерное создание ренты властями дает оппозиции конкурентное преимущество: в экономическом отношении оно обычно приводит к финансовым ограничениям и снижению общественного благосостояния, а в политическом отношении обеспечивает оппозиции шумпетерианскую основу для начала эффективных кампаний против властей, которые уничтожили средства обеспечения процветания. Открытый доступ у организаций способствует подобному исходу, поскольку оппоненты тех, кто получил ренту, поддерживают оппозицию в ее попытках отменить новую политику, связанную с созданием ренты.

Этот результат отражает «благой круг» конкуренции и открытого доступа. Политическая и экономическая конкуренция дополняют друг друга: правительства, которые не способны обеспечить процветание и ценимые гражданами общественные блага и услуги, наказываются сжатием экономики, снижением налоговых доходов, бегством мобильных факторов производства и оппозиционными партиями, которые стремятся сместить их.

4.8. Силы долгосрочной стабильности: адаптивная эффективность

Все общества сталкиваются с проблемой выживания перед лицом неопределенности, бесконечного ряда новых вызовов, дилемм и кризисов. Источники этих вызовов бывают различными: изменения относительных цен, макроэкономические кризисы, этнические конфликты,

гражданские войны, технологические изменения и защита от конфликтов с другими странами.

Конкуренция в порядках открытого доступа, разрешая основные социальные проблемы, способствует адаптивной эффективности, способности общества выживать перед лицом постоянно меняющегося множества проблем и трудностей (Hayek, 1960; North, 2005; Норт, 2010; Ober, 2008). Шумпетерианская конкуренция предлагает политическим и экономическим предпринимателям стимулы для разработки лучших и более привлекательных решений проблем их общества.

Порядки открытого доступа демонстрируют динамическую стабильность по двум причинам. Первая следует из открытого доступа и конкуренции, которые способствуют решению новых проблем. Открытый доступ и свободный поток идей создают широкий диапазон новых потенциальных путей понимания и разрешения новых проблем. Чем шире проблема, стоящая перед обществом, тем интенсивнее дебаты о природе этой проблемы и набор возможных решений. Затронутые проблемой индивиды и организации имеют стимулы для того, чтобы инвестировать в создание и рекламу новых решений проблем. Политические партии, группы интересов и организации конкурируют между собой за участие в решении важнейших проблем и преодолении кризисов. Те, кто находится у власти, ищут решения, которые помогут им остаться у власти. Оппозиционные партии и их группы поддержки имеют сильные стимулы разоблачать недостатки предложений властей и вырабатывать более привлекательные альтернативы. Чем масштабнее проблема, тем больше индивидов и организаций она привлекает и тем более широки общественное участие и дискуссия. Свободное и открытое выражение идей означает, что многие идеи будут услышаны. В своем стремлении сохранить или вернуть власть конкурирующие партии будут опираться на эту конкуренцию возможных решений, стремясь найти идеи, которые помогут им удовлетворить свои интересы.

Данный процесс далек от совершенства; на самом деле он часто приводит к беспорядку. Тем не менее в сравнении

с естественными государствами порядки открытого доступа с большей готовностью создают наборы решений проблем; они с большей готовностью экспериментируют с решениями проблем и отвергают идеи и лидеров, которые не способны их решить. Например, правящие партии пытаются разработать программу, которая, по их мнению, направлена на решение проблемы таким способом, который соответствует интересам их избирателей. Если эта программа не способна решить проблему, граждане могут проголосовать против действующих властей, и те перейдут в оппозицию. Чем привлекательнее программа оппозиции, тем вероятнее подобный переворот. Если правящая партия скорее стремится принести пользу своим сторонникам, чем решить проблему, это дает ее оппонентам конкурентное преимущество на следующих выборах.

Этот экспериментальный процесс несовершенен — отчасти вследствие фундаментальной неопределенности природы проблемы, отчасти вследствие невежества избирателей. Тем не менее экспериментирование предоставляет наилучшую возможность для сохранения порядков открытого доступа. В сравнении с отсутствием с открытого доступа или конкуренции в авторитарных естественных государствах и более «хромой» разновидностью избирательной борьбы во многих естественных государствах конкуренция за разрешение проблем в порядках открытого доступа работает достаточно хорошо. Агрегирование информации и идей в свободном обществе открытого доступа дает этим странам значительные преимущества перед естественными государствами в поиске решений проблем. Ограниченный доступ в естественных государствах ограничивает круг индивидов, групп и организаций, которые участвуют в разработке и обсуждении новых решений; они также имеют гораздо меньше механизмов, обеспечивающих замену идей и лидеров, поэтому в этих обществах экспериментирование работает менее эффективно*.

---

* Обер (Ober, 2008) рассматривает подобные идеи в контексте демократии в древних Афинах.

Второй причиной динамической стабильности является способность порядков открытого доступа обеспечивать достоверные обязательства. Политические конфликты возникают во всех обществах, например, между богатыми и бедными, сельским хозяйством и промышленностью, работниками и компаниями, а также между разными регионами. Способность давать достоверные обязательства в порядках открытого доступа сочетается со способностью предоставлять безличные блага для расширения круга возможных решений конфликтов. Поэтому порядки открытого доступа легче разрешают эти конфликты, не допуская беспорядка. Например, исследователи Западной Европы утверждают, что явное формирование профсоюзов позволяет давать достоверные обязательства в политике разрешения бюджетных проблем в период финансового стресса. Напротив, Спиллер и Томмази (Spiller and Tommasi, 2007) в своем исследовании Аргентины показывают, что неспособность сделать это препятствует способности естественных государств решать подобные проблемы.

Все порядки открытого доступа сталкивались с этим типом политического конфликта, и все они приняли политические решения, которые меняли политику таким образом, чтобы учесть в разной степени интересы обеих сторон. Подобные решения часто называются в литературе «пактами» (Burton, Gunther, and Higley, 1992). Например, США нашли выход из четырех важнейших кризисов XIX в. при помощи пактов — это Компромиссы 1820, 1833, 1850 и 1877 годов, которые осуществили значительные изменения в правилах игры, что способствовало разрешению политических кризисов. Подобным образом, «Революционное устроение» в результате Славной революции (1689) и различные законы о реформировании избирательной системы в Великобритании XIX в. (предмет глав 5 и 6) были пактами, которые разрешили политические конфликты. Напротив, более ограниченная способность осуществлять достоверные обязательства в естественных государствах сокращает круг допустимых компромиссов. Эти государства не могут так легко подкреплять политические решения достоверны-

ми обязательствами, поэтому успех пактов менее вероятен. Следовательно, конфликт с большей вероятностью приведет к беспорядку.

Некоторые другие особенности порядков открытого доступа также способствуют большей устойчивости этих порядков к кризисам. Во-первых, предприниматели в рыночных экономиках стремятся открыть и использовать новые ниши. Некоторые проблемы, встающие перед естественными государствами, никогда не станут проблемами для порядков открытого доступа, потому что они решаются или смягчаются рынками. Во-вторых, порядки открытого доступа сталкиваются с меньшим количеством проблем, чем естественные государства, отчасти потому, что естественные государства сами создают для себя проблемы вроде макроэкономических дисбалансов, ведущих к нестабильности режима. В отличие от подавляющего большинства естественных государств очень немногие порядки открытого доступа испытали гиперинфляцию. В-третьих, как мы отмечали, способность обеспечивать блага на безличной основе означает, что порядки открытого доступа могут обеспечивать гораздо больше общественных благ, чем естественные государства. Большая политическая гибкость здесь также означает, что порядок открытого доступа может решать определенные проблемы путем изменения политики.

4.8.1. Источники изменений в порядках открытого доступа

Порядки открытого доступа представляют много источников изменений. Две причины, лежащие в основе динамической стабильности, — экспериментирование и достоверные обязательства — в сочетании с неопределенностью и бесконечным многообразием новых проблем предполагают, что порядки открытого доступа показывают регулярные, хотя и эпизодические, изменения. В главе 2 мы объяснили, почему естественные государства стабильны, но не статичны. Они также сталкиваются с бесконечным числом новых проблем и вызовов.

Тем не менее их более ограниченные возможности для решения этих проблем – выработка соответствующих решений и наделение этих решений достоверными обязательствами – означают, что господствующая коалиция гораздо менее стабильна. В сравнении с порядками открытого доступа в этих обществах обнаруживается гораздо больше беспорядка в форме переворотов, политических потрясений, макроэкономической нестабильности и этнических конфликтов. Наше рассмотрение средневековой Англии в главе 3 иллюстрирует этот процесс, в котором естественное государство является стабильным, но не статичным.

Эта мысль иллюстрируется различными реакциями на Великую депрессию 1930-х годов. Хотя депрессия создала политические проблемы во всех порядках открытого доступа, реакция на эти проблемы в них была куда менее острой, чем во многих естественных государствах. В Латинской Америке, например, некоторые крупные государства, включая Аргентину и Бразилию, пережили политические беспорядки и военные перевороты. В то же время основные порядки открытого доступа, такие как Великобритания, Франция и США, были способны экспериментировать с новой политикой, которая отвечала интересам граждан, не разрушая эти порядки.

Политическая история каждого порядка открытого доступа отмечена кризисами и силами, создающими или ограничивающими способы, которыми общество может разрешить эти кризисы: войны, массовые рынки для сельскохозяйственной продукции, обширные атомистические рынки рабочей силы, сталкивающиеся с крупными компаниями; этнические, расовые и религиозные проблемы, а также рецессии и депрессии.

Вторым источником динамики является шумпетерианская конкуренция. Эта конкуренция означает, что рынки постоянно эволюционируют, создавая новые фирмы, продукты и структуры потребления. Данная эволюция изменяет диапазон интересов в обществе. Эти изменения сочетаются с положительным откликом политических институтов порядка открытого доступа, предполагая, что политика приспособится к изменению интересов.

4.9. Почему при открытом и ограниченном доступе институты работают по-разному

Во всех естественных государствах существуют некоторые рынки и определенная степень развития гражданского общества; их правительства сталкиваются с фискальными стимулами и мобильными факторами производства; также многие имеют выборы и конкурирующие партии. Если эти институты присутствуют в естественных государствах, почему результаты их деятельности отличаются в порядках открытого доступа? Эта проблема кажется особенно загадочной в контексте демократии, поскольку как в современной научной литературе, так и в популярной прессе имеется тенденция отождествлять демократию с выборами*.

Ответ заключается в том, что при наличии открытого доступа и конкуренции одни и те же институты работают иначе, чем при ограниченном доступе и отсутствии конкуренции. Рассмотрим политическую систему. Во многих зрелых естественных государствах существуют выборы и партийная конкуренция, поэтому в современной политической науке они обычно рассматриваются в качестве таких же демократий, как и в порядках открытого доступа Западной Европы, США и Японии. Однако по разным сторонам этого барьера выборы неодинаковы, и мы не можем сваливать их в одну категорию под названием «демократия».

Зрелые естественные государства могут иметь выборы и партийную конкуренцию, но у них нет широкого круга институтов, поддерживающих демократию открытого доступа**. В зрелых естественных государствах не су-

---

* См., напр., работы Пшеворского и соавторов (Przeworski et al., 2000) и Барро (Barro, 1999), где представлены стандартные подходы политической науки и экономической теории соответственно.

** Более чем поколение назад Даль (Dahl, 1971; Даль, 2010) предложил многомерное определение демократии, которую он назвал *полиархией*, перечислив широкий круг факторов, необходимых

ществует открытого доступа к организациям, поэтому в них обычно имеют слабое гражданское общество, в котором широкий спектр организаций может представлять и мобилизовать интересы своих членов. Многие естественные государства накладывают ограничения на конкурентный партийный процесс, осложняя или исключая возможность организации, выдвижения своих кандидатов или использования прессы для оппозиции. Их ограниченная способность предоставлять безличные блага означает, что естественные государства не способны обеспечивать общественные блага и программы социального страхования, которые способствуют широкому распределению благ рыночной экономики, не причиняя вреда самим рынкам. Эти государства, следовательно, гораздо более склонны к популизму и политике, ведущей к макроэкономической нестабильности и бюджетным кризисам, как это обычно случается в странах Латинской Америки (в последний раз — в период кризисов 1998–2000 гг. во всем регионе). Экономические эффекты в естественных государствах отличаются от подобных эффектов в порядках открытого доступа. Например, естественные государства стремятся не опираться на общие налоги на экономическую деятельность, и поэтому фискальные интересы правительства не отражают состояние экономики, как это имеет место в порядках открытого доступа*. Точно так же ограниченный доступ настолько препятствует рыночной конкуренции, что эти государства стремятся изолировать себя от эффектов мобильности ресурсов и международной конкуренции. Иными словами, естественные государства действуют в обход открытого доступа и конкурентных механизмов, которые обеспечивают «благой круг» в порядках откры-

---

для успешной демократии помимо выборов. Ср. это с более распространенным в современной литературе определением.

* Например, Путин в России сосредоточился на экономических реформах, чтобы получить экономические ресурсы для укрепления своей власти, но как только стало ясно, что цены на нефть будут продолжать расти, он отказался от реформ (Goldman, 2008; Kurov, 2008).

того доступа и тем самым, хотя они и могут иметь выборы и партийную конкуренцию, эти институты не работают так же, как при порядке открытого доступа.

Неспособность обеспечить безличные блага ослабляет естественные государства еще в одном отношении. Это означает не только то, что суды в них, как правило, коррумпированы, но также и то, что естественные государства не способны проводить в жизнь законодательство о распределении благ в соответствии с безличными критериями. В порядках открытого доступа законодательство детально описывает, как исполняются законы: например, что лицо, недавно потерявшее работу, получает пособие установленного размера в течение определенного срока. В этих государствах беспристрастные, подчиненные верховенству права суды налагают санкции на исполнительную власть за неисполнение законов. В типичном естественном государстве все обстоит иначе. В нем коррумпированные суды не ограничивают исполнительную власть; более того, законодательные органы редко — и рационально — предпринимают труд по детальному описанию условий, ограничивающих исполнительную власть, оставляя чиновникам значительную свободу распределять средства по своему желанию. Свидетельства из Латинской Америки показывают, что социальные программы служат сиюминутным политическим целям, таким как переизбрание, а не по своему прямому назначению.

Данные положения сочетаются с основной логикой естественного государства. Использование естественным государством привилегий и рент для поддержания господствующей коалиции требует ограниченного доступа, который предупреждает появление оппозиционного гражданского общества, способного повлиять на политику правительства. Например, многие естественные государства обеспечивают государственным служащим, профсоюзным деятелям и преподавателям привилегированные позиции и заработные платы выше рыночных, а также различные права на рабочие места, которые изолируют их от рыночных сил. В отличие от политики социального страхования порядков открытого доступа эта политика поощрения работников снижает стимулы к ин-

вестированию и даже труду (действительно, свидетельства многих из этих стран говорят о том, что занятые в этих категориях часто не работают на своих рабочих местах, а имеют вторую работу). Многие зрелые естественные государства проводят популистскую политику, которая гораздо более вредна для их экономики, чем политика социального страхования порядков открытого доступа.

Рассмотрим теперь рынки. Большинство естественных государств имеют некоторые рынки, но естественные государства систематически ограничивают доступ к организациям и видам рыночной деятельности. Создание ренты для поддержания господствующей коалиции означает, что многие рынки сталкиваются с очень ограниченным доступом или его отсутствием, а следовательно, и с отсутствием конкуренции. Широко распространенные привилегии и ренты также препятствуют сигнальной функции ценового механизма. Естественные государства ограничивают возможности для формирования новых организаций, которые мобилизуют граждан против государства. Ограниченный доступ также означает, что новые источники ренты обычно находятся в руках правящей коалиции. Иными словами, в естественных государствах элементы рынков, выборов и организаций сочетаются совершенно иначе, чем в порядках открытого доступа. У этих государств отсутствует динамический шумпетерианский характер порядков открытого доступа.

Наконец, рассмотрим убеждения. На самом общем уровне некоторые естественные государства имеют широко распространенные убеждения о равенстве и включении. Их неспособность обеспечить безличные блага препятствует предоставлению общественных благ и услуг, поэтому действительность соответствует отсутствию таких убеждений: значительное число людей остается за рамками. Естественные государства не могут поддерживать политику, которая широко распределяет плоды экономического роста. Напротив, граждане, особенно бедные, с большей вероятностью поддержат популистскую политику, которая находится в конфликте с рынками. Важнейшей причиной популярности среди

бедных президента Венесуэлы Чавеса является то, что бедные получили не слишком много от экономического роста в период нефтяного бума, плоды которого в непропорциональной степени достались элите.

На уровне специфических убеждений – условие всеобщего согласия – порядки открытого доступа имеют гораздо более широкий диапазон и область применения. Это условие охватывает конституцию в порядках открытого доступа, включая разнообразные структуры и процессы, создающие ограничительное условие. Даже в зрелых естественных государствах (как в Венесуэле) или в тех, что далеко продвинулись в процессе перехода (как в Корее), опросы показывают, что граждане имеют несовместимые с сохранением конституции убеждения, включая поддержку военных переворотов при некоторых обстоятельствах и веру в то, что авторитарные режимы могут лучше решить некоторые проблемы общества*. Естественные государства могут иметь выборы, но они не имеют обширных систем прав или действия принципа верховенства права для большинства граждан, а ограничения на создание организаций препятствуют мобилизации многих интересов.

Наша идея о том, что те же самые институты работают по-другому в естественных государствах, чем в порядках открытого доступа, противоречит некоторым утверждениям современной литературы. Мы уже упомянули, что экономисты и политологи не могут понять личностную, ориентированную на создание ренты основу естественных государств, которая осложняет производство множества обычных общественных благ и услуг, связанных с рынками и экономическим ростом. Литература о демократии представляет другой пример. Современные исследования демократии переоценивают выборы в качестве особенно существенной характеристики демократии. Хотя они, бесспорно, необходимы для демократии открытого доступа, сами по себе выборы не в состоянии охватить более широкий контекст демократии.

---

* См.: Baloyra, 1986 о Венесуэле и Shin, 2000 о Южной Корее.

Большинство межстрановых исследований не в состоянии учесть, проводимое нами разграничение. Так, Аргентина, Бразилия, Мексика и Россия имеют выборы, но эти выборы не делают их порядками открытого доступа.

Таким образом, многие естественные государства обладают некоторыми характеристиками и институтами экономической и политической конкуренции, но ни одна из этих систем не работает так же, как в порядках открытого доступа. Рынки в естественных государствах обладают гораздо меньшими возможностями доступа и подчинены гораздо более явным привилегиям и созданию ренты, поэтому они значительно менее конкурентны. Цены часто не отражают предельные издержки. То же самое относится и к предвыборной конкуренции. Во многих естественных государствах существуют выборы и оппозиционные партии, но они не имеют конкурентной демократии открытого доступа, которая работает совершенно иначе. Ограничения на конкурентный процесс (препятствование способности оппозиции организоваться и конкурировать), ограниченный доступ к организациям и неразвитое гражданское общество — все это мешает конкурентному процессу. Подобным образом отсутствие конкурентных рынков также снижает благотворное воздействие на правительство фискальных стимулов и мобильности ресурсов. Естественные государства не могут создать благой круг открытого доступа и конкуренции.

4.10. Новая «логика коллективных действий» и теория поиска ренты

Теория порядков открытого доступа представляет новый подход к «логике коллективных действий», который совершенно отличен как от теории Олсона (Olson, 1965, 1982; Олсон, 1995, 1998), так и от исследований поиска ренты школой общественного выбора (Buchanan, Tollison, and Tullock, 1980). И те и другие исследователи подчеркивали пагубные последствия организации групп интересов. Логика коллективных действий Олсона (Olson 1965;

Олсон, 1995) предполагает некоторый перекос в формировании групп интересов: по сравнению с рассеянными интересами сконцентрированные интересы легче организуются. Он доказывал, что эта тенденциозность позволяет последним присвоить политические выгоды за счет первых. Хотя Олсон (Olson 1982; Олсон, 1998) доказывал, что «широкая» группа способна подтолкнуть государство к тому, что оно будет обеспечивать бо́льшие блага для граждан, влияние групп интересов в конечном счете вредит всем государствам; вслед за Томасом Джефферсоном он отмечал, что странам время от времени нужны революции для преодоления негативного влияния групп интересов. Точно так же исследователи, придерживающиеся теории поиска ренты, считают, что политики реагируют на сконцентрированные интересы, предоставляя политические преимущества, которые создают привилегии, исключение и ренты. Несомненно, значительная часть политической деятельности во всех порядках открытого доступа отражает подобную логику.

Тем не менее оба подхода не в состоянии ухватить сущность порядков открытого доступа. Конкурентные рынки в порядках открытого доступа выживают, несмотря на продолжающийся рост числа и размера крупных, хорошо организованных групп интересов. Европа, США, Япония и некоторые страны Содружества наций долгое время характеризуются рыночной экономикой открытого доступа. Ни Олсон, ни сторонники теории общественного выбора и поиска ренты не могут объяснить, почему рынки открытого доступа и конкуренция продолжают существовать, сталкиваясь с организованными группами интересов, которые составляют гражданское общество. Эти подходы не могут объяснить и того, почему создание ренты занимает гораздо более важное место в естественных государствах, чем в порядках открытого доступа.

Наша система предполагает другой взгляд. Организации — это жизненная основа политической и экономической конкуренции. Они являются инструментами, с помощью которых экономические и политические предприниматели осуществляют свои идеи и влияют на развитие экономики и политики. Более того, наш эн-

догенный подход к плюрализму позволяет увидеть, что Олсон и исследователи стремления к получению ренты игнорируют идею равновесия политически активных групп. Да, многие активные группы интересов получают политические преимущества и ренты, но подход Олсона не допускает потенциальной возможности того, что более широкий круг групп интересов может противодействовать систематическим попыткам ликвидации порядка открытого доступа при помощи привилегий и создания ренты. Олсон также не придает значения способности политических институтов отражать интересы неорганизованных групп. Когда слишком много рент угрожает порядку открытого доступа, оппозиционная партия получает шумпетерианские стимулы сделать это одним из главных вопросов, предать данную проблему гласности и выступить за ее искоренение.

Большинство организаций стремятся к поиску ренты, и кое-кому (особенно некоторым ключевым группам вроде сельскохозяйственных производителей) удается добиться проведения политических мер, которые позволяют создавать регулируемые государством картели и получать субсидии и ренты. Однако это только одна сторона проблемы, поскольку организации также являются главной причиной того, что подавляющее большинство рынков не монополизировано, несмотря на большую концентрацию производителей по сравнению с потребителями, а также того, что расширение привилегий не доминирует в порядках открытого доступа и не трансформирует их в порядки ограниченного доступа. Без открытого доступа к организациям и вытекающего отсюда гражданского общества гражданская реакция, лежащая в основе консенсусного механизма, не будет работать даже близко так хорошо; охрана конституции и общественных структур и процессов будет гораздо труднее.

Действительно, одной из основных целей порядков открытого доступа является раскрытие потенциала организаций. Идея Гэлбрейта (Galbraith, 1956) о компенсирующей силе крупных организаций позволяет лучше понять работу современных порядков открытого доступа. Все фирмы хотят получить от правительства привилегии и по-

литические преимущества, а большинство крупных фирм политически активны сегодня. Тем не менее все они заинтересованы в том, чтобы сохранились равные условия игры, а их конкуренты, поставщики и потребители не получили привилегии за их счет. В то же время конкурентный процесс эрозии ренты представляет силу, которая преодолевает привилегии в порядках открытого доступа. Результатом является появление множества новых источников рент в шумпетерианском процессе созидательного разрушения, а не в политическом процессе создания рент при помощи привилегий и ограниченного доступа.

4.11. Демократия и перераспределение

Наиболее важные для понимания демократического процесса принятия решений модели политэкономической литературы рассматривают демократию как перераспределительную. Мелцер и Ричард (Meltzer and Richard, 1981), работа которых долгое время являлась стандартом, показывают, что при наличии отклонений в распределении доходов граждане с низким и средним доходом в соответствии с теоремой о медианном избирателе перераспределят доходы богатых в свою пользу. Данная модель предполагает одномерные условия, в которых избиратели сталкиваются с единственным выбором политики перераспределения дохода. Асемоглу и Робинсон (Acemoglu and Robinson, 2000, 2006; Асемоглу и Робинсон, 2011) используют вариант этой логики в своей недавней работе о демократизации, показывающей, что выборы являются методом, посредством которого богатым элитам приходится со временем производить перераспределение дохода в пользу бедных масс (см. также: Boix, 2003). Этот подход к демократии как к средству распределения весьма влиятелен в исследованиях перераспределения, государственных расходов, политики всеобщего благосостояния и роли государства в экономике (см., напр.: Iversen, 2005; Wren, 2006).

Мы придерживаемся другого подхода. Демократия предполагает ответную реакцию на граждан. Однако под-

ход Мелцера и Ричарда ограничивается рамками одного измерения, где единственным выбором является перераспределение. В этих рамках теряется суть ответной реакции в порядках открытого доступа. Порядки открытого доступа предполагают включение, равенство и безличность. Политическая реакция предполагает не перераспределение, направленное на выкачивание денег из богатых, но общественные блага и услуги, которые дополняют рынок, предоставляющий всем открытый доступ*. Как мы отмечали, подобная политика предполагает массовое образование, финансовую и транспортную инфраструктуру, а также программы социального страхования, которые вместе облегчают экономический рост, увеличивают человеческий капитал и снижают для индивидов риски участия в рыночной деятельности. Как отмечает Линдерт (Lindert, 2004), вовсе не очевидно, что эти программы в конечном итоге приводят к затратам для порядков открытого доступа. Отчасти это объясняется идеей взаимодополнительности. Эти программы являются не простым переводом дохода с чистыми потерями, а общественными благами, которые создают положительную экономическую отдачу.

Большинство естественных государств не могут проводить безличную политику, из-за чего у них возникают трудности с обеспечением общественных благ, инфраструктуры, массового образования и программ социального страхования. Когда к ним предъявляются высокие требования, очень часто они реагируют на них так, как это описывали Мелцер и Ричард: прямые выплаты, к примеру, государственным служащим, учителям, а также гарантии занятости. Различные формы популизма в Латинской Америке и Африке очень часто приводят к макроэкономическому неравновесию, экономическим кризисам и краху режимов.

Порядкам открытого доступа удается избегать игры с нулевой суммой, описанной Мелцером и Ричардом.

---

* В работе Гарретта (Garrett, 1998) представлен подобный взгляд в контексте демократической политики в современной Западной Европе.

В порядках открытого доступа не только имеют место более конкурентные выборы. Эти порядки также способны обеспечивать блага безличной политики, что позволяет реагировать на требования граждан игрой с положительной суммой, связанной с общественными благами.

Игра с положительной суммой содержит важный институциональный аспект. Для создания и поддержания равенства и безличности порядки открытого доступа создают институты и верховенство права, которые предупреждают дискриминацию. Например, американская конституция ограничивает возможность законной дискриминации отдельных лиц, определяя законы как общие положения, относящиеся к широким классам индивидов.

В подтверждение нашей точки зрения рассмотрим, как схема, предложенная Асемоглу и Робинсоном (Acemoglu and Robinson, 2006), работает применительно к первым переходам в XIX в. Одна из проблем их подхода заключается в том, что в XIX в. правительства везде были небольшими и редко проводили программы, предполагавшие явное перераспределение. Правительство в этих странах нельзя рассматривать как сделку о перераспределении богатства от богатых к бедным. В буквальном смысле Асемголу и Робинсон ошибаются; однако они правы на более глубоком уровне.

При переходе к порядкам открытого доступа реакция правительства имела своим результатом включение: обеспечение для всех граждан доступа к существующим институтам верховенства права, который прежде был ограничен только элитой; введение или расширение образования для масс, а также открытие доступа к рынкам и организациям, которые некогда были открыты только для привилегированной элиты. Здесь также демократическая обратная реакция не была игрой с нулевой суммой, как предполагалось Мелцером и Ричардом. Как мы увидим в главах 5 и 6, открытие доступа не было результатом принуждения элит, а частично осуществлялось ими самими, поскольку элиты нашли, что расширение доступа в их интересах. Здесь также политика включения и обратной реакции предполагали игру с положительной суммой.

В литературе о капитализме, демократии и государстве всеобщего благосостояния также содержатся свидетельства в пользу нашего подхода. Например, Гарретт (Garrett, 1998, p. 5) так объясняет логику игры с положительной суммой в корпоративистских порядках открытого доступа Западной Европы:

> Социал-демократические корпоративистские режимы основаны на благом круге, в котором правительственная политика [например, программы социального страхования], которая смягчает сбои в работе рынка, проводится взамен на регулирование национального рынка труда руководством всеохватных профсоюзных движений. Плоды этого благого круга включают предсказуемые схемы регулирования заработной платы, которые ставят повышение реальной заработной платы в зависимость от производительности и ограничений конкурентоспособности высококвалифицированных и производительных работников, сотрудничество между трудом и бизнесом на рабочем месте, а также низкий уровень социальной борьбы вообще. Эти экономические «блага», привлекательные даже для мобильных держателей активов, создаются большим правительством и высокими затратами на рабочую силу, о которых говорит неоклассическая экономическая теория.

Еще один пример: раньше в литературе о социальных программах утверждалось, что правительство проводило эти программы против желания капиталистов, но в более современной литературе приводятся свидетельства того, что компании и лидеры бизнеса сотрудничали в создании этих программ (Estevez-Abe, Iversen, and Soskice, 2001; Garrett, 1998; Iversen, 2005; Iversen and Soskice, 2001; Mares, 2003; Swensen, 2002). Эти исследования опираются на наблюдение о том, что социальные программы побуждают работников осуществлять специфические инвестиции для компании и отрасли, которые дают отдачу и работникам, и компаниям. Отталкиваясь от совсем другой традиции и данных, Фишбэк и Кантор (Fishback and Kantor, 2000) показали, что возникновение программ компенсации работников в американских штатах требовало сотрудничества работодателей, страховых компаний

и работников. Отказ любого из этих игроков от сотрудничества приводил к отказу штата принять такую программу. Уроком этих исследований является то, что программы социального обеспечения не были результатом принуждения богатых или работодателей, как в контексте игры с нулевой суммы, а возникли в контексте кооперации, при которой выигрывают обе стороны. Эти программы показывают, что порядок открытого доступа и демократия при таком порядке способствуют взаимодополнению, а не конфронтации и политике с нулевой суммой.

4.12. Адаптивная эффективность и кажущаяся независимость экономики и политики в порядках открытого доступа

Определяющей характеристикой общества открытого доступа является открытый вход в политику и экономику. С политической стороны расширение гражданства создает массовую политику и политическую конкуренцию и имеет фундаментальное значение для открытия доступа. В разные эпохи инкорпорация граждан распространялась на все большее число групп, начиная с мужского коренного населения, продолжая женщинами, а затем еще более широкими группами. С экономической стороны предоставление доступа к организационным формам, обеспечение возможностей участия в кредите и товарных рынках, а также расширение прав индивидов выходить на любые рынки, если они ощущают, что способны на них конкурировать, имеет фундаментальное значение для открытия доступа.

Экономический и политический доступы глубоко взаимосвязаны. Политическая реакция в порядках открытого доступа отражает изменения в экономических интересах. Это, в свою очередь, заставляет политиков обеспечивать набор общественных благ и услуг, соответствующий экономическим возможностям. Ранее в истории открытого доступа общественные блага были связаны

с доступом к институтам и услугам, которые традиционно были исключительной прерогативой элит, вроде доступа к рынкам, верховенства права и отправления безличного правосудия. Порядки открытого доступа XIX в. также обеспечивали инфраструктуру, особенно такую, которая обеспечивала доступ к рынкам (дороги, каналы, железные дороги) в Западной Европе, помогая преобразовывать обширные области некогда традиционно организованного, самодостаточного, бедного крестьянского хозяйства в рыночную экономику. Распространение массового образования также началось в эту эпоху. В XX в. общественные блага распространились на широкий круг локальных общественных благ, услуг и программ социального страхования, которые смягчили последствия превратностей рынка для индивидов.

Подход, описанный в этой главе, позволяет по-новому взглянуть на демократию. Господствующая точка зрения отождествляет демократию с борьбой на выборах. Мы не согласны. Выборы в естественных государствах отличаются от выборов в порядках открытого доступа в нескольких отношениях. Открытый доступ дает развитое гражданское общество, свободную прессу, открытую конкуренцию со стороны оппозиции, тогда как естественные государства стремятся все это ограничить. Способность порядков открытого доступа предоставлять безличные блага позволяет им предлагать гораздо более широкий спектр общественных благ по сравнению с естественными государствами. Эти государства используют общественные блага, чтобы ответить на предвыборные запросы способами, которые в большей степени дополняют рынки и снижают издержки, чем это делают естественные государства. В отличие от описанной Мелцером и Ричардом (Meltzer and Richard, 1981) игры перераспределения с нулевой суммой, которая характерна для многих естественных государств, выборы и ответная реакция в порядках открытого доступа становятся игрой с положительной суммой (Garrett, 1998). Только общества открытого доступа могут поддерживать демократию в смысле стабильной системы контроля над политическими деятелями и удовлетворения требований граждан.

В этой главе также предлагается новая «логика коллективных действий». Олсон и другие теоретики стремления к получению ренты подчеркивают пагубные последствия существования организованных групп интересов. Эти теории не объясняют, почему порядкам открытого доступа удается существовать на протяжении поколений. Рассматривая политическую систему как данность, эти подходы показывают, что организованные группы интересов получают ренту. Но, рассматривая открытый доступ как данность, сторонники этих подходов оказываются не способны увидеть, что организации являются важнейшей причиной стабильности системы. Организации являются инструментами, которые позволяют избирателям мобилизоваться, когда их интересы находятся под угрозой, и которые помогают контролировать правительство, когда оно угрожает нарушить конституционные принципы.

Способность предоставить изменяющийся набор общественных благ является лишь только одним проявлением способности порядков открытого доступа приспосабливаться к динамическому изменению, которую Хайек (Hayek, 1960) и Норт (North, 2005; Норт, 2010) назвали адаптивной эффективностью. Все общества сталкиваются с новыми вызовами, дилеммами и кризисами. Порядки открытого доступа обеспечивают лучшие средства приспособления перед лицом этих продолжающихся вызовов. В силу открытого доступа эти общества создают новые идеи для разрешения дилемм. Политическая конкуренция также создает сильные стимулы для тех, кто находится у власти, для проведения такой политики, которая способна разрешить проблему; те, кто не может этого сделать, рискуют потерять власть. Отражая процесс шумпетерианского созидательного разрушения, экономические акторы быстро находят и используют новые источники прибыли в меняющихся условиях. Новые экономические условия изменяют стимулы для политических акторов. Внутри политической системы также идет процесс созидательного разрушения, поскольку политическая оппозиция имеет особенно сильные стимулы для разработки творческих решений дилемм (Riker, 1982a):

обеспечение более привлекательных решений, чем предлагаемые действующей властью, является очевидной дорогой к политической должности. Порядки открытого доступа лучше, чем естественные государства, создают новые и отбрасывают плохие идеи перед лицом неизбежного развертывания новых проблем, встающих перед всеми обществами.

Адаптивная эффективность в порядках открытого доступа кажется следствием независимых экономической и политической систем. В естественном государстве все большие экономические организации обязательно являются также политическими организациями, поскольку они не могут выжить и защитить свои привилегии, не обслуживая политических задач. Напротив, большинство крупных экономических организаций в рыночных экономиках порядков открытого доступа сосредотачиваются на рыночной деятельности. Как отмечают Розенберг и Бирдзелл (Rosenberg and Birdzell, 1986) в своей экономической истории организаций на Западе, экономические организации в порядках открытого доступа не должны были служить политическим интересам. В терминах нашего подхода, экономическим организациям в порядках открытого доступа не нужно иметь тесные связи с политическими акторами для осуществления своих прав или защиты от экспроприации. Порядки открытого доступа защищают права индивидов и организаций и обеспечивают верховенство права, включая обеспечение исполнения контрактов. Поэтому рынки и другие системы в порядках открытого доступа кажутся более автономными, чем в естественных государствах, где все важные рыночные организации должны также служить политическим целям. Та же логика действует и в политике. Хотя политические системы в порядках открытого доступа поддерживают безличные рынки, кажется, будто рынки существуют без всякого действия или поддержки со стороны политической системы.

Однако эта кажущаяся независимость отражает равновесную независимость. В порядке открытого доступа результатом политического действия, затрагивающего экономические интересы, являются более активные

в политическом отношении экономические организации. Мобильность ресурсов и фискальные интересы напрямую ограничивают возможную политику, хотя и достаточно тонкими способами, которые часто не замечаются исследователями. Если политические акторы ожидают потенциальной реакции экономических акторов, это удерживает первых от проведения такой политики, которая может заставить экономических акторов стать политически активными. Степень, в которой экономические акторы, как кажется, действуют в основном посредством экономических организаций, зависит от этой тесной, но не очевидной связи между экономикой и политикой.

Кажущаяся независимость экономической и политической систем в порядках открытого доступа объясняет также, почему порядки открытого доступа обнаруживают гораздо более высокую степень адаптивной эффективности, чем естественные государства. Намного бóльшая степень, в которой экономические механизмы могут корректироваться независимо от политических механизмов, придает обществам открытого доступа гораздо бóльшую гибкость перед лицом динамических изменений. Поскольку порядки открытого доступа успешно контролируют насилие, в повседневном принятии политических и экономических решений такой проблемы не возникает. Бóльшая степень независимости экономики и политики может быть обманчивой и вводящей в заблуждение. Если мы принимаем экономику или демократию как данность, мы упускаем тонкие, но примечательные формы их взаимодействия, которые поддерживают открытый доступ.

Глава 5
Переход от порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа: пороговые условия

5.1. Введение

Общества не совершают скачка от ограниченного доступа к открытому. Переход осуществляется в два этапа. На первом этапе отношения внутри господствующей коалиции преобразуются из личных в безличные, а затем подобное устройство распространяется на более широкие круги населения. Переход начинается в естественном государстве, поэтому первые шаги должны соответствовать логике естественного государства и личных взаимоотношений. Безличные взаимоотношения элиты могут развиться внутри естественного государства путем изменения формальных правил, преобразующих привилегии элиты в права. Когда в естественном государстве развиваются институты, организации и убеждения, которые позволяют элитам относиться друг к другу безлично, тогда это общество находится на *пороге*. На втором этапе, то есть собственно этапе перехода, находящиеся на пороге общества продолжают преобразовывать взаимоотношения внутри элиты. Создание институтов, которые формально защищают безличные идентичности элиты и доступ элиты к организациям, позволяет распространить те же самые права на более широкие слои населения. Процесс перехода в собственном смысле слова мы рассмотрим в следующей главе.

Особое внимание, уделяемое нами личности и безличности, обусловлено тем значением, которое имеет развитие безличного обмена и взаимоотношений в человеческой истории. Личные идентичности элиты тесно связаны с организациями, а связь между личностью и идентичностью позволяет нам иметь дело непосредственно с фор-

мированием убеждений. Если исходить из того, что динамика общественных порядков формируется тем же способом, которым структурируются институты и организации, то имеет смысл сфокусироваться на государстве как организации и динамике внутриэлитных взаимоотношений в рамках коалиции. Институционализация безличных взаимоотношений внутри элиты при достижении пороговых условий требует изменения основополагающей структуры организаций, идентичностей и убеждений элиты.

Сосредоточение внимания на внутриэлитных взаимоотношениях в рамках господствующей коалиции непосредственно вытекает из логики естественного государства. Но при ответе на вопрос о том, почему элита отказывается от своих привилегий, наш подход коренным образом отличается от подхода, распространенного в современной экономической и политической литературе. Работа Асемоглу и Робинсона «Экономические истоки диктатуры и демократии» (Acemoglu and Robinson, 2006; Асемоглу и Робинсон, 2011) предлагает новаторское, современное осмысление процесса перехода и может послужить нам хорошей отправной точкой для сравнения наших подходов. Эти авторы формулируют проблему перехода в терминах демократии:

> Чтобы четче проиллюстрировать нашу концепцию, рассмотрим общество, в котором существуют всего две группы: элита и граждане. Недемократическое общество управляется элитой, демократия управляется более многочисленными группами, которые составляют большинство, — в нашем случае это граждане. В недемократическом обществе элита получает политику, которую она хочет; при демократии граждане имеют больше влияния, чтобы получить то, что хотят они. Поскольку в условиях демократии элита проигрывает, естественно, у нее есть стимулы, для того чтобы выступать против нее или свергнуть ее; однако большинство демократий возникают тогда, когда они создаются элитой.

Этот подход начинается с загадки: если демократия означает переход власти к гражданам, почему элита вообще создает такой набор институтов (Acemoglu and Robinson, 2006, p. xi)? Данный вопрос задает рамки мощной и слож-

ной аналитической концепции процесса перехода Асемоглу и Робинсона.

Концепцию Асемоглу и Робинсона можно считать более утонченной версией модели с одним актором. Хотя это и означает чрезмерное упрощение их подхода, фундаментального противоречия с ним здесь не возникает. Они фокусируются на элитах и неэлитах и задаются вопросом, когда элиты приходят к выводу, что в их интересах уступить власть неэлитам. Их ответ, несправедливо упрощенный, состоит в том, что элиты передают власть тогда, когда боятся, что потеряют ее так или иначе, и полагают, что путем уступок они потеряют меньше, чем в результате революции. Утонченность подхода Асемоглу и Робинсона заключается главным образом в демонстрации того, как обещания элиты разделить власть с неэлитами становятся правдоподобными благодаря демократическим реформам—вопрос, который интересует и нас.

Но мы подходим к той же самой проблеме с другой точки зрения. В естественных государствах элита является не единой группой, а состоит из совершенно различных групп, которые конкурируют и сотрудничают, а иногда борются друг с другом. Поскольку они не едины, элиты не могут принять осознанное решение относительно того, чтобы сделать что-либо, не говоря уже о решении разделить власть. Члены господствующей коалиции редко настолько едины.

В соответствии с логикой естественного государства открытый доступ возникает как решение существующих проблем структурирования отношений внутри господствующей коалиции для обеспечения порядка. Первый шаг совершается тогда, когда некоторые элиты приходят к выводу, что движение к более безличным отношениям выгодно для них и при этом не угрожает стабильности коалиции. С созданием условий, обеспечивающих безличные отношения внутри элит, они могут осознать, что в их интересах защищать свои безличные привилегии при помощи формальных институтов, таких как законодательство, правовая система и расширение прав гражданства. Предоставление всем элитам одинаковых привилегий преобразует эти привилегии в права.

5.2. Личность и безличность: пороговые условия

Любое объяснение перехода должно начинаться с обществ, которые являются естественными государствами. Это предполагает наличие трех специфических логических условий.

1. Институты, организации и поведение индивидов, существующие в начале перехода, должны соответствовать логике естественного государства.
2. Изменения институтов, организаций и поведения, происходящие в процессе перехода, должны соответствовать интересам членов господствующей коалиции (однако последствия этих изменений могут быть непреднамеренны).
3. Переход должен произойти в историческом времени через ряд усиливающихся изменений институтов, организаций и индивидуального поведения — так, чтобы постепенное увеличение доступа поддерживалось существующими политическими и экономическими системами на каждом этапе пути.

Несмотря на то что все естественные государства создают ренты при помощи личных привилегий, естественные государства могут также иметь безличные черты. В английском земельном праве *фригольдеры* были безличной категорией, основанной на держании земли, которое гарантировало всем фригольдерам право обращаться в королевские суды и, если они владели достаточным количеством земли, право голосовать. Безличная категория фригольдера была включена в систему, где права феодалов, которые держали земли, пожалованные самим королем, были личными.

Естественные государства динамичны, и их внутренняя структура подвержена регулярным, хотя и эпизодическим изменениям. Происходит взлет и падение режимов и династий, колеблются относительные цены, изменяется климат, появляются и исчезают соседи-конкуренты, меняются границы и приграничные терри-

рии. Широкое разнообразие возможных форм, которые могут принять политические и экономические системы естественного государства, дает разные экономические и политические результаты. Эти изменяющиеся структуры иногда создают такое общественное устройство, которое имеет больше шансов начать переход к открытому доступу. Представляется, что в истории Запада общества античной Греции, республиканского Рима и городов-государств Северной Италии в эпоху Возрождения стояли на пороге перехода, хотя во всех трех случаях общества открытого доступа созданы не были. Все три общества пользуются заслуженной славой в западной истории, и всем трем удалось создать безличную идентичность для элитных членов правящей коалиции: гражданин.

Для поддержания безличных взаимоотношений среди элит необходимы три аспекта обществ естественных государств. Мы называем их пороговыми условиями, поскольку, когда эти пороговые условия присутствуют, безличные взаимоотношения среди элит могут, хотя это и не неизбежно, создать стимулы для открытого доступа в политике и экономике.

Тремя пороговыми условиями являются:

- **верховенство права для элит;**
- **бессрочно существующие организации в общественной и частной сферах;**
- **консолидированный контроль над вооруженными силами.**

Исторически в первых обществах, двигавшихся к открытому доступу, пороговые условия надстраивались одно на другое. Создание бессрочно существующих организаций для элит вырастало из верховенства права для элит. Создание консолидированного контроля над вооруженными силами предполагало одновременно верховенство права для элит и наличие бессрочно существующих организаций элиты. Все три условия необходимы для установления обширного безличного обмена среди элит. Тем не менее остается неясным, необходим ли исторический порядок их развития.

ПУ № 1. *Верховенство права для элит.* Господствующая коалиция в каждом естественном государстве является партнерской организацией, группой индивидов, связанных вместе взаимными интересами и угрозами. Их постоянное взаимодействие неизбежно создает возможность для упорядочивания поведения при помощи правил, как формальных, так и неформальных, регулирующих определенные взаимоотношения среди элиты. Разрешение споров среди элит является важнейшей составляющей поддержания отношений среди элит. Все естественные государства достигают этого, определяя процедуры функций арбитража и посредничества. В некоторых естественных государствах эти функции формализуются правительственным и судебным аппаратом. Как было отмечено ранее, источником прав собственности и правовых систем является определение привилегий элит в естественном государстве.

Верховенство права требует установления судебной системы, где люди с соответствующим положением получают доступ к правилам и процедурам (обычно включая суды и бюрократию), решения которых имеют обязательную силу и являются беспристрастными, по крайней мере по отношению к элите*. Конечно, верховенство права не является переменной, принимающей значение ноль или единица; пространство и измерения верховенства права заметно варьируются с течением времени и от одного общества к другому.

ПУ № 2. *Бессрочно существующие организации в общественной и частной сферах.* Бессрочно существующие организации не зависят от жизни их индивидуальных членов. Поскольку партнерство (товарищество) должно быть изменено

---

* Беспристрастность понимается здесь в смысле справедливости применения законов, а не справедливости самих законов. Законодательные системы естественных государств обычно проводят различия между разными индивидами на основе их статуса; как мы видели, верховенство закона для элит в естественном государстве не предполагает, что со всеми элитами обходятся одинаково. Наоборот, верховенство закона для элит предполагает, что одинаково обходятся со всеми индивидами определенного класса или положения.

со смертью или уходом любого партнера, партнерство не существует бессрочно. Бессрочно существующей организацией является корпорация, поскольку ее структура позволяет ей существовать после смерти создавших ее членов; ни один из членов не может распустить корпорацию по своему желанию. Поэтому организации, существующие по милости короля или лидера, не являются бессрочно существующими. Бессрочное существование—это не вечное существование, но существование, определенное личностью организации, а не личностью ее членов.

Долговечность институционального устройства организации сама по себе не гарантирует бессрочного существования организации. Бессрочно существующие организации требуют правовой системы, способной обеспечить соблюдение правовых норм по отношению к организациям. В глазах закона организация должна быть *юридическим лицом*, способным иметь права и обязанности и независимым от личности ее индивидуальных членов в любой данный момент. Постоянная жизнь является характеристикой как общественных, так и частных организаций. Политические, муниципальные, образовательные, братские и религиозные корпорации количественно и качественно были до XIX в. гораздо более важными формами корпораций, чем коммерческие корпорации.

Бессрочно существующие организации не могут существовать без бессрочно существующего государства. «Смертное» государство не может надежно осуществлять поддержку бессрочно существующих контрактных организаций, поскольку у его правопреемников нет по отношению к этим организациям никаких обязательств. Если государство не может осуществить надежное выполнение своих обязательств вне текущей господствующей коалиции, значит, оно не может обеспечить и соблюдение обязательств элитарной организации, существование которой продолжается дольше жизни ее членов. Второе предварительное условие требует развития бессрочного существования для государства как самой важной организации элиты.

Создание бессрочно существующих организаций создает форму безличного обмена и отношений. Повышается безопасность контрактов и соглашений, поскольку

они заключаются с организацией, а не с индивидуальными членами организации. Эти контракты также выходят за пределы жизни любого индивидуального члена. Например, создание корпоративного бизнеса, паи на участие в котором могут продаваться, обеспечивает элитам стимулы расширить безличные рынки, а значит, они могут увеличить стоимость своих паев*.

ПУ № 3. *Консолидированный контроль над вооруженными силами.* Третьим предварительным условием является консолидированный контроль над вооруженными силами. Как мы подчеркивали, естественные государства редко обладают консолидированным контролем над вооруженными силами, хотя Советский Союз был исключением. Вместо этого в большинстве естественных государств доступ к средствам насилия рассеян среди элиты.

Консолидированный контроль над вооруженными силами требует существования организации, контролирующей все военные ресурсы страны; этот контроль над различными военными активами консолидирован в данной организации; при этом должен существовать набор надежных соглашений, определяющих порядок применения силы в отношении отдельных лиц и членов коалиции. Организация, контролирующая вооруженные силы, обычно является политической организацией, которая включена в более широкую структуру правительства, как министерство обороны (Defense Department) в США. Общества, находящиеся в состоянии гражданской войны, по определению не имеют консолидированного контроля над вооруженными силами. Общества феодальной Европы или османского Ближнего Востока не имели консолидированного контроля над вооруженными силами, поскольку вооруженные и опасные элементы населения были распространены по всей господствующей коалиции.

Консолидированный контроль над вооруженными силами является тонкой проблемой. Ничто не мешает одной из фракций естественного государства захватить

---

* Джа (Jha, 2008) исследует это в контексте Англии XVII в.

контроль над военными ресурсами. Однако такое естественное государство больше похоже на тиранию, а не на общество, стоящее на пороге перехода. Более того, общество, где одна фракция доминирует в контроле над вооруженными силами, вряд ли сможет поддерживать консолидированный контроль на протяжении долгого времени, поскольку фракции и группы господствующей коалиции, не обладая средствами защитить себя, не имеют также оснований полагать, что данные им обязательства будут соблюдаться. В большинстве естественных государств отсутствие консолидированного контроля над вооруженными силами просто является данностью.

Большинство естественных государств организованы на основе сетей патрон-клиентских отношений, где группы невоенных членов элиты — торговцы, производители, священники, преподаватели и другие — связаны с членами их сети, обладающими вооруженным потенциалом. Рассеянности военной власти соответствует существование нескольких сетей. Поскольку соглашения, которые достигаются между сетями, уязвимы в условиях насилия, вероятность их заключения меньше. Идентичность в сети патрон-клиентских отношений имеет большое значение. Естественные государства с верховенством права для элит и поддержкой организаций элит, но без консолидированного контроля над вооруженными силами ограничивают тем самым спектр безличных взаимоотношений между элитами. Консолидированный контроль над вооруженными силами удаляет этот источник риска и тем самым расширяет масштаб и охват безличных взаимоотношений между элитами.

Все три предварительных условия соответствуют логике естественного государства и исторически возникают в рамках порядков ограниченного доступа. Учреждение законов и судов является средством, с помощью которого господствующая коалиция упорядочивает отношения между элитами. Бессрочно существующие организации служат средством ограничения рент и систематического создания рент. Консолидация военной силы под контролем политической системы создает монополию на насилие, которая снижает частоту насилия в государстве. Все

три предварительных условия совместно создают возможность безличных взаимоотношений внутри элиты, хотя не обязательно, что этот результат предполагался элитами.

5.3. Пороговое условие № 1: верховенство права для элит

Верховенство права охватывает широкий спектр общественных, правовых и политических соглашений, которые варьируются по разным измерениям. Верховенство права для элит в естественном государстве — это не то же самое, что и верховенство права в современном обществе открытого доступа. Это не объективное право, охватывающее широкий спектр гражданской и уголовной деятельности, применяющееся одинаково ко всем членам общества и структурирующее общественные и частные отношения. В этой главе термин *индивид* используется для определения отдельных людей, а термином *лицо* обозначаются юридические лица, которые могут быть, а могут и не быть физическими лицами.

Некоторые правовые системы уже рассматривались в предыдущих главах: римское право и его преемники в европейском каноническом и гражданском праве, Салическая правда древних франков, а также земельное право средневековой Англии. Привилегия отправления правосудия обеспечивает ценную ренту некоторым элитам в естественных государствах. В ранних государствах законы часто проводились в жизнь в связи с религиозной властью. С развитием в обществе более прочных государственных институтов право формализует использование господствующей коалицией ее принудительной власти для дисциплинирования и наказания индивидов внутри и вовне коалиции.

Отправлению правосудия должны противостоять два противоречивых аспекта действительности естественного государства. Большинство элит в принципе выигрывают от четко определенных, беспристрастно применяемых правил. Знание структуры взаимоотношений между физическими лицами (частное право) и того, как осуще-

ствляются взаимоотношения между индивидами, организациями и самим государством (публичное право), повышает ценность элитарного обмена и производит ценную информацию для всех элит. В то же время элиты знают, что политическая, экономическая и военная сила не распределена в коалиции в равной степени. Формальные законы, которые не соответствуют распределению интересов внутри коалиции, будут соблюдаться недолго, даже если они останутся на бумаге. Единственным путем разрешения этого конфликта является использование различий в идентичности для построения такого законодательства, которое может надежно исполняться в условиях значительных различий силы и влияния членов общества. Вспомним пример из Салической правды: убийство господина предполагает гораздо большее наказание, чем убийство раба. Правовые системы не должны относиться ко всем одинаково, и степень, в которой правовые системы формально относятся к индивидам по-разному, создает различия в идентичности.

И правовые системы варьируются в разных измерениях. Одним является сфера юрисдикции в смысле регулируемых действий и функций (землевладение, собственность, преступления, контракты и так далее). Другим — сфера юрисдикции в отношении индивидов (в средневековой Англии только фригольдеры имели доступ к королевским судам для разрешения земельных споров). Третьим измерением является дифференциация категорий лиц, признаваемых правовой системой, которая может колебаться от гомогенной (все лица одинаковы) до идиосинкратической (каждый индивид обладает уникальными характеристиками). Четвертым измерением является степень беспристрастности исполнения законов и вынесения решений.

Оставим на некоторое время в стороне вопрос об охвате и общественной или частной структуре правовых систем и сосредоточимся только на дифференциации юридических лиц по категориям и степени пристрастности. В хрупком естественном государстве независимо от дифференциации юридических лиц по категориям законы будут исполняться так, чтобы удовлетворять непосредственные нужды господствующей коалиции. Хрупкое естест-

венное государство вряд ли будет иметь беспристрастное исполнение законов, независимо от определения закона или лиц. По мере появления и развития в базисных естественных государствах более прочной институциональной структуры государства они, вероятно, создадут пути правового развития, которые в большей или меньшей степени дифференцируют категории юридических лиц.

Рассмотрим различия между публичным и частным правом. Определение юридических лиц и спецификация юридических прав, связанных с конкретным юридическим лицом, относятся к публичному праву. Во 2-й главе была рассмотрена европейская историческая концепция двух тел короля — идея о том, что король обладал смертным личным телом и корпоративным бессмертным телом (или лицом). Королевское достоинство, его корпоративное лицо, было субъектом права, однозначно определенным, защищенным *les majeste** от оскорбления или неуважения, наделенным привилегиями и обязательствами, которые король подтверждал в своей присяге при коронации**. Все типы основных действующих лиц обладали социальным образом, который однозначно определял идентичность (и тем самым личную, а не безличную идентичность), содержащую институционализированные элементы социального и правового статуса этого лица, а также его прирожденные привилегии в отношении экономических, политических и военных активов и других общественных функций.

---

* Имеется в виду *lèse majesté* (от *лат.* laesae maiestatis — «оскорбление величества») — французский правовой термин, который использовался также в англосаксонской традиции и который означал преступление, связанное с посягательством на честь монарха. — *Прим. перев.*

** В конце своей жизни великий английский правовед Ф. У. Мейтленд попытался понять короля как «единоличную корпорацию» (Maitland, 2003, p. 9–31). Мейтленд заинтересовался работой Гирке (Gierke, 1958 [1900]), который интерпретировал право и историю с точки зрения субъектов права. Канторович (Kantorowicz, 1997 [1957]) решил проблему единоличной корпорации Мейтленда, предложив концепцию двух тел короля.

В современных обществах публичное право включает разнообразные категории, включая конституционное право, административное право и статутное право. В ранних обществах публичное право было также конституционным правом, но конституция общества определялась не в терминах взаимоотношений между абстрактными и безличными акторами — президентом, сенатором, премьер-министром, бюрократией и гражданами, — а с точки зрения отношений между живыми индивидами, такими как короли, герцоги, папы и епископы, идентичность которых представляла собой смесь индивидуальных характеристик и социальных характеристик их полномочий. В современных обществах открытого доступа общественные должности стали определяться безлично, независимо от индивидуальной идентичности лица, занимающего должность. Напротив, в ранних обществах и в большинстве естественных государств сегодня публичное право не способно четко отделить идентичности публичных лиц как конкретных индивидов от привилегий, которыми они обладают как должностные лица, и от организаций, которые они представляют или возглавляют.

Например, когда Карл Великий давал какому-либо аббатству грамоту, предоставляя ему права на некоторые доходы и навечно освобождая от других налогов, он не только даровал привилегии организации, но и создавал публичное лицо, аббата, который обладал определенными привилегиями и обязанностями. Предоставленные каждому аббатству и аббату привилегии отличались — по существу они были личными. Точные отношения между аббатом как индивидом и аббатом как должностным лицом также не были вполне ясными.

Многие важные атрибуты значимых юридических лиц были организационными, а не индивидуальными. В Риме и в Европе до XIX в. все формальные организации были субъектами публичного права, то есть субъектами, созданными государством и занимающими определенное место в общественном порядке. Короли, герцоги, графы, папы и епископы обладали привилегиями, которые позволяли им создавать организации, управлять и руководить ими. Законы, ограничивающие число ливрейных слуг прямых

вассалов короны в Англии XIV в., например, не только создавали особую привилегию для могущественных лордов, но и отказывали в этом праве всем другим лордам.

Что же тогда с верховенством права для элит? Элементы верховенства права для элит возникают, когда аспекты закона относятся в равной степени ко всем элитам и применяются беспристрастно. Верховенство права для элит—это не переменная, значение которой может быть равно либо нулю либо единице; оно может существовать по одним измерениям и не существовать по другим. В английском праве все фригольдеры пользовались коллективным, общим правом наследования. Это право возникло после обещания, данного Генрихом I в его коронационной хартии 1100 года, о том, что после смерти держателя его наследники могут вступить в права наследования, заплатив только пошлину. Раннее английское земельное право создало дифференциацию по категориям разных типов элит. Но на протяжении целых пяти столетий в земельном праве признавался только один тип элитного землевладельца—фригольдер (который обладал политическими правами, отсутствовавшими у копигольдеров)—и один тип держания земли—сокаж (socage). После изменений, внесенных Актом об упразднении остатков феодализма (Tenures Abolition Act) в 1660 г., английская система наконец приобрела верховенство права для элиты в земельной сфере.

Английское земельное право является только одним из примеров того, как может развиваться верховенство права для элит, но оно иллюстрирует большое значение того, как верховенство права для элит влияет на переход. Верховенство права для элит в земельных отношениях создало среду, в которой обмен землей между элитами происходил без ссылок на личную идентичность сторон. По-настоящему безличный обмен элитарных землевладений, особенно на уровне поместий, был невозможен еще в XVI в. В земельных войнах более могущественные лорды имели преимущество в реализации своих прав в судах; в действительности права собственности варьировались вместе с могуществом лорда.

Институционализировав общий набор прав, принадлежащих всем элитам, верховенство права для элит создало

общий интерес в защите этих прав. Великое соглашение английской истории показывает напряженность и конфликтность во взаимоотношениях между королем и дворянством. Игнорируя разногласия внутри элиты, историки переоценивают разногласия короля и дворянства. В земельных конфликтах доминировала конкуренция внутри элиты, а не конкуренция между дворянством и короной. Война Алой и Белой розы, крупнейшая земельная война в английской истории, была конфликтом внутри элиты. Внутриэлитная конкуренция между канцлерскими судами и судами общего права (и те и другие были королевскими судами) за юрисдикцию и доходы привела ко множеству изменений в английском земельном праве. Как только все землевладельцы из числа элиты получили одинаковые права, такие как право наследования и позднее – право завещания, элита приобрела общий интерес защищать эти права от посягательств со стороны короля или какого-то одного из элементов господствующей коалиции. Теперь элиты могли использовать землю более эффективно, поскольку собственность всех представителей элиты была одинаково защищена. Землей теперь преимущественно владели не могущественные индивиды только потому, что они обладали политическим влиянием; теперь ею чаще владели индивиды, которые способны были использовать имеющуюся у них земельную собственность наиболее эффективным образом. До тех пор пока землевладение служит как политическим, так и экономическим целям, оно будет служить экономическим целям хуже, чем в том случае, когда собственность более тесно связана с экономическими стимулами.

Распространение верховенства права для элит на большее число юридических элементов внутри общества было первым пороговым условием, достигнутым в Европе*. Такое распространение усиливает способность

---

* В современных естественных государствах установление правления права для элит представляется более сложным. Как подтверждают Хабер и соавторы (Haber et al., 2008), Мексика создала возможность для бессрочно существующих организаций, но эта страна все еще не способна гарантировать правление

коалиции обеспечивать и защищать эти права, поскольку легче достичь согласия по поводу прав, когда ими обладают все элиты. Идентичные права защищать гораздо легче, чем уникальные привилегии; нарушение прав одной из элит становится прецедентом, который представляет угрозу для прав всех элит. Поскольку права элиты в некоторых аспектах приобретают безличный характер, это позволяет элитам действовать, заключать контракты и обмениваться этими правами безличным образом. Отделение личной идентичности от привилегии является первым шагом в развитии верховенства права для элит и первым шагом в развитии безличных отношений.

5.4. Пороговое условие № 2: бессрочно существующие организации в общественной и частной сферах

Верховенство права для элит создает некоторое пространство для безличных взаимоотношений между членами господствующей коалиции, но пока эти отношения могут быть встроены в матрицу более сложных государственных и частных организаций, безличность не возникает исторически. Способность формировать и поддерживать бессрочно существующие организации напрямую сказывается на способности общества структурировать социальные отношения с течением времени. Создание правосубъектности организаций является существенным элементом бессрочного существования; она по своей природе безлична, поскольку определяется без ссылок на какого-либо конкретного индивида. Создание мощных орга-

---

права для элит. Банки, например, могут быть лицензированными корпорациями, но их существование, будучи юридически бессрочным, постоянно находится под угрозой национализации. Более того, эти банки, даже если они принадлежат влиятельным членам элиты, не в состоянии в судебном порядке установить и защитить достаточно четкие права собственности на землю для обеспечения ипотечного кредитования.

низаций соответствует логике естественного государства, а влияние бессрочно существующих организаций на идентичность, личность и безличность играет центральную роль в движении обществ к пороговым условиям.

Однако сделаем предостережение. В развитых обществах открытого доступа история бессрочно существующих организаций почти всегда рассказывается как правовая история институциональных форм. В случае организаций частного сектора, деловых фирм, церквей и других благотворительных организаций это структуры бессрочно существующих организаций корпоративного права, а в случае организаций общественного сектора публичное право содержит институты национальных и субнациональных правительств*. Развитие этих организаций и институтов объясняется обычно с точки зрения их функций, причем влияние организаций на политическую и экономическую системы существенно недооценивается. Причиной изобретения бессрочно существующих общественных и частных организаций в первых обществах, приблизившихся к открытому доступу, было сочетание политических и экономических сил, а не простое стремление улучшить функциональные характеристики экономических организаций или функциональные характеристики политических организаций.

Создание бессрочно существующих организаций ставит две неприятные исторические проблемы. Первая связана с убеждениями. Почему люди поверили, что организация будет существовать бессрочно, ведь до этого таких организаций никогда не было? Рассмотрим соглашение с бессрочно существующей организацией (такой как страховая компания), предполагающее контракт, по условиям которого все договаривающиеся стороны могут уме-

---

* Об Англии см. в: Scott, 1951; об Америке см. в: Hurst, 1980; Davis, 1917; Davis, 1961; о международных сравнениях см. в: Lamoreaux and Rosenthal, 2004. Даже при исследовании влияния политических сил на развитие бессрочно существующих организаций основное внимание все равно уделяется развитию институциональных форм; о США см. в: Cadman, 1949; Wallis, 2003, 2005; об Англии см. в: Harris, 2000; о Франции см. в: Freedeman, 1979.

реть к моменту осуществления указанных действий, а все бенефициарии еще не родились. Почему все люди, живущие в настоящее время, начинают верить, что люди, которым еще предстоит родиться, будут соблюдать контракт? Создание веры в то, что обязательства будут выполнены, требует долгого, постепенного процесса развития.

Вторая проблема заключается в том, что «смертное» государство не может обеспечить надежное создание бессрочно существующих организаций. Государство является наивысшей организацией, и развитие естественного государства от хрупкого к базисному, а затем к зрелому может быть описано как взаимодействие между организациями элит господствующей коалиции. Политическое и экономическое развитие вытекает из создания более сложных и прочных институтов для структурирования взаимоотношений элит в господствующей коалиции. Бессрочно существующие общественные организации должны эволюционировать одновременно с бессрочно существующими частными организациями. Верховенство права для организаций в зрелом естественном государстве не означает, что организации существуют бессрочно. В Древнем Риме было развито верховенство права для организаций, но никогда не была решена проблема их бессрочного существования. Если мы ответим, почему римляне не смогли создать бессрочно существующие организации, мы сможем прийти к пониманию того, как европейцам позднее удалось совершить этот подвиг.

И в формальном юридическом, и в реальном смысле римский император находился выше закона. Поскольку император был источником всего права, закон не мог связать волю императора, так как император мог просто изменить закон. Римляне не могли представить себе идентичность и личность императора, верховный суверенитет которого не принадлежал бы индивиду. Данная проблема присутствовала в римском обществе в любой ситуации, когда корпорация должна была быть представлена индивидами или действовать через них. Римляне разработали публичное право, способное создавать организации в качестве юридических лиц, но они так и не поняли, как структурировать взаимоотношения между

общиной или любым другим корпоративным образованием — *collegia, universitas, municipium* — и индивидом, который говорит от лица корпоративной сущности. Дафф (Duff, 1938) детально показывает, как следующие вопросы затуманили римское право: несет ли высшее должностное лицо ответственность за решения, которые оно приняло от имени города, и несет ли город ответственность за решения высшего должностного лица?*

Во времена своего наивысшего расцвета Римская империя помещала суверенитет в смертном индивиде, императоре. Империя была способна поддерживать ряд прочных институтов и организаций, которые ограничивали императора, структурировали политику и экономику и позволяли римлянам управлять обширной империей на протяжении половины тысячелетия. Тем не менее ни одна организация в римском обществе, независимо от ее прочности, не была независимой от воли императора.

Бессрочное существование — это не та вещь, которая либо есть, либо нет. Ни одна организация не бессмертна и ни одна организация не существует независимо от общества, в которое она включена. Социальные порядки поддерживают более или менее бессрочное существование для своих организаций по непрерывной шкале. Поскольку императоры не могли ликвидировать организации без издержек для себя, они были ограничены институциональной структурой римской системы, но каждый император обладал правом и способностью ликвидировать любую организацию по своему усмотрению.

Подобные проблемы встречались и в церкви в эпоху Средневековья. Кризис средневекового общества, связанный с проблемой инвеституры и Великой схизмой, не завершился ясным решением проблемы бессрочного существования. Констанцский собор в 1414 г. дал верховное главенство в церкви собору, но папа эффективно присво-

---

* Недавние примеры *Enron* и *WorldCom* говорят о том, что и современные общества открытого доступа продолжают встречать затруднения, когда пытаются противопоставлять индивидов корпоративной идентичности и индивидов в бессрочно существующей организации.

ил власть собора. Общие соборы должны были созываться каждые пять лет, но к середине XV в. папы прекратили их созывать. Папа, который подобно римскому императору стоял выше закона, был в состоянии ниспровергнуть попытки Констанцского собора связать папу законом. Параллельные проблемы простирались вниз по организационной структуре церкви. Кафедральный капитул сталкивался со схожей проблемой защиты себя от своего епископа, а приход—с проблемой защиты себя от своего настоятеля*.

Европейцы пытались разрешить эти вопросы вплоть до XVII в. Тем не менее последствия кризиса инвеституры XI–XII вв. и Великой схизмы XIV–XV вв. привели к изменениям в институциональной и организационной структуре церкви. Последствия борьбы за инвеституру привели к четкому определению границ взаимодействия в отношениях между лидером и корпорацией, отличительной чертой которого была неотчуждаемость коллективной собственности. В соответствии с присягами пап, епископов и королей XIII в. отчуждение коллективной собственности церкви, епархии или королевства было возможно только с согласия корпорации. Основная часть экономических активов, которыми коллективно владели корпорации, стала известна в церкви под названием *christus*, а в светском мире—*fiscus*. *Christus* и *fiscus* стали собственностью, которая управлялась лидером/правителем/папой/епископом и была в его распоряжении, но оставалась коллективной собственностью корпорации. *Christus* и *fiscus* образовали связь, вокруг которой могли формироваться бессрочно существующие организации.

---

* Отметим, что мы можем рассмотреть эту проблему в терминах теории агентских отношений: как корпорация (церковь) может заставить своего агента (папу) действовать в своих интересах? Европейцы ясно пытались решить эту проблему. Но найти решение было гораздо труднее, чем в традиционной принципал-агентской проблеме, поскольку одновременно европейцы пытались понять, кто является агентом, а кто—принципалом. Является ли папа принципалом, представляющим Бога на земле, или агентом, действующим как представитель сообщества святых и братства всех верующих? Те же проблемы беспокоили европейские государства.

Великая схизма привела к пересмотру корпоративной идентичности церкви. На разных уровнях агрегирования церковная корпорация рассматривалась как совокупность верующих, епархиальная коллегия или прихожане. Формирование этих корпоративных организаций выходило за рамки формальной структуры государства и становилось самоопределяемым. Определение корпоративной организации церковного прихода больше не было привилегией короля или господина, создававшего собственную церковь (что и было источником споров в период кризиса инвеституры), или епископа, в епархии которого находился приход. Все сообщество верующих, *congregatio fidelium*, стало самоопределяемым объединением*.

Определение корпоративной идентичности в терминах *fiscus* или *christus* постоянно порождало неразбериху и разногласия по поводу понятияй «неотчуждаемость» и «суверенитет». Один из важнейших аспектов этих дебатов касался неотчуждаемости суверенитета**. В XV и XVI вв., по мере усиления позиций королевской власти по отношению к власти папской, короли стали утверждать, что их право управлять получено от Бога так же прямо, как суверенные права папы (Figgis, 1923). Если суверенная власть и привилегии королей были божественным даром, они неотчуждаемы. Воля каждого короля была суверенна, король не мог быть связан его предшественниками, так же как король не мог связать своих преемников. Неотчуждаемый суверенитет предполагал, например, что, если король продал земли частному лицу, следующий король мог забрать их обратно***.

---

* Однако это не давало приходу или епархии возможности определять себя по своему усмотрению.

** См.: Kantorowicz, 1997 [1957]. Райзенберг (Riesenberg, 1956) ясно описывает, как «неотчуждаемость суверенитета» охватила церковь и государство в позднем Средневековье. О божественных правах короля см. в: Figgis, 1923, 1960. О концилиаристском движении см. в: Tierney, 1955.

*** Герцогство Ланкастерское рассматривалось королями из дома Ланкастеров как личное, а не как часть *fiscus*, а значит, безусловно неотчуждаемое. «При своем вступлении на престол в 1399 г. Генрих IV приказал с согласия парламента, чтобы все земли гер-

Неотчуждаемость суверенитета ставила папу или короля выше закона, вне досягаемости корпоративного тела *christus* или *fiscus*. Как показывает Фиггис, притязания королей на божественность и неотчуждаемость прав, возникшие из конфликта и соперничества между королями и папами, сами являлись частью борьбы за отделение церкви от государства.

Тем не менее претензии королей на неотчуждаемый суверенитет и его божественное начало не соответствовали растущему пониманию неотчуждаемости как «отчуждаемости с согласия», как предполагает определение *christus* и *fiscus*. Путаница также касалась природы сущностей, вращавшихся вокруг *christus* и *fiscus*. Если король стоит над законом, то он обладает высшим суверенитетом относительно *fiscus*. Однако если король может отчуждать собственность только с согласия корпоративного тела, то высшим суверенитетом относительно *fiscus* обладает корпоративное тело. Как король вписывается в корпоративное тело?

Канторович (Kantorowicz, 1997 [1957]) объясняет, как понятие двух тел короля было разработано как решение проблемы неотчуждаемости. Король (или папа, епископ, герцог, настоятель) обладал двумя телами, идентичностями, которые приписывались ему законом и социальной практикой. Одна идентичность была личной, телесной, смерт-

---

цогства... управлялись так, „как если бы мы никогда не достигли высоты королевского достоинства“» (Kantorowicz, 1997 [1957], p. 403). Когда Эдуард IV из династии Йорков захватил власть, он пытался рассматривать Ланкастерское герцогство как свою личную собственность. Ответом парламента было не подтверждение претензий Эдуарда, а превращение герцогства в формальную корпорацию, управляющим которой является король в своем формальном качестве. В своих комментариях 1816 года Плауден четко описывает это различие: «Трое [королей Ланкастерского дома] владели в своем естественном теле, отдельно от короны, а четвертый [Эдуард IV] в своем политическом теле, по правам Короны, и отдельно, согласно порядку и управлению короны, а не иначе» (цит. по: Kantorowicz, 1997 [1957], p. 404). Мейтленд писал по поводу комментария Плаудена: «...я не знаю, можно ли найти во всех наших юридических книгах настолько изумительное [sic] проявление метафизической — или мы могли бы сказать метафизиологической — бессмыслицы» (Maitland, 2003, p. 35). Плауден и Канторович понимали этот вопрос лучше Мейтленда.

ным телом, которое умирает, другая идентичность — это абстрактное, корпоративное, вечное, нетленное тело, которое никогда не умирает. Полномочия короля, его достоинство были частью его корпоративного тела. Данное различие отделяет частные интересы индивида, занимающего должность, от интересов, прав и обязанностей этого индивида в его должностной роли. Два тела короля были двумя опознаваемыми и отдельными юридическими лицами.

Канторович и другие исследователи средневековой Европы, изучавшие политическое развитие, хорошо понимали, что корпоративная идентичность церкви или государства, членство в которых безлично определено в терминах участия и руководство которыми возлагается на должности или позиции, обладала своего рода бесконечной жизнью. Исследование борьбы в средневековой церкви за определение ее организационной структуры позволяет увидеть, что для решения проблемы ограничения ее лидеров церкви нужно было определить себя как бессрочно существующую организацию. Двойной баланс означает, что концептуальное развитие бессрочно существующего суверена должно быть уравновешено бессрочно существующей корпоративной сущностью, которая соглашается на отчуждение *christus* или *fiscus*. Но ни одно человеческое существо не обладает вечной жизнью, или бессмертием. Для того чтобы всеобщий собор стал долгосрочным ограничителем решений папы, как папа, так и всеобщий собор должны были стать бессрочно существующими организациями. Поскольку папа подорвал соглашение, бессрочное существование тогда установлено не было. Как часто случается, язык вводит нас в заблуждение, если мы думаем, что проблема только в создании единственной бессрочно существующей вещи, называемой государством. Государства — это организации организаций. Поэтому создание бессрочно существующего государства предполагает создание множества бессрочно существующих организаций, связанных динамическими взаимоотношениями друг с другом.

Мы уже показали, как на протяжении нескольких веков осуществлялось развитие корпоративной организации, дающей согласие на отчуждение *christus* или *fiscus*. Однако принятие эффективного способа перемещения ресурсов между индивидами, например путем их отчуждения, было

выгодно и лидеру, и всей господствующей коалиции. Концепция корпоративного тела короля была разработана для придания суверену свойств безличной сущности, обладающей постоянным существованием (Kantorowicz, 1997 [1957]). Лицо, занимающее должность в настоящее время, то есть король в его материальном теле, не могло в одностороннем порядке осуществить отчуждение (изменение) свойств своего корпоративного тела. Однако обязательство короля выполнять свои корпоративные функции не было достоверным само по себе, поскольку это обязательство требовало присутствия второй корпоративной сущности, представляющей *fiscus*.

Что касается отчуждения собственности, признание *fiscus* формально подчиняло короля закону, фундаментально изменяя идентичность короля и делая ее гораздо более безличной. Поскольку ограничения на отчуждение применялись к корпоративному телу короля, они должны были быть постоянными: эти ограничения применялись независимо от индивидуальной идентичности лица, которое выступало в роли короля. Точно так же предоставляющая согласие корпорация тоже должна была обладать постоянным существованием. Бессрочное существование дающей согласие корпорации было достигнуто путем наделения правом на согласие определенного ряда должностных лиц, таких как герцоги, графы или епископы*. Критическим для процесса является создание хотя бы двух бессрочно существующих субъектов права.

В качестве решения проблемы обязательств дающий свое согласие субъект права должен был представлять интересы должностных лиц и элит, которые могли бы коллективно управлять и защищать королевское корпоративное тело от произвольных действий конкретного короля, стремящегося действовать вопреки корпоративным интересам. Но пример с папами, которые прекратили созывать всеобщие соборы, показывает, что эти соглашения или способы их осуществления не были авто-

---

* Право на участие в принятии решений корпорации обычно было четко определено общими условиями, хотя то, кто мог участвовать, часто было предметом переговоров. Наиболее известным примером являются Генеральные штаты во Франции в 1789 г.

матическими. А если соглашения не выполняются, то же происходит и с достоверными обязательствами.

Тесная связь безличности и бессрочного существования позволяет организационной и институциональной структуре господствующей коалиции соблюдать такие соглашения и развивать устойчивые убеждения об идентичности и поведении безличных корпоративных акторов в рамках коалиции. Надежные соглашения требуют, чтобы характеристики должности лидера в неизменном виде переходили к его преемнику в должности: эти характеристики корпоративного тела лидера становятся тем самым безлично определенными. Подобным образом членство в корпорации должно было безлично определяться через должности, а не индивидов.

В наше время это решение может показаться очевидным — предоставление суверенитета корпорации и позволение ей делегировать некоторую часть своей власти агенту, например королю. Тем не менее современная точка зрения рождается в порядке открытого доступа и не работает в естественном государстве. В прошлом, то есть на протяжении всей истории человечества до некоторого момента в XV или XVI в., властью всегда обладали индивиды благодаря своему могуществу. Процесс определения могущественных индивидов и балансировки их интересов является постоянным, непрерывным процессом, который происходит внутри каждого естественного государства; это основная движущая сила естественных государств. Преобразование определенных аспектов этого процесса в стабильные и прочные институциональные формы является частью создания более стабильного естественного государства. Удаление личного элемента индивидуальности из некоторых частей структуры коалиции, таких как соглашение об отчуждаемости в XIV в., требует, чтобы безличные организационные структуры были поставлены на место. В этом ключевая связь между бессрочно существующими организациями и безличными идентичностями*.

---

* В социологии организаций существует обширная литература о создании корпоративных/коллективных акторов и о социаль-

Когда мы читаем работы об истории институциональных форм, написанные для того, чтобы объяснить функции, которые выполняются институтами, мы часто не замечаем важного взаимодействия между различными организациями, которое обеспечивает поддержание социальных соглашений. Стабильное управление стало возможно не только потому, что король и парламент (с вариациями) стали бессрочно существующими организациями в различных европейских обществах. Влиятельные индивиды внутри господствующей коалиции представляли и возглавляли собственные организации. И эти элитарные организации, чья идентичность постепенно подтверждалась как бессрочно существующая (то есть организации, независимые от личной идентичности их лидеров), также должны были развиваться, чтобы сформировалось бессрочно существующее государство. Тем самым развитие влиятельных и сложных элитных организаций, не находящихся под прямым контролем государства, было необходимым предварительным условием расширения сферы государства как безличной, бессрочно существующей организации. Разделение двух тел короля имело решающее значение для этого процесса, потому что бессрочно существующий безличный суверен должен был быть изобретен до того, как могла быть реализована идея о государстве как бессрочно существующей организации.

Появление множества бессрочно существующих организаций внутри и вне государства создало новые возможности для устойчивого баланса между политическими, военными и экономическими организациями. Власть государства как формальной сущности (корпоративное тело короля) постепенно могла получить более четкий контроль над военной силой, если члены господствующей коалиции

ном конструировании корпоративных/коллективных идентичностей. См.: Meyer, Boli and Thomas, 1987; Pederson and Dobbin, 1997; Meyer, 1994. Анализ европейских истоков корпоративных/коллективных организаций, подобный рассмотренному здесь и в главе 2 материалу, см. в: Coleman, 1974, 1990. О Соединенных Штатах, включая рассматриваемый в главе 6 материал, см. в: Roy, 1997; Creighton, 1990; Perrow, 2002.

со своими собственными организациями соглашались на использование общих экономических ресурсов, которыми владели «все» (дающая согласие корпорация), и на ограничение государством использования военной силы.

Государство как формальная правительственная организация стало обращать на себя все большее внимании в XVI и XVII вв. — в период истории, когда возникает суверенное государство, равно как и более сложная экономика. Это возникновение также совпадает с формализацией частей господствующей коалиции как бессрочно существующих организаций, в конечном счете ограничивающих власть государства и создающих права элиты. Поскольку права элитных организаций принадлежат им вечно и не относятся к личным идентичностям, власть и привилегии суверенного государства и элит должны быть определены безлично.

Первыми обществами, пришедшими к пороговым условиям, были Британия, Франция, Голландия и США. Как только эти пионеры достигли порога и доступ стал расширяться в этих обществах, корпоративное тело суверенного государства приобрело известность. На протяжении этого периода личная идентичность монарха поблекла в сравнении с корпоративной идентичностью государства. К XVIII столетию пионеры создали бессрочно существующее корпоративное государство. Сделав это, данные общества ограничили не только власть короля — они ограничили власть каждого индивидуального лидера любой государственной организации и начали также перестраивать частные организации.

5.4.1. Движение к порогу в Европе и США: безличность в общественных и частных организациях

В естественных государствах место каждой организации в рамках государственной иерархии обычно связано с позицией и властью члена (или членов) элиты, возглавляющего организацию*. Бюрократическая структура

---

* Бейтс (Bates, 2001, p. 66–68) иллюстрирует это на примере семьи Перси в Англии XVI в. Многие организации элиты имеют не-

естественного государства становится более сложной и утонченной, по мере того как естественное государство становится зрелым, но она сохраняет свою личную природу. Развитие бессрочно существующих государственных организаций приводит к определению государственных организаций как юридических лиц, обладающих своей собственной жизнью. Правительственные организации перестают зависеть от жизни или идентичности их лидеров и вместо этого становятся организациями, которые существуют независимо от жизни своих членов.

В качестве примера можно привести государственных казначеев в ранней истории Соединенных Штатов. После Американской революции каждый штат имел казначея, который был государственным должностным лицом. Некоторые из них избирались, но большинство назначалось. Почти в каждом штате счета казначея и деньги на них легально были собственностью казначея как частного лица — согласно закону они не были собственностью штата. Когда казначей умирал при исполнении служебных обязанностей, уходил в отставку или заменялся, должна была осуществляться ревизия счетов старого казначея. Как часто выяснялось, баланс счетов старого казначея не сходился, что втягивало штат в судебные баталии, которые могли длиться годами. Каждый новый казначей создавал новую отчетность, включавшую запись, в которой претензии к старому казначею проводились как нереализованные активы штата. В правовом и иногда финансовом смысле казначейство как организация умирало всякий раз, когда умирал казначей*.

сколько лидеров, являющихся частью господствующей коалиции. Мы часто используем слово «лидер» там, где выражение «лидер и лидеры» было бы более точным.

* Соединенные Штаты не были исключением. В работах Матиаса и О'Брайена (Mathias and O'Brien, 1976; O'Brien, 1988) отмечается трудность реконструкции британских фискальных счетов до XIX в., поскольку счета были личной собственностью канцлера казначейства и многих других разнообразных чиновников, управлявших фондами. То же самое относится в значительно большем масштабе и к Франции, где финансовые должности покупались и продавались.

Преобразование казначейств штатов в организации с постоянным существованием, счета которых не умирали бы вместе с казначеем, требовало изменения организационной и институциональной структуры штата. Развитие казначейств как формальных организаций не устраняло проблему мошенничества и некомпетентности. Вместе с тем оно означало, что важные финансовые операции больше не могли осуществляться казначеем как частным лицом, распоряжающимся деньгами штата. Теперь было легче запретить рискованные финансовые операции казначеев, бывшие ранее личной прерогативой казначея как индивида.

Работы Дэна Богарта (Bogart, 2005a, b) о создании парламентом дорожных фондов (turnpike trusts) в XVIII в. дают другую иллюстрацию. Британцы начали создавать местные органы власти с явным постоянным существованием, способностью взимать налоги с местных налогоплательщиков и сборы — с пользователей дорог. Богарт показывает, как эти органы власти облегчили развитие транспортной инфраструктуры в Великобритании. Продажа должностей во Франции, хотя обычно и не рассматривается в этом отношении, является частью истории создания местных правительственных организаций. Среди наиболее важных организаций были суды и муниципальные правительства, но также во Франции создавались и поддерживались тысячи других местных органов власти (и, конечно, соглашений о создании ренты) (Bossenga, 1991; Doyle, 1996; Kwass, 2000).

В обществе, приближающемся к порогу, происходят тысячи постепенных и накапливаемых изменений, подобных этим. Содержание этих изменений в разных обществах значительно различается, и история и культура влияют на конкретные изменения. В общих словах: государства начинают превращаться из иерархии организаций, взаимосвязанных индивидуальными и личными связями, в иерархию бессрочно существующих, безличных и часто более независимых организаций. Великобритания, Франция, Голландская республика и Соединенные Штаты разработали методы создания бессрочно существующих организаций внутри государства. Создание

бессрочно существующих организаций и институциональных средств их поддержки было частью того, что поместило эти страны на порог перехода в конце XVIII в.

История формальных деловых корпораций хорошо известна, и мы рассматриваем ее более близко в главе 6. Первой британской деловой корпорацией была Русская компания, сформированная в 1553 г. (Scott, 1951). Как это обычно бывает в естественном государстве, компания была тесно связана с влиятельными друзьями правительства. Королевские хартии все чаще использовались для создания компаний в Великобритании в XVI–XVII вв. За Русской компанией последовали Африканская компания, Компания странствующих купцов (Company of Merchant Adventurers) и Ост-Индская компания*. Виргинская компания получила королевскую хартию в 1606 г. для учреждения первой постоянной британской колонии в Северной Америке. В конечном счете все североамериканские колонии получили хартии. Голландия основала свою собственную Ост-Индскую компанию (VOC) в 1597 г.**, чтобы использовать возможности контролировавшейся Португалией азиатской торговли, а также Новую Нидерландскую компанию в 1614 г. для эксплуатации Северной Америки и Вест-Индскую компанию в 1621 г. Во Франции Кольбер основал французские Ост- и Вест-Индские компании в 1664 г., а затем Compagnie du Nord (основана в 1669 г.) для конкуренции с Голландией в Балтийском море. Французские компании существовали и до 1664 г., но источники о французских деловых кор-

---

* В произвольном порядке перечисляется несколько британских торговых компаний. В 1553 г. королевскую хартию получила Company of Merchant Adventurers, которая, организовав успешную экспедицию в Россию, в 1555 г. была преобразована в Русскую компанию (или Московскую компанию – Muscovy Company). Ост-Индская компания получила хартию в 1600 г., а Королевская африканская компания – только в 1672 г., существовали и другие компании. – *Прим. перев.*

** Голландская Ост-Индская компания, сокращенно VOC (Vereenigde Oost-Indische Compagnie – Объединенная Ост-Индская компания), была основана в 1602 г. – *Прим. перев.*

порациях труднее достать*. В конкуренции с Испанией и Португалией (и между собой) британцы, голландцы и французы создали колониальные империи, выдавая своим купцам разрешения на «организацию колониального господства» (Tilly, 1992, p. 92; Тилли, 2009, с. 142).

Данные корпорации были организациями естественного государства, созданными в ответ на изменение экономических возможностей. Хартии корпораций обеспечивали обширные и исключительные привилегии этим компаниям в обмен на фискальную и (иногда) военную поддержку правительства. Хартии также явно признавали суверенитет государства на обширной территории, колонизировавшейся корпорациями. Предоставление корпоративной хартии было явной политической манипуляцией экономическим доступом — оно создавало исключительные привилегированные права на ресурсы и виды деятельности. Каждая корпорация получала хартию из рук короля или по постановлению законодательного органа. Каждая хартия рассматривалась отдельно; еще не существовало никакого намека на открытый доступ к созданию корпораций. Естественные государства использовали эти корпорации, чтобы ответить на новые возможности и создать новые источники ренты путем создания новых форм исключительных привилегий и ограниченного доступа.

5.5. Пороговое условие № 3: консолидированный контроль над вооруженными силами

Достижение консолидированного контроля над вооруженными силами, как представляется, является самым трудным для естественного государства предварительным условием. Его также трудно определить и понять. Консолидация контроля над вооруженными силами предполагает разделение тесных связей между экономикой,

---

* О голландских и французских корпорациях см. в: de Vries and Van der Woude, 1997, p. 382–410.

политикой и вооруженными силами в естественных государствах. Экономические и политические организации подвергаются изменениям, что отражает изменения в военных организациях, а также происходящее во всем обществе разделение функций и специализацию организаций. Консолидированный политический контроль над вооруженными силами начал устанавливаться в Западной Европе в XVII в., хотя консолидация не была завершена до XVIII в. Он предполагал большую армию и флот, казначейство более значительных размеров для их финансирования и больше бюрократии для сбора доходов и управления армиями и флотом. Появление суверенных национальных государств в Европе было связано с консолидацией контроля над постоянной профессиональной армией и флотом и разоружением остальной части населения. Люди думали и писали о появлении современных национальных государств на протяжении столетий. Тесная связь между национальными государствами и возвышением современных обществ заставляет нас перенести историю перехода в XVIII в., когда национальные государства впервые установили консолидированный контроль над своими вооруженными силами, а не в XIX в., когда этот переход уже произошел. Мы вернемся к вопросам, касающимся хронологии перехода, в главе 6.

Консолидация военной силы не может быть понята без сопоставления с теориями государства с одним актором. Образ единственного верховного главнокомандующего, который способен направлять всю военную силу общества, может создать впечатление консолидированного контроля. Поскольку в королях, диктаторах и всевозможных вождях не было недостатка в человеческой истории, проблема заключалась в ограничении таких лидеров таким образом, чтобы они не могли злоупотреблять своей властью. Тем не менее естественные государства всегда управляются коалициями влиятельных индивидов; одна из фракций или групп господствующей коалиции может получить эффективную монополию на насилие только в чрезвычайных ситуациях. Еще реже встречается ситуация, когда другие группы в коалиции удовлетворены и готовы мириться с отсутствием доступа

к военным ресурсам. Поскольку консолидация военной силы способствует росту специализации внутри господствующей коалиции, а также консолидации экономической и политической власти, этот процесс очень трудно объяснить с помощью модели с одним актором. Для понимания того, как группы и фракции элиты добровольно соглашаются уступить контроль над вооруженными силами, требуется более глубокое понимание всей коалиции, а не только одного военного лидера.

Что означает политический контроль над вооруженными силами? Он не означает наличия профессиональной армии. Профессиональные армии со специализацией военных функций существовали тысячелетиями. Номинального разделения гражданских и военных властей также недостаточно. Если для поддержания или получения контроля над гражданскими правительственными институтами требуется активная поддержка военных, то общество не имеет политического контроля над вооруженными силами. Если военнослужащие являются должностными лицами (в униформе) в гражданском правительстве, например как законодатели или руководители, то общество не имеет политического контроля над вооруженными силами. Если вооруженные силы как организация имеют в собственности существенные экономические активы и могут отчуждать или приобретать их без согласия гражданских властей, то общество не имеет политического контроля над вооруженными силами. Наконец, отбор высшего военного руководства должен находиться под контролем гражданских властей; армии, которые выбирают своих собственных лидеров, не находятся под политическим контролем. Все эти показатели относительны, а не абсолютны, но они говорят о том, что многие, если не большинство, общества в современном мире не обладают политическим контролем над вооруженными силами. Во многих обществах существует видимость гражданского правительства, но их жизнь проходит в тени насилия, где вероятность того, что военные будут играть активную роль в управлении, вовсе не равна нулю.

По определению, когда вооруженные силы консолидированы, военные власти не могут быть дисциплини-

рованы угрозой применения военной силы со стороны какой-либо другой части общества. Это потребовало бы существования другой вооруженной силы и рассеянного контроля насилия. Следовательно, для того чтобы консолидированные вооруженные силы под политическим контролем воздерживались от применения насилия для достижения незаконных целей, когда *законность* определяется в рамках господствующей коалиции, невоенные группы и организации элиты должны быть способны дисциплинировать вооруженные силы невоенными средствами. Для того чтобы элитные группы и организации уступили контроль над военными силами и средствами единой организации, они должны быть уверены в том, что смогут коллективно дисциплинировать военную организацию. Не логика, а другие пороговые условия определяют местоположение невоенных средств дисциплинирования вооруженных сил и их развитие.

Как показывает проведенный нами ранее анализ бессрочно существующих государств, появление множества бессрочно существующих организаций внутри и вне формального государства является необходимым условием поддержания любых бессрочно существующих организаций. Невозможно создать только одну бессрочно существующую организацию—некоторые должны быть созданы одновременно. Подобным образом внешний контроль над вооруженными силами предполагает одновременное развитие бессрочно существующих организаций внутри государства и в частном секторе. На уровне закупок и поставок, который мы позже рассмотрим на детальном примере, взаимосвязанные соглашения между частным сектором и вооруженными силами являются единственным способом создания бессрочно существующих организаций.

Взаимосвязь политиков и военных через государственное казначейство или при осуществлении контроля над *fiscus* исследована лучше всего. Увеличение размера армии обычно достигается за счет снижения материального благосостояния остальной части общества*. Институ-

---

* Утверждение о снижении материального благосостояния населения должно быть смягчено возможностью того, что сущест-

ты, которые определяют объем ресурсов, выделяемых на военные нужды, имеют важнейшее значение для создания политического контроля над вооруженными силами. В Англии XI в. контроль над землевладением и контроль над военной властью были тесно взаимосвязаны. Привязывание контроля над военными ресурсами к экономическим ресурсам и хозяйственной деятельности лежит в основе естественного государства. Часто контроль над военными, политическими и экономическими ресурсами принадлежит одной и той же организации, тесно связанной с господствующей коалицией. Если же, однако, элиты развивают более мощные организации, специализирующиеся на экономических (или других) функциях, то институциональные механизмы вроде отчуждения по согласию могут обеспечить способы передачи ресурсов вооруженным силам, которые могут контролироваться невоенными элитами.

Здесь в действие вступает другое пороговое условие — верховенство права для элит. Подчинение лидера организации правовым нормам является неотъемлемой частью бессрочно существующих организаций. Пример ограничения полномочий короля по отчуждению *fiscus* согласием корпоративного тела был неотъемлемой частью истории подчинения европейских королей праву. Определяющее значение имело отделение процесса принятия решений о том, когда вступать в войну и сколько тратить на военные действия, от непосредственного руководства армией. Корпоративная военная организация уполномочивала военных лидеров принимать решения о том, как воевать, но не когда воевать и сколько тратить на войну. Власть решать, когда воевать и сколько тратить на войну, получила отдельная корпоративная социальная организация. Разделение полномочий по принятию этих двух типов решений создало политический контроль над консолидированными вооруженными силами.

вование вооруженных сил может принести выгоды в форме повышения безопасности, добычи и трофеев, а также расширения территории или снизить потери от возможного завоевания или доминирования внешней силы.

В естественных государствах, где лидер и другие влиятельные члены господствующей коалиции возглавляют активные организации, объединяющие военную, политическую и экономическую власть, дающие согласие корпорации не могут обладать значимым независимым существованием. Поскольку личная харизма и индивидуальная идентичность имеют особое значение для военного лидерства, в вооруженных силах особенно трудно учредить безличные, бессрочно существующие организации. Однако если развиваются бессрочно существующие организации элиты, обладающие существенной экономической или общественной, но не военной властью, то становится возможно, хотя и чрезвычайно трудно, сформировать институциональные механизмы, благодаря которым контроль над вооружением и решения о войне отделяются от фактического руководства боевыми действиями. Работа этих механизмов может быть надежно обеспечена путем передачи контроля над военными ресурсами дающей согласие группе. Без влиятельных невоенных организаций элиты поддержать такие соглашения было бы очень трудно.

Среди всех концепций этой книги консолидированный политический контроль над вооруженными силами является самым сложным для понимания. Корень проблемы заключается в парадоксальных отношениях между естественными государствами и специализацией и разделением труда, отмеченных нами в главе 2. Естественные государства позволяют обществам управлять большими числами, имея дело с насилием. Хотя это позволяет естественным государствам получать большую выгоду от специализации, в то же время специализация также представляет угрозу созданию ренты. Естественные государства по своей природе ограниченны как с точки зрения доступа, так и с точки зрения степени специализации, которую они могут поддержать. Политический контроль над вооруженными силами требует большей специализации внутри господствующей коалиции (однако он не требует большего доступа). Движению к большей специализации внутри элиты, несомненно, способствовали сильные организации элиты, но сеть

причинно-следственных связей слишком запутанна, чтобы ясно в них разобраться.

Заглавие замечательной книги Чарльза Тилли «Принуждение, капитал и европейские государства: 990–1992 гг.» (Tilly, 1992; Тилли, 2009) говорит о значении специализации внутри коалиции. Тилли прослеживает эволюцию национальных государств в Европе на протяжении тысячелетия, используя изменения в начальном характере политических и экономических институтов и организаций (например, распределения принуждения и капитала) для объяснения структур формирования государств. В модели Тилли правительства существуют для того, чтобы воевать, а их поведение формируется стремлением мобилизовать, координировать и распределять ресурсы наилучшим способом для победы в войнах. Неявной у Тилли остается логика использования насилия и контроля над ним, которую Роберт Бейтс сделал явной в своей вышедшей в 2001 г. книге «Процветание и насилие», используя примеры из той же европейской истории. Тилли во многом опирается на развитие крупномасштабных военных организаций, вылившееся в военную революцию, которая была изучена Джеффри Паркером (Parker, 1996) и другими. Рассмотрим концепции Бейтса, Тилли и Паркера более подробно.

Бейтс (Bates, 2001) описывает, как в мире постоянного беспорядка и насилия индивиды частным образом обеспечивают принуждение. Однако само по себе индивидуальное предоставление защиты дорогостояще и чревато проблемами стимулов. Каждый сам должен бороться за защиту своей личности, семьи и активов; более того, индивидуальное обращение к насилию ограничивает специализацию и разделение труда. Единственным ответом на мир насилия является родственное обеспечение принуждения при помощи института мести. Привлекая исследование Эванса-Причарда (Evans-Pritchard, 1940; Эванс-Причард, 1985) о нуэрах — конфедерации племен, обитающих в Южном Судане и Западной Эфиопии, Бейтс прослеживает логику сдерживания. Принуждение предполагает использование насилия или угрозы насилия. Не обязательно использовать действительное наси-

лие для изменения поведения. Часто наиболее эффективный потенциал насилия возникает, когда оно остается угрозой, а не действительностью. Если члены родственной группы желают наказать кого-либо, кто навредил члену их родственной группы, баланс принуждения может нарушиться. «Сама готовность нуэров применять насилие является причиной того, что насилие применяется так редко», – пишет Бейтс (Bates, 2001, p. 45). Пользуясь языком теории игр, насилие является результатом, которого игроки не ожидают, поэтому фактическое применение насилия является не принятым у игроков поведением. В результате наблюдаемый в обществе уровень фактического насилия отражает только одно измерение его действительного присутствия в этом обществе. Общества, в которых уровень действительного применения насилия невысок, могут тем не менее испытывать высокий уровень принуждения через угрозу его применения.

Обеспечение безопасности посредством вездесущей угрозы насильственного возмездия «создает хрупкий мир» (Bates, 2001, p. 47). Эта логика поддерживает мир в хрупком естественном государстве: несколько сложных организаций, ограниченные специализация и обмен, ограниченное богатство и общество, управляемое элитами, которые оказывают свое влияние через некоторую форму патрон-клиентских сетей. Как мы подчеркивали в главе 2, патронажные сети служат способом определения того, какие индивиды объединятся в случае возникновения вспышек насилия*. В хрупких естественных государствах угроза применения насилия пронизывает все общество. В самых простых обществах каждый должен быть готов применить насилие, а военные ресурсы сообщества широко рассеяны среди всего населения.

В базисных естественных государствах порядок обеспечивается более регулярным образом, по мере того как общество становится лучше организованным и более

---

* Работы Фила Кифера (Keefer, 2004) и Кифера и Влейку (Keefer and Vlaicu, 2005) посвящены роли патрон-клиентских сетей как механизма создания достоверных обязательств в различных политических условиях.

способным подавлять насилие среди различных групп и фракций. Если использовать терминологию Бейтса, базисное естественное государство способно использовать насилие конструктивно, а не только для достижения разрушительных целей: «Вместо того чтобы служить средством совершения затратных действий по перераспределению, [принуждение] становится средством, которое способствует созданию богатства» (Bates, 2001, p. 50). Пользуясь терминологией Сервиса (Service, 1975, p. 297–298), государство «приносит мир». Логика аргументации Бейтса проста: пока специалист в области насилия больше получает от защиты своих клиентов, чем от их экспроприации, он воздерживается от использования насилия. Поскольку специалист в области насилия может ожидать получения ренты от своих клиентов на протяжении долгого периода, критическим элементом его расчетов являются выгоды от экспроприации сегодня по сравнению с потерей потока доходов в неопределенном будущем*. Если специалист в области насилия от хороших дел (например, содействие созданию богатства) выигрывает больше, чем от плохих (вроде экспроприации богатства), то наступает процветание. Сокращение насилия создает большее богатство, напрямую ограничивая разрушение богатства, увеличивая возможности для заключения контрактов и долгосрочных отношений, содействуя росту специализации и разделения труда, что позволяет обществу более эффективно использовать свои активы и ресурсы. Основной вопрос заключается в том, стоит ли убить курицу, несущую золотые яйца, и съесть ее сегодня или же лучше ухаживать за ней, чтобы в будущем получить поток золота.

Как Бейтс, так и Тилли разрабатывают модели общества, экономический сектор которого обладает потенциалом создания растущего богатства. Экономический сектор сконцентрирован в городах, но связан с деревен-

---

* В приложении к работе Бейтса (Bates, 2008) эта логика излагается в ясных нетехнических терминах. Логика та же, что и у Олсона (Olson, 1993; Олсон, 2010) и Норта (North, 1981). Более сложную трактовку см. в: Bates, Greif, and Singh, 2002.

скими сельскохозяйственными производителями и потребителями. Также присутствует политический сектор, основная задача которого заключается в производстве и применении принуждения. Для Бейтса и Тилли урбанизация производит богатство и капитал. Бейтс определяет условия, при которых политические элиты желают обеспечить экономический рост в городах: когда военные лидеры приходят к выводу, что в их интересах содействовать хорошей экономической политике, чтобы получить больше ресурсов для осуществления насилия*. Тилли объясняет происхождение различных структур формирования государств в Европе исходя из начального распределения принуждения и капитала, которое является производным от распределения и характера политических и экономических институтов и организаций. В модели Тилли правительства существуют для того, чтобы воевать, а их поведение формируется стремлением мобилизовать, координировать и распределять ресурсы наилучшим способом для победы в войнах. Тилли использует ту же логику, что и Бейтс: социальное и экономическое развитие начинается тогда, когда политические или военные лидеры приходят к выводу, что в их интересах обеспечить безопасность в городах, чтобы получить больше ресурсов для ведения войн. В обществах, где слишком большая власть находится на стороне принуждения, возможности для заключения способствующих росту соглашений ограниченны. В обществах, где капитал обладает слишком большой властью, возможности для политического развития ограничены. Однако в некоторых обществах, где распределение капитала и принуждения соответствующим образом сбалансировано, как в Англии и Франции, возникает возможность одновременно консолидировать вооруженные силы, усложнить политическую систему и способствовать политическому и экономическому развитию.

---

* Бейтс рассматривает случай, когда лидер современной развивающейся страны решил отказаться от поддержки городской элиты и нашел опору своей власти в сельской местности: это лейтенант авиации Джерри Роулингс в Гане (Bates, 2001, p. 93).

Наше упрощенное описание концепций Бейтса и Тилли не отдает должного мощи и сложности их теоретической и исторической проницательности. Ни Бейтс, ни Тилли не спорили бы с тем, что все государства являются организациями и что вся власть осуществляется через коалиции влиятельных групп интересов. Тем не менее оба начинают с модели государства как единого актора, и Тилли открыто признает эту проблему*. Отделение политики от экономики, политически могущественных от экономически бессильных (вооруженные силы) неизбежно и естественно вытекает из модели с единым актором, даже если этот единый актор выступает в качестве представителя большой группы элит. Общей чертой всеединых акторов является использование военной силы для изъятия экономического богатства.

В естественных государствах, напротив, экономика и политика не разделены, а тесно переплетены внутри господствующей коалиции. Бейтс и Тилли полагают, что разделение политических и экономических интересов является естественным разделением, и используют это как исходную точку своего анализа. Разделение военных, политических и экономических интересов и организаций в человеческих обществах в действительности является не естественным результатом, а следствием весьма специфического набора условий. Разделение особых экономических и военных интересов внутри господствующей

---

* «Ради компактности изложения я буду пользоваться приемами метонимии и опредмечивания. Так, метонимически я буду говорить о правителях, королях или суверенах, как если бы они представляли собой весь аппарат принятия решений в государстве, сводя в одну точку весь сложный, определяемый конкретными условиями комплекс социальных отношений. Метонимически я буду говорить о городах, имея в виду региональную сеть производства и торговли, центром которых были крупные поселения. Опредмечивая понятия, я буду приписывать отдельный интерес, причину, способность и действие государству, правящему классу или их подданным. Без подобного упрощения, не прибегая к указанным приемам, мы не смогли бы установить основные связи в сложном процессе формирования европейских государств» (Tilly, 1992, p. 34; Тилли, 2009, с. 67).

коалиции происходит только в зрелом естественном государстве с сильными организациями элиты. Только тогда, когда курица, которая несет золотые яйца, принадлежит не беспомощному крестьянину и не члену элиты, у которого нет влияния, а сильному и хорошо организованному специалисту в экономической области, надежное обязательство не прибегать к насилию может породить устойчивую поддержку правительственной политики, обеспечивающей экономическую защищенность. Начальное распределение капитала и принуждения в европейских обществах, которое Тилли считает экзогенным, напротив, было отражением глубоко эндогенных отношений внутри господствующих коалиций в европейских обществах.

Хотя Тилли начинает свое изложение с 990 г., интересная для нас часть истории начинается с 1500 г., момента, до которого ни одна из западноевропейских держав не имела значительного военного преимущества. В конце XVI в. и на протяжении XVII в. Англия, Франция и Голландская республика стали создавать более сложные организации и государственные институты в рамках, заданных их базисными естественными государствами, включая сложные организации элиты, не зависящие от прямого контроля государства. В качестве средства колонизации все три страны, в отличие от Испании и Португалии, использовали квазичастные корпорации. Британцы, голландцы и французы создали колониальные империи, выдавая своим купцам разрешения на «организацию правления в колониях»*. Корпорации развивались также и для внутренних целей. К 1700 г. особая структура поддержки организаций элиты вне непосредственных рамок государства характеризовала развитие зрелых естественных государств во всех трех европейских странах-пионерах.

Тем не менее ни одному из этих государств не удалось установить политический контроль над вооруженными

---

* Tilly, 1992, p. 92; Тилли, 2009, с. 142. Во время первой волны колонизации Нового мира испанцы и португальцы экспортировали институты базисного естественного государства, тогда как англичане, французы и голландцы экспортировали институты зрелого естественного государства.

силами. Британия в XVII в. пережила гражданскую войну и революцию. Франция пережила Фронду во время неразберихи середины XVII в. и революцию в конце следующего столетия. Голландская федеральная структура усложнила организацию флота страны, который во время англо-голландских войн середины XVII в. находился под командой сложной коалиции пяти (и более) адмиралов; каждая голландская провинция имела свое собственное адмиралтейство и военные ресурсы (Rodger, 2004, p. 9, 64). Напротив, к 1800 г. все три страны, а также США установили консолидированный политический контроль над своими вооруженными силами, хотя и различными способами. Мы принимаем основные факты Тилли — его историю о том, что случилось, — но вместо его модели принуждения и капитала предлагаем свою модель естественного государства. Это позволяет нам объяснить эндогенные взаимоотношения между капиталом и принуждением, которые Тилли вынужден считать данностью*.

Вся Европа в 1500 г. состояла из базисных и хрупких естественных государств. Наряду с более сложными экономическими системами зрелые естественные государства стали быстрее развиваться в Западной, чем в Восточной Европе. Результатом были более сложные, отчетливые и независимые организации элиты в Западной Европе, чем в Восточной Европе. Возвышение северо-западных европейских городов отражало организационное усложнение их зрелых естественных государств, а также

---

* Рисунок 1.8, приведенный Тилли на странице 27 английского издания (в русском издании — с. 58), иллюстрирует его видение эндогенной структуры. Рисунок состоит из семи частей: накопление принуждения, концентрация принуждения, накопление капитала, концентрация капитала, рост государств, рост городов и формирование государств. Эти семь элементов соединяют одиннадцать стрелок. Экзогенными элементами (те части рисунка, из которых стрелки исходят, при этом ни одна другая стрелка на них не указывает) являются только накопление капитала и принуждения. Это элементы концепции Тилли, которые он принимает в качестве экзогенных, — вклады капитала и принуждения. Все остальное является эндогенным, но без ясной и определенной структуры.

использование ими корпораций для колонизации зарубежных владений и расцвет их финансовых, торговых и промышленных организаций. Разделение и специализация экономических, политических и военных организаций – более широкое присутствие городов, более сложная, неаграрная экономика и капитал – не были экзогенными по отношению к политической и экономической истории Великобритании, Франции и Голландской республики. Они были продуктом эволюции структуры естественного государства от базисного к зрелому естественному государству. Страны Восточной и Южной Европы, за исключением некоторых итальянских городов-государств, не смогли развить более независимые политические и экономические организации и институты. В этом регионе сохранилось тесное переплетение капитала и принуждения.

В 1700 г. во всех европейских странах контроль над вооруженными силами был рассеян среди членов господствующей коалиции. Тилли описывает изменения, произошедшие после 1700 г., как *формирование современных армий национальных государств* и *специализацию:*

> *Формирование современных армий национальных государств* – период (на большей части Европы особенно активно – в 1700–1850 гг. или около того), когда государства создают массовые армии и флоты, набирая главным образом собственное национальное население, а суверенные правители включают вооруженные силы непосредственно в государственные административные структуры и переходят к прямому управлению фискальным аппаратом, решительно ограничивая деятельность независимых контракторов;
>
> *специализация* – эпоха (примерно с середины XIX в. до настоящего времени), когда военные силы становятся мощной специализированной властью, фискальная деятельность организационно все больше отделяется от военной, усиливается «разделение труда» между армией и полицией, представительные институты все больше влияют на определение расходов на военные цели, а государства все больше занимаются распределительной, регулирующей, определяющей компенсацией и судебной деятельностью (Tilly, 1992, p. 29; Тилли, 2009, с. 60).

Тилли описывает консолидацию контроля над вооруженными силами и рост безличности в организациях, используемых государством для контроля над вооруженными силами. Он начинает со структуры базисного естественного государства, где экономическая и политическая деятельность (например, сбор налогов и владение военными ресурсами) была рассеяна среди членов господствующей коалиции. После 1700 г. политический контроль над вооруженными силами начал консолидироваться в формальной организационной структуре правительства. Параллельно осуществлялась консолидация и специализация других государственных функций.

На эту трансформацию повлияли также, по крайней мере частично, изменения в военных технологиях в конце XVI–XVII в. Литература о революции в военном деле (Parker, 1996) описывает растущий масштаб военных действий в Европе, вызванный сначала усовершенствованиями в защите укрепленных пунктов, а затем — развитием более подготовленной пехоты и усовершенствованной артиллерии. Каждое из этих усовершенствований способствовало росту масштаба военных операций, прямо и косвенно увеличивая фиксированную постоянную составную часть профессиональной армии, которую необходимо поддерживать для обеспечения более высоких уровней сложности, необходимых для применения революционных оборонительных и наступательных технологий. Наряду с растущим масштабом и большими расходами возникла потребность в улучшении фискальных и административных механизмов формального правительства.

Тилли рассматривает эти изменения как неизбежный результат неумолимого роста военной конкуренции в Европе: «...война способствовала формированию и трансформации государств» (Tilly, 1992, p. 20; Тилли, 2009, с. 47). Государства по всей Европе быстро подражали победителям этой конкуренции (Великобритании, Франции и Голландии). Подражатели подошли к порогу позже, в XIX в. (например, Германия и Скандинавские страны). Литература о революции в военном деле придерживается той же точки зрения: когда некоторые страны развивают новые военные технологии, их конкуренты вы-

нуждены заимствовать те же технологии или погибнуть. Поскольку новые военные технологии, появившиеся в Европе после XVII в., требовали больших армий и беспрецедентного уровня военных расходов, государства должны были расти или умирать*.

Значение масштаба революции в военном деле ставит логику насилия Бейтса на первый план. Овладевшие новыми технологиями военные лидеры сталкиваются с неожиданным ростом выгод от увеличения доходов, что позволяет им надежно соблюдать соглашения, обеспечивающие производственный потенциал их экономик. Изменение военной технологии становится причиной изменений в процессе формирования государства, а также объяснением роста богатства и накопления капитала. Рост доступных экономических средств ведения войны позволил увеличить масштаб военных операций. Рост военных масштабов создал спрос на большее количество ресурсов. Права собственности капитала и торговли стали защищаться лучше, после того как политические элиты осознали, что они могут получить от городов больше ресурсов в обмен на соблюдение прав и привилегий. Последовавший экономический успех позволил передать на военные нужды больше ресурсов. Эта логика описывает нарастающий цикл: рост спроса на все большее количество военных ресурсов в военной конкуренции заставляет страны защищать капитал и торговлю и, как правило, совершенствовать свою способность давать и исполнять достоверные обязательства. Этот цикл ведет к росту ресурсов и военной силы.

Значение масштаба в военной технологии не было, однако, чем-то новым. Всегда существовали потенциальные преимущества наличия большей армии или флота, если общество имело руководство, способное с умом использовать такие ресурсы. Военная конкуренция в Европе существовала еще до создания Римской империи; поче-

---

* Паркер (Parker, 1996) суммирует результаты дискуссии и данные о революции в военном деле; см. также: Rogers, 1995. Работу Робертса (Roberts, 1967) принято считать источником современной литературы. Обзор исторического развития военных технологий см. в: McNeill, 1982; МакНил, 2008.

му же военная конкуренция трансформировала государственную организацию и институты после 1700 г.? Элиты всегда были заинтересованы в лучшей защите своих прав собственности для увеличения своей экономической производительности и получения большего объема ресурсов на военные авантюры, способные принести еще больше ресурсов. В данном аспекте аргументация Бейтса, Тилли и Паркера относится ко всей истории человечества, а не только к Европе XVII в. Богатство росло и падало с некоторой регулярностью на протяжении всей истории человечества. Общества богатели, когда находили лучшие способы управления, с учетом многих параметров, включая благоприятное сочетание климата, географии и демографии. Тем не менее рост богатства и военной конкуренции никогда еще не создавал консолидированный политический контроль над вооруженными силами или защиту прав собственности и торговли на основе верховенства права.

Даже если оставить исторические проблемы в стороне, доводы в пользу революции в военном деле как причины установления консолидированного контроля над вооруженными силами и последующего социального развития не могут объяснить не только того, почему не все государства с большими армиями консолидировали политический контроль, но и того, почему всего несколько стран с большими армиями осуществили переход к современному обществу открытого доступа до конца XIX в. Как показывает сам Тилли, в большинстве европейских стран потребность в военных расходах не создала способных к современному развитию национальных государств. Он описывает три типа общественного устройства: опирающееся главным образом на принуждение, опирающееся главным образом на капитал и опирающееся на капитал и принуждение*.

---

* Изложение идеи обществ, опирающихся на принуждение, капитал и принуждение, см. в: Tilly, 1992, p. 16–28; Тилли, 2009, с. 47–58, а затем более подробно на p. 84–91 (с. 131–140) и p. 130–137 (с. 194–202). Примеры всех трех типов общественного устройства приведены на p. 143–160 (с. 211–234).

Среди стран Восточной и Южной Европы примером общества, опирающегося на принуждение, может служить Россия. Власть землевладельческих элит, имевших основу в сельском хозяйстве, предотвратила развитие городских торговых центров, и в результате «государство отчаянно нуждалось в капитале» (Tilly, 1992, p. 143; Тилли, 2009, с. 210). В обществах, опирающихся на капитал (Голландия и Швейцария), влиятельные городские торговые группы интересов способны были покупать защиту тогда, когда они в ней нуждались, и тем самым избегать «громоздкой постоянной национальной администрации» (Tilly, 1992, p. 151; Тилли, 2009, с. 220). Эти государства были экономически успешными, но слишком слабыми для поддержания международной политической независимости. Общества, опирающиеся на принуждение, создавали слишком репрессивные правительства; общества, опирающиеся на капитал, создавали слишком слабые и плохо скоординированные правительства. Однако общества, опирающиеся одновременно на капитал и принуждение (примером Тилли является Великобритания, но также он включает Францию), стали государствами, опирающимися на соединение «капитала и принуждения, которое издревле обеспечивало всякому монарху доступ к громадным средствам для ведения войны, но только за счет больших уступок купцам и банкирам» (Tilly, 1992, p. 159; Тилли, 2009, с. 231–232).

Анализ государства с позиций модели с одним актором действительно мешает пониманию тех событий, которые Тилли описывает и пытается понять. Для поддержания компетентной военной власти в сочетании с устойчивым экономическим развитием интересы капитала и принуждения должны быть так или иначе сбалансированы. Но как это сделать? Кроме исторической случайности и непредвиденных обстоятельств Тилли дает нам немного: его монархия с одним актором должна так или иначе столкнуться с бейтсовской сделкой с торговыми элементами, но в его концептуальной структуре отсутствует способность сделать это, поскольку Тилли считает распределение капитала и принуждения данностью.

В 1600-м и, возможно, даже в 1700 г. господствующие коалиции всех европейских обществ были запутаны в се-

тях организаций, объединяющих политическую, экономическую и военную власть. Голландцы, французы и британцы (вместе со своими колониями) продвинулись далеко вперед на пути к бессрочно существующим организациям элиты, включая управляющие структуры их колоний. В XVIII в. специализация в организации господствующей коалиции заметно выросла во всех трех странах, хотя Голландия утратила способность эффективно действовать в качестве независимой военной силы. Поддерживаемые принципом верховенства права для организаций элиты, специализированные экономические организации, которые были независимы от государства, уравновешивали политические организации, которые управляли военными организациями и финансировали их. Этот процесс не был простым и беспрепятственным. Как мы показываем в главе 6, страх перед политическими и экономическими организациями играл центральную роль в Американской и Французской революциях и окрасил британскую политическую мысль XVIII столетия.

Сами по себе большие армии не стимулировали специализацию и разделение внутри элиты. Испанская империя со своей огромной армией и флотом не развила специализированных организаций элиты. И этого не произошло вовсе не из-за недостатка сложности—Дрелихмен и Вот (Drelichman and Voth, 2008) показывают, что испанский двор был способен финансировать войны короля Филиппа до военной катастрофы 1580-х гг. «по крайней мере так же „ответственно", как США в XX в. или Британия в XVIII в.» (Drelichman and Voth, 2008, p. 29). Однако испанцы финансировали свои армию, флот или займы не через специализированные элитные, бессрочно существующие организации, а при помощи традиционных личных связей двора. Русские были способны создать большую армию, но, как описывает Тилли, «Иван [Великий] и его преемники особенно стремились создать вооруженные силы для покорения своих братьев-князей, подавления авторитарных (олигархических) амбиций своих собственных бояр, отражения иностранных вторжений и расширения границ своего царства. Им нужна была армия, как можно более зависимая от них,

на чью лояльность, следовательно, они бы могли положиться. Но у них недоставало денег, чтобы купить людей и их преданность. Тогда они решили воспользоваться землей» (Tilly, 1992, p. 140, цит. по: Blum, 1964, p. 170–171; Тилли, 2009, с. 206). Как феодальная Англия, русские финансировали свою огромную армию, предоставляя ей прямой контроль над экономическими активами. Ни в России, ни в Испании не возникло специализированных и отдельных организаций элиты.

К XVIII в. военная мощь британцев, французов и голландцев позволяла им сокрушить любое другое государство на планете. Непрерывные войны между ними с конца XVII в. и до начала XIX в. представляли контекст, в котором осуществился политический контроль над вооруженными силами. Они развили более сложные организации и институты, которые позволили им обогнать все другие общества (Schultz and Weingast, 2003; Tilly, 1992; Тилли, 2009). Тем не менее военную конкуренцию следует рассматривать в контексте других основополагающих изменений, составляющих предварительные условия, способность поддерживать более сложные организации — как внутри, так и за пределами государства. Только в XVIII в. широкая поддержка бессрочно существующих организаций внутри государства и за его пределами стала реальностью. Появление бессрочно существующих организаций и политического контроля над вооруженными силами создало условия для осуществления перехода.

5.6. Британский военно-морской флот и британское государство

В военной борьбе Великобритании и Голландии против Франции в XVIII в. британская морская мощь — *господство над океаном*, используя заголовок книги Роджера (Rodger, 2004) — дала Британии ключевое преимущество в некоторых важных отношениях. Мы хотим понять, каким образом британский военно-морской флот как организация превратился из рыхлой структуры широко рассеянного контроля над военными активами и действиями в единую

организацию, находящуюся под центральным и прямым контролем политической системы; каким образом флот достиг этого, сознательно развивая бессрочно существующие организации внутри государства и в сети крупных фирм элиты, находящихся в прямой конкуренции друг с другом; а также каким образом личные взаимоотношения членов элиты были заменены безличными взаимоотношениями бессрочно существующих организаций.

В Семилетней войне (1754–1763), также известной как Война с французами и индейцами*, британцы победили французов в Канаде, потому что британский флот помешал французскому флоту осуществлять снабжение своих сил в Канаде. Хотя британский флот имел существенное численное превосходство над французским, для того чтобы реализовать это преимущество, британцы должны были держать французский флот в одном месте. Выбравшись в открытый океан, французский флот мог получить локальное превосходство, комбинируя тактическое планирование с неожиданными маневрами. Окружить и победить французский флот в открытом океане было невозможно. Успеха британский флот мог достичь, только организовав эффективную блокаду французских портов, а в случае попытки выхода французских флотилий в море — нанося им решительные поражения. Для защиты своих собственных торговых флотилий, снабжения своих армий и союзников и концентрации численного превосходства и вооружений британские военно-морские силы должны были подавить французский флот (Rodger, 2004, p. 279). Способность британского военно-морского флота закупорить французские флотилии повернула ход войны.

Проблема блокады Франции, как объясняет Роджер, заключалась в том, что в 1700 г. ни один флот мира не мог больше месяца держать большие флотилии кораблей в море. Низкое качество провизии приводило к тому, что

---

* Война с французами и индейцами (Франко-индейская война) — колониальный конфликт между англичанами и французами, которых поддерживали союзные им индейские племена. Начался в преддверии европейской Семилетней войны (1756–1763) и стал ее североамериканским театром. — *Прим. перев.*

матросы и офицеры на кораблях быстро слабели и заболевали (Rodger, 2004, p. 291). Тем не менее в 1758 г. флотилия адмирала Хоука оставалась в море непрерывно в течение шести месяцев. Хоук оставался у берегов Франции до тех пор, пока французская флотилия не вышла из Бреста 16 ноября. Хоук вступил в сражение с французами и заставил их укрыться в заливе у полуострова Киберон, где французы остались под британской блокадой до окончания войны.

Для того чтобы военно-морской флот оставался в море долгое время, нужны были не более опытные матросы, лучшие корабли или тактика, а административная система, способная обеспечить высокое качество провизии и поставок на регулярной основе: «Именно в этих вопросах управления британцы приобрели решающее превосходство над своими врагами, особенно над французами» (Rodger, 2004, p. 291; см. также ch. 19). Как же произошло это преобразование?

Военно-морской флот долгое время был организован в классической для естественного государства форме. Отдельные города предоставляли корабли и офицеров. Такая политика восходит по крайней мере к XI в. и практике «скипфирда» (scipfyrd), когда военная служба короне заменялась содержанием корабля, офицеров и команды (Rodger, 1997, p. 26–27). Еще в XIV в. королевские корабли составляли менее 10% флота (Rodger, 1997, p. 118 и Приложение III). Военно-морской флот представлял собой коалицию кораблей, капитанов и команд. В XVI в. Тюдоры начали централизацию флота, но административный контроль оставался рассеянным между верфями, арсеналами и поставщиками продовольствия. Кроме того, сохраняющееся значение патронажных сетей затрудняло развитие офицерского корпуса и команд. Казначеи отдельных судов сами отвечали за их снабжение*.

В 1630-х гг. Карл I попытался увеличить размеры своего военно-морского флота, введя печально известный

---

* Структура британского флота доступно описана Роджером (Rodger, 1986).

налог «корабельные деньги» (ship money). Этим налогом облагались отдельные города, теоретически, вместо фактического использования их кораблей (Rodger, 1997, p. 381). Парламентские дебаты о корабельных деньгах стали одной из центральных проблем, послуживших причиной гражданской войны в Англии (1642–1649). Действительно, эти дебаты носили конституционный характер: должны ли рассеянные финансовые и военно-морские ресурсы страны быть монетизированы и попасть под центральную власть короны или же они должны быть объединены под контролем со стороны парламента?

Гражданская война, Реставрация (1660) и Славная революция (1688–1689) вызвали глубокий раскол в офицерском корпусе британского флота, многие члены которого враждовали друг с другом и дезорганизовали его административную структуру. Когда в 1689 г. разгорелась война с Францией, объединенный англо-голландский флот был с английской стороны совершенно не готов вывести в море боеспособные корабли. Ситуация была настолько плоха, что «палата общин решила проблему по-своему, бросив весь комитет снабжения в Тауэр»*. Критическая точка была достигнута летом 1693 г., когда флот не смог выполнить свою задачу по сопровождению конвоя на запад Средиземного моря, в результате чего французы захватили 92 торговых судна и продали свои трофеи за 30 миллионов ливров, что превышало весь французский военно-морской бюджет за 1692 г.

В начале XVIII в. государству было трудно управлять военно-морским флотом как инструментом своей политики. Старая структура флота отражала логику естественного государства. Ответственность за постройку военно-морского флота и его снабжение была разделена между тремя комитетами — Комитетом снабжения, Комитетом по вооружениям и Военно-морским комитетом (включая его отношения с независимыми верфями), каждый комитет был тесно связан со своей собственной сетью элит-

---

* Rodger, 2004, p. 193. В главах 12 и 13 подробно описываются проблемы управления и политики в период после Славной революции.

ных поставщиков и подрядчиков, присваивавших обильную экономическую ренту (Rodger, 2004, p. 189–90).

До XVIII века военно-морской кредит был глубоко опутан системой военно-морских поставок. Поставщики держали «морские долги» либо непосредственно в форме официальных долговых инструментов, либо — чаще в форме счетов на те поставки, которые они осуществили, но за которые флот еще не заплатил. Эти счета и отношения имели личный характер. В 1665 г. Денис Гауден, генерал-инспектор комитета снабжения, имел «425 993 фунта 6 шиллингов 8 пенсов, включая авансы на поставку в течение зимы мяса на будущий год... После войны оказалось, что расчеты Гаудена были в основном точными и лучшей системы поставок предложить было нельзя, но при возобновлении контракта с ним Гаудену было придано несколько партнеров, на случай его смерти при исполнении служебных обязанностей» (Rodger, 2004, p. 105). Подход Гаудена к работе был глубоко личным. Так же как и казначеи в ранней истории американских штатов, Гауден лично договаривался о кредитах с поставщиками, у которых он покупал товары. Затем Гауден ожидал возмещения от правительства. До тех пор пока долги перед поставщиками были лично связаны с физическими лицами в военно-морском флоте вроде Гаудена, конкуренция среди поставщиков была невозможна. Кто из поставщиков получит оплату первым? От ответа на этот вопрос зависело, кто из поставщиков выживет. Потенциальные поставщики понимали, что личные кредитные соглашения приведут к тому, что один из поставщиков будет обладать явным преимуществом перед другими. В результате потенциальные поставщики так и оставались потенциальными, а не реальными поставщиками.

Развитие внешнего финансового рынка государственного долга, особенно военно-морских векселей (Navy Bills), позволило поставить на новую основу финансы Комитета снабжения и Военно-морского комитета. В ожидании доходов Военно-морской комитет мог выпускать краткосрочные кредитные инструменты в виде военно-морских векселей, подлежащих оплате в определенный срок. Подрядчики оплачивались векселями, которые они

могли держать до их погашения в установленном порядке или учесть на вторичном рынке (Carlos, Neal, and Wandscheider, 2009; Rodger, 2004, p. 293). Новые кредитные соглашения составляли основную часть новых отношений с поставщиками. Различные военно-морские организации оплачивали свои долги векселями, которые имели свободное обращение на вторичном рынке. Финансовые рынки контролировали кредитоспособность военно-морского флота и выражали свое доверие через процент, выплачиваемый по военно-морским векселям. Поставщики могли быстро получить свои платежи, осуществив учет векселей, что устраняло один из источников личных отношений между поставщиками и военно-морским флотом. Данный процесс также снижал риски, связанные с возвращением долга индивидуальным поставщикам.

Одновременно военно-морской флот стал заключать контракты с некоторыми поставщиками в конкурентных условиях. Военно-морской флот поощрял развитие крупных фирм, которые не имели эксклюзивных контрактов, но с которыми флот связывал себя надежными обязательствами в текущей хозяйственной деятельности. Это были большие фирмы, и в их число входили только деловые организации элиты, то есть процесс поставок не характеризовался открытым входом; военно-морской флот поощрял конкуренцию в этом бизнесе среди ограниченного числа фирм*. Тем не менее элитарной конкуренции было достаточно как для повышения качества осуществляемых поставок, так и для сокращения их стоимости. Надежность обязательств флота перед этими фирмами обеспечивалась тем, что каждая фирма могла получить и действительно получала военно-морские векселя, которые немедленно оплачивались наличными на финансовом рынке. Это устраняло существовавшие при старой системе неизбежно личные решения о том, по каким долгам рассчитываться в первую очередь. Безличные и бессрочно существующие организации на финансовых рынках

---

* Здесь было бы интересно узнать о личности поставщиков, были ли это формальные корпорации и каковы были их связи с правительством. Однако нам об этом ничего не известно.

могли так же эффективно воздействовать на правительство и военно-морской флот, в частности если у тех возникали задержки с выплатой долгов, поскольку это повышало процентные ставки на новые заимствования.

Трансформация системы сопровождалась созданием конкуренции в сочетании с бессрочно существующими организациями, занятыми в процессе военно-морских поставок. Роджер так описывает общий результат развития Комитета снабжения:

> Кроме военно-морских операций работа Комитета снабжения имеет и более широкое значение для сельскохозяйственной и экономической истории Великобритании. Комитет был самым крупным покупателем сельскохозяйственной продукции на лондонском рынке, и его политика управления рынками, направленная на поощрение роста крупных фирм и в то же время на содействие конкуренции, оказала по меньшей мере значительное, а возможно, решающее влияние на рост сложного и интегрированного национального и в конечном счете международного рынка (Rodger, 2004, p. 307).

Новая система смогла обеспечить высокое качество продуктов питания, что позволило Хоуку держаться в море шесть месяцев, загнать флот адмирала де Конфлана в Киберонскую бухту и предотвратить снабжение французских войск в Канаде и по всему миру. К 1750-м гг. Британский военно-морской флот стал сложной организацией организаций; некоторые из составляющих его организаций были независимыми и обладали постоянным существованием. Среди них адмиралтейство, Военно-морской комитет, Комитет снабжения и Комитет по вооружениям. Развитие военно-морского флота уравновешивалось соответствующим развитием бессрочно существующих организаций элиты в экономике. Одни организации возникли на финансовых рынках: они оперировали различными военно-морскими долговыми инструментами и обеспечивали специализированный контроль текущего и будущего состояния финансов флота (который осуществлялся над каждым подразделением флота по отдельности). Другие экономические организации развились в форме элитар-

ных, но конкурентных поставщиков. Конкуренция среди поставщиков устраняла личные, основанные на передаче ренты, взаимоотношения естественного государства, которые преобладали на протяжении столетий, что серьезно мешало повышению качества поставок для флота. Элитарная конкуренция преобразовала эту систему путем снижения ренты и создания правильных стимулов, лишив поставщиков их старой роли кредиторов флота. Для того чтобы это новое устройство работало, требовались бессрочно существующие организации.

Трехстороннее взаимодействие между ответственными за поставки комитетами военно-морского флота, финансовыми рынками и поставщиками флота развивалось не в вакууме. Англия в XVII в. была охвачена революцией, а явная нехватка консолидированного политического контроля над вооруженными силами была очевидна. События, приведшие к Славной революции 1688–1689 гг., подробно рассмотрены в литературе, и пересказывать их здесь нет никакой нужды*. После Реставрации (1660) господствующая коалиция в Англии разделилась на две группировки, которые в конце столетия получили название тори и вигов. Тори стремились представлять интересы традиционной земельной аристократии и, как правило, поддерживали короля, тогда как виги стремились привлечь представителей коммерческого торгового хозяйства и коммерческого сельского хозяйства и были в оппозиции королю (Carswell, 1973, p. 40–41). Обе группировки были частью господствующей коалиции и представляли узкую часть английского общества (Clark, 1985). Карл II (1660–1685) и его министры показали себя как эффективные менеджеры коалиции естественного государства. Хотя виги были недовольны правлением Карла, король сохранил достаточную поддержку со стороны тори, что-

---

* Среди экономических и политических историков см., напр.: Jha, 2008; North and Weingast, 1989; Stasavage, 2003; Sussman and Yafeh, 2006. Из обширной литературы по истории Англии см. напр.: Jones, 1972; Schwoerer, 1981. Современный анализ результатов Славной революции см. в: Quinn, 2006; Robinson, 2006; Stasavage, 2006.

бы укрепиться во власти. Однако его брат и преемник, король Яков II (1685–1689), не справился с управлением господствующей коалицией, настроив против себя тори, бывших сторонников его брата. Объединившись, оппозиция элиты сместила Якова в результате государственного переворота и обратилась к новому королю с новыми конституционными условиями.

Новая коалиция произвела много конституционных изменений, включая те, что касались основ бессрочно существующего государства, важнейшей составляющей создания бессрочно существующих общественных и частных организаций. Две группировки сделали это, придя в парламенте к новому консенсусу о правилах, определяющих обязанности правительства и граждан. Тори и виги согласились среди прочего с тем, что парламент как корпорация с самообразующимся членством и постоянным существованием может создавать неприкосновенное и стоящее над королем законодательство. Как корпорация парламент является единственным источником налогообложения. В Декларации прав они объявили, что любой король, который не будет соблюдать эти правила, рискует кончить так же, как Яков II (Jones, 1972, p. 318). Члены парламента заявили о своей готовности защищать свои прерогативы против злоупотреблений короля.

Последующие события показали, какие последствия имело создание бессрочно существующего парламента. Особое значение здесь имело создание Банка Англии в 1694 г. Личностная природа суверенных долгов в естественном государстве приводила к ограниченности кредитных ресурсов, доступных всем европейским суверенам в начале Нового времени; так, короли династии Стюартов не могли получить достаточно денег для финансирования своих правительств (North and Weingast, 1989; Veitch, 1986). После Революции 1688 года суверенный долг стал безличным обязательством парламента. Для выпуска или изменения долговых обязательств теперь нужно было принимать парламентский закон. Король больше не мог в одностороннем порядке изменять условия заимствований (например, снизить процентные платежи, прекратить платить кредиторам или объявить

дефолт), не получив сначала от парламента нового законодательного акта. Новый долговой механизм значительно увеличил кредитоспособность английского государства. Меньше чем за десятилетие долг вырос почти на порядок — примерно с 5% предполагаемого валового национального продукта до 40% (North and Weingast, 1989). Укрепление финансового положения британцев дало им и их зарубежным партнерам по коалиции важное преимущество в их продолжающихся войнах с Францией.

Как показывает проведенный нами анализ британского военно-морского флота, Славная революция стала одним из шагов среди длинного ряда шагов перехода Великобритании от естественного государства к порядку открытого доступа. Британская победа в 1763 г. склонила баланс сил в Западной Европе в пользу Великобритании и вывела ее американские колонии на путь к революции (Anderson, 2000). Финансирование американцев поставило французскую монархию в опасное положение, что способствовало началу Французской революции, приведшей к Наполеоновским войнам, из которых Великобритания вышла победительницей. В конце наполеоновского периода британцы — наряду с французами, голландцами и американцами — были на пороге создания полноценных порядков открытого доступа.

5.7. Время, порядок и институциональные формы

Мы предположили, что три пороговых условия опираются друг на друга. Верховенство права для элит помогает поддерживать бессрочно существующие организации для элит, которые способствуют формированию условий, позволяющих консолидировать контроль над вооруженными силами. Однако, как было показано в этой главе, эти условия не обязательно должны развиваться в каком-то определенном порядке. Элементы различных предварительных условий могут возникать в разное время в разных обществах. Например, Хабер и соавторы (Haber et al., 2008) показывают, что верховенство права

для элит в современной Мексике представляет проблему даже для бессрочно существующих организаций элиты вроде банков. Пороговые условия не выстраиваются друг за другом в определенной очередности.

Время также играет важную роль в процессе институционального изменения. Первые общества, которые приблизились к выполнению пороговых условий, а затем и к собственно переходу, навсегда изменили условия, встающие перед другими обществами. Все институциональные формы, принятые в Европе к началу движения к пороговым условиям в XVII–XVIII вв., должны были соответствовать логике естественного государства. Эти институциональные формы — например, суды, корпорации, армии и флоты — могли быть заимствованы и другими естественными государствами. После того как эти институты развились в Западной Европе, они могли использоваться по всему миру как легальная форма организации. Однако заимствование западных институтов вроде корпорации не обязательно создает открытый доступ. Оно также не обязательно создает бессрочно существующие организации: во многих хрупких и базисных естественных государствах предоставление корпоративной хартии элитной группе означает существование корпорации как организации, которая продолжает зависеть от доброй воли правительства. Эти корпорации не являются бессрочно существующими. Подобным образом заимствование европейского правового кодекса не гарантирует верховенства права для элит.

Время также усложняет нашу интерпретацию того, насколько решения элиты были преднамеренны. Группы элиты в Европе XVIII в. не могли иметь намерения произвести переход к открытому доступу, потому что никто не знал об обществе открытого доступа как о жизнеспособной альтернативе, а тем более о том, как его построить. В современном мире, напротив, существует возможность того, чтобы элиты преднамеренно, как это показывают Асемоглу и Робинсон, приняли решение перейти к открытому доступу. Лидеры в естественных государствах могут посмотреть на развитый мир и увидеть, как открытый доступ приводит к результатам, достаточ-

ным для того, чтобы улучшить положение всех — элиты и тех, кто в нее не входит. Неспособность большинства обществ осуществить этот переход — даже когда путь к открытому доступу открыт для них историческим опытом других обществ — говорит о том, что проблема лежит глубже, чем желание элит поделиться своей властью.

Три пороговых условия позволяют понять, при каких обстоятельствах элиты в естественных государствах имеют стимулы создавать институты, формализирующие их взаимоотношения, создавая безличные взаимоотношения между элитами. Прежде всего необходимо понять, что, когда элиты институционализируют свои собственные внутриэлитные отношения, они снижают издержки расширения размера коалиции, охватываемой этими институтами. Расширение безличности также создает возможность существенного увеличения размера выгод от обмена.

Пороговые условия являются необходимыми, но недостаточными условиями перехода от естественного государства к порядку открытого доступа. Государства, подходящие к пороговым условиям, могут иметь стимулы для расширения числа граждан, защищаемых институтами верховенства права, но сами по себе пороговые условия не гарантируют успешности перехода. Государства, стоящие на пороге перехода, могут оказаться неспособными совершить переход или даже вернуться к естественному государству.

Глава 6
Действительный переход

6.1. Институционализация открытого доступа

Действительный переход происходит тогда, когда к элитам приходит понимание выгод, связанных с трансформированием ряда элитных привилегий в безличные элитные права, общие для всех членов этой элиты. Данный процесс никоим образом не является неизбежным. Естественная реакция влиятельных групп при столкновении с неопределенностью и новыми ситуациями – это скорее консолидирование привилегий, чем их расширение с целью включения все большего числа элит. Действительный переход – это процесс, посредством которого элиты открывают доступ в господствующую коалицию, закрепляют этот доступ с помощью институциональных реформ, а затем начинают расширять доступ к гражданским правам на более широкие слои населения.

Согласно логике перехода, элиты считают защиту собственных привилегий путем конвертирования их в права выгодной тактикой. Самую большую угрозу для элит представляют другие элиты, особенно фракции, входящие в господствующую коалицию. Долгое время считалось, что внутриэлитная конкуренция в зрелых естественных государствах представляет собой основную внутреннюю угрозу для элит. Данные идеи легли в основу кристаллизующейся в XVIII в. политической теории, называемой республиканской традицией или гражданским гуманизмом (корни этой традиции уходят в Грецию и республиканский Рим). Ретроградная идея о внутриэлитной конкуренции как главной угрозе социальному порядку описывает реалии естественного государства, но никак не порядок открытого доступа. Мысль о том,

что политические манипуляции с экономическими привилегиями — главная угроза республике, стала ключевой интуицией виговского и республиканского мышления в Великобритании, Франции и США в XVIII в.

Мы исследуем данные идеи и интуиции, фокусируя внимание на политических партиях и экономических корпорациях. Партии и корпорации оставляют легко прослеживаемый след в исторических архивах, они были в центре многих дебатов в XVIII и XIX вв., более того, с тех самых пор они подробно изучались в соответствующей литературе. Эти два типа организаций не просто изменились за время действительного перехода, но сыграли в нем самую непосредственную роль. Идея о том, что фракции, партии и корпорации — это опасность, которую необходимо сдерживать институциональными мерами, помогает понять те верования, которые пользовались популярностью в 1800 г. во всех трех странах. Однако эти идеи, взятые сами по себе, не способны объяснить переход. Общества осуществили переход тогда, когда они прекратили ограничивать доступ к политическим и экономическим организациям. Но как именно данные общества к 1880 г. смогли прийти к институтам, которые позволили открыть доступ как для формально организованных политических партий, так и для экономических корпораций?

Большая часть главы написана в русле истории, так как концепты ухватить проще тогда, когда они иллюстрируются. Кроме того, наша задача — объяснить именно первые случаи перехода. Концептуальные вопросы вполне ясны. Как только пороговые условия позволяют элитам устанавливать между собой все более безличные отношения, действительный переход может начаться. В процессе этого перехода элиты трансформируют личные элитные привилегии в безличные элитные права. Трансформация привилегий в права происходит тогда, когда к элитам приходит понимание: их привилегии будут лучше защищены от внутриэлитной борьбы, если эти привилегии определяются именно как всеобщие права, а не личные прерогативы. До тех пор пока способность формировать организации остается привилегией, доступ не является открытым. Открытый доступ

не требует всеобщего доступа, не требует он и уничтожения любых привилегий; он требует лишь того, чтобы достаточно большой процент населения имел возможность по своей воле создавать политические, экономические и иные организации. Расширение элитных прав на все большие группы населения ускоряется после того, как закрепляется и внедряется само понятие о гражданских правах. Как только права гражданства получают безличное определение, логика открытого доступа начинает внушать мысль о том, что эти права в условиях более широкой политической и экономической конкуренции будет обеспечивать куда проще.

С концептуальной точки зрения ключевая идея западной политический традиции заключается в том, что баланс интересов в политике – ключ к защите прав. Как хорошо известно, данный тезис обосновывался Мэдисоном в «Федералисте» (статья № 10). В Великобритании существовал такой баланс интересов короля, лордов и представителей палаты общин, при котором они сдерживали друг друга. Согласно Аристотелю, именно интерес одного, нескольких и многих есть то, что должно сохранять баланс. Ограничения на доступ во всех естественных государствах создают группы интересов, эти политические, экономические и военные группы уравновешивают друг друга в рамках господствующей коалиции. Исторически еще в 1790 г. в Великобритании, Франции и США партии и корпорации мыслились как угроза для республиканского общества; считалось, что организованные группы интересов способны нарушить баланс внутри правящей коалиции. Хотя британские виги, французские республиканцы и американские отцы-основатели и пытались создать общества с формальной и неформальной системой сдержек и противовесов, которую они мыслили как способ защиты прав элит, лишь некоторые из них, если таковые вообще были, выступали в поддержку идеи открытого доступа.

Уникальная черта первых переходов заключалась в том, что к середине XIX в. те самые партии и корпорации, которых так сильно опасались еще в 1790 г., стали считаться важными элементами поддержания стабильности. При действительном переходе общества трансфор-

мируют элитные привилегии, основанные на личной идентичности, в элитные права, основанные на безличном гражданстве. Конкурирующие политические партии и открытый доступ к экономическим организациям становятся существенной частью системы защиты гражданских прав. При последующих переходах вера в неизбежную опасность политических партий и корпораций окажется поколебленной примером Великобритании, Франции и США, мы называем эти страны *первопроходцами*, так как они первыми осуществили переход.

Трансформация мышления об организациях и институтах, поддерживающих организации, не была связана с республиканскими политическими теориями XVIII в. Прежние теории опирались на утонченный анализ естественных государств, в которых ценился политический баланс и был силен страх того, что политические фракции, а также использование экономических привилегий в политических целях приведут к разбалансировке конституционного равновесия сил в рамках общества. Новые идеи и институты, касающиеся упорядочивания элит, возникли из изменившегося опыта и новой интерпретации этого опыта. В процессе эволюции большая часть словаря прежней республиканской теории сумела сохраниться, особенно это верно в отношении доминирующей заботы о балансе, но партии и корпорации оказались трансформированы в силы, которые могут поддерживать баланс, а не нарушать его. Однако партии и корпорации могут поддерживать баланс интересов лишь при условии открытого доступа и конкуренции. Этих условий не существовало вплоть до XIX в., соответственно, республиканские теоретики XVIII в. не могли их ни наблюдать, ни предвидеть.

Как мы утверждали в 4-й главе, открытый доступ поддерживает и защищает гораздо более гибкий баланс в рамках политики и экономики. Доступ, однако, не вытекает из сбалансированности интересов в обществе. Все естественные государства сохраняли баланс интересов и без всякого открытого доступа. В начале XIX в. развилось новое понимание, согласно которому открытый доступ—это способ гарантировать баланс интересов

в политике и экономике. Нередко данная мысль формулировалась на языке прав: предоставление гражданам права участия в политической жизни — лучший способ обеспечить всех граждан гражданскими и экономическими правами. Логика данного аргумента — это логика порядков открытого доступа; открытый доступ защищает и поддерживает динамический баланс интересов в рамках общества.

К 1880 г. конкурентные политические партии и открытый доступ к корпоративным формам во многих сферах экономической и социальной жизни стали заметными чертами всех трех обществ-первопроходцев. Тем не менее развивающаяся институциональная структура данных стран следовала различными путями. Не было никакого ясного, простого и уникального рецепта действительного перехода. Великобритания пришла к конгениальной парламентской суверенности с небольшим количеством явных сдержек и противовесов. Франция вверглась в ситуацию восьмидесятилетней конституционной нестабильности, за это время она повидала республики со всеобщим избирательным правом для мужчин, монархии и законодательную тиранию. В США установилась насыщенная избирательная федеральная система со стабильной национальной конституцией и правительствами штатов, которые продолжили эксперименты со своими институтами.

Когда действительный переход начал набирать оборот — где-то с 1830 г., — доступ продолжал открываться, а неэлиты стали использовать организационные формы, чтобы решать вопросы из своей собственной повестки. В отличие от прошлых периодов в европейской истории, в конце XIX в. неэлитные организации в странах, которые мы относим к первопроходцам, ни подавлялись, ни запрещались. Полноценное гражданство подразумевало не только право голоса; оно допускало неэлиты к формированию организаций. Профсоюзы, социалисты, церкви, сторонники расширения избирательных прав — все эти группы начали создавать экономические и общественные организации, которые они использовали как стартовые площадки для создания политических

движений. Преданность идее открытого доступа осталась; рост новых организаций не был подавлен. Политическая и экономическая конкуренция выросла как в своем масштабе, так и в своей интенсивности.

Расширение прав гражданства на более широкие слои населения стало важным элементом усилившейся политической конкуренции. Государство начало обеспечивать общественные блага — инфраструктуру, образование, социальное страхование — и распространять их на основе безличных критериев, препятствуя манипулированию данными общественными благами в политических целях. Безличное гражданство распространялось на все большие слои, и все большее число людей получало возможность избирать свое правительство. Безличное гражданство расширялось также и интенсивно, по мере того как росли возможности государства в обеспечении общественных благ безотносительно фракций или партий (или, на языке современной Америки, безотносительно пола, расы, вероисповедания, цвета кожи или возраста).

Наш исторический акцент на Великобритании, Франции и США середины XIX в. делает нас уязвимыми для обвинений в том, что мы приходим к своим заключениям на основе очень узкого уникального евроамериканского контекста, который не имеет аналогов в иных обществах. Мы согласны с тем, что случайные исторические тропы, которыми проследовали эти три страны, уже никогда не повторятся в последующих переходах. Не в последнюю очередь это связано с тем, что опыт первых переходов изменил наше мышление о мире.

Но все же избранный нами фокус имеет и свои достоинства. Рамка, необходимая для понимания перехода, должна соответствовать опыту первопроходцев. Внимание к Великобритании, Франции и США удовлетворяет данному требованию ценой игнорирования, например, голландского и швейцарского опыта. Процесс открытия доступа к политическим и экономическим организациям, равно как и созревание гражданского общества, — это черта всех развитых обществ. Даже если особый исторический путь первопроходцев, приведший к открытому доступу, и является уникальным, каждый последующий

переход стремился достигнуть того же самого результата в том, что касается институтов, организаций и трансформации элитных прав в права гражданские. Все большая утонченность организации нередко рассматривается как случайная черта современности, а не как фундаментальная трансформирующая сила, имеющая свое собственное самостоятельное значение. Следовательно, крайне важно показать, что первопроходцы намеренно конструировали социальные инструменты так, чтобы те способствовали более утонченной организации, и делали эти инструменты доступными для всех элит.

6.2. Боязнь фракций

Современная политическая теория начинается с Макиавелли. Его особенно интересовала проблема фракций и того, как поддерживать баланс между конкурирующими фракциями. Конкуренция между элитными фракциями в естественных государствах включала в себя все возможные способы конкуренции, в том числе и насильственные. Как пояснял Мэдисон в «Федералисте» (статья № 10), «под фракцией я разумею некое число граждан — независимо от того, составляет ли оно большую или меньшую часть целого, — которые объединены и охвачены общим увлечением или интересом, противным правам других граждан или постоянным и совокупным интересам всего общества». Угроза стабильности и порядку в естественном государстве обычно исходила от фракций элит в рамках господствующей коалиции, которые пытались использовать насилие или принуждение, для того чтобы обрести контроль над политической системой.

Макиавелли и республиканские теоретики вплоть до Мэдисона искали способ уравновесить противостоящие друг другу фракции, классы и интересы. У фракций элит не будет стимулов использовать насилие для достижения своих целей, если это насилие уже не сможет приносить своих плодов, так как иные, не менее могущественные фракции воспрепятствуют этому. Естественное государство способно поддерживать такой баланс, опи-

раясь в том числе и на угрозу насилия. Политическая конкуренция в мире Макиавелли не происходит между хорошо организованными политическими партиями, которые отходят от власти в результате поражения на выборах. Политическая конкуренция подразумевает попытки взятия контроля и установления гегемонии, нередко предполагающие использование насилия и принуждения. В условиях правильно организованного общества интересы фракций могут быть использованы для обеспечения стабильности республики, но только так, чтобы ни у одной группы не было даже соблазна использовать насилие. «И хотя невозможно помешать разногласиям между гражданами из разных партий, эти разногласия, если они не поддержаны их сторонниками, преследующими свои личные цели, не вредят государству»*. Страх перед фракциями не был паранойей, скорее он являлся следствием тонкого анализа природы политической стабильности в зрелом естественном государстве.

Такое отношение к фракциям имеет свои как исторические, так и теоретические основания. Эссе Юма «О партиях вообще» (1777) содержит перечень исторических примеров, когда конфликты между фракциями подвергали республики опасности, а в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли анализируется то, как Римская республика пыталась обуздывать фракционные конфликты во имя решения тех или иных общественных задач. Вера в то, что соперничество между фракциями — это основная угроза для республик и что свобода республики может быть обеспечена, лишь если удастся так или иначе сдержать фракции, была эмпирическим наблюдением, оправдываемым пристальным историческим ана-

---

* Machiavelli, 1854, p. 306; Макиавелли, 2001, с. 520. Цит. по: Wolin, 2004, p. 208. Уолин утверждает, что анализ интересов у Макиавелли «не только превратил проблему интересов в центральную проблему политической теории, но он также попытался дополнить ее теорией, которая бы указывала на спасительное воздействие социально-экономических конфликтов, а также на техники, с помощью которых эти конфликты могли бы быть разрешены» (p. 208).

лизом, равно как и убежденностью в некоторых причинно-следственных связях, действующих в обществе. Нет ничего удивительного в том, что основные теоретики поддержания баланса жили в обществах, управляемых зрелыми естественными государствами: Аристотель — в Афинах, Полибий — в Риме, Макиавелли — во Флоренции.

Хрестоматийный пример — это Рим. Конец Римской республики в I в. до н. э. стал прямым результатом гражданских войн. Например, слом системы триумвирата Юлия Цезаря, Помпея и Красса развязал гражданскую войну. Попытка восстановить порядок в рамках нового формального триумвирата Октавиана (который стал Цезарем Августом), Марка Антония и Лепидуса также потерпела неудачу и привела к еще одной гражданской войне. Триумф Августа в сражении при Акциуме в 31 г. до н. э. позволил ему получить контроль над Римской империей, а Римская республика исчезла. Фракции всегда были в центре всех событий истории Рима. В своих «Деяниях божественного Августа» Август описал свою борьбу за получение прав и собственности в качестве наследника Юлия Цезаря: «Девятнадцати лет отроду по своему собственному решению и на собственные средства я подготовил войско, которым государство, угнетенное господством фракции освободил» (Шифман, 1990, с. 189).

Когда Александр Гамильтон и Джеймс Мэдисон в «Федералисте» (статьи №9 и 10) описывали ужасы фракций и утверждали, что новая конституция «воспрепятствует внутренним фракциям и восстаниям» (Гамильтон), что она «сможет сдерживать и контролировать насилие фракций» (Мэдисон) посредством действия конфедеративной республики (Гамильтон) или же расширенной республики (Мэдисон), они опирались на самую современную политическую теорию своего времени. Современные читатели с трудом осознают, что ни Гамильтон, ни Мэдисон не писали о политике в ее современном виде. Их обеспокоенность важной проблемой сдерживания групп интересов и недопущения того, чтобы они манипулировали политическим процессом в своих интересах, касалась естественных государств, но никак не порядков открытого доступа. Гамильтон и Мэдисон утверждали,

что механизмы, воплощенные в конфедеративной республике—система сдержек и противовесов американской Конституции,—позволят подавить насилие фракций. История, похоже, оправдала их надежды, в результате сегодня практически невозможно вообразить, что описанная ими система сдержек и противовесов не способна привести к социальному порядку современного республиканского правительства и обществу открытого доступа.

Всепоглощающая забота современных республиканских теоретиков о балансе в правительстве и страх перед фракциями вытекали из реалий естественного государства. Для Аристотеля, Полибия, Макиавелли, Гвиччардини, Харрингтона, Сидни, Монтескье, Болингброка, Юма, Гамильтона и Мэдисона политический идеал идеально сконструированной республики включал в себя множественность групп интересов. Эта множественность должна была обеспечивать систему сдержек фракций, групп и индивидов. Разнородные группы интересов должны были возникнуть естественным образом из различий в доступе к ресурсам, способностях и происхождении. Основными группами были военные лидеры, крупные землевладельцы, религиозные и коммерческие лидеры*. Их обеспокоенность историческими прецедентами никак не могла способствовать становлению работающей республики, основанной на модели открытого доступа, так как обществ открытого доступа еще никогда не существовало. Вместо этого данные теоретики пытались улучшить естественное государство. Они могли лишь домысливать то, как может выглядеть современное государство открытого общества, и в некоторых аспектах воображение их подвело.

---

* Классическими группами у Аристотеля были «один», «несколько» и «многие»; это значило «царь», «аристократия» и «граждане» (составлявшие «множество» лишь по отношению к нескольким, то есть в это множество никоим образом не входили все). В целом теоретики считали существование и распределение интересов естественным феноменом. Вот, например, слова Мэдисона из «Федералиста» (статья №10): «Скрытые причины фракций заложены в природе человека». Схожим образом Маркс утверждал, что материальные последствия технологии производства определяют интересы.

Устройство институтов, способных сократить коррумпирующее, вызывающее разногласие влияние фракций, стало основанием современной концепции сбалансированного, или смешанного, управления. Республиканские политические теоретики XVIII в. напрямую отождествили организованные политические фракции, организованные экономические группы интересов в форме корпораций и фракции как таковые*. Конституционная структура Великобритании, Франции и США в 1800 г. не поддерживала политические или экономические организации открытого доступа. Как подметил Хофштадтер в 1969 г., Конституция США 1787 года была «конституцией против партий». Парадокс начала XIX в. заключается в том, что общества, в которых люди изначально верили в то, что политические партии и корпорации есть нечто опасное, даже злое, в конечном счете благословили массовые политические партии открытого доступа, а также согласились с корпоративными формами экономических,

---

* К счастью, понимание того, как именно элиты смогли закрепить безличные права, стало основной проблемой, которой западная политическая философия и интеллектуальная история занимается последние три с половиной столетия (Skinner, 2002). Значительное внимание было уделено процессу перехода в Великобритании, Франции и США, а самым часто задаваемым вопросом западноевропейской политической истории стал следующий вопрос: «Как они сами для себя объясняли то, что делали?» Во второй половине XX в. спор пришел к некоторому общему знаменателю, который озвучил Дж. Г. А. Поукок в работе «Макиавеллиевский момент» (Pocock, 1975), а также Бернард Бейлин в работе «Идеологические истоки Американской революции» (Baylin, 1967; Бейлин, 2010). Работа Питера Гея о Просвещении (Gay, 1966, 1969), концентрируясь на XVIII в., приходит к этому же кругу вопросов, опираясь на гораздо более широкий дисциплинарный подход. Работа Скиннера «Основания современной политической мысли» (Skinner, 1978) охватывает ту же самую проблематику и тот же самый период, что и работа Поукока, тогда как Ван Гельдерен и Скиннер (Van Gelderen and Skinner, 2002) издали сборник, в котором сводятся воедино статьи о направлениях республиканской теории в Европе. Работа Уолина «Политика и видение» прослеживает развитие политических идей от Древней Греции до сего дня, в большей части текста она пересекается с республиканским периодом.

религиозных, образовательных и иных проявлений социальной активности. Утверждение, которое можно встретить в большинстве исторических исследований последних двухсот лет, о том, что рост конкурентных политических партий и конкурентного доступа к экономическим организациям в начале XIX в. стал прямым следствием идей XVIII в., нуждается в переосмыслении. В Великобритании, Франции и США действительный переход—то есть изменения в структуре обществ, институционализировавшие открытый политический и экономический доступ—произошел именно в XIX, а не XVIII в.

Боязнь фракций вытекала из опасения, что одна элитная фракция получит преимущество над всеми другими фракциями. Если баланс между фракциями окажется нарушенным, то за этим неизбежно последуют тирания и рабство, так как победившая фракция использует свое преимущество и подчинит себе все остальные фракции. Тирания и рабство—это формы правления, при которых управляемые не дают своего согласия на ту политику, которую избирают правители*. Тирания и рабство были характерны для большинства естественных государств. Республиканские теоретики стремились к созданию особого естественного государства—общества, в котором все индивиды, достойные того, чтобы быть гражданами, пользуются своими привилегиями и эти привилегии надежно гарантированы. Они пытались создать хорошие естественные государства, обеспечивающие консенсус всех значимых элементов общества; таким образом, правление неизбежно должно было оказаться смешанным, не допускающим того, чтобы одна фракция уничтожала другую посредством насилия или восстания.

Язык здесь вполне может ввести нас в некоторое заблуждение. До 1800 г. понятия «фракция», «партия» и «группа интереса» использовались в политических дискуссиях взаимозаменяемо. Фракции не были организованы формально. Фракциями были скопления индивидов,

---

* См.: Skinner, 1998; Скиннер, 2006. В данной работе рассматриваются понятия тирании и рабства в республиканском контексте.

сплоченных схожими интересами, нередко объединенные в сеть патрон—клиент под началом властного или харизматического лидера. Понятие «партия» до 1800 или даже до 1850 г. (в зависимости от страны и выразителя) не относилось к тому, что мы сегодня называем организованной политической партией. Партии с формальной организацией начали формироваться лишь в начале или в середине XIX в. К концу XIX в. партиям уже не только дозволялось существовать, от них даже требовали становиться мотором политической конкуренции. Процесс формирования партий в Великобритании, Франции и США шел разными путями, эти пути будут рассмотрены нами ниже. Для ясности: с этого момента мы используем понятие «политическая партия» для обозначения (потенциально) конкурирующих, нередко бессрочных политических организаций, имеющих формальную структуру. Политических партий, организованных на постоянной основе, не существовало нигде в мире, пока они не появились в США в 1820-х и 1830-х гг.*.

В отличие от партий фракции—это группы индивидов, имеющие общие цели или интересы; они есть в любом обществе. Политические партии в большинстве современных обществ—это организации, состоящие из множества фракций. Страх перед фракциями в естественном государстве расширился до страха перед партиями, так

---

* Как отмечает Дюверже (Duverger, 1959, p. xxiii; Дюверже, 2000, с. 21): «Еще в 1850 г. ни одна страна мира (за исключением Соединенных Штатов) не знает политических партий в современном значении этого термина: мы обнаруживаем течения общественного мнения, народные клубы, философские общества, но отнюдь не партии в собственном смысле слова». Как доказывает повсеместное распространение формальных политических организаций в современных естественных государствах, формальные партии не являются несовместимыми с естественными государствами, в качестве примера можно привести Институционно-революционную партию в Мексике (1930–2000) и нацистскую партию Германии (1933–1945). Демократия не определяется только присутствием партий, она требует присутствия конкурентных политических организаций с собственностью, которую они в случае поражения на выборах готовы мирно уступить.

как организованные фракции были способны на насилие. Повсеместность гражданских войн и неконсолидированность военной силы в естественных государствах сделали боязнь фракций реальной гнетущей проблемой. Если фракции и партии никак не ограничивать, то баланс сил в политической системе окажется нарушенным, конституция будет коррумпирована, за этим уже неминуемо последуют тирания и рабство. Для читателя родом из XXI в. данные слова, конечно, имеют смысл, но все же они представляются ему своеобразным параноидальным преувеличением. Мыслители XVIII в. прекрасно знали, что такое тирания и рабство. Многие американские теоретики имели рабов — как им не бояться тирании и рабства, если последние мелькают вокруг них, готовясь взять инициативу в свои руки, как только государство утратит способность поддерживать баланс?*

Скиннер (Skinner, 1998; Скиннер, 2006) объясняет, что политические теоретики XVIII в. использовали понятия «тирания» и «рабство» для описания ситуации, при которой управляемые не дают своего согласия тем, кто ими управляет. Бейлин идет еще дальше в своем прочтении памфлетов Американской революции:

> Я начинаю видеть новый смысл в словах, которые я наряду с многими другими историками игнорировал как простую риторику и пропаганду, — «рабство», «коррупция», «заговор». Эти пафосные слова настойчиво использовались публицистами с такими разными социальными статусами, политическими позициями и религиозными убеждениями; они так логично встраивались в паттерны радикальной и оппозиционной мысли; они так ясно отражали реалии жизни в эпоху, когда еще процветали мо-

---

* «Сколь радикальными ни были взгляды вождей революционного движения, они, как и английские радикалы того времени, оставались политиками XVIII в. и не стремились ни к структурной перестройке общества, ни к упразднению экономического или социального неравенства. Свою цель они видели в том, чтобы внести поправки в искаженную систему правления и избежать усиления коронной власти» (Bailyn, 1967, p. 283; Бейлин, 2010, с. 181–182).

> нархические автократии, когда стабильность и свобода «смешанной» английской конституции были недавним примечательным достижением, когда страх перед заговором [фракции] против устоявшейся власти был встроен в саму структуру политики, что я начинаю подозревать: эти фразы значили нечто очень реальное как для писателей, так и для читателей, это были реальные страхи, реальные заботы, это было ощущение реальной опасности, скрывающейся за громкими словами, а не просто желание повлиять с помощью риторики и пропаганды на инертные умы пассивного населения (Bailyn, 1965, p. ix; также см.: Bailyn, 1967; Бейлин, 2010).

В XVIII в. американцы и британцы, наблюдавшие за развитием политики в Великобритании, опасались того, что фракции, сплоченные имеющимися у них экономическими привилегиями, например долей акций в Банке Англии и иных компаний, захватят контроль над политическим процессом и подкупят независимость палаты общин. Как подчеркивает Бейлин, у этих людей был реальный страх по поводу того, что случится с их обществами, если фракциям позволят манипулировать экономическими привилегиями с целью получения контроля над процессом принятия политических решений. Подобные страхи, укорененные в представлениях о причинно-следственных связях в том мире, в котором они жили, сыграли центральную роль в решении американцев поднять восстание против Великобритании.

Многие политические теоретики были уверены в своем знании решения насущной проблемы: контролировать фракции можно посредством смешанного правления*. Все большая значимость конституции общества — как писаной, так и неписаной — для встраивания сущностных интересов монархов, землевладельцев-аристократов и коммерческих элит в структуру, которая позволит ней-

---

* Название эссе Юма «О том, что политика может быть сведена к науке» отражает надежду теоретиков на то, что решение проблемы фракций в рамках естественного государства может быть найдено в системе правления, которая сбалансирует конфликтующие интересы так, чтобы они уравновешивали друг друга.

трализовать опасность каждой из этих фракций путем соотнесения их интересов друг с другом, резюмировала структуру стабильного зрелого естественного государства. Большинство политических мыслителей в Великобритании, Америке и Франции полагали, что английская конституция – лучшее из того, что было создано в истории человечества*. Однако они опасались того, что в XVIII в. она окажется под угрозой со стороны фракций.

Основной угрозой английской конституции и утверждаемому в ней принципу сбалансированного правления считались корпорации и партии, то есть организованные экономические или политические группы интересов. Новые военные и финансовые обстоятельства в Великобритании XVIII в. способствовали развитию двух тенденций. Во-первых, экономические организации и корпорации, например Банк Англии и Компания Южных морей, тесно связанные с финансированием государства, получили исключительные экономические привилегии. Во-вторых, в условиях революционных договоренностей, достигнутых между парламентом и королем Вильгельмом III, рост государственных сборов и трат требовал одобрения парламента. Результатом стало гораздо более тесное сотрудничество между королем (а также его кабинетом) и парламентом, следствием этого стало развитие законодательных групп интересов, чувствительных к интересам короля. Развитие парламентских групп интересов увеличило количество фракций. Систематическое использование экономических привилегий позволило коалиции вигов при Роберте Уолполе эффективно проводить интересы короля в парламенте**. Привилегии включали в себя распределение национального долга, создание привилегированных корпораций, манипулирование с назна-

---

* Работа Монтескье «О духе законов» представляет собой развернутую аргументацию в пользу небольших республик. Он рассматривал английскую конституцию как наилучшее приближение к этому идеалу.

** Виги и тори были законодательными партиями, у них была непостоянная организационная структура, а также очень небольшое, если не мизерное присутствие среди электората.

чением членов парламента на военные, морские и правительственные должности; а также гарантирование королевских пенсий членам парламента.

Болингброк был одним из наиболее заметных критиков Уолпола и вигов. В результате некоторого затянувшегося недоразумения понятие «виги» применялось как к парламентской партии, так и к целому направлению мышления о политике. Как политик Болингброк был тори (в парламентском смысле), как теоретик он был вигом (или истинным вигом, то есть республиканцем). Хотя Болингброк и был заметным теоретиком, все же гораздо более значим он был именно как публицист, отстаивавший идеи вигов и транслировавший эти идеи во Францию и США. В начале XVIII в. Болингброк как официальное и неофициальное лицо проводил очень много времени во Франции, где дружил с Монтескье и Вольтером. Однако в 1720-х гг. он все же окончательно вернулся в Англию*. Оставив свой пост, Болингброк начал печатать газету *The Craftsman*, он был лидером оппозиции Уолполу. Наряду с «Письмами Катона» Тренчарда и Гордона *The Craftsman* Болингброка пользовался большой популярностью в США.

Критика Болингброка была направлена против той новой роли, которую деньги начали играть в политике Великобритании, а также против того разлагающего эффекта, который это имело. Растущие траты на военные действия против Франции создали альянс между финансовыми корпорациями и короной. Распределение все возрастающего национального долга между политическими союзниками или оппонентами стимулировало лояльность

---

* После избрания в парламент в 1701 г. Болингброк в 1704 г. стал военным министром, тогда ему было двадцать шесть лет. Однако в конечном счете как он, так и его патрон утратили расположение трона. В 1710 г. он вернулся на службу и служил государственным секретарем, а после конфликта с Харли в 1714 г. в момент смерти королевы Анны стал де-факто премьер-министром. После того как на трон взошел преемник Анны король Георг I, Болингброк опять утратил расположение и был выслан из Англии. Это произошло в 1715 г., его лишили как земель, так и титула.

держателей долгов к правительству. Растущая пропорция военных — вкупе с растущим числом военных и морских офицеров, служащих в парламенте, — равно как и растущее число чиновников (членов парламента, занимающих государственные посты) и пенсионеров, давала Уолполу и группам интереса короля преобладающее присутствие в палате общин. Болингброк обвинял короля и его министров в том, что они используют деньги для подкупа независимого парламента и уничтожения того баланса, который был создан конституцией. Чтобы сохранить приток благ и привилегий, членам парламента приходилось поддерживать корону. Независимость парламента оказалась сведена на нет зависимостью его членов от покровительства Уолпола. По мнению Болингброка, за уничтожением независимости парламента неминуемо должны были последовать тирания и рабство*.

Утверждения вигов не были безосновательными. Британское правительство владело тремя богатыми компаниями — Банком Англии, Ост-Индской компанией и Компанией Южных морей — примерно 35–40% национального долга в 1820-х гг.**. Банк Англии получил монополию на банкнотную эмиссию на территории Лондона и прилегающих окрестностей. Ост-Индская компания обладала монополией на доходную торговлю с Индией и Азией. Чиновники, пенсионеры и держатели акций в богатых компаниях, а также держатели долговых обязательств государства имели множество мест в палате об-

---

* Сочинения Болингброка доступны в ряде современных изданий. Его идеи рассматриваются в работе Крамника (Kramnick, 1968). В контексте рассмотрения фракций и корпораций особенно актуальны страницы с 39-й по 83-ю. Схожая критика корпораций и спекулятивных биржевых сделок может быть найдена в «Письмах Катона», которые были опубликованы Тренчардом и Гордоном (Trenchard and Gordon, 1995). Эти письма были удобно сведены вместе в издании, подготовленном «Либерти фанд пресс».

** Диксон (Dickson, 1967) сообщает, что правительство в сентябре 1714 г. напрямую владело 15 миллионами фунтов трех компаний из 40 миллионов, в 1719 г. это были 18 миллионов фунтов из пятидесяти (p. 93).

щин*. Инкорпорированным компаниям было довольно трудно получать лицензии. В отсутствие возможности инкорпорирования путем получения королевской лицензии или специально утвержденного парламентского акта коммерческие организации были вынуждены использовать разные формы партнерств или трастов. В силу того что привилегии каждой из трех богатых компаний зависели от связей с правительством, а также в силу того, что конкурирующие организации при условии расположения правительства также могли стать корпорациями, эти компании, их акционеры и представители были просто вынуждены поддерживать правительство. В частности, целый ряд членов парламента, связанных с этими группами интересов, не могли высказывать независимые суждения по целому ряду вопросов. Таким образом, королю и правительству удалось создать поддерживающую их коалицию, которая позволила перешагнуть через парламентское ограничение их власти.

И все же для многих было очевидно, что дела в Великобритании идут ничуть не хуже, чем обычно. Революционные соглашения гарантировали право парламента принимать полноценное участие в принятии политических решений. Экономика росла и становилась все более и более зрелой. Несмотря на все сопутствующие страхи, современные финансовые институты быстро развивались. Однако общественность все же была взбудоражена страхами относительно нынешних достижений и будущих опасностей. Вот что отметил Диксон (Dickson, 1967, p. 32–33):

> Хотя финансовая революция и принесла с собой гораздо более полезные вещи, чем развитие рынка ценных бумаг в Лондоне, именно последнее сплотило общественное мнение против финансовых инноваций. Этот рынок был объявлен ущербным по своей сути и полностью противоречащим общественным интересам. Фраза «фондовая спекуляция», которая использовалась для обозначения любой формы активности на рынке, явно отсылала к корысти

---

* См.: Namier, 1966, p. 224–225, а также более подробные обзоры в работе: Namier and Brook, 1964.

и коррупции. Подборка комментариев современников окажется примечательно единообразной, даже монотонной, по своему тону и примечательно бессодержательной относительно того, как в действительности работает рынок.

Многие другие люди высказывали схожие соображения*. Их интересовал вопрос, улучшается ли ситуация в Великобритании или же зловещие признаки активизации

---

* Юм (Hume, 1987 [1777], p. 28–29; Юм, 1996, с. 501–502). Юм в своем эссе «О том, что политика может стать наукой» высказывает схожие соображения. Вот так он комментирует ту критику (и реакцию на эту критику), которой Уолпол подвергся со стороны Болингброка и других своих критиков: «Но я был бы рад убедить фанатичных сторонников каждой партии, что и в обвинении, и в панегирике содержатся прямые противоречия и что, если бы данных противоречий не было, ни обвинение, ни панегирик не могли бы разрастись до таких размеров. Если бы наш строй действительно был *тем благородным сооружением, гордостью Англии, предметом зависти наших соседей, воздвигнутым трудом столь многих столетий, обновленным за счет столь многих миллионов и скрепленным реками пролитой крови*, если бы наш строй, говорю я, действительно хоть в какой-либо степени заслуживал этих похвал, он никогда не потерпел бы, чтобы плохой и слабый министр в течение двадцати лет успешно правил страной, в то время как против него выступали величайшие гении нации, которые пользовались самой полной свободой слова и печати в парламенте и в своих частых обращениях к народу. Но если министр был в такой степени плохим и слабым, как на этом столь энергично настаивают, то в самом строе, в его основополагающих принципах должны быть какие-то недостатки, и поэтому министра нельзя, если быть последовательным, обвинять в подрыве самой лучшей в мире системы правления. Любой строй хорош лишь в той степени, в какой он обеспечивает средство против плохого управления; и если английский строй, находясь в самом расцвете и будучи обновлен двумя столь выдающимися событиями, как *революция* и *смена династии*, в ходе которых наша прежняя королевская семья была принесена ему в жертву, если наш строй, говорю я, имея такие большие преимущества, фактически не обеспечивает никакого средства такого рода, мы должны быть, пожалуй, признательны любому министру, который подрывает его и тем самым предоставляет нам возможность воздвигнуть на его месте лучший строй». Но все же Юм испытывал беспокойство относительно последствий правления Уолпола. «За время его правления торговля расцвела, свобода увяла, а образовательный процесс деградировал. Как человек я люблю его, как ученый я его нена-

фракций и коррупции знаменуют собой скорое возвращение деспотизма. Не поджидают ли нас в скором времени тирания и коррупция?

6.3. События

Если смотреть из XXI в., то убежденность XVIII в. в опасности, исходящей от партий и корпораций, представляется несколько странной. Мы можем считать, что элиты разделяли все опасения интеллектуалов, представленные в сочинениях, лишь если мы получим свидетельства того, что они действовали в соответствии с этими убеждениями. Были ли фракции, партии и экономические организации подавлены, ограничены или деморализованы? Если да, то как и когда?

Конкурирующие фракции в естественных государствах всегда борются за власть, делают они это и в порядках открытого доступа. Единственное различие между естественным государством и порядком открытого доступа, если брать данный аспект, — это издержки поражения. В естественных государствах терпящие поражение фракции убиваются, изгоняются или устраняются каким-либо иным образом. Судьба Болингброка — замечательная иллюстрация. Будучи государственным секретарем при королеве Анне (1702–1714), Болингброк стремился к уничтожению фракции вигов: «Те из нас, кто мыслил таким образом, стремились завоевать расположение королевы, рассеять порядки вигов, лишить их всякой поддержки и занять все места в королевстве представителями тори»*. При Анне несколько вигов попали в тюрьму, включая и Уолпола. Когда Анна умерла, а Георг I обратился к вигам для формирования правительства, Болингброк в 1715 г. отбыл во Францию. Тем самым Уолпол взял реванш. Он «незамедлительно провел процедуру импичмен-

---

вижу, как британец я спокойно жажду его падения». Так Юм прокомментировал «Трактат о партиях» Болингброка.

* Болингброк в письме к сэру Уильяму Уиндхаму. Цит. по: Kramnick, 1968, p. 9.

та [Болингброка], был подан лишь один голос против. Болингброк был осужден на вечное изгнание, лишен своего титула и состояния» (Kramnick, 1968, p. 13). Болингброк лишь ухудшил свое положение в Великобритании, связавшись с Джеймсом II, смещенным в результате Славной революции 1688–1689 годов, затем, уже в ссылке во Франции, он раскаялся в своих связях с Джеймсом. В конце концов ему удалось вернуть расположение короля Георга, в 1725 г. он вернулся во Британию. Еще в 1720 г. или даже позднее, после последнего якобитского восстания 1745 г. потерпевшие поражение фракции в Великобритании сталкивались с угрозой тюремного заключения, утраты титулов и имущества, не говоря уже об угрозе смерти. Великобритания вплоть до середины XVIII в. активно ограничивала фракции, угрожая им ссылкой или даже смертью*.

В 1720-х гг. случился кризис – «пузырь Южных морей», вызванный действиями корпорации. Основанная в 1711 г. Компания Южных морей обладала *asiento*, то есть правом перевозить рабов в испанские колонии. Однако основной задачей компании было финансирование больших государственных долгов, возникших в результате войны за испанское наследство (1701–1714). В 1719 и 1720 гг. компании было разрешено увеличить свои капиталы. Акционеры могли покупать новые доли компании вместе с государственными облигациями. Так как акции Южных морей были более ликвидными, чем государственные облигации, инвесторы, компании и казна могли извлекать доход путем обмена облигаций на акции компании**.

---

* В эссе Бейлина «Истоки политической культуры» (Bailyn, 1968, p. 3–58) предлагается ясное объяснение и оправдание стойкой боязни фракций в британской политике. Последним британским пэром, лишенным своих привилегий, стал лорд Эдвард Фицжеральд, возглавивший ирландскую революцию 1798 г. Фицжеральд умер в тюрьме от ран, нанесенных ему во время ареста. Постановление, аннулирующее его статус и лишающее его собственности, было отменено в 1819 г.

** Нил (Neal, 1990, p. 62–117) описывает пузырь, операции Компании Восточных морей, а также Банка Англии. Многие облигации были аннуитетами, выпущенными на срок жизни конкретных людей. Эти облигации было достаточно трудно передавать,

Стоимость акций Южных морей в начале 1720 г. значительно выросла в результате распространения практики обмена облигаций. Однако чуть позднее в этом же году «пузырь лопнул», акции Южных морей вместе со всем рынком ценных бумаг обрушились.

По мере того как между правительством и компанией шли дискуссии об обмене облигаций, парламент также рассмотрел то, что позднее получило известность как Акт о мыльных пузырях. Принятый в июне 1720 г., то есть до того, как «пузырь лопнул», акт создал две новые страховые компании, обладающие монополией на морское страхование в Лондоне. Тем самым были упрочены позиции процветающих компаний, а также созданы наказания, которые могли быть применены к любой компании, которая притязала на то, чтобы действовать как корпорация без специальной лицензии парламента или короны*. Паттерсон и Райфен (Patterson and Reiffen, 1990) утверждают, что акт был призван защитить фискальные и политические интересы короны и парламента «путем закрепления статуса корпорации за относительно небольшим числом фирм и предотвращения возможности конкуренции» (Patterson and Reiffen, 1990, p. 165). Харрис (Harris, 1994) предполагает, что в значительной степени данный акт был принят для учета особых интересов Компании Южных морей.

Выводы Скотта, к которым он пришел в 1912 г., показывают значение Акта в условиях XVIII в.:

> Истинный смысл паники [1720 г.] заключался не столько в окончании одной эпохи, сколько в начале другой. Для государственных деятелей времен первой четверти XVIII в. казалось доказуемым, что система акционерного капитала — «опасное проявление фондовых спекуляций» — была

так как необходимо было ежегодно предоставлять свидетельства того, что данное конкретное лицо живо. Компания упростила задачу по управлению долгом, занизив проценты по долгу, выплачиваемому государством, повысив тем самым ликвидность облигаций.

* См.: Harris, 1994, 1997, 2000, а также Patterson and Reiffen, 1990. Так как Акт был принят до лопанья пузыря, то он не может быть назван реакцией на обвал фондового рынка.

> единственным достаточным объяснением несчастий страны. Никаких слов не хватало, чтобы осудить то, что тогда считалось пагубным извращением промышленности, оказывающим деструктивное влияние на коммерческую честность, на упорядоченную социальную жизнь, а также на религию и добродетель. По сути, в адрес акционерного капитала было послано проклятий немногим меньше, чем в адрес руководителей Компаний Южных морей... Короче говоря, общественное мнение 1720 и 1721 гг. сошлось в том, что рост системы акционерного капитала—это причина паники, а значит, Акт о мыльных пузырях должен быть внедрен с гораздо большей последовательностью. В результате никакая компания не могла рассчитывать на безопасное ведение бизнеса, не получив предварительно особой лицензии, причем последняя выдавалась лишь после очень дотошного анализа, не сопоставимого с тем, что было до этого. В таких обстоятельствах можно считать большой удачей то, что больше не было принято никаких ограничительных мер (Scott, 1951 [1912], vol. 1, p. 436–437).

Акт о мыльных пузырях существенно ограничил количество лицензий на создание корпораций, которые были выданы за следующее столетие.

Адам Смит в своем «Исследовании о природе и причинах богатства народов» дает нам последние необходимые свидетельства того, как именно в Великобритании XVIII в. относились к корпорациям. Смит выступает в поддержку свободной и открытой конкуренции; он обвиняет правительство и корпорации в желании ограничить вход на рынок и создать ренту. Нельзя утверждать, что он был абсолютным противником инкорпорации. Некоторые компании с акционерным капиталом он считал вполне легитимными коммерческими предприятиями*. Его в целом низкое мнение о корпорациях отражало не столько экономические и организационные аспекты коммерции на основе акционерного капитала, сколько политическое влияние практики выдачи лицензий со стороны

---

* Особенно см.: Smith, 1981 [1776], vol. 2, p. 731–758; Смит, 2007, с. 677–683, раздел «Об общественных работах и учреждениях для содействия торговле общества».

естественного государства – коррумпирующее влияние корпоративных привилегий, которые даются городам, гильдиям и монополиям*. В основном споры вокруг воззрений Смита на корпорации касались его представлений об их эффективности, но Смит рассматривал корпорации на традиционный виговский манер: он видел в них средство для получения экономических привилегий, используемых для достижения политических целей. Еще в 1776 г. основатель современной экономической науки рассматривал корпорации по большому счету в понятиях естественного государства – как инструменты политического манипулирования экономикой.

Ситуация во Франции XVIII в. была совершенно иной. Политические организации были под еще большим подозрением, чем даже в Великобритании. Абсолютный монарх не терпел никаких серьезных конкурентов. Лидеры фракций или устранялись, или ссылались. Управление французским государством включало в себя хорошо институционализированную сеть корпораций и корпоративных привилегий, которые использовались для управления муниципалитетами, судами и иными аспектами французской жизни. Сеть корпораций была связана с системой продажи должностей: должности внутри корпорации выставлялись королем для продажи; большая часть должностей могла была быть перепродана на организованном рынке; король и чиновники делали регулярные платежи друг другу (Doyle, 1996).

Во Франции, как и в Великобритании, понятие «корпорация» включало в себя гораздо большее число организаций, чем просто коммерческие компании с акционерным капиталом и муниципалитеты. Продажа привилегий за наличные, являвшаяся сутью системы продажи должностей, привела во Франции к развитию гораздо более прочных и утонченных форм организации. Ценность

---

* О городах см.: Smith, 1981 [1776], vol. 1, p. 397–410; Смит, 2007, с. 397–406, «Возникновение и развитие городов после падения Римской империи». Что касается ученичества и гильдии, см.: «Неравенства, вызываемые вмешательством государства» (Smith, 1981 [1776], vol. 1, p. 135–519; Смит, 2007, с. 166–188).

конкретной должности была напрямую связана с теми привилегиями, которые она давала, с безопасностью чиновника, а также с теми условиями, при которых должность могла быть передана третьему лицу или же оставлена наследнику. Хотя теоретически должности давались бессрочно, на практике обещания короля означали, что эти организации не были такими уж бессрочными. Финансовые трудности, с которыми столкнулась французская корона в 1770-х и 1780-х гг., отчасти были отражением тех обещаний, которые были даны чиновникам, что сделало достаточно проблематичным процесс обсуждения возможных решений финансовых трудностей государства. В результате фискальных стимулов, которые толкали короля к тому, чтобы обеспечить институциональную поддержку всевозможным корпоративным организациям, включая централизованную организацию судов, муниципалитетов и коммерческих предприятий, французская политическая и экономическая жизнь в середине XIX в. обладала гораздо большим разнообразием комплексных организационных структур, чем жизнь британская.

Вопрос о корпоративной форме организации и привилегиях достиг своего апогея во время революции. В ночь 4 августа 1789 г. Национальное собрание — во время того, что «справедливо считается наиболее радикальным заседанием законодателей во всей истории Французской революции», — приняло решение об отмене или осуждении большинства основополагающих институтов французского общества (Doyle, 1996, p. 1). Был провозглашен конец практике продажи должностей. Муниципалитеты и их чиновники сохранялись; чиновники более уже не назначались, но избирались; ассамблея функционировала не на основе прав, но на основе представительства. Прежние формы организации также должны были исчезнуть. Закон Ле Шапелье был принят Ассамблеей в июне 1791 г., в результате многие формы экономических и общественных организаций оказались под запретом, эти запреты применялись к рабочим, профессионалам и предпринимателям (Stewart, 1951, p. 165–166).

Неприязнь к организациям особенно чувствуется в Конституции 1791 года. Ее преамбула гласит:

Национальное собрание, намереваясь утвердить Французскую конституцию на началах, только что признанных и провозглашенных им, отменяет бесповоротно установления, причинявшие ущерб свободе и равенству прав.

Нет более ни дворянства, ни пэрства, ни наследственных, ни сословных отличий, ни феодального порядка, ни вотчинной юстиции, никаких титулов, званий и преимуществ, проистекавших из этого порядка, никаких рыцарских орденов, ни корпораций или знаков отличия, для которых требовалось доказательство дворянства или благородства происхождения, и никаких иных преимуществ, кроме отличий, присвоенных общественным должностным лицам при исполнении их обязанностей.

Не существует более ни продажности, ни наследственности каких-либо государственных должностей.

Ни для какой части нации, ни для одного индивида не существует более никаких особых преимуществ или изъятий из права, общего для всех французов.

Не существует более ни сословных цеховых управ, ни профессиональных, художественных или ремесленных корпораций.

Закон не признает более ни религиозных обетов, ни каких-либо иных обязательств, противных естественным правам или конституции.

Французская революция всегда рассматривалась как революция против привилегий. При таком подходе упускается то, что это была также революция против корпораций, против форм структурирования привилегий, которые использовались для структурирования французского естественного государства, а также всего французского общества. Данная реакция не была проявлением антипатии к аристократии: большая часть корпоративных привилегий не имела никакой связи со знатностью или дворянскими титулами.

Американский случай представляет собой третью вариацию. У американцев очень долго была общая с Великобританией история. В результате в колониальный период развился такой стиль политики, который делал акцент на солидарной политике и оппозиции колониальным правителям (Hofstadter, 1969, p. 45). Мы уже упоминали историю идеологии вигов в Америке, которую написал Бейлин, с целью иллюстрации того, как имен-

но страх перед фракциями и корпорациями способствовал подготовке Американской революции. Два примера из 1790-х гг. иллюстрируют то, как эти страхи увеличивались в первые годы республики.

Вначале давайте рассмотрим «Прощальное послание» Джорджа Вашингтона 1796 г. После призыва ценить Союз, а также предсказания о том, что географические различия могут подвергнуть его опасности, Вашингтон заговорил про опасности фракции:

> Любые препоны на пути отправления законов, любые союзы и ассоциации, созданные под любым уважительным предлогом, с действительным намерением осуществлять руководство или контроль над конституционными властями, препятствовать им или запугивать их в ходе принятия ими решений и осуществления действий, наносят ущерб этому основополагающему принципу и носят пагубный характер.
>
> Они способствуют возникновению фракционной борьбы, приданию ей чрезвычайной роли, замене делегированной воли нации волей партии — зачастую небольшого, но предприимчивого меньшинства общества — и, принимая во внимание чередующиеся триумфы партий, превращению государственных органов власти в зеркало, отражающее непродуманные и нелепые прожекты фракций, а не в орган реализации разумных планов, поддерживаемых всеобщим мнением и отвечающих взаимным интересам.
>
> Чередующееся доминирование одной фракции над другой, обостренное естественным для партийных расколов чувством возмездия, которое в различные времена и в различных странах влекло за собой наиболее чудовищные преступления, само является ужасным деспотизмом. Но это ведет в конечном счете к более прочно закрепившемуся деспотизму. Нарастающие разброд и лишения подталкивают людей к мысли искать защиты и отдохновения у отдельной личности с абсолютной властью, и рано или поздно глава победившей фракции, более способный или более удачливый, чем его соперники, обращает эту ситуацию на пользу своего собственного возвышения на руинах общественной свободы.

Затем Вашингтон переключается на тему опасности партий:

> Существует мнение, что в свободных странах партии представляют собой полезный инструмент контроля за отправлением власти и способствуют сохранению духа свободы...
>
> Поочередное доминирование одной фракции над другой, заостренное духом мести, естественным для партийных разногласий, духом, в разные эпохи и в разных странах ставшим причиной ужасных гнусностей, само по себе является ужасным деспотизмом. Однако в перспективе это ведет ко все более формальному и перманентному деспотизму...
>
> Даже если не брать подобного рода крайности (которые тем не менее не должны полностью выпадать из виду), общий продолжающийся вред, наносимый партийным духом, вполне достаточен для того, чтобы умные люди задались целью утихомирить и ограничить его.

Предупреждение Вашингтона относительно опасностей фракций и партий опиралось на его собственный президентский опыт, когда федеральным правительством была предпринята попытка создания первой экономической корпорации. Первый вызов, с которым столкнулось новое правительство, был финансовым. Конституция 1787 года была отчасти мотивирована потребностью предоставить правительству полномочия взимать налоги, чтобы оно могло собрать деньги для выплаты долгов, накопленных за время революционной войны. Когда первый конгресс собрался, секретарь казначейства Александр Гамильтон предложил трехчастную схему. Все существующие национальные и государственные долги должны быть консолидированы в новой эмиссии облигаций; национальный банк будет пользоваться всяческой поддержкой федерального правительства, при обслуживании новых облигаций он будет действовать как финансовый представитель правительства; будет установлен умеренный фискальный тариф на импорт, кроме того, будут взиматься акцизы для обеспечения государства необходимыми доходами. Все три элемента плана Гамильтона прошли конгресс в марте 1791 г.

Однако тезисы Гамильтона о создании новой финансовой системы Америки не были лишены и зловещего подтекста. В январе 1790 г. в своем «Первом отчете об об-

щественном кредите» Гамильтон отметил: «Если все общественные кредиторы будут получать свои пошлины из одного источника... то у них будут единые интересы. А если у них будут единые интересы, то они объединятся с целью поддержки фискальных мер правительства»*. Получается, что Гамильтон выступил с инициативой создать именно тот тип фракционной группы интереса, поддерживающей правительство (альянс с могущественной группой интереса), которого больше всего боялись виги в Великобритании.

Оппозиция плану Гамильтона возникла очень быстро, критика была направлена на право федерального правительства создавать корпорации. Рассматривая вопрос о том, стоит ли подписывать предложенный билль или же следует наложить на него вето, Вашингтон посоветовался с Гамильтоном, Джефферсоном (государственный секретарь), а также Рэндольфом (генеральный прокурор). Гамильтон решительно убеждал Вашингтона подписать. Джефферсон и Рэндольф разубеждали его. Они облекли свои аргументы в конституционные понятия: американская конституция не дает федеральному правительству полномочий создавать корпорации; следовательно, правительство не имеет на это права. Гамильтон возразил, что эти полномочия прописаны в Конституции**. Данная конфронтация породила один из наиболее продолжительных политических споров в американской истории– спор о полномочиях федеральной власти, вытекающих из Конституции.

В споре также были затронуты более общие вопросы, касающиеся опасностей корпораций. Джеймс Мэдисон,

---

* «Report on the Public Credit». American State Papers, Finance, vol. 1, p. 15. Фергюсон (Ferguson, 1961) анализирует то, как в мышлении Гамильтона переплетались конституционные вопросы и вопросы государственного долга.

** «Каждая сила, наделенная правом на правительство, по самой своей природе является *суверенной*, она по самому *определению* себя как *силы* обладает правом использовать все необходимые и применимые *средства* для достижения *целей* этой власти, кроме тех, что не оговорены в Конституции, или же не являются аморальными, или же не противоречат *сущностным целям* политического общества» (McKee, 1957 [1934], 101.– *Курсив в оригинале*).

тогда представитель Виргинии в конгрессе, высказал опасение относительно того, что санкционирование корпораций уничтожит очень тонкий баланс, установленный конституцией, и это станет причиной провала всей системы:

> Мистер М. затем развил свою позицию относительно того, что точный баланс или равновесие, заданное Конституцией, необходимо соблюдать, поддерживая паритет между разными ветвями власти. Он показал, что если принцип равновесия не будет сохранен, то тогда преимущества отдельных независимых ветвей будут утрачены, а их отдельные усилия и соображения окажутся полностью бессмысленными...
>
> Право предоставлять привилегии, как заявил М., — это серьезная и очень важная власть, ее не следует использовать до тех пор, пока мы не поймем, что имеем полное право делать это. Тут он пустился в повествование о том значительном и масштабном влиянии, которое инкорпорированные общества оказали на общественную жизнь Европы. Это мощнейшие машины, достаточно компетентные, чтобы оказывать влияние на общество в соответствии с принципами, по большей части никак не вытекающими из воли народа (Annals of Congress, 1st Congress, 3rd Session, p. 2008–2009).

Финансовая программа Гамильтона пугала вигов тем, что исполнительная власть может получить слишком большое влияние. Это будет нарушением конституционного баланса. Подобная перспектива беспокоила их куда сильнее экономических преимуществ предложенного плана*. Спор относительно импликаций финансового плана после того, как в 1791 г. тот был принят, знаменовал собой раскол в федеральном правительстве (Banning, 1978; McCoy, 1980). С федералистской стороны сторонни-

---

* «Достаточно трудно понять, как экономическая программа, предложенная Александром Гамильтоном для новой республики, могла способствовать усилению страхов [за сообщество]. <...> Эти страхи неизбежно вызывали в памяти систему английских финансов со всеми вытекающими отсюда последствиями для сознания, сформированного под влиянием британской оппозиционной мысли» (Banning, 1978, p. 128).

ки Адамса, к которым присоединился Гамильтон, восхваляли конституцию Великобритании, а также возражали против слишком значительного расширения демократии. С той стороны, которая стала республиканской, Джефферсон и Мэдисон, которых подстрекали Томас Пейн и Филип Френо, раскритиковали сторонников Адамса и Гамильтона как подражающих Уолполу. Республиканцы шельмовали финансовый план, объявив его попыткой Гамильтона использовать свой пост секретаря казначейства с целью упрочить контроль над правительством путем коррумпирования его. Взаимная вражда привела к образованию особых федералистских и республиканских фракций. Чуть позднее мы рассмотрим организацию этих фракций. То, как данный конфликт был разрешен, поставило проблему коррупции при реализации планов экономического развития в самый центр американской политики еще на семьдесят лет вперед. Партии в Америке уже начали появляться, но они еще не рассматривались как нечто легитимное. Корпорации продолжали представлять угрозу для республиканских идеалов, а федеральное правительство не предпринимало никаких усилий по созданию новых корпораций вплоть до 1816 г.

Народ Великобритании, Франции и США в 1790-х гг. рассматривал фракции, партии и корпорации как угрозы для функционирования слаженной республики. Конституции и политические меры, призванные ограничить число лицензируемых корпораций, отражали страх перед тем, что фракция использует свою политическую власть для манипулирования экономическими привилегиями с целью получения стабильного долговременного контроля над правительством, уничтожения конкурирующих фракций и тирании оппонентов.

6.4. Партии и корпорации

Для того чтобы понять, как именно партии и корпорации развивались в XIX в., необходимо определиться с понятийным аппаратом. Дюверже (Duverger, 1959; Дюверже, 2000) выделил четыре типа партий на их начальной

стадии развития. Первые два типа — это парламентские и электоральные партии. Парламентские партии развиваются в рамках законодательных органов. Парламентские партии обычно представляют собой аморфные ассоциации отдельных лиц. Виги и тори в Великобритании XVIII в. были как раз парламентскими партиями; у них не было организованных электоральных аналогов (Duverger, 1959, p. xxiii; Дюверже, 2000, с. 22).

Электоральные партии развиваются тогда, когда право голоса становится достаточно распространенным, а электорат — достаточно разношерстным, чтобы имело смысл оплачивать работу политических активистов, которые бы могли посвящать свои силы организации избирателей и получению их голосов (Duverger, 1959, p. xxvii; Дюверже, 2000, с. 26). Электоральные партии развивались множеством способов. Одни образовывались на основе локальных интересов, другие — на основе географических интересов, третьи — на основе централизованного лидерства.

Узнаваемые современные политические партии, третий тип партий, возникли тогда, когда парламентские и электоральные партии совместились или выросли из одного корня (Duverger, 1959, p. xxiii; Дюверже, 2000, с. 28–29). Современная политическая партия включает в себя законодательное крыло, которое координирует поведение законодателей, и электоральное крыло, которое стремится выявить потенциальных избирателей партии и получить их голос. Большинство партий, сформировавшихся в XIX в. в первых трех странах-первопроходцах, выросли из парламентских и электоральных партий, а также из их слияния.

Дюверже называет четвертый тип партий партиями «внешнего происхождения» или «внепарламентскими партиями». Партии «внешнего происхождения» сложились не на основе законодательного или электорального процесса, весь строй такой партии «сложился в основном посредством действия предшествующих ей институтов, собственная деятельность которых протекает за пределами парламента и выборов; в этом случае можно с полным основанием говорить о внешнем происхождении» (Duverger, 1959, p. xxx; Дюверже, 2000, с. 29). Основными источ-

никами создания партий «внешнего происхождения» Дюверже считает трудовые и профессиональные союзы, социалистические и иные идеологические кружки, церкви, философские общества, ассоциации отставных военных, а также бизнес-предприятия*. Подобные партии нередко созидаются скорее с намерением высветить некоторый вопрос или некоторые условия, они не лелеют никакой серьезной надежды на победу в выборах или прохождение в правительство. Партии «внешнего происхождения», имеющие узкие специфические интересы, которым позволено конкурировать в политическом пространстве, знаменуют собой начало политики открытого доступа.

Экономические организации также возникают несколькими способами. Традиционная последовательность развития фирм говорит о партнерстве (или партнерстве с неограниченной ответственностью), партнерстве с ограниченной ответственностью и корпорации или акционерном обществе**. Все подобные формы бизнес-предприятия — контрактные организации. Они опираются на обеспечение соблюдения правил государством как третьей стороны, которое призвано структурировать отношения внутри организации, между организацией и другими лицами, а также между организацией и иными организациями.

Партнерство с неограниченной ответственностью — это соглашения, достигнутые между индивидами, которые не требуют выраженного согласия со стороны государства. Государство задает и обеспечивает стандартизированные формы, в которые могут облечься партнерские соглашения***. Партнерство по самой своей сути являет-

---

* Дюверже (Duverger, 1959, p. xxxiv; Дюверже, 2000, с. 34) цитирует Ф.-Х. Андерхилла, который доказывает, что рождение Канадской консервативной партии в 1854 г. прошло под влиянием Банка Монреаля, «Гранд Транк Рэилвей» и в целом крупного бизнеса Монреаля.

** Четвертая форма, траст, была особенно важна для Великобритании.

*** Индивиды могут формировать партнерства по своему усмотрению, но они не вольны выбирать ту форму, которую это партнерство примет. Это очень тонкое различие, которое имеет свои следствия. Государство определяет, какие формы партнер-

ся чем-то личным. Каждый отдельный партнер может действовать от лица остальных, все партнеры несут совместную и коллективную ответственность за долги и обязательства, связанные с партнерством. Партнерство не имеет правосубъектности. Действия, которые совершаются партнерством, — это действия, которые совместно совершают партнеры как индивиды. После смерти или отказа одного партнера партнерство должно быть реформировано. Подробное законодательство, касающееся партнерств, существовало в Великобритании, Франции и США на протяжении всего XIX в.

Товарищество с ограниченной ответственностью включает два типа партнеров. Во Франции *société en commandite* включало пассивных партнеров, *commanditaires*, ответственность которых за долги и действия партнерства ограничивалась объемом их инвестиций. Активные партнеры, *gerantés*, вели свое дело без участия или советов *commanditaires*. Все партнеры в стандартном партнерстве, или *société generale*, а также *gerantés* в *société en commandite* были подчинены принципу неограниченной ответственности. Лишь у *commanditaires* была ограниченная ответственность. Во Франции развивалась разновидность *société en commandite — société en commandite par action*, то есть партнерство с ограниченной ответственностью, в котором пассивные партнеры, обладающие долями, могли эти доли передавать при соблюдении определенных условий*.

ства оно допустит как внутри фирм, так и между ними и клиентами. Индивиды могут выстраивать любую форму партнерства, которую они только хотят. Однако если окажется, что данные формы противоречат принципу совместимости стимулов, то партнеры могут обеспечить соблюдение соглашений при помощи третьей стороны лишь через те формы, которые были определены государством. Так, например, партнеры и их кредиторы могут подписать соглашения, которые не будут признаваться государством, так как эти соглашения не соответствуют государственным стандартам.

* Партнерства с ограниченной ответственностью не были разрешены в Великобритании вплоть до 1907 г. В нескольких американских штатах в XIX в. была распространена форма партнерств с ограниченной ответственностью, однако выпуск

Третьей формой коммерческой организации была корпорация—акционерная компания, или *société anonyme*. Корпорации представляли собой бессрочные организации, обладающие безличными правовыми идентичностями. Структура корпорации определялась ее уставом. Корпорации возглавлялись советом директоров или советом управляющих*. Корпорации обычно лицензировались, для того чтобы выполнять определенные функции или действовать в определенных географических зонах. Некоторые корпорации пользовались привилегиями монополий, однако так было не всегда. Менеджмент обычно избирался советом или акционерами. Ограниченная ответственность не была распространенной чертой уставов корпораций вплоть до середины XIX в. Акционеры в *société anonyme* автоматически несли ограниченную ответственность во Франции после 1807 г., то же самое стало происходить и в США после 1840-х, а также в Великобритании после 1856 г.

В прямом соответствии с логикой естественного государства институты, занимавшиеся формированием корпораций любого типа, требовали эксплицитного согласия государства во всех трех странах. Лицензия выдавалась прямым постановлением законодательного органа, короны или, если брать Францию, *Conseil d'Etat*. В отличие от партнерств корпорации не могли быть созданы по воле индивидов. После 1780-х гг., о чем речь пойдет в нижеследующих разделах, появились новые институты, которые получили название общей инкорпорации, они позволяли создавать корпорации посредством административной процедуры, минуя эксплицитное одобрение по-

---

акций для них был полностью запрещен. Ограниченная ответственность допускала некоторое разделение ответственности между владельцами и управляющими, а также передачу акций, но не навсегда, то есть это была усеченная форма ограниченной ответственности. Обсуждение и сравнение форм партнерств и корпораций в США и Франции в XIX и XX вв. см. в: Lamoreaux and Rosenthal, 2004, 2005.

* Примеры различных электоральных схем, которые использовались в Америке, см. в: Dunlavy, 2004; относительно Франции см. в: Freedeman 1979, p. 43–44; относительно Великобритании см. в: Scott, 1951 [1912], p. 163, 228, 270, 340.

литического органа. Феномен общей инкорпорации развился сначала в США. Закон, легитимизирующий данную процедуру, называется законом об общей инкорпорации.

Оставшаяся часть данной главы посвящена рассмотрению того, как именно возникли формально организованные, конкурентные политические партии, а также того, как формально ограниченный доступ к корпоративным формам ведения бизнеса стал открытым благодаря принятым в XIX в. законам об общей инкорпорации.

6.5. Переход к открытому доступу в Великобритании

Накануне Американской революции Великобритания обладала несколькими особыми институциональными преимуществами. У нее был большой опыт репрезентативных законодательных институтов, формирующихся на основе парламента, и выборов, хотя и без всеобщего избирательно права. Парламент привел к развитию парламентских партий, а идея легитимной оппозиционной партии стала пользоваться доверием уже в XVIII в. (Foord, 1964). Великобритания также имела большой опыт в организации корпораций, и у нее было общее право и право справедливости, регулировавшее вопросы работы партнерств, корпораций и трастов. Однако в Великобритании не было ни конкурирующих электоральных партий, ни открытого доступа к корпоративной форме.

Работа Нэмира «Структура политики во время восшествия Георга III» предлагает нам прекрасную цитату, с которой можно начать наше рассмотрение: «В 1760 г. еще не было никаких настоящих партийных организаций, хотя партийные названия и жаргон были в ходу; названия и жаргон той поры дали массу материалов для воображаемой надстройки» (Namier, 1957, p. x). Несмотря на постоянное использование партийных ярлыков, парламент в XVIII в. не был организован политическими партиями на сегодняшний манер. Избрание в парламент не было результатом конкурентного политического процесса, оно

было следствием решения знатных членов локального сообщества.

Чтобы иметь право голоса в английском графстве, необходимо было иметь сорокашиллинговый фригольд. Каждое графство посылало двух представителей. Примерное количество избирателей в Англии составляло 160 тысяч, в среднем по 4 тысячи избирателя на каждое из сорока графств. «Может показаться, что это достаточное число. Однако в силу того, что голосование было открытым и заносилось в специальные книги, люди на зависимых должностях едва ли могли делать свободный выбор» (Namier, 1957, p. 65). «Избиратели в графствах составляли независимый и относительно крупный класс, но было бы нелепо говорить о некоей „демократии" в 39 из 40 графств» (Namier, 1957, p. 73).

Из 203 небольших городов с самоуправлением лишь 11 из тех, что посылали своих представителей в палату общин, предоставляли право голоса всем живущим там домовладельцам, не просящим милостыню и не получающим пособие. В 92 городах право голоса было предоставлено всем свободным людям. Эти города различались по своему размеру.

В 1761 г. из 44 городов, электорат которых превышал 500 человек, лишь в 23 городах проходили выборы. В «оставшемся 201 английском округе лишь в 18 [проходили выборы]; то есть конкуренция была в более чем половине крупных городов и в одном из десяти из оставшихся округов». В округах, в которых не было никакой конкуренции, анонсировались лишь два кандидата, при этом никаких выборов не было*. В оставшихся 148 городах электорат был очень немногочисленен, в них «идеи того времени тесно увязывали право голоса и право быть избранным с собственностью, постепенно право голоса и место сами становились собственностью, напоминав-

---

* Все те же самые тенденции останутся в силе и после того, как первый билль о реформе переопределит электорат и электоральные районы. См.: Cox, 1987, p. 127–132; Kishlansky, 1986. Рассмотрение вопроса о размере электората см. в: Namier, 1957, p. 83, там рассматривается вопрос о голосовании 1761 г.

шей патронат, причем крайне значимой, способной принести заметный доход своему владельцу»*. Еще в 1830 г. ни политические партии, ни электоральная конкуренция не были постоянной чертой политики Великобритании. Там было лишь несколько выборов на альтернативной основе; большинство членов парламента избирались в силу их социального статуса и связей**.

Первая реформа избирательной системы в 1832 г. значительно изменила структуру политики и политических партий в Великобритании. Акт подразумевал три изменения. Первые два были направлены на перераспределение политического представительства внутри элиты. Первое изменение целиком или частично лишило избирательных прав 83 самых маленьких «гнилых местечка». Освободившиеся места были перераспределены между городскими и промышленными округами (включая Бирмингем, Манчестер и Лидс, которые не имели никакого представительства вплоть до 1832 г.), а также между самыми разными графствами. Второе изменение наделило избирательными правами пожизненных арендаторов помещичьей земли, имущество которых оценивалось в десять фунтов или больше. Данное изменение привело к небольшому расширению избирательных прав, но это не означало снижения имущественного ценза. Арендаторы до этого были лишены прав именно из-за их статуса, а не потому, что они контролировали землю и собственность, меньшую по своей стоимости, чем фригольдеры. Третье институциональное изменение, подразумеваемое реформой, требовало регистрации электората. В силу изменения требований к праву собственности все избиратели должны были получить регистрацию.

---

* Патронат был правом предлагать кандидата на церковную должность, например на должность священника или епископа (Namier, 1957, p. 126).

** Нэмир (Namier, 1957, p. 2) делает следующий вывод: «Едва ли удивляет то, что среди тех, кто выразил желание войти в состав палаты общин, лишь очень немногие не смогли воспользоваться своим шансом».

Билль о реформе знаменовал собой новый виток внутриэлитного противостояния, который привел к перераспределению прав и привилегий, так же как это всегда происходило в естественном государстве (это мы видели в предыдущих главах). Основная задумка этой реформы заключалась в том, чтобы реструктурировать политическое представительство внутри элиты, приблизиться к ситуации, при которой все члены элиты могли бы пользоваться равными политическими правами. Данный билль не был результатом компромисса между элитами и неэлитами в британском обществе. Не был он задуман и как средство выстраивания режима политики открытого доступа со всеобщим избирательным правом. Несмотря на значительность реформы, многие важные элементы прежних привилегий оказались сохранены. Промышленные города севера, а также Лондон так и остались без достаточного числа представителей*.

Однако принятие этого закона имело в том числе и непредвиденные последствия: становление постоянных электоральных политических партий (Bulmer-Thomas, 1965, p. 66). Регистрация создала мощные стимулы на местном уровне для политической организации: были предприняты действия по регистрации списков и побуждению соотечественников зарегистрироваться. Сэр Роберт Пиль, лидер консервативной партии, увидел эту возможность и начал организовывать местные регистрационные общества. В письме своему другу от 8 ноября 1838 г. он написал:

> Билль о реформе изменил положение партий, а также саму практику рассмотрения вопросов общественной важности. Ничего из этого авторы реформы не предвидели.

---

* «Хотя во многих избирательных округах по-прежнему шли выборы на альтернативной основе, собственнические, или карманные, городки, представительство которых по-прежнему находилось под контролем некоторых влиятельных аристократов и простолюдинов, все же остались; по мнению многих историков, электоральное влияние, коррупция и насилие по-прежнему оставались основными факторами, предопределявшими исход выборов» (Cox, 1987, p. 10).

Возникает абсолютно новый элемент политической власти – регистрация избирателей, это более важный элемент, чем монархия или палата общин.

Партия – это мощнейший инструмент, существующая регистрация идет ему на благо. Пока это дремлющий инструмент, но он очень мощен в своей тихой предварительной работе.

Регистрация будет определять распределение должностей, она будет определять политику партийных атак; власть этого нового элемента будет лишь увеличиваться, по мере того как его секретная сила будет все более выявляться и развиваться. У меня нет никаких сомнений в том, что вскоре мы увидим его регулярную систематическую организацию. Чем все это закончится, я не знаю, однако регистрирующие суды неминуемо будут обладать значительными полномочиями, именно там будет предопределяться исход противостояния*.

В силу тех преимуществ, которые предоставляла электоральная организация, либералы-виги были вынуждены имитировать те организационные мероприятия, которые инициировали Пиль и консерваторы. Современные конкурентные политические партии – безличные, массовые организации – впервые возникли в конце 1830-х гг. Это изменение стало прямым следствием попыток создания более равного представительства членов элит путем трансформирования прежних личных идиосинкразических элитных привилегий в права, а затем и в полноценные институты элитных прав.

В 1830-х и 1840-х гг. партийная дисциплина в парламенте и среди электората начала проявляться со все большей очевидностью. Кокс (Cox, 1987) документально прослеживает, как партии одновременно возникли и в законодательных органах, и в среде электората. Возникновение современных партий он связывает с Актом о реформе 1832 года. Возникли новые конкурентные политические

---

* Цит. по: Bulmer-Thomas, 1953, p. 13–14. Булмер-Томас дополняет длинную цитату короткой: «Если быть более конкретным, то в 1841 г. Пиль сказал своим соратникам в Тамворте: „Регистрируем, регистрируем, регистрируем“».

организации, которые трансформировали политический ландшафт Великобритании. Целая серия реформ, которая последовала в 1867, 1883 и 1885 гг., существенно расширила избирательное право: право голоса предоставлялось все большему числу людей — на более низких ступенях экономической и социальной лестницы, чего не было в реформе 1832 г. Тем самым Великобритания уверенно двигалась к построению системы стабильной политической конкуренции, осуществляемой через массовые политические партии.

Что касается экономических организаций, то они пережили фундаментальные трансформации в 1844 г. Сдержки, заложенные в Акте о мыльных пузырях 1720 года, затруднили процесс образования корпораций. Данный акт создавал для фирм, действующих как корпорации, то есть как неинкорпорированные акционерные компании, значительные риски*. Неинкорпорированные компании, использующие различные формы партнерств и трастов, в XVIII в. были вполне развитыми, однако мы не будем рассматривать их подробно.

Однако и до, и после Акта о мыльных пузырях корпоративная форма была доступна для всякого, кто мог заручиться парламентской поддержкой. Но эту поддержку было достаточно трудно получить ввиду противодействия со стороны существующих групп интересов. В парламенте существовала хорошо проработанная процедура выдачи лицензий, но именно в силу противодействия разных групп интересов за все время было выдано лишь несколько подобных лицензий**. Претендентами на новые лицензии

---

* Пламенное опровержение тезиса о том, что неинкорпорированные компании были важной частью экономической истории XVIII в., см. в главе «Трасты, партнерства и неинкорпорированные компании» из книги Харриса (Harris, 2000, p. 137–167).

** На странице 135 Харрис так описывает входные барьеры: «Барьеры на вход в мир корпораций не были созданы парламентом преднамеренно, парламент даже не особенно управлял ими, более того, этот барьер не то чтобы сильно способствовал процветанию государства. Парламент, а также Комитет тайного совета (в случае лицензий) служили лишь пространством для дискуссий и установления процедурных правил.

обычно были богатые и влиятельные группы интересов, которые пытались получить монополию или ограничить конкурентов в банковском деле, страховании или транспорте. Харрис пишет: «Если бы не было правовых положений, требующих от каждой корпорации получения отдельной специальной лицензии, то тогда группы интереса не имели бы никакой возможности контролировать вход на рынок» (Harris, 2000, p. 135). Переговоры относительно предоставления новых лицензий подразумевали всесторонние переговоры внутри элит относительно распределения ренты. Лицензии создавали новые возможности для ренты даже тогда, когда они не давали монопольных прав, — сама корпоративная форма была существенным преимуществом для всякой экономической организации.

На протяжении XVIII в. экономика росла и начинала индустриализироваться, формировались многие новые экономические и политические группы интересов, а по мере того, как интересы менялись, естественные государства проводили перераспределение элитных привилегий и ренты. То же самое происходило и в Великобритании XIX в., но на этот раз с некоторыми трудностями. В первой трети XIX в. новые группы интересов бросили успешный вызов тем привилегиям, которыми пользова-

---

Сама же эта арена оставалась открытой для активных игроков, для групп интересов. Именно группы интересов и создавали барьеры для входа. В предыдущей главе я уже описывал то, как группы интересов в страховании, а также — правда, в меньшей степени — в транспортной сфере координировали свои усилия, чтобы заблокировать вход новичков на рынок. Примеры деятельности групп интересов в иных отраслях можно найти в последующих главах. Попытки сформировать акционерные компании в отраслях, контролируемых индивидами, например в мукомольне или пивоварении, объединяли всех индивидов против того, кто пытался туда вторгнуться. Работорговцы яростно противодействовали законам аболиционистской Компании Сьерра-Леоне. Банк Англии препятствовал образованию акционерных банков. Можно найти еще множество примеров такого рода». Но все же мы не согласны с выводом Харриса о том, что парламент не вел никакой активной политики по сохранению институтов, которые позволяли группам интересов блокировать выдачу новых лицензий.

лись Банк Англии, Ост-Индская компания и две конкурирующие монополи в морском страховании, все эти привилегии были созданы Актом о мыльных пузырях. В 1824 г. Союзная страховая компания, созданная для страхования жизни и пожаров, среди сторонников которой были Натан Ротшильд и Александр Баринг, вынудила парламент предоставить ей лицензию. Им удалось преодолеть монополию на морское страхование, которая была создана Актом сто лет назад. Группа «местных банкиров, несколько частных банкиров из Лондона, а также предприниматели, которые стремились создать новые акционерные банки в провинциях, а также в Лондоне», смогли убедить парламент ослабить ограничения на акционерные банки, которые шли на пользу Банку Англии*. В соответствии с изначальными привилегиями, данными Банку Англии, банки Англии не могли иметь больше семи партнеров, более того, не разрешалось создавать никаких корпоративных банков. В 1826 г. был принят билль, который разрешал формирование корпораций и партнерств с любым количеством акционеров и партнеров, которым разрешалось вести банковский бизнес по всей Англии. Ост-Индская компания утратила свою монополию на торговлю с Индией в 1813 г., а с Китаем — в 1833 г. (Harris, 2000, p. 207–215).

Однако эти реформы едва ли открыли шлюзы для формирования корпораций. Экономический бум 1820-х гг. привел к пику 1825 г. В этот год 624 новые компании обратились в парламент за получением лицензий, однако были удовлетворены лишь несколько обращений. Вал обращений был спровоцирован как экономическим бумом, так и серией юридических решений, которые способствовали оживлению норм Акта о мыльных пузырях. Эти нормы стали все чаще применяться против неинкорпорированных акционерных компаний, что сделало их правовой статус достаточно шатким (Harris, 2000, p. 230–249). Между 1826 и 1844 гг. был санкционирован 151 новый акционерный банк, а также 216 железных дорог. Многие из этих проектов по-

* Это цитата из работы Харриса (Harris, 2000, p. 212); рассмотрение монополии в морском страховании, а также монополии Банка Англии см. на страницах с. 207–215.

терпели крах. Спэкман приводит данные лишь о 720 компаниях, акции которых были выставлены в Лондоне к 1843 г.

Агитация в пользу новых корпораций усилилась в 1820-х и 1830-х гг., она была инициирована богатыми гражданами, которые уже вели бизнес, но желали расширить свое дело до масштабов корпорации. В 1844 г. парламент принял новое законодательство – Акт о регистрации, инкорпорации и регулировании акционерных компаний, а также сопутствующий акт, призванный облегчить выведение сальдо акционерных компаний. Данные законы были разработаны в рамках комитета, возглавляемого молодым Уильямом Глэдстоуном*. Акт о регистрации установил процедуру, посредством которой можно было создать акционерную компанию, минуя всякое согласие государства**. Акт подразумевал не только ведение учета корпораций. Акт регистрации корпораций, посредством которого осуществлялось их инкорпорирование,

> ...должен был включать в себя цель компании, структуру ее акционерного капитала, имена подписчиков и количество их акций, имена директоров и аудиторов компании. После полной регистрации компания могла, помимо всего прочего, использовать зарегистрированное название, судиться или быть судимой по этому названию, вступать в контрактные отношения, покупать землю, выпускать акции, занимать деньги, проводить собрания, устанавливать внутренние правила. По сути, компания, зарегистрированная в соответствии с актом, имела все черты корпорации (отдельную правосубъектность, свободную передачу долей, иерархическую структуру управления), но с одним исключением – отсутствием ограниченной ответственности (Harris, 2000, p. 283).

---

* Регистрация организаций в Англии имеет свою историю. В 1786 г., согласно закону, устанавливавшему реестр кораблей, действующих в соответствии с Актами о навигации, была определена процедура фиксации данных о владельцах акций и собственниках. Более ранние примеры регистрации обсуждаются в работе Харриса (Harris, 2000, p. 275).

** Акт исключил банки и железные дороги, которые управлялись в соответствии с собственными актами, также принятыми в 1844 г.

Акт не предоставлял акционерным корпорациям ограниченную ответственность, это право было предоставлено лишь в 1856 г.

Хотя историческая литература и не уделяла Биллю 1844 года должного внимания, концентрируясь на спорах вокруг принятия ограниченной ответственности в 1856 г., две вещи, касающиеся этого билля, все же заслуживают внимания. Первое: Билль 1844 года открыл шлюзы для создания корпораций. За 14 месяцев после принятия билля было предварительно зарегистрировано 1639 компаний, учитывая, что до этого их существовало почти вдвое меньше — 700*. К 1856 г. 3942 компании получили предварительную регистрацию, еще 135 компаний были инкорпорированы, став компаниями с ограниченной ответственностью. За девять лет, последовавших после принятия общей ограниченной ответственности в 1855–1856 гг., были санкционированы еще 4859 компаний (Harris, 2000, p. 288). Количество корпораций в Великобритании увеличилось с 700 до 10 тысяч, это уже был полноценный открытый доступ.

В результате примечательного исторического совпадения Великобритания в середине XIX в. использовала то же самое слово *регистрация* для описания институтов, которые обеспечивали открытый доступ как в политических, так и в экономических организациях. Как регистрация на выборах, так и регистрация компаний позволили запустить безличный административный процесс, посредством которого индивиды получили право на поддержку и услуги со стороны государства в силу самого факта своего гражданства. Политическое гражданство все еще определялось в экономических понятиях (соро-

---

* Сведения, которые были представлены парламенту в 1846 г. после принятия Акта о регистрации, гласили, что те 947 компаний, которые были зарегистрированы в соответствии с законом 1844 г., существовали и ранее. Многие из этих компаний начинали как неинкорпорированные акционерные компании, но после того, как появилась возможность сделать свою деятельность официальной, они зарегистрировались и стали законными корпорациями.

кашиллинговый фригольд и десятифунтовый копигольд), а вход на экономический рынок по-прежнему был доступен лишь тем, кто обладал ресурсами и способностями организовать бизнес-предприятие. Ни в коем случае нельзя утверждать, что в Великобритании того времени был создан полноценный режим открытого доступа. С помощью Билля о реформе 1832 года и Акта о регистрации 1844 года британские элиты создали равные права для самих себя. И все же данные шаги в сторону принципа верховенства права, который пока распространялся только на элиту, а также в сторону безличности сделали процесс дальнейшего расширения гражданства в пользу более широких групп населения более легким.

6.6. Переход к открытому доступу во Франции

Франция завершила XVIII в., обладая несколько иными недостатками и преимуществами, чем Великобритания. С одной стороны, Франция имела лишь очень небольшой опыт с институтами представительства, а также с выборами. Эти институты после Французской революции еще только должны были быть созданы, а это было непросто. На протяжении XIX в. Франция экспериментировала с различными конституционными формами правления, а также с различными комбинациями исполнительной, законодательной и хозяйственной ответственности. Лишь некоторые из них в первой половине столетия показали свою стабильность. Право голоса либо предоставлялось очень ограниченно (например, на основе имущественного ценза или места проживания), либо, как это произошло в 1848 г., оно было предоставлено всем мужчинам. Политические партии сформировались во Франции несколько позднее, отчасти это было связано с неразберихой в конституционной структуре. Однако в том, что касалось корпоративных форм, особенно в управлении, у Франции был значительный организационный капитал. Мы уже увидели, что в конце XVIII в. организационные экономические формы

во Франции были куда разнообразнее, чем в Великобритании или в США.

Беспокойная история Франции исключает прямолинейное повествование, но она предоставляет замечательную возможность увидеть интересы элит времен перехода. У Франции с 1789 по 1875 г. было 11 конституций, каждая из которых меняла отношения между исполнительной и законодательной ветвями власти, а также саму структуру законодательства. И все же каждая конституция включала электоральную и законодательную сферу. Иногда однопалатный, иногда — двухпалатный, но французский парламент всегда становился форумом, местом конкуренции групп элит. Были и более-менее постоянные административные бюрократические институты, которые существовали на протяжении всего столетия: *Conseil d'Etat*, армия и различные министерства*.

Вплоть до 1877 г. конкуренция среди групп элит относительно того, кто должен и кто будет править Францией, определяла политическую, экономическую и общественную жизнь страны. С консервативной, монархической стороны роялистские фракции, или фракции бурбонов, и бонапартисты создавали альянс с католической церковью, аристократией и крупными землевладельцами. С республиканской стороны существовали многочисленные группы (нередко условно различающиеся по своим левым, центристским и правым убеждениям), которые, подобно консервативным группам, центрировались вокруг индивидов, сетей покровительства и связей. Хотя революции 1790-х гг. и позволили многим людям повысить свой социальный статус (среди них был и сам Наполеон), но все же успешные революционные лидеры скорее становились частью элиты, нежели составляли авангард открытого доступа.

---

* «Есть такая французская поговорка, которая содержит в себе зерно истины: „Нами не правят, нами администрируют". Администрация — в определенных пределах — готова служить любому правительству и, по сути, любой форме правления» (Freedeman, 1961, p. 3).

В 1830-х гг. республиканские политики были не менее элитарными, чем политики роялистские. Положение во Франции середины XIX в. Агюлон описывает как

> ...промежуточную стадию «демократического патронажа». Можно выделить три стадии в процессе демократизации: голосование под контролем традиционных социальных властей; их замещение новым поколением республиканских нотаблей, которые стремились скорее захватить, нежели уничтожить традиционные средства влияния, их позиция была персональной, она не вытекала из партийной принадлежности; наконец, голосование за партии с программой, когда название партий значит больше, чем индивидуальный кандидат. Переход от одной стадии к другой мог быть достаточно быстрым, связанным с особыми пропагандистскими компаниями или же с влиянием местных лидеров. Многие регионы в 1870-х гг. «обратились» в республиканство всего за несколько лет (агитационные поездки Гамбетты вполне могли иметь катализирующий эффект), а новые нотабли вскоре после 1877 г. смогли упрочить свою власть*.

Политика все еще считалась чем-то опасным, а фракции внушали страх. Проигрыш в политическом споре сулил ссылку или заключение. Политические победы, как пишет Томбс о революции 1830 г., продолжали быть победой «одной социально-политической фракции над другой» (Tombs, 1996, p. 358). Фракционный конфликт во французской политике разыгрывался по сценарию естественного государства, включавшему личную идентичность и привилегии, которые участники ставили на кон, однако тенденции функционирования естественного государства во Франции были также подвержены влиянию и других сил.

Хотя выборы и проводились, право голоса было очень ограниченным, им обладали лишь 100 тысяч граждан (число избирателей колебалось, по мере того как фракции пытались манипулировать избирательным правом в своих интересах). Политическая нация во Франции была

---

* Цит. по: Anderson, 1977, p. 61.

достаточно небольшой, она сводилась к элитам, определявшимся на основе налогов, местожительства или иных критериев. Внутриэлитная борьба была очень насыщенной. Побеждающие фракции использовали законы, чтобы ограничивать оппозиционные газеты и свободу собраний. Однако ни одна фракция никогда не использовала военную силу для подавления своих оппонентов. Во французской политике действовал четко установленный принцип: армия должна находиться в стороне от политических конфликтов, при этом она полностью подчиняется решениям гражданской власти. Когда во Франции все же происходил всплеск насилия — а это происходило периодически, — он был не результатом внутриэлитных споров, а скорее следствием более общего разочарования в существующем экономическом, политическом и военном положении. Однако насилие, творимое толпами, играло важную роль в низвержении правительств, особенно правительств роялистов, основное оправдание правления которых заключалось в тезисе о том, что они, мол, могут обеспечить стабильность и порядок.

Вторая республика, рожденная в результате выплеска народного гнева, в 1848 г. провозгласила всеобщее мужское избирательное право. Республиканцы надеялись упрочить народную поддержку своей фракций путем расширения электората, однако первые же выборы в 1848 г. преподнесли сюрприз: «Хотя все 900 новых членов Ассамблеи называли себя республиканцами, чуть меньше 300 мест получили умеренные *republicains de la ville*. Левые выиграли лишь 70–80 мест, а 300 мест получили криптороялисты» (Tombs, 1996). Избрание Луи Наполеона Бонапарта стало вторым сюрпризом*.

Новая Национальная ассамблея утвердила новую конституцию, постановив, что должность президента должна

---

* Бонапарт предпринимал попытку дважды: в 1836 и 1840 гг. он пытался вернуться во Францию и захватить власть. Однако оба раза он проигрывал, оказывался в заключении и ссылке. После своего избрания в Национальную ассамблею в 1848 г. он первоначально отказался от своего кресла перед лицом обрушившейся на него критики, но затем был вновь переизбран.

быть избираемой. В декабре 1848 г. Бонапарт одержал безоговорочную победу, получив 5,5 миллиона голосов из семимиллионного электората (Tombs, 1996, p. 381, 385–386). «То было не просто ностальгическое голосование за известное имя, это была крестьянская революция против всего политического класса, а также против нотаблей» (Tombs, 1996, p. 386). В сельской местности избиратели мобилизовались вокруг существующих организаций. Священники повели избирателей на участки, после того как мэры организовали массовые выборы, — тогда еще не существовало никаких политических партий, способных осуществлять координирование национальных выборов в интересах той или иной политической фракции.

Избрание Бонапарта привело в правительство консервативную фракцию, партию порядка. Консерваторы начали продвигать консервативную повестку, они накладывали ограничения на прессу, восстанавливали католическое влияние в школах, наконец, урезали избирательное право до одной трети. Бонапарт был избран на четыре года без права переизбрания. Он провел кампанию за конституционную поправку, позволяющую ему остаться на второй срок. Большинство в Национальном собрании было готово поддержать поправку, однако республиканское меньшинство, а также группа орлеанистов во главе с Тьером заблокировала ее принятие, не дав большинству получить три четверти голосов, то есть сверхквалифицированное большинство. В 1851 г. Бонапарт публично обратился к Ассамблее с призывом аннулировать закон об избирательном праве от мая 1850 г. и восстановить всеобщее избирательное право. Национальное собрание отказалось, подорвав тем самым свой республиканский мандат.

2 декабря Бонапарт осуществил государственный переворот — операцию «Рубикон»: Тьер и другие ключевые фигуры были арестованы в своих постелях, а депутаты распущены. Те, кто сопротивлялся, были брошены в тюрьму. Первоначально переворот Бонапарта затронул лишь Париж, но вскоре он распространился и на всю страну. Сельские восстания были очень неорганизованными. Кто-то взялся за оружие, чтобы защитить республику,

другие – чтобы защитить «народного Наполеона» от его врагов, прочие были твердо уверены в том, что оба лагеря заодно. Хотя насилие и было спорадическим и неорганизованным, правительство ответило решительно: были арестованы 27 семь тысяч человек, 10 тысяч были отправлены в Алжир и Кайен (Tombs, 1996, p. 393). Политика продолжала оставаться опасным занятием во Франции, в том числе и в 1850-х гг. Межфракционная борьба могла закончиться для проигравших ссылкой или заключением.

Демократия оказалась очень нестабильным режимом перед лицом такого сильного лидера, как Бонапарт. После переворота 21 декабря 1851 г. Бонапарт устроил плебисцит, который успешно подтвердил законность его действий; была написана новая конституция, а в феврале 1852 г. состоялись выборы в *Corp Legislatif*. 21 ноября 1852 г. состоялся второй плебисцит, который одобрил реставрацию империи под начало Наполеона III. Тем самым Бонапарт приобрел уникальный статус – с одной стороны, первого избранного президента Франции, а с другой – последнего монарха. Хотя всеобщее избирательное право и было восстановлено в 1852 г., бонапартисты манипулировали электоральным процессом, указывая на официальных кандидатов с целью получения контроля над законодательным органом.

Действия Бонапарта отражали реалии французской политики после Французской революции – интенсивное противостояние элитных фракций, когда каждая победившая фракция использовала законы, чтобы сдерживать оппозицию, и влияла на электоральные и конституционные институты, чтобы не позволить проигравшим вернуть себе власть. Однако в таком процессе ни одна фракция не могла получить постоянного преимущества. Сегодняшние победители не имели возможности лишить оппозицию всякой институциональной и организационной поддержки. Франция сохраняла верность институтам зрелого естественного государства, особенно идее представительного законодательного органа, в котором элиты могли давать согласие или же оказывать влияние на государственную политику. Кроме того, во Франции поддерживалась организация элит, в том числе и выходящая за пределы не-

посредственно государственных институтов. Вторая империя Бонапарта начала создавать условия для институционализации открытого доступа. Чтобы понять, почему элита начала переход к открытому доступу в экономике, нам придется проанализировать изменения в экономической организации, которые случились во время и после революции. Нам предстоит увидеть, как и почему элита оказалась в высшей степени недовольна своей неспособностью получать особые экономические привилегии.

Революционная вражда к корпорациям начала сходить на нет в 1795 г., когда Директория санкционировала формирование акционерных компаний. В 1801 г. была созвана комиссия для разработки нового коммерческого кодекса. Отчасти работа комиссии повторяла ту, что была проделана при подготовке постановления 1673 г., которое создало правовую базу для *société générale* и *société en commandite* (Freedeman, 1979, p. 4). До революции французский монарх мог по своему усмотрению выдать лицензию *société anonymes*. Новый *Code de Commerce* вступил в силу 1 января 1808 г., в нем признавалось существование трех фирм: *société en nom collectif* (прежнее *société générale*), *société en commandite* (как в своей простой форме, так и в форме *commandite par actions*), *société anonyme*. Партнерства с неограниченной и ограниченной ответственностью могли формироваться по усмотрению граждан. Формирование *société anonyme*, то есть настоящей корпорации с ограниченной ответственностью, требовало одобрения Государственного совета (Freedeman, 1979, p. 10–16).

Развитие корпоративных форм во Франции шло схожим с Великобританией образом, главным отличием было то, что у французских фирм была третья правовая опция – формирование партнерства с ограниченной ответственностью с акциями или без. Как и в Великобритании, число создаваемых корпораций было ограниченным. Фридеман (Freedeman, 1979) приводит число 649 *société anonyme*, сформированных между 1808 и 1867 гг. Формирование фирм всех типов было связано с бизнес-циклами, с волнами развития, которые приходились на годы повышенной активности. Экономический бум вынуждал к либерализации процедур создания новых корпораций;

коллапсы вновь обращали внимание на опасность дозволения предпринимателям использовать дешевый кредит и наивность инвесторов во время бума, за этим следовало ужесточение процедур.

Как и в Великобритании, группы во Франции, которые посылали ходатайства в Государственный совет с просьбой выдать новые корпоративные лицензии, представляли наиболее могущественные и хорошо организованные группы интересов. Медленность процесса формирования корпораций создавала напряжение внутри элит.

> Размер и разнообразие *anonymes* росли на протяжении 1850-х гг. Подобный успех наряду с зависимостью от акционерной формы делал двухуровневую систему, отделяющую *anonyms* от *commandites*, привилегированные фирмы от непривилегированных, все менее и менее терпимой. Даже самые приближенные сетовали на ригидность тех форм, которые были заданы Государственным советом и с которыми им приходилось мириться. Реформа назревала, особенно громкими голосами за реформу были растущие голоса тех, кто так и не смог вкусить плоды правительственной поддержки (Freedeman, 1979, p. 99).

И вновь, как и в Великобритании, требование реформ исходило от элит, особенно от элит, не способных никак повлиять на существующие привилегии некоторых групп интересов.

Хотя *société en commandite* (с или без рыночных долей *par actions*) и была более гибкой формой ведения бизнеса, недоступной для предпринимателей из Великобритании или Америки, данная форма была не лишена всех тех изъянов, которые были свойственны неинкорпорированным акционерным компаниям в Великобритании. Пассивные партнеры в *société en commandite* не могли иметь никакой связи с менеджментом, который был полностью под контролем *gerant (és)*. Полное отделение собственности от контроля в некоторых случаях шло на пользу, однако во множестве случаев оно создавало значительные трудности, особенно когда инвесторы пытались использовать форму *société en commandite* для координирования бизнес-предприятия. Опасность возникала, когда пас

сивный инвестор все же имел отношение к управлению. В этом случае он становился активным партнером, ответственность которого уже не была ограниченной, со всеми вытекающими отсюда возможными правовыми последствиями для фирмы. Использование формы *société en commandite par actions* лишь усугубляло эту сложность. Владельцы акций *par actions* были анонимными, но они вполне могли быть названы активными, если они были вовлечены в процесс принятия решений. *Société anonyme* была свободна от этих проблем.

Société en commandite также давала *gerantés* большое количество возможностей для обмана и мошенничества. Особенно во времена бума – *gerantés* могли выдвигать бизнес-проекты, собирать деньги, а затем вести дело так, что у пассивных партнеров и акционеров не было практически никакой возможности следить за происходящим. В 1856 г. правительство приняло билль, призванный бороться с данными мошенническими практиками. Число новых фирм с тех пор начало падать (Freedeman, 1979, p. 100–114). Растущие издержки на формирование *société en commandite par actions* вынуждали правительство осуществлять либерализацию *société anonyme*, подобно тому как рост издержек на формирование неинкорпорированных акционерных компаний в Великобритании в 1820-х гг. в конечном счете привел к Акту об акционерных компаниях 1844 года.

Международная экономическая конкуренция между Великобританией и Францией повлияла на их движение в сторону открытого доступа. После либерализации британского закона об инкорпорации в 1856 г. корпорации с ограниченной ответственностью стали доступными в Великобритании посредством простой регистрации. До 1856 г. британские фирмы время от времени формировались как французские *société en commandite*, для того чтобы пользоваться преимуществами партнерств с ограниченной ответственностью. После 1856 г. этот процесс пошел вспять; французские фирмы начали регистрироваться в Великобритании как корпорации с ограниченной ответственностью. В ответ французское правительство в 1863 г. предложило закон, который должен был создать новую коммерческую форму – *société a responsabilité limitée*.

Характер *société a responsabilité limitée*, SARL (французский перевод английского понятия «компания с ограниченной ответственностью»), описывался в сообщениях комитета следующим образом: «На самом деле это *société anonyme*, но только не предполагающее авторизации со стороны правительства, место авторизации в нем занимает целый набор требований, призванных защитить акционеров и третьих лиц... Эта новая форма удовлетворяет всем требованиям безопасности, которые можно найти в *société anonyme*, но в то же время здесь удается избежать медлительности и затрудненности государственной авторизации» (Freedeman, 1979, p. 136).

SARL наполовину было шагом в сторону открытого доступа. Но эти общества по-прежнему подвергались строгому регулированию в соответствии с законом 1856 г. о *société en commandite*, что сильно затрудняло для фирм процесс развития. Все большее давление привело в июле 1867 г. к принятию нового закона: этот закон разрешил свободное формирование *société anonyme*, для которого требовалась лишь регистрация. «Первоначальным результатом стал мгновенный рост *société anonyme* со среднегодовым показателем 14 созданных фирм за 1842–1866 гг. до в среднем 219 фирм в год за 1868–1878 гг.» (Freedeman, 1993, p. 9). За десять лет после того, как было разрешено свободное создание корпораций, возникло 2 тысячи различных корпораций. Элитный доступ к экономическим организациям был трансформирован, превратившись из привилегии в право. Открытый доступ к экономическим организациям наконец-то достиг и Франции.

Политический конфликт, который продолжался во Франции целое столетие, не закончился в 1867 г. — внутриэлитная борьба за контроль над правительством продолжилась и при Наполеоне III. Одерживающие победу фракции продолжили использовать государственные ресурсы для отлучения проигравших от власти. Когда немцы захватили Наполеона III в Седане в 1870 г., империя пала, была провозглашена Третья республика. Франция столкнулась с теми же проблемами, что и в 1814 г., однако теперь все было куда хуже, так как немцы заняли почти половину Франции и угрожали Парижу. В феврале 1871 г.

должна была быть созвана Ассамблея, которой предстояло собраться в Бордо. Соглашение, достигнутое в Ассамблее – Бордоский пакт февраля 1871 года, – дало новому правительству во главе с Тьером время начать переговоры с Пруссией о заключении мирного договора, предполагающего отступление войск, восстановление государственных финансов и армии. Однако партизаны не были частью Бордоского пакта, они были недовольны условиями, достигнутыми Тьером. Правительство вернулось в Париж, но достигло лишь Версаля. 18 марта Тьер послал в Париж армию, чтобы обезвредить 700 пушек, захваченных национальной гвардией. После некоторого периода ожидания в Париж вошли войска. В последующих столкновениях было убито 20 тысяч человек. Сопротивление Парижской коммуны дискредитировало левые движения во французской политике. Консервативное большинство в Ассамблее решило подвергнуть социалистов репрессии, приняв в 1872 г. закон, запрещающий членство в Интернационале, то есть в Международном товариществе рабочих.

Однако консервативные роялисты оказались не способны капитализировать представившиеся им возможности. Внутренне расколотое правительство Тьера пало в 1873 г. Республиканцы стабильно удерживали свои позиции на выборах 1873 г., в 1875 г. Ассамблея приняла конституционные законы 1875 г., создав президента и сенат, равно как и палату депутатов. На выборах 1876 г. республиканцы получили 340 мест против 153 роялистов, из которых 78 принадлежало бонапартистам (Anderson, 1977, p. 10). Консервативный президент Мак-Магон отказался признать республиканское правительство. В мае 1877 г. Мак-Магон распустил парламент, однако республиканцы получили значительное большинство и на следующих выборах: 54,5% голосов и 60,5% мест в Ассамблее (Campbell, 1958, p. 74).

Победа республиканцев над Мак-Магоном...

> ...имела очень большое конституционное значение. Мак-Магон стал последним президентом, который использовал свое право роспуска и рассматривал свою власть как независимую от власти парламента. Вопреки намерени-

> ям творцов конституции республика стала режимом чистой парламентской суверенности. Данный кризис имел большое политическое значение: то была последняя попытка прежнего правящего класса сдержать прогресс демократии. Они использовали конституцию по максимуму и все же не вышли за ее пределы—некоторые из советников Мак-Магона хотели, чтобы он продолжил сопротивление и после выборов 1877 г., однако подобное предприятие было чревато гражданской войной. В конце концов французские «нотабли» смирились со всеобщим избирательным правом и мирно уступили власть. Еще в 1871 г. у них было очень много козырей на руках, однако в силу своей разобщенности они потерпели поражение... (Anderson, 1977, p. 10–11)

Республиканцы захватили контроль над правительством в 1879 г., затем они инициировали существенные реформы во французской политике. Хотя консерваторы и были смещены со всех правительственных должностей, республиканцы не стали использовать власть для разгрома консервативных или радикальных организаций, для закрытия консервативных или радикальных изданий или же для принятия законов о собрании, призванных не дать оппозиционным группам возможности спокойно строить свои организации. Правительство позволило оппозиции остаться на плаву. В 1881 г. были приняты законы, гарантирующие свободу средствам массовой информации, а также право на публичные собрания; в 1884 гг. были легализованы профсоюзы, а местное самоуправление было реорганизовано (Anderson, 1977, p. 12).

Есть разные мнения относительно того, когда именно Франции удалось создать открытые конкурирующие современные политические партии. Хэнли (Hanley, 2002) говорит о 1870-х гг., Крейзер (Kreuzer, 2001, p. 27) – о 1880-х, Андерсон (Anderson, 1977, p. 65–70) считает, что семена этого развития были посеяны в 1870-х и 1880-х гг., однако полноценные современные партии получили развитие лишь в 1900-х. Существуют важные доказательства того, что этот процесс следует отнести к концу 1870-х–началу 1880-х гг. Республиканцы получили контроль над правительством в результате выборов в 1877 г., свои действия они координировали с различными консерватив-

ными фракциями. Хотя социализм и был репрессирован, а членство в Интернационале было чем-то запрещенным еще в 1872 г., активные репрессии против радикальных групп начали сходить на нет в конце этого же десятилетия. Первый «конгресс рабочих», который прошел в 1876 г., был спонсирован гамбеттистскими республиканцами, его посетили представители 88 профсоюзов. Третий конгресс в Марселе стал поворотным моментом, он привел к созданию социалистической партии: *Federation du Paris des Travailleurs Socialistes de France* (Парижская федерация социалистических работников Франции, FPTSP). Позднее партия раскололась: от нее отделилась группа марксистов во главе с Гедом, которая сформировала *Parti ouvrier* (Рабочая партия) (Anderson, 1977, p. 123, Appendix 2). То были партии, имеющие внешнее происхождение, если воспользоваться терминологией Дюверже, они были организованы по идеологическим, экономическим и политическим соображениям, перед организаторами не стояла задача занять тот или иной пост. В 1880-х гг. радикальные партии типа FPTSP уже не подвергались никаким преследованиям.

Наконец-то политический доступ во Франции стал полностью открытым. Однако без кризисов в будущем не обошлось. Например, можно вспомнить дело Дрейфуса или же Буланже. Более стабильные политические институты не приводят к более стабильным правительствам: во Франции за 35 лет, с 1879 по 1914 г., сменилось сорок четыре правительства. Вместо институционализированной системы сдержек и противовесов французы, подобно британцам, пришли к системе парламентского суверенитета. Однако Третья республика все же устояла, она оказалось способной открыть вход и сохранять политическую конкуренцию, что было немыслимо для прежней Франция. В отличие от двухпартийной системы в Великобритании и США во Франции была развита многопартийная система. Пятнадцатикратное увеличение числа корпораций, которые возникали каждый год после принятия законодательства 1867 г., — это вполне конкретное выражение постепенно открывающегося экономического доступа. Множество политических партий, особен-

но социалистических, которые еще в 1872 г. сталкивались с репрессиями, — это вполне конкретное выражение постепенно открывающегося политического доступа.

6.7. Переход к открытому доступу в США

Демократия, политическая конкуренция, надежные права собственности, открытый доступ к экономической конкуренции — все это краеугольные камни американского мифа о началах. Миф гласит, что национальная конституция, написанная в 1787 г., привела к сбалансированному правлению и стабильному экономическому росту. Правительство было ограничено целым рядом сдержек и противовесов, выстраивающих систему отношений как внутри федерального правительства, так и между федеральным правительством и правительствами штатов. Индивидуальные права и права собственности были защищены политическим балансом, а политические механизмы поддерживали этот баланс. Надежность прав собственности способствовала инвестициям в физический и человеческий капитал, что привело к экономическому росту.

Американцы приняли свою собственную конституцию и избрали свою собственную форму правления, так как они были уверены в том, что британская конституция, самая лучшая конституция в мире, в XVIII в. подверглась порче по причине вмешательства политических фракций и экономических групп интересов. Американцы пытались взять лучшие черты конституции Великобритании, создав систему, которая бы сдерживала фракции и препятствовала концентрированию экономической власти*.

Этот миф проблематичен в двух отношениях. Во-первых, вера американцев в этот миф связана с их пиететом по отношению к отцам-основателям, которые и создали федеральное правительство. Основатели хотели создать

---

* См.: Wood, 1969. В этой работе прекрасно показывается влияние республиканских идей на написание Американской конституции.

свободное общество, у них было такое намерение, они обещали, что именно так и будет, и у них получилось. Зачем еще что-то объяснять? Бейлин суммирует данную позицию следующим образом:

> Отцы-основатели американской нации были одной их самых творческих групп в современной истории...
>
> Мы унаследовали их достижения и стоим на созданной ими почве, мы знаем то, что мир XVIII столетия отрицал, но что они посмели предложить: абсолютная власть не обязательно должна быть неделимой, она может быть разделена между штатами, внутри штата и между ветвями власти, разделение властей и сбалансирование сил может привести не к анархии, но к свободе.
>
> Сегодня мы наверняка знаем то, что они лишь дерзновенно предполагали, что формальная письменная конституция, поддерживаемая судебными институтами, может эффективно сдерживать тиранию как исполнительной власти, так и популистского большинства.
>
> Мы знаем, так как у них хватило воображения это понять, что права человека, каким бы мистическим это ни казалось, могут быть рассмотрены как что-то независимое от привилегий, даров и расположения сильных мира сего и что эти права могут быть определены и сохранены при помощи закона.
>
> Мы знаем, так как у них хватило смелости это вообразить, что власть — это не право от рождения, но доверие тех, над кем эта власть осуществляется (Bailyn, 2004, p. 4–5).

Ключевые для Бейлина слова — это слова «так как»: наш мир таков, какой он есть, так как конституция и институты правления, созданные в 1770-х — 1780-х гг., решили данные проблемы. Однако на самом деле в США, как и во Франции с Великобританией, ключевые институциональные изменения произошли уже после 1780-х гг., этих изменений не предполагал и не чаял никто из отцов-основателей. Одних выборов было недостаточно, для того чтобы демократия начала работать. Американцам еще только предстояло понять, как именно можно интегрировать экономику и политику, чтобы поддерживать открытый доступ и конкуренцию между всеми партиями. Более того, им еще только предстояло найти

способ — если воспользоваться языком начала XIX в. — не допустить фракции до манипулирования экономикой с целью коррумпирования политики.

Вторая проблема, связанная с американским мифом о начале, вытекает из двойного допущения о том, что все важное в конституционном развитии американского общества случилось на национальном уровне и что сама конституция стала дорожной картой экономического и политического развития. Однако ни конституция, ни федеральное правительство сразу после своего появления не могли обеспечить экономической и политической открытости, гарантировать полный спектр экономических и политических прав, обеспечить физическую инфраструктуру, способную объединить нацию, а также поддержать экономическое развитие. Скорее нам стоит обратить внимание на федерализм. Федерализм позволил креативным правительствам штатов решать проблемы открытия доступа и предоставления права общей инкорпорации; правительства штата боролись с проблемой создания стабильных политических партий открытого доступа (в этом им оказывали некоторую помощь и на федеральном уровне); правительства штатов выясняли, как именно лучше всего обеспечить физическую и финансовую инфраструктуру, которая бы смогла объединить национальную экономику. Однако большая часть исторических исследований, посвященных США, игнорирует историю штатов, как нечто второстепенное, тем самым упуская ключевой элемент в процессе перехода США к открытому доступу. В Великобритании и Франции институционализация открытого доступа путем определения и закрепления элитных прав случилась на национальном уровне. В США большая часть интересующей нас институционализации произошла именно на уровне штатов.

Излишнее сосредоточение на национальном уровне также приводит к ошибочному заключению о том, что государственная политика в духе *laissez-faire* способна обеспечить экономическое развитие. Данный вывод вытекает из созерцания бездействия национального правительства (*laissez-faire* скорее по умолчанию, чем по пря-

мому замыслу) и игнорирования действий правительств штата, которые отнюдь не бездействовали в духе *laissez-faire*, но пытались активно способствовать как демократии, так и экономическому росту*.

Наконец, повышенное внимание к федеральному уровню заставляет исследователей придавать слишком большое значение Конституционному конвенту, который состоялся в Филадельфии в 1787 г., а также спекулятивным идеям отцов-основателей. Основатели не считали, что политическим партиям будет суждено играть ключевую роль в управлении государством. Как отметил Хофштадтер, конституция США была «конституцией против партий», согласно конституции, баланс власти есть следствие соблюдения ее принципов, но никак не политической конкуренции:

> Необходимость сдержек для власти — это тема, которая встречается снова и снова. Однако важно отметить следующее: для отцов-основателей эти сдержки должны были быть *встроены в саму конституционную структуру*. Они отнюдь не собирались полагаться на те механизмы сдерживания, которые могут вытекать из самого политического процесса как такового (еще меньше это собирался делать народ, который они пытались убедить), именно поэтому они не делали никакой ставки на партийную

---

* См.: Callender, 1902; это первое и наиболее подробное рассмотрение деятельности штатов в конце XVIII—начале XIX в. В 1950-х гг. Ассоциация экономической истории запустила исследовательский проект, призванный установить, соответствовала ли правительственная политика в ранней республике принципу *laissez faire*. Комитет исследований в области экономической истории выпустил несколько исследовательских монографий. Ответом было громкое НЕТ: правительства штатов активно способствовали экономическому развитию, они участвовали в экономической деятельности и влияли на нее. Выпущенная серия книг обычно описывается как традиция «содружества»: Хандлин и Хандлин о Массачусетсе (Handlin and Handlin, 1969); Харц о Пенсильвании (Hartz, 1948); Бенсон о Нью-Йорке (Benson, 1961); Примм о Миссури (Primm, 1954); Хиз о Джорджии (Heath, 1954); Гудрич о каналах и железной дороге (Goodrich, 1960). См. обзорное эссе относительно Комитета в следующей работе: Cole, 1970, а также рецензию: Lively, 1955.

конкуренцию. Их надежды были связаны с формализованной письменной системой внутренних сдержек и балансов, с точным перечнем полномочий и эксплицитным проговариванием конституционных гарантий, включения которых добивались противники конституции. Такие неформальные проявления политики, как общественные настроения, оппозиция, институционализация партийных структур, которые представляются нам существенными элементами демократии, казались им слишком ненадежной опорой, слишком неадекватным заменителем эксплицитных конституционных договоренностей (Hofstadter, 1969, p. 50. — *Курсив в оригинале*).

Однако уже к 1820–1830-м гг. организованные партии стали центральным элементом американской политики и системы управления. Отцы-основатели ошиблись относительно партий. Как было нами неоднократно отмечено, открытый доступ как в экономике, так и в политике может быть обеспечен лишь путем двойного баланса открытого доступа в обеих системах. Открытый доступ требует того, чтобы большая часть индивидов могла формировать организации по своему усмотрению. Одной федеральной конституционной структуры было явно недостаточно для создания такой конъюнктуры. Конституционные изменения, институционализировавшие открытый доступ в США, произошли именно на уровне штатов, поэтому нам необходимо подробно рассмотреть именно этот уровень.

Новая американская политическая система была переполнена выборами. Были и федеральные выборы, но все же все выборы вне зависимости от их ранга проводились именно штатами или местным самоуправлением под контролем правительств штатов*. Штаты и правительства штатов были тем местом, где вырабатывались

---

* После непродолжительного вмешательства государства в электоральные процедуры во время Реконструкции национальное правительство самоустранилось из выборного процесса. Это продолжалось вплоть до эры гражданских прав, которая началась вместе с принятием Закона об избирательных правах 1965 г. В связи с этим законом национальное правительство вновь стало главным регулятором электоральных процедур.

решения о создании экономических привилегий и об отношении этих привилегий к политике, особенно к демократическим выборам. В отличие от Франции и Великобритании, в которых процесс общей инкорпорации начался по причине недовольства элит недоступностью корпоративной формы, в США открытый доступ к корпоративным формам развился из страха перед тем, что партии и иные политические игроки начнут манипулировать экономическим доступом в интересах той или иной фракции. В результате в США взаимосвязь между политическим и экономическим доступом прослеживается с гораздо большей легкостью.

Политический баланс в Великобритании и Франции в XVIII в. покоился на взаимодействии групп элит. Отсутствие наследственных элит, как королевских, так и аристократических, а также сильное предубеждение против самой идеи создания нового дворянства, выраженное в установках как штатов, так и всей федерации, вынудили американцев добиваться баланса власти путем институциональных сдержек и противовесов, а также посредством выборов. Выборы были распространены как на уровне штатов, так и на уровне федерации: для формирования низшей палаты законодательной власти использовались прямые народные выборы, для формирования верхней палаты, а также исполнительной ветви власти использовались или непрямые выборы, или процедура избрания законодательным органом. Сенаторы избирались законодателями штата, а президенты – коллегией выборщиков. В большинстве штатов губернаторы избирались законодателями, а отнюдь не народным голосованием; изначально лишь в Нью-Йорке и Массачусетсе были прямые выборы губернаторов*. В большинстве шта-

---

* См.: Adams, 1980, p. 266–271. Есть традиция очень долгой дискуссии о том, каким именно должен быть правильный баланс распределения власти между законодателями и исполнителями. См.: Wood, 1969, p. 162–163; Adams, 1980, p. 271–275; Kruman, 1997, 35–59. Вуд повторяет Джеймса Мэдисона и утверждает, что чрезмерные полномочия, выдаваемые законодательным органам в конституциях штатов, были основной причиной того,

тов избиратели, которые будут участвовать в выборах национального президента, отбирались законодательным органом штата, а не народным волеизъявлением (Aldrich, 1995, p. 106). Избирательное право в большинстве штатов предоставлялось тем, кто соответствовал ряду условий — был налогоплательщиком и имел собственность. Но при этом процент свободных белых мужчин, имеющих право голоса, в большинстве штатов достигал пятидесяти или даже больше (Keyssar, 2000; Lutz, 1988).

В отличие от федерального правительства, которое после утверждения Билля о правах в 1795 г. и до Гражданской войны решалось пойти на изменение конституции лишь дважды, штаты в начале XIX в. меняли и тасовали свои конституции многократно*. Конкуренция между штатами привела к постепенному движению ко всеобщему свободному избирательному праву для белых мужчин, а также к прямым общенародным выборам в нижнюю и верхнюю палаты законодательного органа и выборам губернатора (Engerman and Sokoloff, 2005). Штаты продолжили эксперименты с конституционными формами своих правительств. Эти конституционные изменения возложили больше ответственности на политическую конкуренцию. Данная конкуренция должна была обеспечить баланс власти, снизить значимость формальных

почему в 1787 г. федеральная конституция была переписана. Круман убедительно показывает, что штаты были обеспокоены тиранией законодательной власти не в меньшей степени, чем тиранией исполнительной власти. Они стремились ограничить обе ветви власти.

* Одиннадцатая поправка ограничила власть федеральных судей над штатами, а двенадцатая поправка убрала изъян в процедуре выборов, касавшийся президента. Семь из шестнадцати штатов, существовавших в 1800 г., написали две и более конституции. Когда в 1840 г. к Союзу присоединились еще двенадцать штатов, они все написали свои первые конституции, шесть уже существующих штатов написали новые конституции с 1820-х по 1830-е гг., в 1840–1850-х гг. появились двенадцать новых конституций, которые заменили конституции существующие (Tarr, 1998, p. 61, 96). Поправки к отдельным конституциям см. в совместном проекте Национального бюро экономических исследований и Университета Мэриленда (Wallis, 2009).

моментов политической структуры, а также обеспечить приход к власти мудрых и опытных граждан.

Историки политики нередко выделяют в процессе развития политических партий в США три системы. Первая партийная система, относящаяся к 1790–1815 гг., выросла из конкуренции между федералистами и республиканцами. Вторая партийная система, относящаяся к 1835–1854 гг., выросла из конкуренции между демократами и вигами. Третья партийная система, установившаяся где-то после 1854 г., выросла из упадка партии вигов и новой конфигурации, связанной с конкуренцией между демократами и сформированной Республиканской партией*. Историки политики считают данные системы национальными партийными системами, так как приверженцы партий пытались проводить национальные выборы в конгресс, а также участвовать в президентских выборах.

Как первая, так и вторая партийная система стала следствием споров вокруг экономической организации и экономической политики на национальном уровне. Разделение между федералистами и республиканцами выросло вокруг споров о финансовых планах Гамильтона 1790-х гг. Республиканская реакция была мотивирована страхами вигов, которые боялись, что Банк Соединенных Штатов, скопированный с Банка Англии, приведет к расцвету коррупции, тирании и использованию экономических привилегий в политических целях. Эти страхи стали еще более актуальными, когда надежды, выраженные Мэдисоном и Гамильтоном в «Федералисте», на то, что сама структура федерального правительства не позволит политическим фракциям захватить контроль над правительством, развеялись. К началу 1790-х гг. федералисты контролировали все три ветви национального правительства**.

---

* Однако отнюдь не все историки политики согласны с такой периодизацией. См.: Silbey, 1991; Keller, 2007.

** «Успех федералистской партии в получении контроля над тремя ветвями власти поставил под сомнение фундаментальный тезис федерализма Мэдисона 1787–1788 гг. — тезис о том, что устойчивые фракционные большинства едва ли станут сли-

Мэдисон, Джефферсон и прочие республиканцы противостояли федералистскому большинству, сформировав политическую партию с целью побороться за президентский пост (Ferejohn, Rakove, Riley, 2001, p. 7). Однако формирование открытой оппозиционной политической партии таило в себе явную опасность. Стоящие у власти федералисты во главе с Вашингтоном вполне могли заявить, что их администрация является беспартийной. Так как партии и фракции рассматривались как нечто чреватое коррупцией, для республиканцев в 1790-х гг. притязать на контроль за правительством в качестве организованной партии значило делать себя уязвимыми перед обвинениями в коррупции*. Джефферсон и Мэдисон организовали партию настолько тихо, насколько это вообще было возможно, отрицая, подобно всем хорошим демократам, негативные политические импликации существования республиканцев как организованной партии. Они постоянно подчеркивали правоту своего дела. Республиканцы утверждали, что если их дело правое, то, значит, они не приверженцы некоей партии, но приверженцы правды. Соответственно, когда страна поймет мудрость их позиции, то не будет уже никакой необходимости в конкурирующих партиях**. Триумф республиканцев на выборах 1800 г. положил начало эре республиканского доминирования на уровне федеральной политики. Вместе с упадком федералистов как политической силы потребность в хорошо организованной политической партии на национальном уровне сильно снизилась.

Однако потребность в организации и координировании

ваться, когда речь зайдет о политике федерального уровня...» (Ferejohn, Rakove, Riley, 2001, p. 3).

* В частности см.: Hofstadter, 1969, p. 80–86, а также третью главу: «Сторонники Джефферсона в оппозиции». «Мэдисон в серии статей, опубликованных в „Национальной газете" в начале 1790-х гг., попробовал найти интеллектуальное оправдание для партий» (Rutland et al., 1983, vol. 14, p. 157–169). См.: Sheehan, 1992, а также Leonard, 2002. Там представлены примеры прежнего мышления о партиях.

** *Taylor J.* A Definition of Parties. P. 2; цит. по: Hofstadter, 1969, p. 100.

электоральной конкуренции на уровне штатов продолжала оставаться как никогда актуальной. При этом страх перед тем, что фракции могут оказать на политику разлагающее влияние, отнюдь не исчез. Создание экономических привилегий, которые могут быть использованы в политических целях, вызывало на уровне штатов куда большее беспокойство, чем даже на уровне национальном. После создания первой национальной корпорации в 1791 г. национальное правительство не учреждало никаких других корпораций вплоть до Второго банка США, история которого начинается в 1816 г. Несмотря на несколько попыток вовлечь федеральное правительство в финансирование транспортной и финансовой инфраструктуры, включая, например, предложение Джефферсона в его второй инаугурационной речи о создании национальной транспортной системы, конкуренция в конгрессе между штатами и регионами не позволила национальному правительству запустить серьезную инвестиционную программу*. Однако штаты уже в 1790-х гг. начали учреждать банки и компании по строительству мостов, они ввели дорожные сборы, к началу XIX в. в них стали появляться многочисленные каналы и железнодорожные пути, кроме того, начала оказываться финансовая помощь ключевым проектам. В период с 1790 по 1860 г. расходы штатов на инфраструктуру превысили расходы федерального правительства практически на порядок (Wallis and Weingast, 2005).

Динамическое взаимодействие между политическими и экономическими организациями в американской истории приняло несколько иное направление, чем в истории Великобритании или Франции. Различие заключалось вовсе не в том типе корпораций, которые учреждались американцами; банки, страховые компании, транспортные предприятия составляли большинство

---

* См.: Wallis and Weingast, 2005. Классическую историю транспортных инвестиций см. в: Goodrich, 1960, она дополняется Ларсоном (Larson, 2001). Однако как Гудрич, так и Ларсон считают инвестиции штатов следствием неспособности федерального правительства делать эффективные инвестиции, а не сложной политики на уровне штатов.

созданных организаций в этих трех странах. Хотя от компании и требовалось формальное разрешение со стороны государства, удостоверяющее, что данная компания действует в общественных интересах, американцы совершенно очевидно не желали создавать никаких привилегий, которые бы давали малочисленным группам экономический контроль над наиболее ценными рынками и формами активности. Американцы отличались от европейцев тем, что элиты, фрустрированные своей неспособностью получить чаемую лицензию, имели целый ряд возможностей, недоступных европейцам.

Во Франции лицензии выдавались Государственным советом, бюрократическим органом, оказать электоральное влияние на который было достаточно трудно. В Великобритании вплоть до 1844 г. лицензии выдавались специальным постановлением парламента, однако получить большинство в парламенте на выборах было куда сложнее, чем просто подкупить или убедить нужное количество членов. В США же выборы в верхнюю и нижнюю палаты происходили регулярно, соответственно, получение законодательного большинства, способного выдать необходимую лицензию, было вполне достижимой целью для хорошо организованной фракции. Законодательства штатов в 1790-х гг. относились к выдаче лицензий достаточно предосудительно, однако это не сильно влияло на практику, и количество выдававшихся документов увеличивалось с каждым десятилетием*.

Из-за конфликта региональных интересов федеральное правительство было не в силах распределять привилегии или инвестиции в финансах и транспорте. Схожие силы действовали и в штатах. Корпорации и проекты обычно сталкивали друг с другом географические или

---

* Мейер суммирует античартистские настроения: Maier, 1993, p. 73–74. Статистика о количестве выданных лицензий может быть найдена в следующих работах: Evans, 1948, далее см. продолжающийся проект: Sylla, Wright, о котором говорится в работе Райта (Wright, 2008). Помимо указанных источников см. более полную историю корпораций в США в: Dodd, 1954; Hurst, 1964; Lamoreaux, 2004; Seavoy, 1982.

экономические группы интересов, которые несли потери в виде налогов и не получали никакой прибыли от банка, канала или моста. Нередко банковские или транспортные проекты поддерживались особой лицензией, предоставлявшей специфические привилегии. Тот факт, что корпоративные привилегии давали экономическую ренту, мог быть использован в политических целях. Лоббисты тех или иных банков предлагали законодателям купить у них лицензии путем внесения в бюджет значительных гонораров или бонусов, порой они обещали отдать долю банка государству. Гонорары и дивиденды от акций позволяли снизить налогообложение для граждан, тем самым удавалось задобрить законодателей и избирателей, которые в противном случае выступили бы против образования привилегированной корпорации. Сборы с корпораций составляли существенную долю государственных доходов в Америке начала XIX в. В некоторых штатах корпоративные сборы и налоги составляли 20%, что равнялось почти половине всех доходов штата*.

Предоставление лицензий в обмен на доходы было обычным делом в том числе и в Великобритании с Францией. Уникальной Америку делало то, что там формировались политические коалиции, которые использовали электоральную тактику для достижения своих целей. В некоторых штатах банковские партии, а также партии каналов играли значимую роль в законодательной политике**.

---

* Sylla, Legler and Wallis, 1987; Wallis, Sylla and Legler, 1994. Французская система создания и продажи корпоративных должностей привела к тем же самым результатам, однако французская система в XVIII в. опиралась на корону, а не на законодателей.

** Как банки, так и каналы играли важную роль в жизни Нью-Йорка, см.: Miller, 1962; Benson, 1961; Gunn, 1988. Партии каналов также обладали особым значением в штатах Индиана, Иллинойс, Огайо, см.: Esarey, 1918; Scheiber, 1969; Ford, 1946. В штатах Индиана и Миссури была банковская монополия, которая играла важную роль в интеграции политики этих штатов. В Арканзасе собственность на два учрежденных штатом банка фактически принадлежала одной политической фракции (Worley, 1949, 1950). Брентли (Brantley, 1961) показывает, как банковские партии влияли на политику в Алабаме. Нью-Джерси держал моно-

Политика штатов в 1790-х гг. развивалась в традиционном русле патронажных сетей и индивидуального лидерства. Однако лицензии для банка или канала, или возможность повлиять на физическое расположение платных дорог, или улучшение положения дел с транспортом служили достаточными экономическими стимулами для того, чтобы поддерживать существование более долговечной политической организации. Будучи однажды созданными во имя определенных целей, организованные политические группы интересов становились структурами, способными достигать и иных политических целей.

В этот момент политическая теория вигов и демократические реалии вступили в конфликт. Появились политические организации, которые начали эксплуатировать экономические привилегии для того, чтобы закрепить свои политически позиции: согласно виговской теории и практике естественного государства, это был пример чистейшей коррупции. Американская демократия не могла ничего противопоставить данному феномену, особенно учитывая тот факт, что привилегии могли быть закреплены с помощью всенародно избранного законодательного органа: избирателям давалось обещание, что доходы от продажи привилегий пойдут на сокращение гражданских налогов. Перспектива безналоговой финансовой системы — то есть обеспечение качественных общественных услуг без всякого обременения налогоплательщиков — была слишком хороша, чтобы демократически избранный законодательный орган мог ее отвергнуть*.

Например, в Нью-Йорке политическая фракция под предводительством Мартина ван Бюрена, изначально называвшаяся «Оленьи хвосты», но прославившаяся как Олбанское регентство, создала политическую машину, которая контролировала политику Нью-Йорка на протя-

---

полию на северо-восточные и юго-западные железнодорожные маршруты (связывавшие Нью-Йорк с Пенсильванией) вплоть до железной дороги Камдена и Эмбоя (Cadman, 1949).

* Уоллис (Wallis, 2005) развивает понятие безналогового финансирования, а также те опции, которые в этом случае открываются перед законодателями.

жении 1820-х и 1830-х гг. Финансирование электоральных махинаций осуществлялось счастливыми обладателями банковских лицензий. Ван Бюрен и его коллеги изменили конституцию штата в 1821 г. таким образом, чтобы отныне банковскую лицензию можно было выдать лишь двумя третями голосов. Так как лишь «Оленьи хвосты» могли надеяться получить такое большинство, они получили возможность ограничить выдачу новых лицензий, а также обеспечить обновление лицензий своих политических союзников (Benson, 1961; Bodenhorn, 2006). Вместо продажи банковских лицензий в обмен на увеличение доходов штата они использовали право выдачи этих лицензий для создания и финансирования политической организации.

«Оленьи хвосты» в конечном счете стали демократами, а ван Бюрен стал вице-президентом, а затем и президентом США, однако нью-йоркское происхождение партии было отнюдь не уникальным. Как пишет Маккормик, «в том, что касалось накопления экономических ресурсов и привилегий, распределение которых представляло собой наиболее характерную деятельность штата, партийные законодатели преуспевали особенно» (McCormick, 1986, p. 3). Партии, которые использовали манипуляции экономическими привилегиями с целью добиться высокого статуса для своей политической организации, получили развитие на уровне штата по всей стране в 1820-х и 1830-х гг.

Когда Эндрю Джексону отказали в президентстве на выборах 1824 г. в результате «коррупционной сделки» между Генри Клеем и Джоном Куинси Адамсом, он тут же инициировал президентскую кампанию с прицелом на 1828 г. Джексон обвинил Адамса и Клейя в коррупции, в манипулировании политическим процессом с помощью партийной фракции. Джексон и его сторонники организовали успешную национальную партию, скоординировав существующие партии штатов. Так возникла первая современная политическая партия, то есть Демократическая партия США, которая существует в Америке по сей день. Демократическая партия была представлена сложной коалицией партий из различных штатов по всей стране. Впервые именно при Джексоне эти отдельные орга-

низации были собраны в единую структуру. Победа партии Джексона на выборах 1828 г. отнюдь не привела к ее расформированию.

Как и в 1790-х гг., критический вопрос, который сплачивал Демократическую партию как политическую организацию, касался формирования экономических организаций федеральным правительством. Второй банк США был учрежден в 1816 г., после того как в 1811 г. истекла лицензия Первого банка США. Федеральное правительство попыталось профинансировать войну 1812 г. без национального банка. Мэдисон, тогда занимавший пост президента, отказался от своего прежнего противодействия национальному банку и в последний год своего пребывания у власти поддержал новый банк. Лицензия Второго банка США была выдана ему на 20 лет. За четыре года до ее истечения Николас Бидл, президент Второго банка, и Генри Клей, политический оппонент Джексона и лоббист банка, смогли убедить конгресс обновить лицензию Второго банка — это произошло летом 1832 г. Партийная платформа Джексона осуждала банки как инструменты аристократических фракций и орудие заговора, его риторика была вполне созвучна риторике Болингброка. Заставив Джексона или наложить на это решение вето, или подписать банковский билль, Бидл и Клей надеялись превратить вопрос о Банке в тему, которую они могли бы использовать на приближающихся выборах.

Джексон не только продолжил отстаивать свой классический виговский аргумент против Банка как коррупционного монстра и инструмента политических фракций, нацеленных на получение контроля над правительством, он использовал свое право вето, чтобы остановить банковский билль, а также свое влияние в конгрессе, чтобы не позволить оппонентам преодолеть его вето и усилить свои позиции. Джексон принудил демократов, поддерживающих идею создания Банка и бывших достаточно многочисленными для того, чтобы воплотить эту идею в жизнь, проголосовать против преодоления его вето. В 1832 г. Джексон использовал свою власть партийного лидера так, как того не делал ни один президент до него. Так называемая банковская война длилась еще четыре

года*. Для того чтобы противостоять демократам, вигам также пришлось создать организацию. Бидл, Клей и силы, поддерживающие Банк, стали той основой, на которой возникла новая партия (Holt, 1999). Как виги, так и демократы рядились в республиканские одежды. Каждая сторона обвиняла другую в коррупции, в создании политической фракции, в использовании экономических привилегий для манипуляций с целью получения и удержания политической власти.

Когда мы концентрируемся на Джексоне, Клее, Бидле и захватывающей истории национальной политики, то очень легко можно забыть, что вопрос о лицензировании банков получил хождение в американской политике вовсе не из-за выборов 1832 года. Данный вопрос был заметен на президентских выборах, так как он был предметом жарких споров и противоречий в большинстве штатов и в большинстве законодательств штатов. К 1832 г. штаты уже лицензировали 600 банков, во многих случаях эти банки обладали экономическими привилегиями**. Джексон попросту воспользовался вековой республиканской риторикой, чтобы представить Второй банк монстром коррупции и поднять очень актуальную для различных штатов проблему. Представители нового поколения историков политики уже давно утверждают, что историки-классики преувеличили значимость федеральной политики и недо-

---

* Ремини (Remini, 1981, p. 331–374; 1967) утверждает, что роль Джексона в споре вокруг Банка стала поворотным моментом в укреплении власти института президентства. Притязание Джексона на то, что он является представителем общественного интереса, так как он был избран на всенародном голосовании, было тут же в штыки встречено вигами, которые заявили, что это узурпация исполнительной власти.

** Самое большое количество банков было в Новой Англии. Массачусетс де-факто санкционировал свободный вход на рынок банковских услуг в 1810-х гг. Система Массачусетса была продолжена в Мэне, после того как он стал штатом, далее она была скопирована Коннектикутом и Род-Айлендом. В иных штатах банки были более крупными, они были тесно связаны с политикой штатов. Индиана и Миссури имели установленные правительством штатов банковские монополии. См.: Wallis, Syllaand, Legler, 1994.

оценили важность правительств штатов и их экономической политики (Holt, 1978, 1999; Silbey, 1967, 1985, 1991).

В отличие от федерального правительства правительства штатов боролись с проблемой обеспечения экономического развития путем создания государственных и частных корпораций. Корпоративные экономические организации сыграли существенную роль в финансовом и транспортном секторах, особенно важной была их роль в обеспечении перемещения сельскохозяйственных товаров из быстро развивающихся западных штатов на стабильное восточное побережье, а также через Атлантику. Привилегированные корпорации выполняли важную общественную миссию, однако они также угрожали республиканским ценностям по причине оказываемого ими воздействия на политику. Отдельные граждане хотели, чтобы банки, каналы и железные дороги увеличивали стоимость их земель, помогали доставлять урожай на рынок, а также более крепко интегрировали их в американскую экономику и общество. Но одновременно они опасались, что эти корпорации подомнут и в конце концов уничтожат демократический процесс, который они также ценили. Решение проблемы, к которому пришли американцы, заключалось не в уничтожении корпораций, но в уничтожении привилегий. Последнее достигалось за счет открытия доступа для создания корпорации каждому, кто хотел это сделать*.

В 1830-х гг. случился экономический бум, который привел к новым инвестициям штатов в банки, каналы и железные дороги, деньги на эти инвестиции были даны штатами в долг. На спокойном Востоке штаты расширяли свои сети каналов, тогда как штаты-фронтиры на Западе и Юге делали первые попытки инвестирования во внутреннее развитие. Экономический спад 1839 г. привел к самому большому кризису государственного долга в истории страны. К 1842 г. восемь штатов и территория Флориды оказались не способны выполнить условия

---

* Аргументы, а также свидетельства, приводимые в данном параграфе, опираются на работу Уоллиса: Wallis, 2005, 2006.

по своим облигациям. В процессе восстановления, который занял все 1840-е гг., штаты вопрошали, как и почему они оказались в такой тяжелой ситуации. Ответ был сформулирован в традиционных республиканским понятиях: небольшие группы интересов пытаются получить от штатов экономические привилегии в форме лицензий и общественных облигаций, направленных на поддержку банков, каналов и железных дорог. Избирателям обещали, что их налоги не пойдут на возмещение долгов, взятых в пользу компаний. Эти обещания не были выполнены. Чтобы предотвратить повторение данной ситуации, было решено вообще исключить саму возможность таких обещаний. Во-первых, отныне корпоративные лицензии будут доступны каждому через акт об общей инкорпорации. Открытый доступ к корпоративным формам уничтожит ренту, ассоциируемую с особыми привилегиями, которые делали процесс инкорпорирования приоритетной целью. Во-вторых, отныне, чтобы штаты могли напечатать облигации, они должны были получить одобрение избирателей путем референдума о повышении налогов, без этого облигации не могли быть напечатаны. Между 1842 и 1851 гг. еще 12 штатов приняли новые конституции. 11 штатов ввели процедурные ограничения на долги, еще восемь одобрили законы об общей инкорпорации.

Примечательно, что в тот момент, когда штаты и народ были готовы признать существование постоянных политических партий, когда Мартин ван Бюрен писал свою автобиографию, оправдывая существование партийной конкуренции как способа содействия достижению общественного блага, а не принесения общественного интереса в жертву интересам частных лиц, поборники общей инкорпорации выдвинули идею о том, что общая инкорпорация (и то, что было известно как «свободная банковская деятельность» в банках) позволит полностью деполитизировать процесс инкорпорации и тем самым устранит прессинг частных интересов на законодательные органы*.

---

* Пути, которые привели к тому, что американцы интеллектуально убедили себя в том, что партии — это оплот, а не угроза демо-

Речь шла о свободном входе и открытом доступе, то есть о лишении законодательных органов дискреционной власти ограничивать вход в ту или иную сферу бизнеса одной или несколькими фирмами. Уильям Леггет, газетный обозреватель из Нью-Йорка, в 1830-х гг. посвятил общей инкорпорации множество материалов:

> Ничто не может быть более абсурдным, чем предположение о том, что солидарность с этими чувствами [поддержка общей инкорпорации] подразумевает противодействие любому из тех великих починов, с которыми связана законодательная власть и ее неприкосновенность. Мы возражаем лишь против нарушения великого демократического принципа нашего правительства; этот принцип стоит во главе Декларации независимости; этот принцип был повторен со всей отчетливостью в конституциях большинства штатов. Закон о полном партнерстве, который делает особые преимущества корпоративной формы доступными всем людям, которые во имя любой законной цели желают объединиться, неуязвим для тех возражений, которые выдвигают против него. Подобный закон не будет давать никаких исключительных или специальных привилегий; данный закон будет находиться в полном соответствии с великой максимой о политическом равенстве людей; подобный закон будет объединять все сообщество, позволяя капиталу свободно течь по своим каналам, а предприятиям — регулировать свою деятельность в соответствии со своими целями*.

Поборники обязательной общей инкорпорации продолжили свой рассказ о политических издержках специального законодательства. Э. П. Херлбут, нью-йоркский адвокат, в 1845 г. написал, что общая инкорпорация уничтожит «лобби, или третью палату, являющуюся воплощением эгоизма и масштабной коррупции. Стены законодательного собрания очистятся, а представители народа начнут дышать в более чистой и свободной атмосфере. Всякая прак-

---

кратии, исследуются в следующих работах: Hofstader, 1969; Wallace, 1968; Leonard, 2002.

* *Leggett*. Democratick Editorials. 1984. P. 342. Колонка появилась в издании: Plaindealer. 1836. December 3.

тика „взаимных услуг" окажется сведена на нет»*. В конечном счете именно политический аргумент возымел успех. В 1846 г. штат Нью-Йорк принял новую конституцию, которая санкционировала законы об общей инкорпорации.

Принятие законов об общей инкорпорации стало экономическим решением политической проблемы. Вместо создания корпоративных привилегий для нескольких групп общая инкорпорация позволила каждому получить доступ к ценной форме организации. Открытый доступ уничтожил коррупцию и ренту, связанную с корпоративной формой. К началу 1850-х гг. открытый доступ к политическим и экономическим организациям в США был полностью институционализирован.

6.8. Институционализация открытого доступа: почему Запад?

Переход от ограниченного доступа к открытому происходит в два шага. Каждый из этих шагов должен соответствовать эгоистическим интересам элит. Этот переход не требует от элит ни радикального прыжка веры, ни радикальной смены обстоятельств, ни даже продуманной сознательной попытки трансформирования порядка ограниченного доступа в порядок открытого доступа. Оба шага отличаются друг от друга, особенно с исторической и хронологической точки зрения. Достижение пороговых условий потребовало нескольких столетий технологических, интеллектуальных и институциональных изменений в западноевропейском обществе. Действительный же переход произошел в промежуток, равный нескольким десятилетиям.

Если данный переход подразумевает двухшаговый процесс, то тогда ответ на вопрос о том, почему именно За-

---

* *Hurlbut.* Essays on Human Rights. P. 11–15. Цит. по: Gunn, 1988, p. 231. Уоллис (Wallis, 2006) описывает, как влияние республиканских идей привело к страхам за демократию, что в конечном счете привело к распространению открытого доступа в США.

пад первым прошел по этому пути, должен состоять из ответа на два вопроса: во-первых, как именно Запад достиг необходимых пороговых условий, а в процессе еще и получил военный контроль над миром, а во-вторых, почему этот действительный переход впервые случился именно на Западе? Предыдущие попытки ответить на ключевой вопрос так и не смогли развести эти две проблемы. Одна из главных особенностей предшествующих исследований заключалась в стремлении делать особый упор на предварительных условиях перехода, игнорируя при этом понимание самого перехода.

6.8.1. Образование пороговых условий и доминирование Запада в мире

Мы предлагаем альтернативную гипотезу того, как именно произошел переход, она отличается от тезиса о военной революции, который выдвигают Бейтс (Bates, 2001), Паркер (Parker, 1996), Тилли (Tilly, 1992; Тилли, 2009) и прочие. Тилли утверждает, что долговременная гонка вооружений стимулировала складывание государств в Европе ранней современности. Бейтс вопрошает: почему раннесовременная Европа развивалась, тогда как современная Африка — нет? Его ответ таков: постоянная гонка вооружений. Согласно этим аргументам, государства разрабатывают все новые и более дорогостоящие военные технологии, которые вынуждают всех остальных следовать этим же путем — или же подчиниться тем, кто это оружие имеет. Все большие затраты на войну значили, что отныне всем государствам необходимо расти; то есть им необходимо разрабатывать новые институты для управления и финансирования войны. Точно так же Шульц и Вайнгаст (Schultz and Weingast, 2003), опираясь на Норта и Вайнгаста (North and Weingast, 1989), утверждают, что у либеральных государств было преимущество: достоверные обязательства позволили им стимулировать растущую экономику и одалживать деньги для финансирования все более масштабных и длительных войн, так чтобы издержки на войну не были слишком обременительными для экономики.

Мы не оспариваем факты, изложенные в этой литературе, но мы предлагаем их новую интерпретацию. Проблема данного подхода в том, что он начинается с постулирования элементов, которые на самом деле являются лишь конечными продуктами процесса. Монополия на насилие, которая свойственна современным порядкам открытого доступа, является результатом долгой эволюции в строительстве государства; эта монополия отнюдь не была свойственна конкурирующим государствам Европы начала Нового времени. Эти государства были естественными государствами с крайне рассредоточенным доступом к насилию. Во всех этих государствах шли масштабные внутренние войны. Хотя король Англии в XVII в. и контролировал государство, оппозиция — капитал в том смысле, как его понимает Тилли — обладала достаточным доступом к военным ресурсам, чтобы победить короля в гражданской войне середины столетия. Точно так же французская знать была достаточно сильна, чтобы во время революции оказать государству сопротивление. Эти примеры доказывают, что мы не можем рассматривать процесс строительства государства в этот период как отражение сделки между капиталом и принуждением. В хрупких и в своей основе естественных государствах Европы начала Нового времени доступ к насилию был достаточно сильно рассредоточен. Эти государства едва ли отвечали веберовскому критерию монополии на насилие.

Тезис о военной революции делает акцент на войне, наш подход подчеркивает значимость войны в сочетании с организациями, институтами и внутренней динамикой господствующей коалиции. Модели на основе тезиса о военной революции (Bates, 2001; Tilly, 1992; Тилли, 2008) начинаются с допущения о том, что государства обладали монополией на насилие. Мы начинаем с допущения о распыленном насилии и утверждаем, что эти государства получили монополию на насилие лишь в самом конце процесса создания пороговых условий, то есть в конце XVIII–начале XIX в. Западную Европу времен ранней современности отличают подъем независимых организаций и движение от базисного естественного государства к государству зрелому, а затем уже и к пороговым усло-

виям. Конкуренцию в Западной Европе от военной конкуренции во всем остальном мире отличает именно наличие организаций, именно благодаря им европейская конкуренция привела к совершенно иным результатам.

Увеличивающаяся военная мощь Западной Европы потребовала не просто новых масштабов финансирования военного дела, новых финансовых институтов и расширения налогообложения. Она потребовала достижения пороговых условий: принципа верховенства права для элит, бессрочного существования как для организаций, так и для государства, консолидации контроля над военной силой. Это развитие было проиллюстрировано нами на примере эволюции системы снабжения морских сил в Великобритании. Хотя морской флот Британии в 1756 г. и был значительно больше своего французского аналога, он не мог захватить «власть над океаном». Изменение системы снабжения кораблей во время Семилетней войны позволило морякам удерживать морскую блокаду в течение шести месяцев, что дало флоту значительное военное преимущество. Отчасти эти изменения стали следствием императивов войны, однако также они во всех деталях обозначили переход от личных отношений элит в естественном государстве к безличным отношениям элит пороговых условий.

Изменения в процессе поставки привели, во-первых, к образованию небольшого числа крупных организаций, которые конкурировали за контракты. Хотя новая система и сохраняла некоторые персоналистские характеристики – количество элитных фирм было очень небольшим, – по сравнению со старой системой у нее все же были значительные преимущества. Во-первых, внутриэлитная конкуренция помогла сбить цены и дала фирмам стимулы к инновациям, то есть к созданию более совершенных систем управления и снабжения. Во-вторых, система трансформировала правительственные организации, например коллегии, занимавшиеся снабжением и изданием указов, в постоянные общественные организации. Данная трансформация позволила осуществить третье изменение: новая система кредитов подразумевала создание безличных финансовых инструментов для

оплаты услуг поставщиков. Эти инструменты позволили поставщикам продавать свои услуги и получать за них наличные, существенно снизив риск их участия в системе поставок. Данные инструменты также создали заинтересованность у самого широкого круга лиц в сохранении складывающейся системы. Важно то, что развитие безличных рынков в сфере морской бухгалтерии позволило создать средства наказания правительства, в случае если оно не платит по счетам: в этом случае его будущие издержки неизбежно увеличиваются.

Хотя война и сыграла очевидную роль в трансформации Западной Европы, она не стала единственной или даже самой важной силой, способствовавшей складыванию пороговых условий, позволивших Западу осуществить переход. Целый ряд шагов в данном направлении был предпринят по сугубо внутренним основаниям. Эти шаги включали существенные институциональные изменения в Англии XVII в.: инновации Карла I, инновации после гражданской войны в Англии и Реставрации, а также инновации после Славной революции и революционных договоренностей. Хотя Славная революция и позволила Великобритании финансировать гораздо более масштабные войны против Франции, эти изменения были вызваны не войной, а скорее попытками Англии решить внутренние политические и конституционные проблемы предыдущего столетия (North and Weingast, 1989). То же самое может быть сказано и про большинство институциональных изменений во Франции, особенно про те, что привели к превращению Людовика XIV в середине XVII в. в очень могущественного монарха, а также про те, что последовали за революцией в конце XVIII в. Так что многие институциональные и организационные изменения, подтолкнувшие эти страны к созданию пороговых условий, стали следствием именно внутренней политики.

6.8.2. Действительный переход

Согласно нашей концепции, достижение пороговых условий и установление безличных отношений между элитами—это необходимые условия для институционализации

открытого доступа. Однако исторические тенденции, которые приводят конкретное общество к пороговым условиям, могут оказаться недостаточными для обеспечения полноценного перехода. Кроме того, схожие исторические факторы не всегда приведут общество к тем же самым пороговым условиям. Различия в том, как общества приходят к пороговым условиям, скорее всего, увеличатся в случае более поздних переходов. Ведь после того, как у первопроходцев получилось осуществить переход, во всех остальных обществах произошли изменения во взглядах на то, как устроен мир, тем самым изменился сам процесс, ведущий к пороговому состоянию. Эти оговорки особенно актуальны в случае действительного перехода. Критический период для осуществления действительного перехода на Западе наступил в XIX в., когда политические и экономические организации приблизились к режиму открытого доступа, это привело к трансформации западных обществ. Тем не менее анализ того, почему подобное развитие произошло именно на Западе, обычно игнорирует события XIX в., вместо этого основное внимание уделяется долгому периоду с XVI по XVIII в., а также становлению национального государства, военному мастерству, технологическим инновациям, колониальному господству в мире, финансированию рынков и институциональным изменениям в широком смысле этого слова. Другими словами, в прежних подходах мы видим внимание к тому, что привело Запад к пороговому состоянию, но не к тому, что позволило осуществить непосредственный переход.

Взгляд на историю с опорой на такие масштабные периоды позволяет сделать целый ряд важных открытий. Один из нарративов о подъеме современных обществ в Великобритании, Франции и США фокусируется на интеллектуальной истории становления идей Просвещения, а также на возможном воплощении этих идей в конкретных политических институтах; данный процесс длился столетиями. К концу XVIII в. элиты в Великобритании, Франции и США зафиксировали целый ряд прав, которыми должны пользоваться все граждане. Однако в 1800 г. данные права имели еще даже не все члены элит. Доступ к экономическим и политическим организациям

не был открытым даже внутри элит, а просвещенная политическая мысль того времени рассматривала партии и организованные экономические группы интересов как угрозу правам элит.

В большей части интеллектуальных, политических и экономических исследований по истории современности предпринимается попытка выявления предварительных условий возникновения институтов новых западных протодемократий. Питер Гей в своей истории Просвещения в завершение публикует эссе, посвященное «Федералисту», там он с одобрением цитирует циркуляр, направленный Джорджем Вашингтоном губернаторам штатов после победы в войне 1783 года:

> Основание нашей империи пришлось не на мрачный век невежества и суеверия, но на эпоху, когда права людей оказались лучше всего поняты и определены; результаты поиска человеческим разумом социального благополучия значительны, сокровища, накопленные трудами философов, мудрецов и законодателей за многие годы работы, лежат перед нашим взором, вся эта совокупная мудрость может быть успешно использована для установления наших форм правления (Gay, 1969, p. 560).
>
> «Федералист» заслужил настоящее бессмертие как классика в искусстве политики. Это также классическая работа Просвещения, ценный преемник работы Монтескье «О духе законов» и важное дополнение работы «Об общественном договоре» Руссо (Gay, 1969, p. 563).

Бернард Бейлин в названии своей книги «Начать мир заново: гениальность и амбивалентность американских отцов-основателей» (Bailyn, 2004) тоже очень точно выразил тот импульс к общественным изменениям, который был вызван этими просвещенческими идеями.

Исторические прецеденты очень важны. Однако тезисы о том, что современный мир обязан своим развитием британским вигам, французским республиканцам и американским отцам-основателям, что их способность положить начало новому миру привела к его возникновению, ставят нас перед серьезной исторической проблемой. Хотя поколение основателей и предприняло важные шаги на пути перехода, вовсе не их идеи стали

тем, что позволило данным странам осуществить действительный переход. Их идеи смотрели в прошлое; они пытались придать смысл миру и истории, которые лежали перед их взором. Они смотрели в сторону нового мира лишь в той степени, в какой верили, что им удалось найти решение проблем, относящихся к XVII и XVIII вв. Опасности образования фракций, партий и конкурирующих экономических групп рассматривались ими как основные исторические источники слабости республик. Они надеялись минимизировать и сдержать эти опасности путем выстраивания сбалансированного государства с разделением властей, а также с наличием системы сдержек и противовесов. Они сталкивались с неизвестностью, поэтому были не в силах даже представить общество открытого доступа, которому еще только предстояло появиться. То, что казалось им опасностями — политические партии и корпорации, — стало тем ключом, который позволил выстроить стабильную республику с режимом открытого доступа.

Республиканская история заканчивается слишком быстро. Борьба за открытый доступ продолжилась и в середине XIX в., она потребовала значительных концептуальных, организационных и институциональных инноваций, выходивших далеко за пределы республиканских идей. Республиканские идеи о политических партиях и экономических организациях еще только должны были быть переосмыслены. Разрешение внутриэлитных конфликтов, а также создание условий для того, чтобы права элит были обеспечены и гарантированы от любых конфликтов, в конечном счете привели к институционализации открытого доступа в экономике и политике. Описывать изменения середины XIX в., приведшие к открытому доступу в экономике и политике, как реализацию идей Просвещения — значит препятствовать любым усилиям понять эти изменения. Конституции 1787 года, а также «Федералиста» оказалось недостаточно, чтобы привести США к системе открытого доступа.

Другой объяснительный нарратив фокусируется на роли масс, которые угрозами и давлением заставили элиты уступить свои привилегии и поделиться властью.

Асемоглу и Робинсон (Acemoglu and Robinson, 2006; Асемоглу и Робинсон, 2011) являются наиболее яркими представителями подобного тезиса о давлении неэлит. Согласно их позиции, во имя предотвращения более плачевных сценариев элиты создали демократию как вполне себе сносный метод перераспределения, который позволяет им вечно остатваься во главе процесса перераспределения богатства. Как было нами подчеркнуто, развитие гражданских прав в Англии, а после Акта об унии 1707 года и в Великобритании, стало результатом превращения привилегий элит в права, это было следствием именно внутриэлитной политики. Данный факт ускользает от Асемоглу и Робинсона, в концепции которых элиты действуют как единое целое. Первый Акт о реформе 1832 года был по преимуществу внутриэлитной сделкой, он перераспределил политическое представительство между разными группами элит, это не было соглашение элит с массами. Внутренняя динамика естественных государств приводит к регулярному перераспределению прав и привилегий, по мере того как индивиды и группы становятся более или менее влиятельными. Первый Акт о реформе перераспределил политическое представительство, что отчасти являлось отражением новых политических реалий: в стране уже несколько десятилетий шла индустриализация, в результате новые индустриальные центры в Бирмингеме, Лидсе и Манчестере были просто обречены получить новые права за счет более слабых «гнилых местечек», в которых концентрировалась традиционная элита. Данный акт также наделил правами копигольдеров, которые владели собственностью как минимум на десять фунтов. Наконец, данная реформа способствовала становлению процесса регистрации, что имело непреднамеренные последствия: парламентские партии смогли создать своих электоральных двойников. Реформа 1832 года, вне всякого сомнения, привела в движение силы, которые мобилизовали массы как политическую силу; более того, эти силы, на что указывают Асемоглу и Робинсон, стали важным фактором в позднейших реформах. Однако внутриэлитные противостояния также оказали влияние на эти реформы: политические элиты и их новые политические

партии имели все основания стремиться к распространению избирательных прав на широкие массы – это давало им возможность получить электоральные преимущества. На этот аспект указывает Пиль.

Прочие исторические подходы вращаются вокруг роли военных и иных технологий в процессе долговременного изменения условий. Литература, посвященная военной революции, концентрируется на событиях, которые предвосхитили проблемы перехода в XIX в. В 5-й главе мы изучили идею о том, что меняющиеся военные технологии заставили правительства стать более крупными и изощренными. Военная мощь Западной Европы после XVII в. заметно выросла, суверенные государства расширялись, чтобы финансировать свои армии и управлять ими. Большие армии требовали больших бюджетов, но помимо этого они требовали *больших*, лучших и более сложных организационных механизмов. Общества, которые дальше других продвинулись по пути совершенствования этих механизмов, получали реальные преимущества. Великобритания и Франция благодаря своему военному могуществу к XVIII в. представляли собой глобальные империи, включавшие в себя изощренные институты и организации, необходимые для управления столь сложными механизмами. Однако не факт, что глобальность их власти, а также богатство сыграли хоть какую-то заметную роль в интересующих нас институциональных изменениях, случившихся в XIX в. Те же самые изменения произошли и в США, но без всякого стимула глобальной конкуренции.

Долгая традиция экономической истории уделяет особое внимание развитию промышленных технологий и контролю над природой. Данный подход связывает стремительное экономическое развитие западных экономик после 1850 г. с технологическим прогрессом, достигнутым задолго до этого. Начало индустриальной революции обычно датируют Великобританией конца XVIII в., но в экономической истории принято указывать на множество примеров более ранних технологических изменений в Европе (Mokyr, 1990, 2002). Прогресс в развитии финансовых институтов возводится к Италии XVI–XVII вв., к Голландии XVII–XVIII вв., а также к финансовой ре-

волюции в Великобритании конца XVII—начала XVIII в. Европейская колониальная экспансия начинается с испанской и португальской политики конца XV в., эту политику после 1600 г. повторили Голландия, Франция и Великобритания*. Масштабные исторические сравнения Европы и Китая (Jones, 1981, Pomeranz, 2000) подчеркивают важность «призрачных акров», то есть способности европейцев с помощью колониальных владений по всему земному шару ослаблять нехватку ресурсов и избегать мальтузианской динамики. Мокир (Mokyr, 2009) и Макклоски (McCloskey, 2006) указывают на долгую традицию интеллектуального развития в Европе, которая получила свое завершение в Просвещении. Это развитие помогло не только осуществить научную революцию и внедрить идею о том, что человечество может быть улучшено посредством сознательных и рациональных усилий, оно также вселило веру в то, что конкурентные рынки—это эффективный механизм распределения ресурсов. Подобные исторические повествования обычно обрываются в начале XIX в.; лишь немногие из них уделяют внимание истории после 1850 г. (экономическая история Великобритании конца XIX в. была историей относительного экономического упадка, а не относительного развития).

Таким образом, представители экономической истории так и не объяснили события середины и конца XIX в. Хотя мы и не можем выделить никакого решающего года или десятилетия, когда бы произошло решающее увеличение роста, тем не менее современный экономический рост, рост доходов на душу населения примерно на 1–1,5% в год, точно не начался до 1840 г. ни в одной из этих стран**. После 1850-х гг. этот стабильный

---

* Более того, в начале XIX в. европейцы обнаружили, что они также могут потерять свои колонии, как это случилось с британской Северной Америкой и с испанскими колониями в Латинской Америке.

** Гипотеза Ростоу (Rostow, 1960) о «начале» в XIX в. длительного экономического роста получила в экономической истории не совсем правильное истолкование, но базовый факт, касающийся нарастания показателей экономического роста после

рост, прерываемый умеренными скачками и падениями, продолжается, если не считать войн и депрессий 1920-х и 1930-х гг., вплоть до сего дня.

Историки экономики приложили массу усилий для того, чтобы измерить стандарты жизни рабочих, занятых в сельском хозяйстве и промышленности, с 1750 по 1850 г. Данные показывают, что вплоть до 1850 г. стандарты жизни для большинства рабочих не улучшались так, чтобы это можно было ясно и бесспорно зафиксировать*. Во второй половине XIX в. выросли не только зарплаты рабочих во всех трех странах-первопроходцах, выросла также и производительность труда, причем как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Более того, труд эффективно переключался с сектора на сектор, для того чтобы воспользоваться новыми возможностями. Сельское хозяйство тут ничуть не отставало, ему мешала лишь уменьшающаяся доля рабочей силы. Открытый для все больших групп доступ во все сектора общества позволил индивидам и ресурсам переключаться на все более и более доходные и эффективные отрасли. Результатом стали современное экономическое развитие и рост.

Исторические истоки, подготовительные шаги, культура и интеллектуальное движение за переход в Великобритании, Франции и США сыграли важную роль в подъеме Запада. То же самое может быть сказано и про военные технологии, глобальность, торговлю, урбанизацию, демографию, климат и относительные цены. Однако всех

середины XIX в., так никогда и никем не был оспорен. Показатели совокупной экономической статистики, а также статистики национальных доходов см. в работах: Крафтс о Великобритании (Crafts, 1998), Вайс о США (Weiss, 1992), Хофман и Розенталь о Франции (Hoffman and Rosenthal, 2000).

* Например, в споре о должных стандартах жизни британских рабочих были сторонники как их обогащения, так и их обнищания, однако ни одна из сторон не отрицала того факта, что в 1850-х гг. начался значительный рост этих стандартов. Этот рост практически не прекращался вплоть до сего дня. Фейнстайн (Feinstein, 1998) суммирует спор, а также самые последние данные. Относительно США см. в: Gallman, Wallis, 1992, а также Margo, 2000. О Франции см. в: Hoffman and Rosenthal, 2000.

этих факторов было недостаточно для того, чтобы привести Европу и Америку к переходу середины XIX в., к переходу, который изменил их историю. Даже самих пороговых условий было еще недостаточно для этого. Чтобы понять действительный переход, необходимо подробно изучить то, что случилось в начале и в середине XIX в.

Мы указали на то, что институты в зависимости от контекста работают по-разному. Великобритания, Франция и США пришли к открытому доступу отнюдь не по одному и тому же пути и вовсе не за счет одних и тех же институтов. Более того, хотя Германия и Испания приняли формы общей инкорпорации в 1870-х и 1880-х гг., в целом ряде аспектов они так и оставались обществами с ограниченным доступом (Harris, 2000, p. 289). Действительный переход — это дело институционализации открытого доступа, но никак не реализации особых политик, проведения особых реформ или создания особых институтов. Успех формальных партийных организаций, а также закона о корпорациях в странах-первопроходцах заставил все остальные страны устремиться к схожим институциональным формам. Однако формально организованные партии еще не приводят к конкурентной политике, точно так же как формально организованные корпорации не приводят к открытому доступу в плане экономических организаций и экономической активности.

Логика перехода — как та, которая позволяет достичь пороговых условий, так и та, что позволяет осуществить действительный переход — вновь возвращает нас к тому вопросу, который был поднят в конце 2-й главы, а также в главах 3 и 5: как ограничить правителя, который стоит выше закона? Как было показано нами, западные общества бьются над этой проблемой на протяжении последних двух тысячелетий. Часть трудностей при разрешении проблемы заключается в том, что сам вопрос задавался неправильно: решение проблемы подразумевает нечто большее, чем просто помещение правителя под власть законов, требуется фундаментальная трансформация во взаимоотношениях между индивидами и организациями в обществе.

Правители возглавляют господствующую коалицию и пользуются влиянием лишь в той степени, в какой им удается добиться подчинения и уважения со стороны разных групп элит. Мы указали на неадекватность подхода к анализу государства как единого актора. Помещение правителя в рамки закона требует того, чтобы идентичность правителя была трансформирована в бессрочную организацию; законам должен быть подчинен не просто правитель, но именно само государство. Принцип верховенства права, ограничивающий государство, – это результат деятельности господствующей коалиции, которая разрабатывает заслуживающие доверия и осуществимые правила внутриэлитных взаимоотношений. Естественные государства, в которых господствующая коалиция постоянно перетасовывает ренту и привилегии по мере изменения обстоятельств, по определению не способны установить верховенство права.

На каждой из двух стадий перехода – пороговых условиях и действительном переходе – развиваются институты, которые трансформируют способности элит формировать организации как внутри, так и снаружи государства. Новые институты и организации дают инструменты, позволяющие элитам надежно гарантировать фундаментальные права, предоставляющиеся всем членам этих элит. Трансформация привилегий элит в права знаменует собой заметный шаг на пути к переходу от естественных государств к порядкам открытого доступа. Институты создают постоянно действующее государство и позволяют ему поддерживать бессрочные организации, влияние которых распространяется на все общество. Эти организации и институты трансформируют идентичность правителя: из могущественного индивида с уникальным общественным статусом он превращается в безличного чиновника. Так как эти чиновники и организации являются бессрочными, они оказывают сдерживающее воздействие на завтрашних лидеров и на завтрашнюю коалицию. Социальная идентичность правителя отныне включена в более крупную идентичность государства как бессрочной организации. Именно государство начинает существовать в соответствии с принципом верховенства

права. Склонность отождествлять государство с правителем понятна, но она приводит к значительной путанице.

Рождение национального государства произошло не в момент апофеоза правителя, а тогда, когда личности всех правителей оказались подчинены прочной и постоянной корпоративной структуре государства*. Бессрочные организации и институты, обладающие правом вето, например парламенты и независимые судебные инстанции, стали составной частью государства. Консолидированный контроль над военной силой концентрирует силовую власть и создает сдержки, которые ограничивают ее использование против гражданского населения.

Однако наиболее важным является то, что институты действительного перехода обеспечили открытый доступ в политике и экономике. Обеспечение конкуренции в условиях открытого доступа — это фундаментальное требование для государства, в политике оно реализуется посредством создания организованных политических партий, а в экономике — посредством создания организованных бизнес-единиц. Выстраивание структуры государства, связанной как с пороговыми условиями, так и с переходом, — это основополагающая предпосылка для принуждения государства повиноваться закону.

---

* Литература о становлении национального государства обширна. Что касается размышлений о развитии национальных государств в связи с проблемой идентичности, см.: Anderson, 2006 [1983]; Андерсон, 2001; Gellner, 1983; Геллнер, 1991; Tilly, 1992, 1996, 2005a, 2005; Тилли, 2009. Самые последние исследования о возникновении национального государства см.: Ertman, 1997; Spruyt, 1994.

Глава 7
Новая исследовательская повестка для общественных наук

7.1. Структурирующие проблемы

Фундаментом нашего исследования стала обширная литература по истории, политической науке, экономике, антропологии и общественным наукам. Наше повествование помещено в контекст возрастания человеческих знаний, являющегося залогом улучшения материального благосостояния людей. Мы приняли за нечто данное меняющиеся закономерности развития технологий, рождаемости, смертности, миграции и общей демографии и интегрировали их в свой анализ. В центре внимания данного исследования были изменение структуры человеческих взаимодействий и влияние этого изменения на условия человеческого существования.

Для полноценной концепции человеческого поведения потребуется ответ на вопрос о том, как разум реагирует на процесс изменений. Необходимой предпосылкой является понимание того, как мозг интерпретирует сигналы, получаемые им от чувств, как он структурирует результат в согласованную систему убеждений. Хотя в когнитивных науках и имел место некоторый прогресс, все же над нами до сих пор довлеет проблема понимания истоков конфликтующих систем убеждений, их гибкости и их взаимодействия с организациями и институтами. Многие из изменений среды оказываются беспрецедентно новыми. Однако теории, которые находятся на вооружении общественных наук, опираются на представление об эргодическом, повторяющемся, предсказуемом мире, в котором люди ищут разные решения для одних и тех же проблем. Но как можно мыслить социальные процессы, когда индивиды в лучшем случае имеют лишь очень ограниченное понимание того, что же на самом деле с ними происходит?

Как можно мыслить социальные процессы, когда люди сталкиваются все с новым и новым опытом, все с новыми и новыми ситуациями, требующими осведомленности о динамической природе процесса, участником которого они являются? Как именно нам следует воспринимать новые проблемы, с которыми мы сталкиваемся по мере того, как человечество трансформирует окружающую среду самым беспрецедентным образом? У нас нет ответа на эти вопросы, и все же мы признаем их важность.

Мы достигли достаточно большого прогресса в понимании того, как общества справляются с бесконечным и динамическим процессом изменений, который неминуемо происходит в каждом обществе. Динамическая теория изменений — это не обязательно теория, которая подразумевает рост или развитие. Реагирование на меняющиеся условия нередко приводит к изменениям без всякого прогресса. Исторический опыт свидетельствует о том, что ни общества, ни обществоведы не демонстрировали хороших навыков в решении проблем постоянных изменений и бесконечной новизны. Естественные государства обладают некоторыми социальными ресурсами, чтобы справляться с переменами, однако долгая история человеческих обществ — вплоть до последних нескольких столетий — рисует перед нами достаточно мрачную картину способности обществ преодолевать те изменения и проблемы, с которыми они сталкиваются. Известная нам история человечества — это история подъема и упадка цивилизаций. Грегори Кларк (Clark, 2007b) не так давно вновь подметил, что экономические историки и так прекрасно знают: на протяжении очень долгого времени начиная с момента открытия сельского хозяйства и заканчивая XIX в. экономический рост на душу населения был необычайно низок, практически равен нулю. Каждый исторический случай экономического роста с лихвой компенсировался случаем экономического упадка. Как видно из Табл. 1.2 в первой главе, более бедные общества современного мира бедны не потому, что у них низкий уровень роста, а потому, что доля лет, когда они имели негативный рост, у них куда больше, чем в развитом мире. Стабильный экономический рост

последних нескольких десятилетий стал результатом скорее редуцирования влияния негативных шоков на общественный продукт, чем возрастания показателей роста в те годы, когда этот продукт растет.

Мир всегда был неспокойным местом. Радикальная трансформация обществ, которая имела место в последние два столетия, заставляет нас поверить в тезис о том, что общества открытого доступа куда лучше приспособлены для конструктивного реагирования на новые проблемы. Мы попытались объяснить, почему именно общества открытого доступа оказываются более эффективными в адаптации: институциональный дизайн открытого доступа способствует многочисленным пробам и ошибкам, в результате которых — в контексте «неопределенности Найта» — удачные примеры адаптации сохраняются, а неудачные — нет. Хотя реакция на неопределенность и не застрахована от неудач, все же история обществ открытого доступа наполнена примерами экспериментов, которые в конечном счете позволяли находить искомые решения. Созидательное разрушение как в политике, так и в экономике — это норма для обществ открытого доступа. Подобное экспериментирование полностью согласуется с оптимистическими взглядами Хайека (Hayek, 1952) на последствия свободного входа и конкуренции. Адаптивная эффективность приводит к созданию институтов и организаций, которые способствуют экспериментированию, награждают успешные инновации и, что не менее важно, уничтожают результаты неправильных решений. Это не гарантия того, что люди всегда найдут решения для новых и неизведанных проблем, с которыми им придется столкнуться в будущем, однако все же некоторые социальные институты и организации делают эту вероятность более высокой.

Мы знаем об институтах достаточно, чтобы понять, что это не самые совершенные инструменты для решения людских проблем (Eggertsson, 2005). Человеческим обществам никогда не удавалось полностью решить проблему насилия, однако некоторым обществам удалось выработать более совершенные пути сдерживания насилия, чем другим. Возникновение естественных государств, которое началось десять тысяч лет назад, сильно рас-

ширило перечень институтов и организаций, которые общество может поддерживать. Использование практики создания ренты для ограничения насилия позволило образоваться гораздо более крупным обществам, способным организовать жизнь значительно больших масс и городских агломераций; это также позволило осуществить значительные технологические изменения. Однако естественные государства имеют встроенные ограничения для тех типов социальных порядков, которые они могут поддерживать: все, что может угрожать созданию ренты, в конечном счете может угрожать и самому государству. Создание ренты и ограничение доступа создают препятствия для экономического роста естественных государств, эти ограничения становятся все более и более явными по мере возникновения порядков открытого доступа, с которыми их можно сопоставить.

Порядки открытого доступа, как оказывается, гораздо более эффективны в долгосрочном реагировании на изменения. Процесс принятия решений в обществах открытого доступа куда сильнее децентрализован, он зависит от лидеров экономических и политических организаций. Они приходят к децентрализованным решениям с опорой на те организации, которые они представляют. Открытый доступ увеличивает возможность натолкнуться именно на ту политику, которая позволит решить проблему или снизить ее остроту. Созидательное разрушение как в экономической, так и в политической сфере является необходимым критерием достижения адаптивной эффективности. Неспособность Шумпетера даже представить созидательное разрушение в политике привела его к выводу о неминуемой обреченности капитализма. Возможно, однажды окажется, что он прав: порядки открытого доступа вполне могут оказаться менее стабильными, чем естественные государства, продержавшиеся на плаву почти десять тысяч лет. И все же прочность обществ открытого доступа перед лицом повсеместных попыток создания ренты—это свидетельство ключевой роли адаптивной эффективности.

Естественные государства не могут опираться на адаптивную эффективность как на бастион, который спосо-

бен противостоять переменам. В динамичном мире люди из обществ с закрытым доступом, ответственные за принятие решений, имеют ограниченные возможности в поиске новых возможностей и решении новых проблем. Подобные ограничения обуславливаются желанием элит защитить свои привилегии, а также теми опасностями, которыми снижение ренты грозит стабильности господствующей коалиции и обществу в целом. Препятствование конкуренции как в экономике, так и в политике сокращает инновации, сужает размах созидательного разрушения, а также нарушает механизм замещения проигравших и отбрасывания бесперспективных идей. Дело не в том, что естественные государства не способны к прогрессу, дело в том, что они имеют одинаковую склонность как к движению назад, к личным договоренностям и ограниченному доступу, так и вперед — к обезличенным институтам. Даже когда общества начинают осознавать все плюсы открытого доступа, члены коалиции естественного государства понимают, что простое создание институтов открытого доступа не просто уничтожит их ренту, но также не позволит достичь искомого результата, то есть стабильного экономического развития.

Мы согласны с тем, что нам так и не удалось полностью рассмотреть вопрос о понимании истоков убеждений, происхождении институтов и природе человеческих организаций, составляющих различные социальные порядки. Однако наше повествование способно серьезно увеличить стимулы к накоплению знаний, а также к выяснению того, насколько общества могут использовать эти знания как для улучшения положения человека, так и для решения проблемы потенциального возрастания легальности насилия.

7.2 Концептуальные рамки

В обществах охотников и собирателей обмен происходит прежде всего за счет межличностных повторяющихся взаимодействий; все отношения являются личными. Стандартная единица взаимодействия — это группа из

25 человек, при условии, что спорадически формируются временные группы большего размера. Общества охотников и собирателей решают проблему насилия не самым эффективным образом: они формируют группы, в которых личное взаимодействие – это взаимодействие между индивидами, которые прекрасно друг друга знают и взаимодействуют друг с другом на постоянной основе. Уровень насилия как внутри групп, так и между ними может быть крайне высок.

Естественные государства выстраиваются на межличностных отношениях добывающих порядков, эти государства способны расширяться и превосходить по своим масштабам более простые общества. Отношения внутри естественных государств строятся вокруг традиционных межличностных взаимодействий, однако иерархии элит формируют личные отношения, которые увеличивают контроль господствующей коалиции. Порядки ограниченного доступа позволяют решить проблему насилия: могущественные члены общества объединяются в коалицию военной, политической, религиозной и экономической элиты. Элиты обладают привилегированным доступом к ценным ресурсам или к ценным формам действия. Кроме того, у них есть возможность формировать организации, санкционируемые всем обществом. Уникальные идентичности членов элит тесно увязаны с теми привилегированными организациями, которые эти члены возглавляют или в которых они состоят. Так как в случае выплесков насилия рента, извлекаемая элитой, будет снижаться, создание ренты позволяет элитам достоверно гарантировать друг другу ограничение насилия. Однако в силу того, что социальный мир зависит от баланса интересов в господствующей коалиции, порядки открытого доступа чувствительны к переменам, затрагивающим интересы и возможности элит. Как социальный порядок порядок ограниченного доступа стабилен, однако каждое естественное государство претерпевает постоянные изменения; так как естественные государства опираются на сложную систему элитных интересов, им не всегда удается оставаться устойчивыми в меняющихся обстоятельствах. В хорошо развитых естественных государствах

элитные привилегии включают контроль над могущественными социальными организациями, такими как церковь, правительство, суды и военные силы.

Порядок открытого доступа выстраивается на организационных структурах естественного государства, но при этом он распространяет обезличенное гражданство на все бо́льшую часть населения. Все граждане получают возможность формировать экономические, политические, религиозные или социальные организации, призванные выполнять любые мыслимые функции. При этом порядки открытого доступа запрещают использование насилия всем организациям, кроме армии или полиции. В отличие от естественного государства, которое активно манипулирует интересами элит и неэлит с целью поддержания социального порядка, порядок открытого доступа позволяет индивидам преследовать собственные интересы посредством создания всевозможных организаций. Индивиды продолжают оставаться мотивированными экономической рентой как на политическом, так и на экономическом рынке, но присутствие открытого доступа стимулирует конкуренцию, что делает подобную ренту лишь временным явлением. Социальный порядок поддерживается за счет комплексного взаимодействия конкуренции, институтов и убеждений. Контроль над военной силой концентрируется в руках правительства, а контроль над правительством вытекает из политической и экономической конкуренции, а также из особых институциональных ограничений. Попытки использовать правительство для принуждения граждан — напрямую, через военную силу, или же косвенно, через манипулирование экономическими интересами — приводят к активизации существующих организаций или же к созданию новых организаций, призванных мобилизовать экономические и социальные ресурсы, с тем чтобы добиться контроля над политической системой. Сохранение открытого доступа важно для поддержания социального порядка.

Как порядки открытого доступа, так и порядки ограниченного доступа являются в равной степени динамичными, они претерпевают продолжительные и зачастую

неожиданные изменения. Этот динамизм не может быть назван прогрессивным, так как не существует никакого телеологического движения, которое бы толкало общества к тому, чтобы становиться все более и более сложными, стабильными и развитыми. Суть динамизма — в постоянных переменах. Если совсем упрощать, то отличие динамизма ограниченного доступа от динамизма открытого доступа заключается в том, как именно социальные порядки используют доступ для сдерживания насилия и обеспечения порядка. Естественные государства реагируют на изменения попытками манипулировать доступом и перераспределять ренту внутри господствующей коалиции. Что касается порядков открытого доступа, то они более стабильны не потому, что их институты прочнее, наоборот, эти институты гораздо более гибки, они реагируют на меняющиеся условия с куда большей пластичностью. Порядки открытого доступа более устойчивы к переменам, так как их внутренние институциональные и организационные структуры более свободны в смысле вариантов приспособления, они могут ассимилировать изменения в куда большем диапазоне опций, так как в них не распространена практика создания ренты с целью сдерживания насилия. Оба социальных порядка динамичны, однако внутренняя логика их динамизма различна.

Как именно происходит переход от одного социального порядка к другому? В предыдущей главе мы сделали набросок перехода к открытому доступу в Великобритании, Франции и США. Переход в каждом отдельном обществе зависит от особых черт данного общества, но все же в переходе могут быть вычленены и общие черты. Пороговые условия позволяют элитам взаимодействовать друг с другом обезличенным образом, снижать эффективность разрушительного насилия и в конечном счете создавать и поддерживать институт обезличенных прав. В каждом случае элиты сталкиваются со стимулом трансформировать привилегии в обезличенные права. Создание зачатков элитных прав в пороговых условиях предоставило возможность расширить эти права так, чтобы они были поддержаны представителями всей элиты. На-

пример, привилегия владеть акциями в акционерной компании вначале может считаться уникальной привилегией. Однако если эта привилегия становится повсеместной, а доли отныне можно передавать друг другу, то тогда интерес элит к поддержанию обезличенного механизма передачи долей может начать возрастать. В свою очередь обезличенный механизм передачи долей может создать интерес в обезличенном формировании компаний. Можно было наблюдать эту последовательность во всех трех странах-первопроходцах. Она заняла весь XIX в. Идея открытого доступа к корпоративным формам начала пользоваться доверием в тот момент, когда большая часть элиты начала получать прямую выгоду от такого доступа. Точно так же открытый доступ к политическим организациям становится возможен тогда, когда влиятельные политические группы начинают понимать, что поддержка политических партий целиком отвечает их интересам.

Переход – это именно институционализация открытого доступа посредством утверждения обезличенных отношений. То есть переходом не может быть названо создание тех или иных институтов, например принятие Билля о правах или же всеобщего избирательного права. Институты важны постольку, поскольку они структурируют стимулы индивидов и сдерживают их. Однако одни и те же институты в зависимости от обстоятельств могут работать совершенно по-разному. Чуть ли не основной фактор здесь – наличие или отсутствие открытого доступа. Например, институты выборов и институты корпораций в естественных государствах работают иначе, чем в порядках открытого доступа.

Подобный способ мышления о процессе перехода позволяет говорить о новой интерпретации экономической и политической истории рождения современных обществ открытого доступа в конце XVIII–начале XIX в. Наша экономическая история делает особый акцент на обеспокоенности развитием новых могущественных форм элитных экономических организаций, а также «коррумпирующим» влиянием этих организаций на политику. Все это в середине XIX в. привело к созданию открытого доступа. Наша политическая история делает

особый акцент на модификациях институтов естественного государства, случившихся в XVIII в., эти модификации вызвали обеспокоенность элит тем, что внутриэлитная политическая конкуренция неизбежно приведет к консолидированному политическому контролю со стороны той фракции, которой за счет манипулирования экономикой удастся заполучить в свои руки рычаги управления. В конечном счете элиты приняли решение защитить свои привилегии путем превращения их в права. Сделано это было посредством создания институтов, гарантирующих открытую экономическую и политическую конкуренцию. Отныне можно было свободно формировать экономические и политические организации. Ничего подобного в мире еще не было. Трансформирующий эффект открытого доступа, берущего свой отсчет с середины XIX в., дает о себе знать в политических и экономических процессах конца XIX в., эти процессы продолжаются и в XX в. Среди последствий данных процессов можно отметить общее благоприятствование технологическому прогрессу.

Исторические особенности и уникальные институциональные механизмы, развивавшиеся в каждом конкретном обществе, играли главную роль, однако ни в одном из случаев перехода они не были идентичными. В середине XIX в. переход был закреплен путем институционализации открытого доступа для все большего числа граждан. Эти граждане получили обезличенные права, а также доступ к целому ряду социальных институтов, призванных подкрепить обезличенные отношения. Функционирование существующих институтов естественного государства, даже имевших очень долгую историю (например, британский парламент), начало претерпевать изменения, вызванные необходимостью подстраиваться под условия открытого доступа. Избираемые собрания в условиях наличия конкурирующих политических партий начали разительно меняться. То же самое произошло и с экономическими корпорациями, которые оказались в ситуации открытого конкурентного входа.

Создание схожих институтов в иных обществах, но уже чуть позже, не привело к мгновенному переходу данных

обществ. Например, страны Латинской Америки приняли конституции, схожие с конституцией США, а некоторые страны Европы утвердили законы об общей инкорпорации, однако всего этого оказалось недостаточно для того, чтобы стимулировать переход. Интересы элит в ограничении доступа могут быть легко учтены и в условиях наличия выборов, представительных собраний, а также более сложных корпоративных форм организаций. Принятия институтов Великобритании, Франции или США без обеспечения открытого политического и экономического доступа недостаточно для обеспечения перехода. История показывает, что создание лучших институтов позволяет обществам усовершенствовать свое функционирование в качестве естественных государств, но никакой переход без открытого доступа не возможен.

7.3. Новый подход к общественным наукам: насилие, институты, организации и убеждения

Предлагаемые нами концептуальные рамки — это не просто еще одна политическая или экономическая модель, а принципиально новый подход к общественно-научному анализу. Здесь речь идет о процессе изменений, происходящих со временем. Много ли нам удалось выяснить о процессе социетальных изменений? Наш вклад мы собираемся проиллюстрировать через те концепты, которые образовали структуру данного исследования: насилие, институты, организации, убеждения.

Мы начали с идеи о том, что систематическое создание ренты может убедить могущественных индивидов и могущественные группы отказаться от насилия. Если эту идею совместить с другой идеей, суть которой в том, что наиболее ценная форма создания ренты для большинства обществ — это способность формировать организации, санкционированные и поддержанные обществом, то отсюда остается всего несколько шагов до следующего вывода: структура любых социальных институтов принципиаль-

но обусловлена методами, используемыми для решения проблемы насилия. В силу того что каузальные представления, касающиеся поведения других людей, зависят от природы тех организаций, в которых люди действуют, мы можем вывести из этого очень важные следствия для понимания природы представлений и убеждений, касающихся личностных и межличностных взаимоотношений. Когда общества могут поддерживать обезличенные организации, они создают возможность обезличенных отношений среди элит, обеспечивая фундамент для перехода к порядку открытого доступа, а также создавая повсеместную убежденность в том, что социальное взаимодействие может осуществляться обезличенно. В тот момент, когда бессрочно существующие и обезличенные экономические организации начинают существовать одновременно с ситуацией консолидации военной силы в руках правительства, в таком обществе исчезает сама потребность в личной принадлежности к сетям патронирования и протекции. Общества открытого доступа со всеми их многочисленными преимуществами и издержками опираются на обезличенные идентичности и связанные с ними убеждения в равенстве и честности.

Насилие должно быть едва ли не главным фактором любых объяснений того, как ведут себя общества. Необходимым предварительным условием для формирования долговечной крупной социальной группы является способность контролировать насилие. Естественные государства решают проблему насилия отнюдь не за счет консолидации своего контроля над ним. Вместо этого они пытаются использовать факт распыленности этого насилия путем создания системы взаимопересекающихся экономических, религиозных, политических и социальных интересов, которая дает могущественным индивидам стимулы не использовать насилие. Все государства являются организациями организаций. В естественном государстве создание ренты сливается с внутренней структурой организаций в рамках господствующей коалициии с целью ограничения насилия.

Рассмотрение проблемы насилия, начинающееся с веберовского допущения о том, что государство — это орга-

низация с монополией на легитимное использование насилия, есть абсолютно неверный ход. В таких подходах игнорируется основная проблема, с которой сталкиваются общества, то есть проблема управления насилием. В естественных государствах военная сила распределена по всей господствующей коалиции. Для достижения стабильности естественные государства должны достаточным образом простимулировать своих влиятельных членов—так, чтобы у них не было никаких стимулов использовать насилие вместо попыток мирного взаимодействия. Допуская, что государство—это монолитная сущность, мы тем самым лишаем себя самой способности понимать, как именно естественные государства, а значит и большинство обществ в истории, сдерживают насилие.

Консолидация военной силы в единую организацию может произойти лишь тогда, когда другие, невоенизированные, члены господствующей коалиции уверены в наличии четких механизмов дисциплинирования военных, в случае если они попытаются злоупотребить своей силой. Монополия на военную силу должна сопровождаться реформами экономических и политических организаций, а также институтов, позволяющих экономическим и политическим акторам контролировать военных. Зрелые естественные государства сохраняют двойной баланс между военными и невоенными организациями. Для того чтобы естественное государство получило консолидированный контроль над военными, оно должно одновременно развить мощные формы экономических и политических организаций. При отсутствии таких организаций военные организации, а также те, кто их возглавляет, будут иметь возможность узурпировать привилегии остальных членов господствующей коалиции. Этот вывод верен вне зависимости от того, находятся ли у власти гражданские лица или нет. Насилие и организации связаны самым тесным образом.

Обсуждаем ли мы исторические или современные развивающиеся общества, мы не должны предполагать, что государство—это консолидированная сущность, способная к принуждению и пользующаяся монополией на насилие. Вместо того чтобы делать тезис о специалисте в области насилия отправной точкой для наших размыш-

лений, мы начали с проблемы все большей специализации в деле насилия как следствия самой структуры институтов, организаций и убеждений растущего общества. Короче говоря, для понимания контроля над насилием мы должны начинать с группы могущественных индивидов, сдерживаемых набором самоисполняющихся соглашений, которые повышают уровень специализации внутри своей коалиции, позволяя одним членам специализироваться на насилии, другим — на экономической активности, а третьим — на политической активности.

Институты — это правила игры, формы взаимодействия, которые управляют и сдерживают отношения индивидов. Институты включают формальные правила, писаные законы, формальные социальные конвенции и неформальные нормы поведения. Институты также должны включать средства, с помощью которых правила и нормы получают свою практическую реализацию. Мы обращаем внимание на институты и отмечаем, что одни и те же институты по-разному работают в разных контекстах. Эта интуиция играет важную роль в нашем объяснении процесса перехода. Институты, которые делают обезличенные элитные отношения возможными, могут быть созданы в зрелых естественных государствах, а затем использованы в порядках открытого доступа, однако там эти институты будут иметь совсем другое влияние, нежели в естественном государстве. Нас особенно интересует то, как институты — например выборы, представительные законодательные органы, корпорации и политические партии — по-разному функционируют в ситуации наличия открытого или ограниченного входа/доступа.

Концепция институтов Грейфа (Greif, 2006) включает в себя определение институтов, организаций и убеждений как институциональных элементов. Мы намеренно не стали принимать такое широкое определение институтов — не потому, что мы не согласны с прозрениями Грейфа, а потому что разложение логической структуры Грейфа на составляющие элементы является как неизбежной, так и необходимой задачей, если мы желаем помыслить процесс социальных изменений. Грейф показывает, что сами по себе правила и нормы не являются самодостаточ-

ными, они должны быть укоренены в более масштабной структуре организаций и убеждений. Каузальные убеждения людей должны сочетаться с реальным поведением индивидов, относящихся к тем институтам и организациям, с которыми они взаимодействуют. Мы хотели бы подчеркнуть важность организаций и убеждений в понимании того, как именно работают институты, а также определить, как эти институты, которые управляют формированием организаций, меняются в зависимости от социальных порядков, а также продолжительности своего существования. Понимание социальных изменений в реальных исторических обстоятельствах требует от нас отделения институтов от организаций и убеждений, равно как и от насилия. В противном случае нам едва ли удастся проследить их постепенное пересекающееся развитие. Социальное развитие, как исторически, так и в условиях современного мира, отнюдь не сводится к меняющимся институтам, усваивающим подходящие структуры управления или же конструирующим системы прав собственности.

Организации состоят из индивидов, которые предпринимают координированные действия для достижения общих и индивидуальных целей. *Партнерские* организации состоят из индивидов, индивидуальные интересы которых в каждый момент времени позволяют данной организации гарантировать добровольную кооперацию. *Контрактные* организации, наоборот, используют третьи стороны для упорядочивания своих внутренних и внешних отношений. В силу того что у контрактных организаций есть дополнительные инструменты способствования кооперации, они оказываются более могущественными, чем партнерские организации.

Наша схема опирается на три тезиса относительно организаций:

Структура, охват и число организаций в любом обществе тесно связаны с тем, как данное общество контролирует насилие.

Социальная технология структурирования организаций зависит от личности и идентичности индивидов внутри этой организации. Создать обезличенную, бессроч-

но существующую организацию, идентичность которой не зависит от идентичности ее членов, достаточно трудно. Но там, где это удается, происходит радикальное изменение самой возможности отношений между индивидами.

Существование организаций с обезличенными идентичностями, как в общественной, так и в частной сфере, есть необходимое условие для существования обезличенных отношений в рамках всего общества в целом.

Обширная литература об организациях в экономике, социологии и политической науке по большому счету упустила момент изменений в социальной поддержке организаций, произошедших в странах-первопроходцах в XIX в. Обществоведы объясняют социальные структуры. Мы делаем то же самое, но в понятиях преднамеренных действий индивидов, абстрагируясь от социальных инструментов, которые имеются у них в распоряжении. Организационные инструменты, доступные индивидам, не только улучшались по мере возникновения более оптимальных правовых форм как для организаций, так и для контрактных отношений, — одновременно происходило еще и повсеместное распространение этих инструментов по всему обществу. Во многих исторических исследованиях распространение обезличенных прав на все население объясняется переменами, произошедшими с крупными социальными институтами, например с демократией, а также с основополагающими процессами, например с экономическим ростом. Мы отметили, что открытый доступ к организационным формам может заставить такие социальные институты, как демократия, работать гораздо лучше, способствуя созидательному разрушению как в экономике, так и в политике; кроме того, мы отметили, почему открытый доступ к организационным формам не был реализован ни в одном обществе вплоть до XIX в. Задача, стоящая перед всеми общественными науками, заключается в рассмотрении фундаментальных изменений в организационных инструментах, которые произошли в XIX в.

Число и размах новых организаций увеличиваются взрывным образом в тот момент, когда общество про-

ходит через процесс перехода. Этот взрыв не является простым следствием усилий по расширению гражданских прав, созданию новых институтов или содействию экономическому росту. Не является данный взрыв и простым следствием естественной человеческой склонности к торговле и обмену. Дело в том, что переход предоставляет гражданам новые инструменты, сокращает количество ограничений, а также повышает возможности для межличностных отношений, резко увеличивая выгоды от специализации и обмена, одновременно сокращая риск экспроприации. Эти изменения, в свою очередь, способствуют росту новых организаций, использующих новые возможности. Соответственно, взрывной рост организаций есть прямое следствие перехода.

Мы задокументировали возникновение бессрочно существующих общественных, частных и религиозных организаций в Западной Европе с 1400 по 1800 г. Эти организации воплощали логику естественного государства, в частности, создавая элитные привилегии. Создание подобных организаций в рамках естественных государств было неотъемлемой частью возникновения и успеха зрелых естественных государств того времени. Организационная утонченность привела к экономическому росту Европы в конце Средневековья – начале Нового времени, она позволила создать гораздо более отчетливые государственные структуры, способные после 1600-х гг. осуществить консолидацию военной силы, а также воспользоваться выгодами от торговли.

Без бессрочно существующего государства и обезличенных организаций институциональные механизмы – например система сдержек и противовесов между королем и парламентом или же президентом и конгрессом – не могут функционировать эффективно. Точно так же консолидированный контроль над военными возможен лишь в том случае, если бессрочно существующие и, следовательно, обезличенные организации в публичной и частной сфере могут быть использованы для того, чтобы сдерживать военных, что было проиллюстрировано нами на примере системы снабжения британского морского флота в середине XVIII в. Развившаяся насыщенная сеть

обезличенных организаций оказалась способна поддерживать обезличенно определяемые права элит. Лишь после этого понятие равенства смогло стать частью убеждений о том, как именно функционирует реальный мир, а не оставаться, как и раньше, частью идей, идеологий и теологий того, как этот мир должен работать.

Убеждения, касающиеся равенства, в естественном государстве не могут опираться на опыт; равенство может быть лишь идеалом. Одна из основополагающих черт порядка открытого доступа — это преобладание обезличенных отношений, которые поддерживают веру в свободу и равенство. Ключевым является понимание того, как открытый доступ, с одной стороны, поддерживает, а с другой — требует обезличенных отношений. Открытый доступ не является всеобщим доступом, однако он требует обезличенной идентичности.

Мы не обладаем общей теорией того, как формируются убеждения, нет у нас и теории человеческого познания, однако с двумя аспектами убеждений мы все же попытались разобраться. Во-первых, каузальные убеждения, то есть убеждения относительно причинно-следственных связей в мире, оказывают непосредственное влияние на поведение людей. Во-вторых, культурная среда — политический, экономический, социальный контекст — оказывает на убеждения самое непосредственное влияние. Социальные структуры, которые порождают фундаментальное неравенство участников, отражаются как в системе убеждений, так и в формах социальных отношений обмена — особенно в личном, в противовес обезличенному, обмене, а также в формах, типах и доступе к организациям, которые поддерживаются обществом. Существует огромное разнообразие подобных организаций: семья, церковь, политические, экономические и образовательные организации. Представления относительно обезличенной идентичности вытекают из структуры организаций и институтов, которые поддерживаются обществом и в которых проходит жизнь людей.

Так как порядки ограниченного и открытого доступа контролируют насилие и структурируют организации по-разному, эти два социальных порядка приводят к раз-

личиям в убеждениях населения. Контроль над насилием через создание ренты приводит к обществам, основанным на личной идентичности и привилегиях. Мы подчеркиваем важность открытого доступа для поддержания представлений о равенстве и обезличенных отношениях. В частности, бессрочно существующие организации воплощают реальность обезличенных идентичностей. Представления о возможности существования обезличенных идентичностей — это основа представлений о равенстве. Равенство зависит от обезличенной идентичности; для того чтобы граждане были равными перед законом, закон должен рассматривать граждан обезличенно. Таким образом, убеждения в том, что граждане равны в том или ином отношении, не могут получить поддержку до тех пор, пока общества не создадут обезличенные идентичности в соответствующих областях. Реализация принципа равенства в обществе требует того, чтобы общество было способным создавать и поддерживать обезличенные категории — например гражданство, — а затем рассматривать каждого как относящегося к этой категории в той же степени, что и все остальные.

Основной довод в пользу принципа верховенства права в порядках открытого доступа заключается в том, что институты способны существовать на основе обезличенности и бессрочности. Эти принципы являются основанием верховенства права. Институты, поддерживающие обезличенные отношения, позволяют порядкам открытого доступа обеспечивать всеобщие права, а не только привилегии для элит. Без бессрочно существующих общественных организаций новые коалиции и правительства могут менять институты и права, в том числе и те, что поддерживают обезличенность. Неспособность правительств естественных государств обеспечивать блага на обезличенной основе существенным образом подрывает их способность реализовывать принцип верховенства права, а также гарантировать гражданам основные общественные блага, включая, например, программы социального страхования, столь существенные для современных порядков открытого доступа.

7.4. Новый подход к общественным наукам: развитие и демократия

Мы использовали исторические примеры для того, чтобы проиллюстрировать концептуальные рамки, а не для того, чтобы протестировать конкретные гипотезы. Более систематический анализ фактов еще ждет своего исследователя. Мы не предпринимали никаких попыток статистического анализа, так как никаких прямых способов измерения наших основных понятий не существует. Мы убеждены, что наши концепты могут быть операционализированы, однако понятия как открытого, так и ограниченного доступа как в экономике, так и в политике являются очень тонкими и многомерными*. Применение их на практике потребует серьезных усилий, выходящих за рамки данного исследования. Мы ценим и приветствуем подобные усилия**.

Эмпирические исследования детерминант развития в их нынешнем состоянии иллюстрируют сложность объяснения комплекса социальных феноменов с несколькими одномерными переменными. Едва ли мы скажем что-то новое, указав на то, что развитие—это сложная проблема. Опыт недавних лет показывает, что развитие—это

---

* В своем комментарии к нашему проекту Джеймс Робинсон выдвинул интересную идею: различать естественные государства и порядки открытого доступа через изучение событий, связанных со сменой лидеров. В силу того что в обезличенных и бессрочно существующих порядках открытого доступа личность имеет куда меньшее значение, смена лидеров и их повестки в порядках открытого доступа должна оказывать на государство куда меньшее влияние, чем в естественных государствах. Вполне в соответствии с этими идеями Фисман (Fisman, 2001) в своем исследовании здоровья Сукарно показывает, как колебания его здоровья влияли на рыночные показатели.

** Количественное исследование межстрановых экономических показателей, связывающее полученные в нем данные с некоторыми из наших идей, см. в: Meisel and Ould Aoudia, 2008. Анализ межстрановых количественных показателей, связанных с некоторыми мерами по регулированию доступа и создания ренты, см. в: Khan, 2005, 2006.

не просто прибавление капитала или же насаждение в обществе правильных институтов—демократии, прав собственности, рынков или же принципа верховенства права. Не значит развитие и простое обеспечение правильного набора общественных благ, например социального страхования или образования. Поборники традиционного экономического подхода к выработке рекомендаций для обеспечения развития сталкиваются с парадоксом: почему многие развивающиеся страны отказываются избрать политический курс, который, по утверждению экономистов, ведет к парето-улучшению? Почему они отказываются, если следование данному совету приведет к выигрышу всех членов этого общества? Наверное, есть в этом совете что-то принципиально неверное.

Политика развития опирается на институты, политику, организации и убеждения, определившие успех порядков открытого доступа. Логика естественного государства позволяет понять, почему политика открытого доступа, а также его институты угрожают стабильности естественного государства. Экономисты обычно утверждают, что естественные государства страдают от чрезмерного вмешательства в дела рынка, что их законы способствуют образованию монополий и иных создающих ренту привилегий; кроме того, нередко говорят о неудовлетворительном состоянии прав собственности, неэффективном обеспечении населения общественными благами, а также несовершенном функционировании рынков. Все это верно. Логичное предписание, которое выдают экономисты,—это реформы, то есть страна должна на систематической основе реализовывать политику, в точности копирующую политику в порядках открытого доступа: более простой вход на рынок для фирм, меньший регулятивный контроль, сокращение монополий, более надежные права собственности, лучшее качество предоставления общественных благ, например образования, а также более сложный рынок. Однако до тех пор, пока реформируемые общества не достигнут как минимум пороговых условий, перенесение этих институтов и политик в естественные государства не позволит добиться никакого экономического результата.

Подход экономистов несостоятелен, так как он игнорирует логику, лежащую в основе естественных государств: свойственное естественным государствам ограничение доступа призвано решить проблему насилия – индивиды и группы, способные на насилие, получают стимулы к сотрудничеству. То есть ограничение доступа – не просто средство максимизировать доходы правящей элиты. Политика на основе порядков открытого доступа: универсальные безличные права и принцип верховенства права, открытый доступ к рынкам, все большие экономические свободы – все это снижает способность естественного государства контролировать насилие. Таким образом, подобные перемены угрожают сделать жизнь людей хуже, а не лучше. Современная экономика неявно разделяет веберовское допущение о том, что государство обладает монополией на насилие и что оно не станет применять его для эксплуатирования граждан. Упуская проблему насилия, экономика упускает главную проблему развития.

Предлагаемые нами концептуальные рамки предполагают существование двух проблем, связанных с развитием. Первая – это развитие в рамках естественного государства, вторая – переход от социального порядка ограниченного доступа к порядку доступа открытого. Большая часть рекомендаций, выдаваемых экономистами, касается рекомендаций по стимулированию перехода. Однако динамика социальных изменений в развивающихся странах – это динамика именно естественного государства, а не порядков открытого доступа. Большинство развивающихся стран, за несколькими исключениями, так и не достигли пороговых условий. Они еще не достигли такого состояния, когда элиты могут начать выстраивать стабильные отношения друг с другом при решении важнейших вопросов, касающихся экономики и политики, посредством обезличенных институтов. Таким образом, применительно к ним советы начать переход оказываются неуместными. Установление хорошо прописанных прав элит в таких условиях бесперспективно. Перенесение институтов открытого доступа в естественные государства само по себе не может привести к политическому и экономическому развитию. Если эти

институты навязываются обществу под международным или внутренним давлением и если при этом они не соответствуют существующим представлениям об экономических, политических, социальных и культурных системах, то новые институты почти наверняка будут работать куда хуже тех институтов, которые они замещают. Хуже того, если эти институты подрывают политические механизмы, обеспечивающие политическую стабильность, то тогда новые институты будут неминуемо способствовать беспорядку, ввергая общество в еще более плачевное состояние.

Экономисты отнюдь не одиноки в своей склонности сводить идеи открытого доступа к проблеме развития; представители политических наук имеют схожую склонность. Тезис о том, что один и тот же институт работает в условиях ограниченного доступа иначе, чем в условиях доступа открытого, с равной силой применим и к работе демократических институтов в условиях естественного государства. В естественных государствах институт выборов работает иначе, чем в порядках открытого доступа. Данный тезис противоречит распространенной позиции, которую можно найти в работе Пшеворского и его коллег (Przeworski et al., 2000), а также в львиной доле исследований из области эмпирической политической науки, согласно которым демократия определяется одним конкретным критерием — проводит ли та или иная страна конкурентные выборы с последующей сменой власти. Средства массовой информации обычно отождествляют демократию с выборами, нередко используя данные понятия взаимозаменяемо. Подобный подход к демократии сваливает в одну кучу выборы в порядках ограниченного доступа и выборы в порядках открытого доступа.

Равно как и в случае с политикой экономического развития, мы стоим на иных позициях*. Хотя выборы и являются основополагающим институтом демократии, демократия — это не только выборы, об этом писал еще

---

* Более подробно взгляды на демократию изложены в нашей другой работе. См.: North, Wallis and Weingast, 2009.

Даль (Dahl, 1971; Даль, 2010) в своей классической работе «Полиархия». Как институт порядка открытого доступа демократия позволяет гражданам осуществлять контроль над властями, принуждая их учитывать интересы граждан, кроме того, демократия дает определенную степень защищенности от коррупции. Для того чтобы демократия работала, выборы должны быть вплетены в институциональную и конкурентную среду, которая позволяет политической конкуренции способствовать распространению информации, а также сдерживать политиков. Выборы в естественных государствах обычно не выполняют эти функции или же делают это не до конца. Выборы в порядках открытого доступа еще по целому ряду пунктов отличаются от выборов в порядках ограниченного доступа; эти различия предполагают, что демократия в смысле гражданского контроля над правительством и чиновниками может быть обеспечена лишь в условиях открытого доступа.

Так как порядки открытого доступа могут поддерживать бессрочно существующие, обезличенные общественные организации, они имеют возможность проводить политику в интересах граждан на безличной основе. Это позволяет им предоставлять гражданам целый ряд общественных благ и программ социального страхования, которые отсутствуют в естественных государствах. Программы сокращения бедности могут быть нацелены на бедных, которые отбираются в соответствии с обезличенными и наблюдаемыми характеристиками; образование может быть предоставлено всем гражданам; водительские права могут быть даны каждому, кто будет соответствовать возрастным требованиям и окажется способен пройти нужные испытания; страхование по безработице будет доступно каждому, кто внес свой вклад в систему и соответствует безличным требованиям, предъявляемым к безработным.

Способность обеспечить работу социальных служб на безличной основе работает на то, чтобы стимулировать открытый доступ. Если общественные блага обеспечиваются на безличной основе, то избирателям оказывается куда проще оценить качество услуг, а также работу

чиновников, которые не поставляют соответствующие блага. Если же общественные блага обеспечиваются на основе межличностных отношений и на базе дискреционного принципа, то тогда чиновники могут использовать свою возможность отказывать в предоставлении этих благ как угрозу, способную заставить граждан вместо свободного волеизъявления поддержать нужного кандидата. Обеспечение общественных благ становится еще одним способом дисциплинировать граждан и не является результатом отклика на запросы самих граждан. Выборы в таких условиях — средство манипулирования гражданами, а не их право делать свободный выбор. Порядки открытого доступа нивелируют подобные угрозы, так как обеспечивают обезличенное предоставление услуг, которым нельзя манипулировать исходя из политических предпочтений.

Надежное обеспечение граждан общественными благами на обезличенной основе имеет для демократии еще одно важное следствие. Логика медианного избирателя предполагает, что расширение избирательного права в демократии, приводящее к включению избирателей со все меньшим уровнем дохода, скорее всего, приведет к популизму и иным формам перераспределительной политики с нулевой или негативной суммой. Это подчеркивают Мелцер и Ричард (Meltzer and Richard, 1981). Если медианный избиратель — это избиратель с доходом ниже среднего, то тогда в его интересах способствовать перетеканию прибыли от богатых к бедным. Однако подобный анализ игнорирует те стимулы к перераспределению, которые существуют в том случае, если государство способно осуществлять перераспределение обезличенно. Как показывает Линдерт (Lindert, 2004), социальные издержки перераспределения создают для бедных и богатых стимулы организовать перераспределение так, чтобы это имело наименее разрушительное влияние на общество. Появляются мощные стимулы перераспределять возможности в пользу бедных за счет обеспечения образования, системы здравоохранения и социальных услуг как альтернативы простому перераспределению наличных средств. Когда общественные блага способст-

вуют росту человеческого капитала, способность проводить обезличенную политику дает порядкам открытого доступа возможность реагировать на запросы граждан так, что это дополняет рынок, а не подрывает его. В этом смысле порядки открытого доступа подкрепляют демократию как игру с положительной суммой. Если правительство не может наладить систему обезличенного предоставления социальных услуг, то тогда у бедных есть все стимулы для того, чтобы использовать свои голоса для незамедлительного получения наличных. Это делает их в высшей степени восприимчивыми к популистским лозунгам со стороны лидеров фракций. Такова темная сторона демократии, сторона, которая нередко заявляет о себе в естественных государствах.

Открытый доступ поддерживает систему с эффективной оппозицией и конкурентным электоральным процессом. Он способствует насыщенному гражданскому обществу, пестует целый ряд экономических, политических и социальных групп, которые могут мобилизовать группы интересов и обеспечить систему сдержек, столь важную для демократического политического процесса. Шумпетеровская конкуренция постоянно приводит к появлению новых интересов и групп. Широкий доступ к организациям мешает властям манипулировать экономическими интересами в целях поддержки режима. В противовес этому большинство естественных государств препятствуют или ограничивают электоральную конкуренцию, например, противодействуя гражданским организациям, подрывая способность оппозиции к конкурентной борьбе, а также зажимая свободную прессу.

Порядки открытого доступа поддерживают принцип верховенства права, а также судебную систему, сравнительно свободную от коррупции. У этого есть одно важное, но редко признаваемое следствие: наличие судов, действующих в соответствии с принципом верховенства права, позволяет законодательной ветви власти писать законы, уточняющие обезличенные правила, касающиеся политической жизни, а затем внедрять их с опорой на эти дееспособные суды. В естественных же государствах с коррумпированными судами законодатели прак-

тически лишены возможности проводить устанавливаемые ими ограничения в жизнь: нет судов, способных проконтролировать процесс. Отсутствие судов, действующих на основе принципа верховенства права, ограничивает дееспособность системы обеспечения общественных благ и сужает возможности законодательной власти служить реальным противовесом исполнительной. В естественных государствах очень часто наблюдается господство исполнительной власти вне зависимости от номинальной конституционной системы сдержек и противовесов.

Достигается это за счет бессрочно существующих институтов и достоверных обязательств, которые налагают на чиновников систему сдержек и противовесов. Подобные ограничения нивелируют масштабы возможных переворотов, а также применения насилия. Таким образом, выборы в порядках открытого доступа оказываются более или менее стабильными, а сами общества — защищенными от драматических политических изменений. В естественных государствах перевороты и иные формы нестабильности влияют на процесс конкуренции. Они не позволяют партиям стать бессрочно существующими организациями, а угроза смены режима означает, что, даже если сегодня конкурировать разрешается, завтра партийный деятель может оказаться за решеткой.

Если свести все эти аргументы воедино, то получится, что выборы в условиях ограниченного доступа отличаются от выборов в условиях открытого доступа. Выборы в порядках открытого доступа воплощают демократические идеалы гражданского самовыражения, а также контроля за чиновниками, который в условиях естественного государства просто невозможен. Одних выборов недостаточно, чтобы эффективно сдерживать власть чиновников, особенно чиновников из исполнительной власти. Открытый доступ ограничивает ставки, стоящие на кону политической борьбы, он способствует возникновению бессрочно существующих институтов, которые переживают любые кризисы и любые ротации правящей элиты, и позволяет сформироваться большему числу групп. Кроме того, открытый доступ обеспечивает более

эффективную конкуренцию за чиновничье кресло, а также позволяет добиться нужного уровня предоставления общественных благ и услуг. В целом можно утверждать следующее: многие зрелые естественные государства проводят выборы, однако эти выборы не тождественны тем, что проводятся в порядках открытого доступа и далеки от идеала демократии.

7.5. На пути к теории государства

Мы уклонились от проблемы определения государства — отчасти потому, что это очень трудная задача. Кроме того, едва ли стоило браться за эту проблему до тех пор, пока нам не удалось представить полное описание предложенных концептуальных рамок. Начнем с двух требований: теория политики должна объяснить распределение и использование власти, насилия и принуждения внутри общества; теория правления должна объяснить как структуру правительственного аппарата, так и поведение чиновников и иных служащих государства. Теория государства должна включать в себя теорию политики и теорию правительства.

В естественных государствах власть, насилие и принуждение коренятся в господствующей коалиции. Господствующая коалиция ориентируется на угрозу применения насилия, поэтому ей приходится поддерживать баланс между элитами. Таким образом, дисперсия контроля над насилием — основная характеристика коалиционной структуры. Соответственно, формальная структура правительства редко замыкает на себя консолидированный контроль над военной силой. В результате в условиях порядков ограниченного доступа государство состоит отнюдь не только из формальной структуры правления. Могущественные акторы, способные прибегнуть к насилию и принуждению, зачастую никак не пересекаются с формальным правительством.

Признание различий между государством и правительством должно неизбежно повлиять на стратегию улучшения качества управления. Во многих естествен-

ных государствах, где правительство лишено монополии на власть, насилие и принуждение, попытки повлиять на стимулы правительственных акторов, скорее всего, упрутся в нехватку политической воли в деле реализации тех целей, которые должны были быть реализованы с помощью этих стимулов. Рычаги, определяющие поведение могущественных членов коалиции, находятся отнюдь не в руках правительства. В подобных ситуациях нет ничего удивительного в том, что внешние акторы, пересекающие границу естественных государств, – например иностранные правительства, международные финансовые организации или же НКО – полагают, что в их интересах усилить одну фракцию в рамках господствующей коалиции путем превращения ее в партнера по переговорам. Подобные вмешательства могут изменить отношения внутри коалиции и дестабилизировать издавна сложившуюся систему отношений. Когда этот внешний актор наконец-то уйдет, то конфигурация государства вновь изменится, не исключено, что она вернется в прежнее состояние. В некоторых редких случаях иностранное манипулирование стимулами естественного государства может оказать необратимое влияние на саму структуру такого государства.

Если мы установили, что государство, как бы мы его ни понимали, отличается от формального правительства, то от этого мы еще не перешли к адекватной теории государства. Однако можно однозначно сказать, что подобная теория должна отражать факт тесной взаимосвязи между экономикой и политикой в порядках ограниченного доступа. Это подрывает ключевое допущение современной общественной науки, доминирующая парадигма которой выделяет политических и экономических акторов в отдельные, хорошо огороженные пространства. Наиболее качественные экономические и политические исследования посвящены развитому миру, где функционирование рынков и функционирование демократических институтов – очевидно независимые вещи. Обе дисциплины выработали утонченные теории, позволяющие понять очень многое о функционировании рынков и демократических институтов в порядках открытого досту-

па. Однако обе дисциплины так и не смогли создать теорию, объясняющую, почему рынки и демократические институты могут существовать лишь при соблюдении целого ряда условий. Кроме того, данные дисциплины не способны объяснить тесную историческую связь между развитием рынков и демократии.

Видимая независимость экономических и политических систем в порядках открытого доступа ввела современную общественную науку в заблуждение. В естественных государствах все крупные экономические организации с необходимостью являются политическими. В порядках открытого доступа большие экономические организации концентрируются прежде всего на рынках и затрагивают политику лишь по касательной. Способность фирм в порядках открытого доступа концентрироваться на экономике приводит к видимой независимости рынков от демократии. Эта видимая независимость позволила как экономистам, так и представителям политической науки изучать свои области так, чтобы никак не пересекаться друг с другом. Однако видимая независимость экономических и политических систем — фикция, не имеющая ничего общего с реальностью. На самом деле эти системы переплетены самым тесным образом.

Мы подчеркиваем важность куда более тесно интегрированной политической экономии. При этом мы отнюдь не первые, кто призывает к подобной интеграции, литература по политической экономии последних лет постоянно пополняется новыми и увлекательными работами*. Однако наш подход содержит в себе целый ряд новых прозрений, и одно из наиболее важных может быть сформулировано следующим образом: естественные государства не больны. У естественных государств есть своя собственная логика; они не дисфункциональны. Хотя они и менее устойчивы к шокам, они способ-

---

* Вот лишь некоторые из них: Acemoglu and Robinson, 2006; Асемоглу и Робинсон, 2011; Bates, 2001; Greif, 2006; Haber et al., 2003; North, 1981, 1990; Норт, 1997; Persson and Tabellini, 2000; Roland, 2000; Spiller and Tommasi, 2007; Stein and Tommasi, 2006.

ны изыскивать внутренние резервы для выполнения как минимум двух основных функций любого общества: поддержания стабильности и поддержания порядка. С точки зрения норм и ценностей порядков открытого доступа естественные государства могут представляться коррумпированными, но эта коррупция является существенной частью функционирования социального порядка. Неспособность понять, как именно вполне зримая прямая связь между политическими, экономическими, религиозными и военными привилегиями способствует поддержанию социального порядка, — основное препятствие на пути лучшей политики развития и лучшей общественной науки. Отсюда также следует, что адекватная теория государства в применении к порядкам ограниченного доступа должна признать и объяснить тесную взаимосвязь политики и экономики; эта теория не может быть просто теорией правительства.

Большинство теорий государства считают существование формально определяемого лидера или правителя само собой разумеющимся. Барзель (Barzel, 2001), Буэно де Мескита и коллеги (Bueno de Mesquita et al., 2003), Леви (Levi, 1988), Майерсон (Myerson, 2006), Норт (North, 1981, Ch. 3), Олсон (Olson, 1993; Олсон, 2010) — все эти исследователи полагают, что государство — это единый актор, обладающий монополией на насилие, поведение которого можно изучать*. Это в корне неверный подход. Здесь постулируются разделение и специализация политики и экономики, что является существенным моментом процесса перехода. Монополия на насилие, которая характерна для всех правительств открытого доступа, — это современный феномен, отражающий логику пороговых условий и порядков открытого доступа, которые действительно создают консолидированный — и монопольный — контроль над насилием. Взгляд на естественное государство с позиций разных стратегий решения

* Исключением из данной тенденции является исследование, посвященное организациям, поддерживающим различные типы авторитарных режимов: Haber, 2006.

проблемы насилия заставляет нас увидеть эти государства в несколько ином свете.

Мы не стремимся предложить согласованную и прекрасно проработанную теорию государства. Вместо указания на монополию на насилие мы предлагаем сконцентрироваться на следующем тезисе: структуры управления обществом могут быть описаны в терминах организационной сложности. Прогресс от менее сложных структур к более сложным не подразумевает никакой телеологии, так как ничто не толкает общества к созданию более сложных организаций; многие общества движутся как вперед, так и назад. Организационная сложность подразумевает целое множество измерений. К этим соображениям мы прибавляем еще такой фактор, как насилие, обозначая три типа естественных государств: хрупкое, базисное и зрелое. Эти понятия были избраны нами для удобства; мы не предполагаем никакой пошаговой теории развития, которая якобы описывает последовательность процессов в порядках ограниченного доступа.

И тем не менее диапазон внутренних структур действительно предсказуемым образом различается в зависимости от обществ. Ключевым фактором развития в рамках естественного государства является совместная эволюция институциональных опор для организаций, находящихся как внутри, так и снаружи формальной структуры правительства. Хрупкие общества способны обеспечить порядок, лишь допустив расцвет множества общественных организаций. Эти организации нуждаются в институтах, которые бы поддерживали и защищали как их самих, так и контролируемый ими поток благ и услуг. Точно так же развитость жизнеспособных частных организаций увязана с институтами, которые оказывают этим организациям услуги — например, следят за соблюдением контрактных обязательств, а также гарантируют, что государство не станет экспроприировать стоимость, созданную этими организациями. Общественные и частные организации развиваются параллельными и взаимосвязанными курсами.

У политических ученых никогда не было никакого адекватного определения политического развития, сре-

ди них не сложилось ничего даже близко напоминающего тот консенсус, к которому пришли экономисты в вопросе экономического развития. Мы предлагаем новый способ мыслить политическое развитие, который предполагает акцент на таких способностях государства, как: поддержание сложных и специализированных организаций, установление обезличенных отношений, обеспечение работы бессрочно существующего государства, а также контроль над дисперсией и использованием насилия в обществе. Каждый из этих элементов возможностей государства существен для перехода от естественного государства к порядку открытого доступа.

7.6. Насилие и социальные порядки: взгляд в будущее

Если проведенный выше анализ не лишен достоинств, значит, перед нами новый подход к проведению общественно-научного исследования. Существующий массив знаний в общественных науках может быть трансформирован с помощью новых концептуальных рамок, меняющих само наше мышление традиционных проблем экономики, политической науки, социологии, антропологии и истории. Эта рамка возникает из прицельного рассмотрения вопроса о роли насилия в формировании социальных порядков, институтов и организаций, а также в их развитии со временем. Наши рекомендации для новых исследований подразумевают более глубокое, чем раньше, понимание насилия, институтов, организаций и верований в естественных государствах.

Мы уже достигли некоторого прогресса в понимании институтов и организаций, но нам еще предстоит проделать значительную работу для уяснения политики естественных государств, а также взаимосвязи институтов и организаций, лежащей в основе любого социального порядка, то есть как порядка естественного государства, так и порядка открытого доступа. Кроме того, предстоит проделать еще немалую работу для достижения более глубокого понимания взаимозависимости формальных

правил, неформальных норм и правоприменения, которые совокупно определяют работу всей институциональной рамки.

Каждое общество развивается по уникальному сценарию, поэтому для глубокого понимания трансформаций нужно избегать широких обобщений и фокусироваться на осмыслении деталей культурного наследия этого конкретного общества. Политика, которая на Западе привела к созданию открытого доступа, не может быть напрямую использована для обеспечения перехода тех обществ, которые пока еще находятся в ситуации ограниченного доступа*. Мир постоянно меняется, и наши представления о том, как функционируют общества, также подвержены изменениям, обусловленным новыми тенденциями и переменами. Мир, который творится нами сегодня, не похож ни на один из тех, что существовали до этого. Готовы ли мы к тому, чтобы понять его, к тому, чтобы иметь с ним дело? Нам будет куда проще, если мы осознаем границы человеческого понимания и станем поддерживать институты, способствующие адаптивной эффективности.

Эти ограничения вполне применимы и к тем концептуальным рамкам, которые были намечены нами в данной книге. Эта рамка уже устарела под напором текущих событий. И все же пришло самое время переосмыслить накопленный за два последние столетия опыт; время признать, что общества открытого доступа — это не просто слегка улучшенные разновидности тех обществ, которые им предшествовали. Тогда как истоки перехода Запада коренятся в XVIII в. (и тех веках, что были до этого), события, которые трансформировали эти общества и привели к образованию нового социального порядка, регулируемого совершенно иной логикой, произошли именно в середине XIX в. С тех самых пор лишь относи-

---

* Идея о том, что западные институты не могут быть просто пересажены в развивающиеся страны, едва ли так уж нова. См., напр.: Rodrik, 2007. Новым является объяснение того, почему сама динамика естественных государств препятствует институтам открытого доступа или же перестраивает их под себя.

тельно небольшое число обществ и небольшой процент населения мира смогли осуществить переход к открытому доступу. Развитие порядка открытого доступа не только позволило этим обществам достичь мира и изобилия, но также создать институты и организации, благодаря которым насилие стало гораздо более эффективным. Внимание к комплексным переплетениям убеждений, институтов и организаций должно открыть перед нами возможности серьезных исследований самих истоков насилия. Более ясное понимание двух социальных порядков — которые были и которые есть сейчас — это необходимое условие понимания того, куда мы направляемся. Таков вызов, который бросает нам будущее.

Библиография

Андерсон, Бенедикт. (2001). Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц.

Асемоглу, Дарон и Джеймс Робинсон. (2011). Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.

Бейлин, Бернард. (2010). Идеологические истоки Американской революции. М.: Новое издательство.

Блок, Марк. (2003). Феодальное общество. М.: Издательство им. Сабашниковых.

Вебер, Макс. (1990). Избранные произведения. М.: Прогресс.

Виноградов, П. Г. (2010). Средневековое поместье в Англии. М.: Либроком.

Гегель, Г. В. Ф. (1990). Философия права. М.: Мысль.

Геллнер, Эрнест. (1991). Нации и национализм. М.: Прогресс.

Геллнер, Эрнест. (2004). Условия свободы. М.: Московская школа политических исследований.

Даль, Роберт Аллан. (2010). Полиархия. Участие и оппозиция. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.

Дюверже, Морис. (2000). Политические партии. М.: Академический проект.

Косминский, Евгений. (1956). Исследования по аграрной истории Англии *XIII* века. М.: Изд. Академии наук СССР.

Левитт, Стивен Д. и Стивен Д. Дабнер. (2007). Фрикономика. Мнение экономиста-диссидента о неожиданных связях между событиями и явлениями. М.: Вильямс.

Ливий, Тит. (1989). История Рима от основания города. Т. 1. М.: Наука.

Макиавелли, Никколо. (2001). Государь: Сочинения. М.: ЭКСМО; Харьков: Фолио.

Мак-Нил, Уильям. (2008). В погоне за мощью: технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Территория будущего.

Норт, Дуглас. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала.

Норт, Дуглас. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.

Олсон, Мансур. (1995). Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Фонд Экономической Инициативы.

Олсон, Мансур. (1998). Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР.

Олсон, Мансур. (2010). Диктатура, демократия и развитие // Экономическая политика. № 1. С. 167–183.

Патнэм, Роберт. (1996). Чтобы демократия сработала. М.: Ad Marginem.

Пшеворский, Адам. (2000). Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН.

Скиннер, Квентин. (2006). Свобода до либерализма. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Смит, Адам. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО.

Сото, Эрнандо де. (1995) Иной путь: Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy.

Сото, Эрнандо де. (2001). Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп-Бизнес.

Тилли, Чарльз. (2009). Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Территория будущего.

Токвиль, Алексис де. (1992). Демократия в Америке. М.: Прогресс.

Уильямсон, Оливер. (1996). Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат.

Фукуяма, Фрэнсис. (2004). Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ.

Шеллинг, Томас. (2007). Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН.

Шифман, Илья. (1990). Цезарь Август. Л.: Наука.

Шумпетер, Йозеф. (1995). Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика.

Юм, Давид. (1996). Сочинения. Т. 2. М.: Мысль.

Acemoglu, D., Johnson, S., and *Robinson, J. A.* (2001). The colonial origins of comparative development: An empirical investigation. American Economic Review, 91 (5), 1369–1401.

Acemoglu, D., Johnson, S., and *Robinson, J. A.* (2002). Reversal of fortune: Geography and institutions in the making of the modern world income distribution. Quarterly Journal of Economics, 117 (4), 1231–1294.

Acemoglu, D., Johnson, S., and *Robinson, J. A.* (2005). Institutions as the fundamental cause of long-run growth. In P. Aghion and S. Durlauf

(Eds, Handbook of economic growth (pp. 385–472). New York: North Holland.

Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J. A., and *Yared, Pierre.* (2007, August). Reevaluating the modernization hypothesis. NBER Working Paper No. 13334.

Acemoglu, D., and *Robinson, J. A.* (2000). Why did the West extend the franchise? Democracy, inequality, and growth in historical perspective. Quarterly Journal of Economics, 115 (4), 1167–1199.

Acemoglu, D., and *Robinson, J. A.* (2006). Economic origins of dictatorship and democracy. New York: Cambridge University Press.

Adams, Willi Paul. (1980). The First American constitutions. (Rita Kimber and Robert Kimber, Trans.). Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Aldrich, John H. (1995). Why parties: The origin and transformation of political parties in America. Chicago: University of Chicago Press.

Alesina, Alberto, and *Spolaore, Enrico.* (2003). The size of nations. Cambridge, MA: MIT Press.

Allen, Robert C. (1992). Enclosure and the yeoman. New York: Oxford University Press.

Alston, Lee J., and *Ferrie, Joseph.* (1985). Labor costs, paternalism, and loyalty in southern agriculture: A constraint on the growth of the welfare state. Journal of Economic History, XLV (1), 95–117.

Anderson, *Benedict.* (2006 [1983]). Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. New York: Verso Books.

Anderson, *Fred.* (2000). Crucible of war. New York: Vintage Books.

Anderson, *R. D.* (1977). France 1870–1914: Politics and society. London: Routledge & Kegan Paul.

Annals of Congress. (1834). Published as The debates and proceedings in the Congress of the United States with an appendix. Washington: Gales and Seaton. From Library of 273

Congress collection A century of lawmaking: Annals of Congress. http://lcweb2.loc.gov/ammem/amlaw/lwaclink. html.

Bailyn, Bernard. (1965). Pamphlets of the American Revolution. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Bailyn, Bernard. (1967). The ideological origins of the American Revolution. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Bailyn, Bernard. (1968). The origins of American politics. New York: Vintage Books.

Bailyn, Bernard. (2004). To begin the world anew: The genius and ambiguities of the American founders. New York: Vintage Books.

Ballard, A. (1913). British borough charters, 1042–1216. Cambridge: Cambridge University Press.

Ballard, A., and *Tait, J.* (1923). British borough charters, 1216–1307. Cambridge: Cambridge University Press.

Baloyra, Enrique A. (1986). Public opinion and support for the regime: 1973–83. In John D. Martz and David J. Myers (Eds, Venezuela: The democratic experience, rev. ed. New York: Praeger).

Bandy, Matthew S. (2004). Fissioning, scalar stress, and social evolution in early village societies. American Anthropologist, 106 (2), 322–333.

Banning, Lance. (1978). The Jeffersonian persuasion. Ithaca: Cornell University Press.

Barro, Robert J. (1979). On the determination of the public debt. Journal of Political Economy, 87 (5), 940–971.

Barro, Robert J. (1996). Democracy and growth. Journal of Economic Growth, 1 (1), 1–27.

Barro, Robert J. (1999). Determinants of democracy. Journal of Political Economy, 107 (6 part 2): 158–183.

Barzel, Yoram. (2001). A theory of the state. New York: Cambridge University Press.

Bates, Robert H. (2001). Prosperity and violence: The political economy of development. New York: W. W. Norton.

Bates, Robert H. (2008). When things fell apart: State failure in late century Africa. Cambridge: Cambridge University Press.

Bates, Robert H., Greif, Avner, and *Singh, Smita.* (2002). Organizing violence. Journal of Conflict Resolution, 46 (5), 599–628.

Baumol, William J. (2002). The free-market innovation machine: Analyzing the growth miracle of capitalism. Princeton: Princeton University Press.

Bean, J. M. W. (1989). From lord to patron: Lordship in late medieval England. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Bean, Richard. (1973). War and the birth of the nation state. Journal of Economic History, 33 (1): 203–221.

Bell, H. E. (1953). An introduction to the history and records of the court of wards & liveries. Cambridge: Cambridge University Press.

Bellamy, J. G. (1973). Crime and public order in England in the later Middle Ages. Toronto: University of Toronto Press.

Bellamy, J. G. (1989). Bastard feudalism and the law. Portland, OR: Areopagitica Press.

Benson, Lee. (1961). The concept of Jacksonian democracy: New York as a test case. Princeton: Princeton University Press.

Berdan, Frances. (1982). The Aztecs of central Mexico: An imperial society. San Francisco: Holt, Reinhardt, and Wilson.

Berdan, Frances. (1985). Markets in the economy of Aztec Mexico. In Stuart Plattner (Ed.), Markets and marketing. Lanham, MD: University Press of America.

Berdan, Frances. (1987). The economics of Aztec luxury trade and tribute. In Elizabeth Hill Boone (Ed.). The Aztec templo mayor. Washington, DC: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Berdan, Frances. (1996). The tributary provinces. In Michael E. Smith and Frances F. Berdan (Eds, Aztec imperial strategies (pp. 47–84)). Washington, DC: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Berdan, Frances F., Blanton, Richard E., Boone, Elizabeth H., Hodge, Mary G., Smith, Michael E., and *Umberger, Emily.* (1996). Aztec imperial strategies. Washington, DC: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Berman, Harold J. (1983). Law and revolution: The formation of the Western legal tradition. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Berman, Sheri. (2006). The primacy of politics: Social democracy and the making of Europe's twentieth century. New York: Cambridge University Press.

Bernard, G. W. (1985). The power of the early Tudor nobility: A study of the Fourth and Fifth Earls of Shrewsbury. Brighton: Harvester Press.

Bertrand, Marianne, Djankov, Simeon, Hanna, Rema, and *Mullainathan, Sendhil.* (2007). Obtaining a driving license in India: An experimental approach to studying corruption. Quarterly Journal of Economics, 122 (4), 1639–1676.

Bhagwati, Jagdish N. (1982). Directly unproductive profit-seeking (DUP) activities. Journal of Political Economy, 90 (5): 988–1002.

Blanton, Richard E. (1996). The basin of Mexico market system and the growth of empire. In Michael E. Smith and Frances F. Berdan (Eds, Aztec imperial strategies (pp. 47–84)). Washington, DC: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Blanton, Richard E., and *Fargher, Lane F.* (2008). Collective action in the formation of premodern states. New York: Springer.

Bloch, Marc. (1961). Feudal society, 2 volumes. (L. A. Manyon, Trans.). Chicago: University of Chicago Press.

Blum, Jerome. (1964). Lord and peasant in Russia from the ninth to the nineteenth century. New York: Atheneum.

Bodenhorn, Howard. (2006). Bank chartering and political corruption in ante-bellum New York: Free banking as reform. In Edward Glaeser and Claudia Goldin (Eds, Corruption and reform. Chicago: University of Chicago Press.

Boehm, Christopher. (1999). Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Bogart, Dan. (2005a). Did turnpike trusts increase transport investment in eighteenth-century England? Journal of Economic History, 65 (2), 439–468.

Bogart, Dan. (2005b). Turnpike trusts and the transportation revolution in eighteenth-century England. Explorations in Economic History, 42 (4), 479–508.

Boix, Carles. (2003). Democracy and redistribution. Cambridge: Cambridge University Press.

Bonney, Richard. (1981). The king's debts: Finance and politics in France, 1589–1661. New York: Oxford University Press.

Bossenga, Gail. (1991). The politics of privilege: Old regime and revolution in Lille. New York: Cambridge University Press.

Brantley, William H. (1961). Banking in Alabama, 1816–1860, 2 volumes. Birmingham: Birmingham Printing Co.

Brennan, Geoffrey, and *Buchanan, James M.* (1980). The power to tax: Analytical foundations of a fiscal constitution. New York: Cambridge University Press.

Brumfiel, Elizabeth. (1987). Elite and utilitarian crafts in the Aztec state. In Elizabeth Brumfiel and Timothy Earle (Eds), Specialization, exchange, and complex societies (pp. 102–118). Cambridge: Cambridge University Press.

Brundage, Burr Cartwright. (1972). A rain of darts: The Mexica Aztecs. Austin: University of Texas Press.

Buchanan, James M., Tollison, Robert D., and *Tullock, Gordon.* (1980). Toward a theory of the rent-seeking society. College Station: Texas A&M University.

Bueno de Mesquita, Bruce, Smith, Alastair, Siverson, Randolph M., and *Morrow, James D.* (2003). The logic of political survival. Cambridge, MA: MIT Press.

Bulmer-Thomas, Ivor. (1953). The party system in Great Britain. London: Phoenix House.

Bulmer-Thomas, Ivor. (1965). The growth of the British party system. London: John Baker.

Burton, Michael, Gunther, Richard, and *Higley, John.* (1992). Introduction: Elite transformations and democratic regimes. In John Higley and Richard Gunther (Eds), Elites and democratic consolidation in Latin America and Southern Europe. Cambridge: Cambridge University Press.

Butterfield, Herbert. (1965 [1931]). The Whig interpretation of history. New York: W. W. Norton.

Cadman, John W. (1949). The corporation in New Jersey: Business and politics, 1791–1875. Cambridge: Harvard University Press.

Callender, Guy Stevens. (1902). The early transportation and banking enterprises of the states in relation to the growth of corporations. Quarterly Journal of Economics, 17 (1), 111–162.

Campbell, Bruce M. S. (2000). English seigniorial agriculture, 1250–1450. Cambridge: Cambridge University Press.

Campbell, Peter. (1958). French electoral systems and elections since 1789. Hamden, CT: Archon Books.

Carlos, Ann, Neal, Larry, and *Wandscheider, Kirsten.* (2009). The origins of the national debt: The financing and re-financing of the War of Spanish Succession. Working Paper.

Carrasco, Pedro. (1999). The Tenochca empire of ancient Mexico: The triple alliance of Tenochtitlan, Tetzcoco, and Tlacopan. Norman: University of Oklahoma Press.

Caso, Alfonso. (1958). The Aztecs: People of the sun. Norman: University of Oklahoma Press.

Chang, Kwang-chih. (1983). Art, myth, and ritual: The path to political authority in China. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Clanchy, M. T. (1965). The treatise on the laws and customs of the realm of England commonly called Glanvill. (G. D. G. Hall, Trans. and Ed.). London: Nelson.

Clark, Gregory. (2005). The condition of the working-class in England, 1209–2004. Journal of Political Economy, 113 (6), 1307–1340.

Clark, Gregory. (2007a). The long march of history: Farm wages, population growth, and economic growth, England 1209–1869. Economic History Review, 60 (1), 97–136.

Clark, Gregory. (2007b). A farewell to alms: A brief economic history of the world. Princeton: Princeton University Press.

Clark, Gregory. (2007c). A review of Avner Grief's Institutions and the path to the modern economy: Lessons from medieval trade. Journal of Economic Literature, XLV (3), 727–743.

Clark, J. C. D. (1985). English society 1688–1832. Cambridge: Cambridge University Press.

Coates, Dennis, Heckelman, Jac C., and *Wilson, Bonnie.* (2007). The determinants of interests group formation. Public Choice, 133, 377–391.

Cole, Arthur H. (1970). The committee on research in economic history: An historical sketch. Journal of Economic History, 20 (4), 723–741.

Coleman, James S. (1974). Power and the structure of society. New York: W. W. Norton.

Coleman, James S. (1990). Foundations of social theory. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Collins, James B. (1995). The state in early modern France. New York: Cambridge University Press.

Conrad, Geoffrey W., and *Demarest, Arthur A.* (1984). Religion and empire: The dynamics of Aztec and Inca expansionism. New York: Cambridge University Press.

Coss, P. R. (1989). Bastard feudalism revisited. Past and Present, 125, 27–64.

Cooper, J. P. (1983). Land, men, and beliefs: Studies in early modern history. (G. E. Aylmer and J. S. Morrill, Eds). London: Hambledon Press.

Cox, Gary. (1987). The efficient secret: The cabinet and the development of political parties in Victorian England. New York: Cambridge University Press.

Cox, Gary. (1997). Making votes count: Strategic coordination in the world's electoral systems. New York: Cambridge University Press.

Crafts, N. F. R. (1998). Forging ahead and falling behind: The rise and relative decline of the first industrial nation. Journal of Economic Perspectives, 12 (2), 193–210.

Creighton, Andrew L. (1990). The emergence of incorporation as a legal form for organizations. Unpublished doctoral dissertation, Stanford University.

Dahl, Robert A. (1962). Who governs? New Haven, CT: Yale University Press.

Dahl, Robert A. (1971). Polyarchy: Participation and opposition. New Haven, CT: Yale University Press.

Davis, John P. (1961). Corporations: A study of the development of the origin and development of great business combinations and their relation to the authority of the state. New York: Capricorn.

Davis, Joseph Stancliffe. (1917). Essays in the earlier history of American corporations. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Davis, Lance, Easterlin, Richard A., and *Parker, William N., et al.* (1972). American economic growth: An economist's history of the United States. New York: Harper&Row.

De Soto, Hernando. (1989). The other path: The economic answer to terrorism. New York: Harper & Row.

De Soto, Hernando. (2000). The mystery of capital: Why capitalism succeeds in the West and fails everywhere else. New York: Basic Books.

de Vries, Jan, and *Van Der Woude, Ad.* (1997). The first modern economy. New York: Cambridge University Press.

Dickson, P. G. M. (1967). The financial revolution in England: A study in the development of public credit, 1688–1756. London: Macmillan.

Dietz, Frederick C. (1964). English public finance, 1485–1641. New York: Barnes& Noble.

Digby, Kenelm Edward. (1897). An introduction to the history of the law of real property. Oxford: Clarendon Press.

Dodd, Edwin Merrick. (1954). American business corporations until 1860; with special reference to Massachusetts. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Doyle, William. (1996). Venality: The sale of offices in eighteenth-century France. New York: Oxford University Press.

Drelichman, Mauricio, and *Voth, Hans-Joachim.* (2008). The sustainable debts of Philip II: A reconstruction of Spain's fiscal position, 1560–1598. University of British Columbia Working Paper.

Drew, Katherine Fisher. (1991). The laws of the Salian Franks. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Duff, P. W. (1938). Personality in private law. Cambridge: Cambridge University Press.

Dunbar, Robin. (1996). Grooming, gossip, and the evolution of language. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Dunlavy, Colleen A. (2004). From citizens to plutocrats: Nineteenth-century shareholder voting rights and theories of the corporation. In Kenneth Lipartito and David B. Sicilia (Eds), Constructing corporate America: History, politics, and culture. New York: Oxford University Press.

Duverger, Maurice. (1959). Political parties: Their organization and activity in the modern state. (Barbara and Robert North, Trans.). London: Methuen.

Earle, Timothy. (1997). How chiefs come to power. Stanford: Stanford University Press.

Earle, Timothy. (2003). Bronze Age economics: The beginnings of political economies. Boulder, CO: Westview Press.

Eggertsson, Thráinn. (2005). Imperfect institutions: Possibilities and limits of reform. Ann Arbor: University of Michigan Press. Elton, G. R. (1977). Reform and reformation: England 1509–1558. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Elton, G. R. (1991). England under the Tudors. New York: Routledge.

Engerman, Stanley E., and *Sokoloff, Kenneth L.* (2005). Colonialism, inequality, and long-run paths of development. NBER Working Paper 11057.

Ertman, Thomas. (1997). Birth of the leviathan: Building states and regimes in early modern Europe. New York: Cambridge University Press.

Esarey, Logan. (1918). A history of Indiana: From its exploration to 1860. Indianapolis: B. F. Bowen and Company.

Estevez-Abe, Margarita, Iversen, Torben, and *Soskice, David.* (2001). Social protection and the formation of skills: A reinterpretation of the welfare state. In Peter A. Hall and David Soskice (Eds), Varieties of capitalism: The institutional foundations of comparative advantage. Oxford: Oxford University Press.

Evans, George Heberton. (1948). Business incorporations in the United States, 1800–1943. New York: NBER.

Evans-Pritchard, E. E. (1940). The Nuer. Princeton: Princeton University Press.

Fargher, Lane F., and *Blanton, Richard E.* (2007). Revenue, voice, and public goods in three premodern states. Comparative Studies in Society and History, 49 (4), 848–882.

Fearon, James D. (2006). Self-enforcing democracy. Working Paper, Stanford University.

Feinman, Gary M., and *Marcus, Joyce.* (1998). Archaic states. Santa Fe, NM: School of American Research Press.

Feinstein, Charles H. (1998). Pessimism perpetuated: Real wages and the standard of living in Britain during and after the Industrial Revolution. Journal of Economic History, 58 (3), 625–658.

Ferejohn, John, Rakove, Jack N., and *Riley, Jonathan.* (2001). Constitutional culture and democratic rule. New York: Cambridge University Press.

Ferguson, E. James. (1961). The power of the purse. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Ferguson, Niall. (2002). The cash nexus: Money and power in the modern world. New York: Basic Books.

Figgis, John Neville. (1923). Studies of political thought from Gerson to Grotius 1414–1625, second edition. Cambridge: Cambridge University Press.

Figgis, John Neville. (1960). Political thought from Gerson to Grotius: 1414–1625. New York: Harper and Brothers.

Fishback, Price V., and *Kantor, Shawn Everett.* (2000). A prelude to the welfare state: The origins of workers' compensation. Chicago: University of Chicago Press.

Fogel, Robert William. (2004). The escape from hunger and premature death, 1700–2100: Europe, America, and the third world. New York: Cambridge University Press.

Foord, Archibald S. (1964). His majesty's opposition: 1714–1830. Oxford: Clarendon Press.

Ford, Thomas. (1946). A history of Illinois from its commencement as a state in 1818 to 1847. Vol. II. Chicago: Lakeside Press.

Fortescue, Sir John. (1885). The governance of England (C. Plummer, Ed.). Oxford: Clarendon Press.

Freedeman, Charles E. (1961). The Conseil d'Etat in modern France. New York: Columbia University Press.

Freedeman, Charles E. (1979). Joint-stock enterprise in France, 1807–1867: From privileged company to modern corporation. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Freedeman, Charles E. (1993). The triumph of corporate capitalism in France, 1867–1914. Rochester: University of Rochester Press.

Freid, Morton H. (1967). The evolution of political society: An essay in political anthropology. New York: Random House.

Fukuyama, Francis. (1995). Trust: The social virtues and the creation of prosperity. New York: Free Press.

Galbraith, John Kenneth. (1956). American capitalism. New York: Houghton Mifflin.

Gallman, Robert E., and *Wallis, John Joseph.* (Eds). (1992). American economic growth and standards of living before the Civil War. Chicago: NBER/University of Chicago Press.

Ganshof, Francois Louis. (1968). Frankish institutions under Charlemagne. (Bryceand Mary Lyon, Trans.). Providence: Brown University Press.

Garrett, Geoffrey. (1998). Partisan politics in the global economy. Cambridge: Cambridge University Press.

Gay, Peter. (1966). The Enlightenment. Volume 1: The rise of modern paganism. New York: W. W. Norton.

Gay, Peter. (1969). The Enlightenment. Volume 2: The science of freedom. New York: W. W. Norton.

Geary, Patrick J. (1988). Before France and Germany: The creation and transformation of the Merovingian world. New York: Oxford University Press.

Gellner, Ernest. (1983). Nations and nationalism. Ithaca: Cornell University Press.

Gellner, Ernest. (1994). Conditions of liberty: Civil society and its rivals. New York: Penguin Press.

Gierke, Otto. (1958 [1900]). Political theories of the Middle Age. (F. W. Maitland. Trans.). Boston: Beacon Press. (Originally published by Cambridge University Press.)

Glaeser, Edward, LaPorta, Rafael, Lopes-de-Silanes, Florencio, and *Shleifer, Andrei.* (2004). Do institutions cause growth? Journal of Economic Growth, 9 (3), 271–303.

Glaeser, Edward, and *Shleifer, Andre.* (2002). Legal origins. Quarterly Journal of Economics, 117, 1193–1230.

Goldman, Marshall. (2008). Petrostate: Putin, power, and the New Russia. Oxford: Oxford University Press.

Goodrich, Carter. (1960). Government promotion of American canals and railroads. New York: Columbia University Press.

Gray, Charles Montgomery. (1963). Copyhold, equity, and the common law. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Gray, H. L. (1934). Incomes from land in England in 1436. English Historical Review, 49 (196), 607–639.

Greif, Avner. (2006). Institutions and the path to the modern economy. New York: Cambridge University Press.

Guinnane, Timothy W., Harris, Ron, Lamoreaux, Naomi R., and *Rosenthal, Jean-Laurent.* (2007). Putting the corporation in its place. Enterprise and Society, 8 (3), 687–729.

Gunn, L. Ray. (1988). The decline of authority: Public economic policy and political development in New York, 1800–1860. Ithaca: Cornell University Press.

Habakkuk, H. J. (1958). The market for monastic property, 1539–1603. Economic History Review, New Series, 10 (3), 362–380.

Habakkuk, H.J. (1965). Landowners and the Civil War. Economic History Review, New Series, 18 (1), 130–151.

Haber, Stephen H. (2006). Authoritarian government. In Barry R. Weingast and Donald Wittman (Eds) Handbook of political economy. New York: Oxford University Press.

Haber, Stephen H., Klein, Herbert S., Maurer, Noel, and *Middlebrook, Kevin J.* (2008). Mexico since 1980. Cambridge: Cambridge University Press.

Haber, Stephen H., Razo, Armando, and *Maurer, Noel.* (2003). The politics of property rights: Political instability, credible commitments, and economic growth in Mexico, 1976–1929. Cambridge: Cambridge University Press.

Haggard, Stephan, and *Kaufman, Robert.* (1995). The political economy of democratic transitions. Princeton: Princeton University Press.

Hamilton, Alexander, Jay, John, and *Madison, James.* (n. d. [1787–88]). The Federalist. New York: Modern Library.

Handlin, Oscar, and *Handlin, Mary Flug.* (1969). Commonwealth: A study of the role of government in the American economy: Massachusetts, 1774–1861. Cambridge, MA: Belknap Press.

Hanley, David. (2002). Party, society, and government: Republican democracy in France. New York: Berghahn Books.

Harris, Ron. (1994). The Bubble Act: Its passage and effect on business organization. Journal of Economic History, 54 (3), 610–627.

Harris, Ron. (1997). Political economy, interest groups, legal institutions, and the repeal of the Bubble Act in 1825. Economic History Review, 50 (4), 675–696.

Harris, Ron. (2000). Industrializing English law. New York: Cambridge University Press.

Hartz, Louis. (1948). Economic policy and democratic thought: Pennsylvania, 1776–1860. Chicago: Quadrangle Books.

Hassig, Ross. (1988). Aztec warfare: Imperial expansion and political control. Norman: University of Oklahoma Press.

Hayek, Friederich A. (1952). The sensory order. Chicago: University of Chicago Press.

Hayek, Friederich A. (1960). The constitution of liberty. Chicago: University of Chicago

Press. Heath, Milton S. (1954). Constructive liberalism: The role of the state in economic development in Georgia to 1860, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Heather, Peter. (1996). The Goths. Oxford: Blackwell Publishing.

Heather, Peter. (2006). The fall of the Roman Empire. New York: Oxford University Press.

Heckleman, Jac C., and *Wallis, John Joseph.* (1997). Railroads and property taxes. Explorations in Economic History, 34 (1), 77–99.

Hegel, G. W. F. (1991 [1820]). Elements of the philosophy of right. New York: Cambridge University Press.

Heston, Alan, Summers, Robert, and *Aten, Bettina.* (2006, September). Penn world table version 6.2. Philadelphia: Center for International Comparisons of Production, Income, and Prices at the University of Pennsylvania.

Hicks, Michael. (1995). Bastard feudalism. NewYork: Longman.

Historical statistics of the United States. (2006). Richard Sutch and Susan Carter (Eds). New York: Cambridge University Press.

Hodge, Mary G. (1996). Political organization of the central provinces. In Michael E. Smith and Frances F. Berdan (Eds), Aztec imperial strategies (pp. 13–46). Washington, DC: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1996. Hodges, Richard. (1989). Dark age economics: The origins of town and trade A. D. 600–1000. London: Gerald Duckworth & Company.

Hodges, Richard, and *Whitehouse, David.* (1983). Mohammed, Charlemagne, & the origins of Europe: Archeology and the Pirenne hypothesis. Ithaca: Cornell University Press.

Hoffman, Philip T., and *Rosenthal, Jean-Laurent.* (2000). New work in French economic history. French Historical Studies, 23 (3), 439–453.

Hofstadter, Richard. (1969). The idea of a party system. Berkeley: University of California Press.

Holmes, George. (1957). The estates of the higher nobility in fourteenth-century England. Cambridge: Cambridge University Press.

Holt, Michael F. (1978). The political crisis of the 1850s. New York: John Wiley and Sons.

Holt, Michael F. (1999). The rise and fall of the American Whig party: Jacksonian politics and the onset of the Civil War. New York: Oxford University Press.

Hoyle, R. W. (Ed.). (1992). The estates of the English crown, 1558–1640. NewYork: Cambridge University Press.

Hughes, J. R. T. (1976). Social control in the colonial economy. Charlottesville: University of Virginia Press.

Hughes, J. R. T. (1977). What difference did the beginning make? American Economic Review, 67 (1), 15–20.

Hume, David. (1987 [1777]). Essays: Moral, political, and literary. Indianapolis: Liberty Fund.

Hurst, James Willard. (1964). Law and the conditions of freedom in the nineteenth-century United States. Madison: University of Wisconsin Press.

Hurst, James Willard. (1980). The legitimacy of the business corporation. Charlottesville: University of Virginia Press.

Hurstfield, Joel. (1949). Lord Burghley as master of the court of wards, 1561–1598. Transactions of the Royal Historical Society, Fourth Series, 31, 95–114.

Hurstfield, Joel. (1953). Corruption and reform under Edward VI and Mary: The example of wardship. English Historical Review, 68 (266), 22–36.

Hurstfield, Joel. (1955). The profits of fiscal feudalism, 1541–1602. Economic History Review, New Series, 8 (1), 53–61.

Iversen, Torben. (2005). Capitalism, democracy, and welfare. Cambridge: Cambridge University Press.

Iversen, Torben, and *Soskice, David.* (2001). An asset theory of social policy preferences. American Political Science Review, 95 (4): 875–893.

Jha, Saumitra. (2008, August), «Shares, coalition formation and political development: evidence from 17th century England», Stanford GSB Research Paper No. 2005.

John, Eric. (1960). Land tenure in early England: A discussion of some problems. Welwyn Garden City: Leicester University Press.

Johnson, Allen W., and *Earle, Timothy.* (2000). The evolution of human societies, 2nd edition. Stanford: Stanford University Press.

Johnson, Gregory A. (1982). Organizational structure and scalar stress. In Colin Renfrew, Michael J. Rowlands, and Barbara Abbott Segraves (Eds), Theory and explanation in archaeology. New York: Academic Press.

Jones, Eric. (1981). The European miracle. New York: Cambridge University Press.

Jones, J. R. (1972). The revolution of 1688 in England. New York: W. W. Norton.

Kantorowicz, Ernst H. (1997 [1957]). The king's two bodies: A study in mediaeval political theology. Princeton: Princeton University Press.

Katzenstein, Peter. (1985). Small states in world markets: Industrial policy in Europe. Ithaca: Cornell University Press.

Keefer, Philip. (2004). Democratization and clientelism: Why are young democracies badly governed? Development Research Group, World Bank Working Paper Series No. 3594.

Keefer, Philip, and *Vlaicu, Razvan.* (2005, January). Democracy, credibility and clientelism. World Bank Working Paper 3472.

Keely, Lawrence H. (1996). War before civilization. New York: Oxford University Press.

Keller, Morton. (2007). America's three regimes: A new political history. Oxford: Oxford University Press.

Kelly, Robert L. (1995). The foraging spectrum: Diversity in hunter-gatherer lifeways. Washington, DC: Smithsonian Institution Press.

Kennedy, David M. (1999). Freedom from fear: The American people in depression and war, 1929–1945. New York: Oxford University Press.

Kettering, Sharon. (1986). Patrons, brokers, and clients in seventeenth-century France. New York: Oxford University Press.

Keyssar, Alexander. (2000). The right to vote: The contested history of democracy in America. New York: Basic Books.

Khan, Mushtaq. (2004). State failure in developing countries and institutional reform strategies. Annual World Bank Conference on Development Economics – Europe 2003. Washington, DC: International Bank for Reconstruction and Development/World Bank.

Khan, Mushtaq. (2005). Markets, states, and democracy: Patron – client networks and the case for democracy in developing countries. Democratization, 12 (5), 704–724.

Khan, Mushtaq. (2006, November 11–12). Governance and development. Paper presented at the Workshop on Government and Development, World Bank, Dhaka.

Khan, Mushtaq, and *Jomo, KS.* (2000). Rents, rent-seeking, and economic development. New York: Cambridge University Press.

Kishlansky, Mark A. (1986). Parliamentary selection: social and political choice in early modern England. New York: Cambridge University Press.

Klerman, Daniel. (2007). Jurisdictional competition and the evolution of the common law. University of Chicago Law Review, 74 (Fall), 1179–1226.

Knack, Steven, and *Keefer, Philip.* (1995). Institutions and economic performance: Cross-country tests using alternative measures. Economics and Politics, 7 (3), 207–227.

Knack, Steven, and *Keefer, Philip.* (1997). Does social capital have an economic payoff: A cross-country investigation. Quarterly Journal of Economics, 112 (4), 1251–1288.

Kosminsky, E. (1931). The hundred rolls of 1279–80 as a source for English agrarian history. Economic History Review, 3 (1), 16–44.

Kramer, Gerald H. (1971). Short-term fluctuations in U.S. voting behavior. American Political Science Review, 65 (1), 131–143.

Kramnick, Isaac. (1968). Bolingbroke and his circle: The politics of nostalgia in the age of Walpole. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Kreuzer, Marcus. (2001). Institutions and innovation: Voters, parties, and interest groups in the consolidation of democracy – France and Germany, 1870–1939. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Krueger, Anne O. (1990). The political economy of controls: American sugar. In M. Scott and D. Lal (Eds), Public choice and economic development: Essays in honor of Ian Little. Oxford: Clarendon Press.

Kruman, Marc W. (1997). Between authority and liberty: State constitution making in revolutionary America. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Kurov, Andrey. (2008). Anatomy of crisis: Political aspects of macroeconomic policies and reforms in Russia, 1994–2004. Unpublished doctoral dissertation, Department of Political Science, Stanford University.

Kwass, Michael. (2000). Privilege and the politics of taxation in eighteenth-century France. New York: Cambridge University Press.

Lamoreaux, Naomi. (2004). Partnerships, corporations, and the limits on contractual freedom in U.S. history: An essay in economics, law, and culture. In Kenneth Lipartito and David B. Sicilia (Eds), Constructing corporate America: History, politics, and culture. New York: Oxford University Press.

Lamoreaux, Naomi, and *Rosenthal, Jean-Laurent.* (2004, February). Legal regime and business's organizational choice. NBER Working Paper No. 10288.

Lamoreaux, Naomi R., and *Rosenthal, Jean-Laurent.* (2005). Legal regime and contractual flexibility: A comparison of business's organizational choices in France and the United States during the era of industrialization. American Law and Economics Review, 7 (1), 28–61.

Landau, Martin. (1969). Redundancy, rationality, and the problem of duplication and overlap. Public Administration Review, 29 (4), 346–358.

Landes, David. (1999). The wealth and poverty of nations. NewYork: W. W. Norton.

La Porta, Rafael, Lopes-de-Silanes, F., Shleifer, And*re,* and *Vishny, Robert.* (1998). Law and finance. Journal of Political Economy, 106 (6), 1113–1155.

Larson, John Lauritz. (2001). Internal improvement: National public works and the promise of popular government in the early United States. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Lebergott, Stanley. (1984). The Americans: An economic record. NewYork: W. W. Norton.

LeBlanc, Steven A. (2003). Constant battles: The myth of the peaceful, noble savage. New York: St. Martin's Press.

Leggett, William. (1984). Democratick editorials: Essays in Jacksonian political economy. Indianapolis: Liberty Press.

Leon-Portilla, Miguel. (1963). Aztec thought and culture. (Jack Emory Davis, Trans.). Norman: University of Oklahoma Press.

Leonard, Gerald. (2002). The invention of party politics: Federalism, popular sovereignty, and constitutional development in Jacksonian Illinois. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Levi, Margaret. (1988). Of rule and revenue. Berkeley: University of California Press.

Levi, Margaret. (1997). Consent, dissent, and patriotism. New York: Cambridge University Press.

Levitt, Steven D., and *Dubner, Stephen J.* (2005). Freakonomics: A rogue economist explains the hidden side of everything. New York: William Morrow.

Lindert, Peter H. (2004). Growing public: Social spending and economic growth since the eighteenth century. Cambridge: Cambridge University Press.

Lipset, Seymour Martin. (1959). Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy. American Political Science Review, 53 (1), 69–105.

Lipset, Seymour Martin. (1963). Political man: The social bases of politics. Garden City: Anchor Books.

Lively, Robert A. (1955). The American system: A review article. Business History Review, 29 (1), 81–96.

Livy. (1998). Therise of Rome, Books 1–5. New York: Oxford University Press.

Lockhart, James. (1992). The Nahuas after the conquest: A social and cultural history of the Indians of Central Mexico. Stanford: Stanford University Press.

Londregan, John B., and *Poole, Keith.* (1990). Poverty, the coup trap, and the seizure of executive power. World Politics, 42 (2), 151–183.

Lutz, Donald S. (1988). The origins of American constitutionalism. Baton Rouge: Louisiana State University Press.

Machiavelli, Niccolo. (1854). The History of Florence. London: Bohn.

Machiavelli, Niccolo. (1988). The prince. (Quentin Skinner and Russell Price, Eds). New York: Cambridge University Press.

Machiavelli, Niccolo. (1996). Discourses on Livy. (Harvey C. Mansfield and Nathan Tarcov, Trans.). Chicago: University of Chicago Press.

Maier, Pauline. (1993). The revolutionary origins of the American corporation. William and Mary Quarterly, Third Series, 50 (1), 51–84.

Maitland, F. W. (1963 [1908]). The constitutional history of England. Cambridge: Cambridge University Press.

Maitland, F. W. (1968 [1909]). The forms of action at common law. In A. J. Chaytor and W. J. Whittaker (Eds), Medieval sourcebook. Cambridge: Cambridge University Press.

Maitland, F. W. (2003). State, trust, and corporation. (David Runciman and Magnus Ryan, Eds). New York: Cambridge University Press.

Mares, Isabela. (2003). The politics of social risk: Business and welfare state development. Cambridge: Cambridge University Press.

Margo, Robert A. (2000). Wages and labor in the United States, 1820 to 1860. Chicago: University of Chicago Press.

Marshall, Monty G., and *Jaggers, Keith.* (2005). Polity *IV* project: Political regime characteristics and transitions, 1800–2004. Arlington, VA: Center for Global Policy.

Mathias, Peter, and *O'Brien, Patrick K.* (1976). Taxation in Britain and France, 1715–1810: A comparison of the social and economic incidence of taxes collected for the central governments. Journal of European Economic History, 5 (3), 601–650.

McCloskey, Dierdre N. (2006). The bourgeois virtues: Ethics for an age of commerce. Chicago: University of Chicago Press.

McCormick, Michael. (2001). Origins of the European economy: Communications and commerce A. D. 300–900. New York: Cambridge University Press.

McCormick, Richard L. (1986). The party period and public policy: American politics from the age of Jackson to the progressive era. New York: Oxford University Press.

McCoy, Drew R. (1980). Elusive republic: Political economy in Jeffersonian America. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

McFarlane, K. B. (1973). The nobility of later medieval England. Oxford: Clarendon Press.

McFarlane, K. B. (1981). England in the fifteenth century. London: Hambledon Press.

McKee, Samuel. (1957 [1934]). Alexander Hamilton's papers on public credit commerce and finance. New York: Liberal Arts Press (reprint of original Columbia University Press).

McNeill, William H. (1982). The pursuit of power: Technology, armed force, and society since A. D. 1000. Chicago: University of Chicago Press.

Meisel, Nicolas, and *Ould Aoudia, Jacques.* (2008, January). Is 'good governance' good develo pment strategy? Working Paper No. 58, Agence Francaise de Development.

Meltzer, Allan H., and *Richard, Scott F.* (1981). A rational theory of the size of government. Journal of Political Economy, 89 (5), 914–927.

Meyer, John W. (1994). Rationalized environments. In W. Richard Scott and John W. Meyer (Eds), Institutionalized environments and organizations. New York: Sage Publications.

Meyer, John W., Boli, John, and *Thomas, George M.* (1987). Ontology and rationalization in the western cultural account. In G. Thomas, J. Meyer, F. Ramirez, and J. Boli (Eds), Institutional structure: Constituting state, society, and the individual. New York: Sage Publications.

Milgrom, Paul, and *Roberts, John.* (1992). Economics, organization, and management. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Miller, Nathan. (1962). The enterprise of a free people: Aspects of economic development in New York State during the canal period, 1792–1838. Ithaca: Cornell University Press.

Milsom, S. F. C. (1969). Historical foundations of the common law. London: Butterworths.

Milsom, S. F. C. (1976). The legal framework of English feudalism. Cambridge: Cambridge University Press.

Milsom, S. F. C. (2003). Natural history of the common law. New York: Columbia University Press.

Mital, Sonia. (2008). A necessary precaution: The separation of powers and political stability in America. Unpublished Working Paper, Department of Political Science, Stanford University.

Mobarak, Ahmed Mushfiq. (2005). Democracy, volatility, and development. Review of Economics and Statistics, 87 (2), 348–361.

Mokyr, Joel. (1990). The lever of riches: Technological creativity and economic progress. Oxford: Oxford University Press.

Mokyr, Joel. (2002). The gifts of Athena: The historical origins of the knowledge economy. Princeton: Princeton University Press.

Mokyr, Joel. (2009). The enlightened economy: An economic history of Britain, 1700–1850. New Haven, CT: Yale University Press.

Munro, J. (1977). Industrial protectionism in medieval Flanders: Urban or national? In H. A. Miskimin, D. Herlihy, and A. L. Udovitch (Eds), The medieval city. New Haven CT: Yale University Press.

Munro, J. (1990). Urban regulation and monopolistic competition in the textile industries of the late-medieval low countries. In E. Aerts, and J. Munro (Eds), Textiles of the low countries in European economic history. Studies in Social and Economic History, vol. 19. Leuven: Leuven University Press, pp. 41–52.

Myerson, Roger B. (2008). The autocrat's credibility problem and foundations of the constitutional state. American Political Science Review, 102 (01), 125–139.

Namier, Lewis. (1957). The structure of politics and the accession of George III (second edition). New York: St. Martin's Press.

Namier, Lewis. (1966). England in the age of the American revolution (second edition). New York: St. Martin's Press.

Namier, Lewis, and *Brooke, John.* (1964). The House of Commons, 1754–1790. London: History of the Parliament Trust.

Neal, Larry. (1990). The rise of financial capitalism: International capital markets in the Age of Reason. Cambridge: Cambridge University Press.

North, Douglass C. (1961). The economic growth of the United States: 1790–1860. New York: W. W. Norton.

North, Douglass C. (1981). Structure and change in economic history. New York: W. W. Norton.

North, Douglass C. (1988). Institutions and economic growth: An historical introduction. In Michael A. Walker (Ed.), Freedom, democracy, and economic welfare. Canada: Fraser Institute.

North, Douglass C. (1990). Institutions, institutional change, and economic performance. New York: Cambridge University Press.

North, Douglass C. (2005). Understanding the process of economic change. Princeton: Princeton University Press.

North, Douglass C., Summerhill, William, and *Weingast, Barry R.* (2000). Order, disorder, and economic change: Latin America vs. North America. In Bruce Bueno de Mesquita and Hilton Root (Eds), Governing for prosperity, New Haven: Yale University Press.

North, Douglass C., Wallis, John Joseph, Webb, Stephen B., and *Weingast, Barry R.* (2007) Limited access orders in the developing world: A new approach to the problems of development. World Bank Policy Research Working Paper 4359.

North, Douglass C., Wallis, John Joseph, and *Weingast, Barry R.* (2009). Violence, natural states, and open access orders Journal of Democracy 20 (1), 55–68.

North, Douglass C., and *Weingast, Barry R.* (1989). Constitutions and commitment: The evolution of institutions governing public choice in 17th century England. Journal of Economic History, 49 (4), 803–832.

Oates, Wallace. (1972). Fiscal federalism. New York: Harcourt Brace Jovanovich.

Ober, Josiah. (2008). Democracy and knowledge: Innovation and learning in classical Athens. Princeton: Princeton University Press.

O'Brien, Patrick K. (1988). The political economy of British taxation, 1660–1815. The Economic History Review, New Series, 41 (1), 1–32.

O'Donnell, Guillermo, and *Schmitter, Philippe C.* (1986). Transitions from authoritarian rule: Tentative conclusion about uncertain democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Olson, Mancur. (1965). Logic of collective action. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Olson, Mancur. (1982). The rise and decline of nations. New Haven, CT: Yale University Press.

Olson, Mancur. (1993). Democracy, dictatorship, and development. American Political Science Review, 87 (3), 567–575.

Parker, Geoffrey. (1996). The military revolution: Military innovation and the rise of the west, 2nd edition. New York: Cambridge University Press.

Patterson, Margaret, and *Reiffen, David.* (1990). The effect of the Bubble Act on the market for joint-stock shares. Journal of Economic History, 50 (1), 163–171.

Pederson, Jesper Strandgaard, and *Dobbin, Frank.* (1997). The social invention of collective actors: On the rise of organizations. American Behavioral Scientist, 40 (4), 431–443.

Perrow, Charles. (2002). Organizing America: Wealth, power, and the origins of corporate capitalism. Princeton: Princeton University Press.

Persson, Torsten, and *Tabellini, Guido.* (2000). Political economics: Explaining economic policy. Cambridge, MA: MIT Press.

Pirenne, Henri. (2001 [1954]). Mohammed and Charlemagne. Mineola, NY: Dover Press. (F. Vercauteren, Trans.). Originally published in English by George Allen and Unwin.

Pocock, J. G. A. (1975). The Machiavellian moment: Florentine political thought and the Atlantic republican tradition. Princeton: Princeton University Press.

Pollard, A. J. (1988). The Wars of the Roses. New York: St. Martin's Press.

Pollock, Frederick, and *Maitland, Frederic William.* (1899). The history of English law before the time of Edward I, second edition, 2 volumes. Cambridge: Cambridge University Press.

Pomeranz, Kenneth. (2000). The great divergence: China, Europe, and the making of the modern world economy. Princeton: Princeton University Press.

Prasad, Monica. (2006). The politics of free markets: The rise of neoliberal economic policies in Britain, France, Germany and the United States. Chicago: University of Chicago Press.

Primm, James N. (1954). Economic policy in the development of a western state: Missouri, 1820–1860. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Przeworski, Adam. (1991). Democracy and the market. Cambridge: Cambridge University Press.

Przeworski, Adam, Alvarez, Michael E., Cheibub, Jose Antonio, and *Limongi, Fernando.* (2000). Democracy and development: Political institutions and well-being in the world, 1950–1990. Cambridge: Cambridge University Press.

Putnam, Robert. (1993). Making democracy work. Princeton: Princeton University Press.

Putnam, Robert. (2000). Bowling alone: The collapse and revival of American community. New York: Simon & Schuster.

Quinn, Stephen. (October 21, 2006). Securitization of sovereign debt: Corporations as a sovereign debt restructuring mechanism in Britain, 1688–1750. Paper delivered at the Conference on Financial History, UCLA.

Ramey, Garey, and *Ramey, Valerie A.* (1995). Cross-country evidence on the link between volatility and growth. American Economic Review, 85 (5), 1138–1151.

Rappaport, Roy A. (1968). Pigs for the ancestors: Ritual in the ecology of a New Guinea people. New Haven, CT: Yale University Press.

Remini, Robert V. (1967). Andrew Jackson and the bank war: A study in the growth of presidential power. New York: W. W. Norton.

Remini, Robert V. (1981). Andrew Jackson: Vol. 2. The course of American freedom. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Richardson, Gary. (2001). A tale of two theories: Monopolies and craft guilds in medieval England and modern imagination. Journal of History of Economic Thought, 23 (2), 217–242.

Richardson, Gary. (2004). Guilds, laws, and markets for manufactured merchandise in late medieval England. Explorations in Economic History, 41 (1), 1–25.

Richardson, James D. (1897). A compilation of the messages and papers of the presidents. Washington, DC: National Bureau of Literature.

Riesenberg, Peter N. (1956). Inalienability of sovereignty in medieval political thought. New York: Columbia University Press.

Riker, William H. (1982a). Liberalism against populism. San Francisco: W. H. Freeman.

Riker, William H. (1982b). The two party system and Duverger's law: An essay in the history of political science. American Political Science Review, 76 (4), 753–766.

Rivers, Theodore John. (1986). The laws of the Salic and Ripuarian Franks. New York: AMS Press.

Robinson, James. (October 21, 2006). Debt repudiation and risk premia: The North-Weingast thesis revisited. Paper delivered at the Conference on Financial History, UCLA.

Roberts, Michael. (1967). Essays in Swedish history. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Rodger, N. A. M. (1986). The wooden world: An anatomy of the Georgian Navy. New York: W. W. Norton.

Rodger, N. A. M. (1997). The safeguard of the sea: A naval history of Britain, 660–1649. New York: W. W. Norton.

Rodger, N. A. M. (2004). The command of the ocean: A naval history of Britain, 660–1649. New York: W. W. Norton.

Rodrik, Dani. (1999). Where did all the growth go? External shocks, social conflict and growth collapses. Journal of Economic Growth, 4 (4), 385–412.

Rodrik, Dani. (2007). One economics, many recipes: Globalization, institutions, and economic growth. Princeton: Princeton University Press.

Rodrik, Dani, Subramanian, A., and *Trebbi, F.* (2004). Institutions rule: The primacy of institutions over geography and integration in economic development. Journal of Economic Growth, 9 (2), 131–165.

Rogers, Clifford. (1995). The military revolution debate. Boulder, CO: Westfield Press.

Rogowski, Ronald. (1987). Trade and the variety of democratic institutions. International Organization, 41 (2), 203–223.

Rogowski, Ronald. (1989). Commerce and coalitions. Princeton: Princeton University Press.

Root, Hilton. (1994). The fountain of privilege: Political foundations of economic markets in old regime France and England. Berkeley: University of California Press.

Rosenberg, Nathan, and *Birdzell, L. E.* (1986). How the West grew rich. New York: Basic Books.

Rosenblum, Nancy L. (1998). Membership and morals: The personal uses of pluralism in America. Princeton: Princeton University Press.

Rostow, Walt Whitman. (1960). The stages of economic growth: A non-communist manifesto. Cambridge: Cambridge University Press.

Roy, William G. (1997). Socializing capital: The rise of the large industrial corporation in America. Princeton: Princeton University Press.

Rutland, Robert A. et al., (Eds). (1983). The papers of James Madison, vol. 14: 6 April 1791–16 March 1793, Charlottesville, Va.: University of Virginia Press, pp. 157–169.

Scheiber, Harry N. (1969). Ohio canal era: A case study of government and the economy, 1820–1861. Athens, Ohio: The Ohio State University Press.

Schelling, Thomas C. (1960). Strategy of conflict. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Schultz, Kenneth A., and *Weingast, Barry R.* (2003). The democratic advantage: The institutional sources of state power in international competition. International Organization, 57, 3–42.

Schumpeter, Joseph A. (1942). Capitalism, socialism, and democracy. New York: Harper Colophon.

Schwoerer, Lois. (1981). The declaration of rights, 1689. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Scott, J. (1917). Limitations of guild monopoly. American Historical Review, 22 (April), 586–589.

Scott, James C. (1972). Comparative political corruption. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Scott, James C. (1987). Weapons of the weak. New Haven, CT: Yale University Press.

Scott, W. Richard. (2001). Institutions and organizations, second edition. New York: Sage Publications.

Scott, William Robert. (1951 [1912]). The constitution and finance of English, Scottish and Irish joint-stock companies to 1720: 3 volumes. New York: Peter Smith. (Reprinted from the Cambridge University Press original).

Seavoy, Ronald E. (1982). The origins of the American business corporation, 1784–1855. Westport: Greenwood Press.

Service, Elman R. (1971). Primitive social organization: An evolutionary perspective, second edition. New York: Random House.

Service, Elman R. (1975). Origins of the state and civilization: The process of cultural evolution. NewYork: W. W. Norton.

Sheehan, Colleen A. (1992). The politics of public opinion: James Madison's «Notes on government». The William and Mary Quarterly, Third Series, 49 (4), 609–627.

Shin, Doh Chull. 2000. The evolution of popular support for democracy during Kim Young Sam's government. In Larry Diamond and Doh Chull Shin (Eds), Institutional reform and democratic consolidation in Korea. Stanford, CA: Hoover Institution Press.

Silbey, Joel H. (1967). The transformation of American politics, 1840–1960. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Silbey, Joel H. (1985). The partisan imperative: The dynamics of American politics before the Civil War. NewYork: Oxford University Press.

Silbey, Joel H. (1991). The American political nation. Stanford: Stanford University Press.

Simpson, A. W. B. (1986). A history of the land law, second edition. Oxford: Clarendon Press.

Skinner, Quentin. (1978). Foundations of modern political thought, 2 volumes. New York: Cambridge University Press.

Skinner, Quentin. (1998). Liberty before liberalism. New York: Cambridge University Press.

Skinner, Quentin. (2002). Visions of politics. Cambridge: Cambridge University Press.

Smith, Adam. (1981 [1776]). The wealth of nations. Indianapolis: Liberty Fund.

Smith, Michael E. (2001). The Aztec empire and the Mesoamerican world system. In Susan E. Alcock, Terence N. D'Altroy, Kathleen D. Morrison, and Carla M. Sinopoli (Eds), Empires: Perspectives from archaeology and history (pp. 128–154). New York: Cambridge University Press.

Smith, Michael E. (2003). The Aztecs, second edition. Oxford: Blackwell Publishers.

Smith, Michael E. (2004). The archaeology of ancient state economies. Annual Review of Anthropology, 33, 73–102.

Smith, Michael E., and *Montiel, Lisa.* (2001). The archaeological study of empires and imperialism in pre-Hispanic Central Mexico. Journal of Anthropological Archaeology, 20 (3), 245–284.

Spiller, Pablo T., and *Tommasi, Mariano.* (2007). The institutional foundations of public policy in Argentina. Cambridge: Cambridge University Press.

Spruyt, Hendrik. (1994). The sovereign state and its competitors. Princeton: Princeton University Press.

Stasavage, David. (2003). Public debt and the birth of the democratic state: France and Great Britain, 1688–1789. Cambridge: Cambridge University Press.

Stasavage, David. (2006, October 21). Cites, constitutions, and sovereign borrowing in Europe, 1274–1785. Paper delivered at the Conference on Financial History, UCLA.

Steckel, Richard H., and *Rose, Jerome C.* (2002). The backbone of history: Health and nutrition in the western hemisphere. New York: Cambridge University Press.

Steckel, Richard H., and *Wallis, John.* (2006). Stones, bones, and states. Working Paper.

Stein, Ernesto and *Tommasi, Pablo* (Eds). (2006). The politics of policies: Economic and social progress in Latin America. Washington, DC: Inter-American Development Bank.

Stenton, F.M. (1963 [1932]). The first century of English feudalism 1066–1166. Oxford: Clarendon Press.

Stepan, Alfred. (2004). Toward a new comparative politics of federalism, multinational-ism, and democracy: Beyond Rikerian federalism. In Edward L. Gibson (Ed.), Federalism and democracy in Latin America. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Stewart, John Hall. (1951). A documentary survey of the French Revolution. New York: Macmillan Company.

Stone, Lawrence. (1965). The crisis of the aristocracy 1558–1641. Oxford: Clarendon Press.

Stone, Lawrence. (2002). Causes of the English Revolution, 1529–1642. New York: Routledge.

Sussman, Nathan, and *Yafeh, Yishay.* (2006). Institutional reforms, financial development, and sovereign debt: Britain, 1690–1790. Journal of Economic History, 66 (4), 906–935.

Swanson, H. (1988). The illusion of economic structure: Craft guilds in late medieval English towns. Past and Present, 121 (1), 29–48.

Swanson, H. (1989). Medieval artisans: An urban class in late medieval England. Oxford: Oxford University Press.

Swanson, H. (1999). Medieval British towns. New York: St. Martin's Press.

Swensen, Peter. (2002). Employers against markets. Cambridge: Cambridge University Press.

Sylla, Richard, Legler, John B., and *Wallis, John Joseph.* (1987). Banks and state public finance in the new republic. Journal of Economic History, 47 (2), 391–403.

Syme, Ronald. (1939). The Roman revolution. Oxford: Oxford University Press.

Tarr, G. Alan. (1998). Understanding state constitutions. Princeton: Princeton University Press.

Tawney, R. H. (1941). The rise of the gentry, 1558–1640. Economic History Review, 11 (1), 1–38.

Taylor, George Rogers. (1951). The transportation revolution, 1815–1860. New York: Holt, Rinehart, and Winston.

Thomas, David. (1977). Leases in reversion on the Crown's lands, 1558–1603. Economic History Review, New Series, 30 (1), 67–72.

Thompson, F.M.L. (1966) The social distribution of landed property in England since the sixteenth century. Economic History Review, Second series 19, 505–517.

Thorne, S.E. (1959). English feudalism and estates in land. Cambridge Law Journal, 193–209.

Thrupp, S. (1948). The merchant class of medieval London 1300–1500. Chicago: University of Chicago Press.

Tiebout, Charles. (1956). A pure theory of local expenditures. Journal of Political Economy, 64 (5), 416–24.

Tierney, Brian. (1955 [1968]). Foundations of the conciliar theory. New York: Cambridge University Press.

Tilly, Charles. (1992). Coercion, capital, and European states: 990–1992. Malden, MA: Blackwell Publishing.

Tilly, Charles. (1996). Citizenship, identity, and social history. New York: Cambridge University Press.

Tilly, Charles. (2005a). Trust and rule. New York: Cambridge University Press.

Tilly, Charles. (2005b). Identities, boundaries, and social ties. Boulder, CO: Paradigm Publishers.

de Tocqueville, Alexis. (1969 [1835]). Democracy in America. New York: Doubleday Anchor.

Tombs, Robert. (1996). France 1814–1914. New York: Longman.

Trenchard, John, and *Gordon, Thomas.* (1995). Cato's letters. (Ronald Hamowry, Ed.). Indianapolis: Liberty Fund.

Trigger, Bruce G. (2003). Understanding early civilizations. Cambridge: Cambridge University Press.

Truman, David. (1952). The governmental process. New York: Alfred Knopf.

Tsebelis, George. (2002). Veto players: How political institutions work. Princeton: Princeton University Press.

Tufte, Edward R. (1978). Political control over the economy. Princeton: Princeton University Press.

Ullman, Walter. (1969). The Carolingian renaissance and the idea of kingship. London: Methuen & Co.

Ullman, Walter. (1972a [1938]). The origins of the great schism. Hamden, CT: Archon Books.

Ullman, Walter. (1972b). A short history of the papacy in the Middle Ages. New York: Routledge.

Ullman, Walter. (1975). Law and politics in the Middle Ages. Ithaca: Cornell University Press.

Van Gelderen, Martin, and *Skinner, Quentin.* (2002). Republicanism: A shared European heritage, 2 volumes. New York: Cambridge University Press.

Veitch, John M. (1986). Repudiations and confiscations by the medieval state. Journal of Economic History, 46 (1): 31–36.

Vinogradoff, Paul. (1905). The growth of the manor. London: Swan Sonnenschein & Co.

Vinogradoff, Paul. (1908). English society in the eleventh century: Essays in medieval history. Oxford: Clarendon Press.

Vinogradoff, Paul. (1923). Villainage in England: Essays in medieval history. New York: Russell & Russell.

Wallace, Michael. (1968). Changing concepts of party in the United States, 1815–1828. American Historical Review, 74 (2), 453–491.

Wallis, John Joseph. (2003). Market augmenting government? The state and the corporation in 19th century America. In Omar Azfar and Charles Cadwell (Eds), Market-augmenting government: The institutional foundations for prosperity. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Wallis, John Joseph. (2005). Constitutions, corporations, and corruption: American states and constitutional change, 1842 to 1852. Journal of Economic History, 65 (1), 211–256.

Wallis, John Joseph. (2006). The concept of systematic corruption in American economic and political history. In Edward Glaeser and Claudia Goldin (Eds), Corruption and reform. Chicago: University of Chicago Press.

Wallis, John Joseph. (2009). NBER / Maryland Constitution Project. http://www.stateconstitutions.umd.edu.

Wallis, John Joseph, Sylla, Richard, and *Legler, John.* (1994). The interaction of taxation and regulation in nineteenth century banking. In Claudia Goldin and Gary Libecap (Eds), The regulated economy: An historical approach to political economy (pp. 121–144). Chicago: NBER / University of Chicago Press.

Wallis, John Joseph, and *Weingast, Barry.* (2005). Equilibrium federal impotence: Why the states and not the American national government financed infrastructure investment in the antebellum era. NBER Working Paper No. 11397.

Wallis, John Joseph, and *Weingast, Barry.* (2008). Dysfunctional or optimal institutions?: State debt limitations, the structure of state and local governments, and the finance of American infrastructure. In Elizabeth Garret, Elizabeth Graddy, and Howell Jackson (Eds), Fiscal challenges. New York: Cambridge University Press.

Wallis, John Joseph, Weingast, Barry R., and *North, Douglass C.* (2006, September). The corporate origins of individual rights. Paper presented at the Economic History Association Meeting.

Waugh, Scott L. (1986). Tenure to contract: Lordship and clientage in thirteenth-century England. English Historical Review, 101 (401), 811–839.

Webb, Sidney, and *Webb, Beatrice Potter.* (1908). English local government from the revolution to the Municipal Corporations Act. New York: Longmans, Green, 1908.

Weber, Max. (1947). The theory of social and economic organization. New York: Free Press.

Weingast, Barry R. (1995). The economic role of political institutions: Market-preserving federalism and economic development. Journal of Law, Economics, and Organization, 11, 1–31.

Weingast, Barry R. (1997). The political foundations of democracy and the rule of law. American Political Science Review, 91 (2), 245–263.

Weingast, Barry R. (1998). Political stability and civil war: Institutions, commitment, and American democracy. In Robert Bates, Avner Greif, Margaret Levi, Jean-Laurent Rosenthal, and Barry R. Weingast (Eds), Analytic narratives. Princeton: Princeton University Press.

Weingast, Barry R. (2002). Rational choice institutionalism. In Ira Katznelson and Helen V. Milner (Eds), Political science, state of the discipline: Reconsidering power, choice, and the state. New York: Norton.

Weingast, Barry R. (November, 2006a). Self-enforcing constitutions: With an application to democratic stability in America's first century. Working Paper, Hoover Institution.

Weingast, Barry R. (November, 2006b). Second-generation fiscal federalism: Implications for decentralized democratic governance and economic development. Working Paper, Hoover Institution.

Weiss, Thomas. (1992). U.S. labor force estimates and economic growth, 1800 to 1860. In Robert E. Gallman and John Joseph Wallis (Eds), American economic growth and standards of living before the Civil War. Chicago: NBER / University of Chicago Press.

Wells, Colin. (1992). The Roman Empire, second edition. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Widner, Jennifer A. (2001). Building the rule of law. New York: W. W. Norton.

Williamson, Oliver O. (1985). The economic institutions of capitalism. New York: Free Press.

Wintrobe, Ronald. (1998). The political economy of dictatorship. Cambridge: Cambridge University Press.

Wolin, Sheldon. (2004). Politics and vision (expanded edition). Princeton: Princeton University Press.

Wood, Gordon. (1969). Creation of the American republic. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Worley, Ted R. (1949). Arkansas and the money crisis of 1836–1837. Journal of Southern History, 15 (2), 178–191.

Worley, Ted R. (1950). The control of the real estate bank of the state of Arkansas, 1836–1855. Mississippi Valley Historical Review, 37 (3), 403–426.

Wren, Anne. (2006). Comparative perspectives on the role of the state in the economy. In Barry R. Weingast and Donald Wittman (Eds), Handbook of political economy. Oxford: Oxford University Press.

Wright, Robert. (2008). Corporate entrepreneurship and economic growth in America, 1790–1860. Paper presented at the Economic History Association meetings, New Haven.

Yoffee, Norman. (2005). The myth of the archaic state: Evolution of the earliest cities, states, and civilizations. New York: Cambridge University Press.

Zorita, Alonso de. (1963 [1570]). Life and labor in ancient Mexico. (Benjamin Keen, Trans.). New Brunswick: Rutgers University Press.